

Редакционная коллегия

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Баишмаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Галазова С.С. – д-р экон. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Лаптев Л.Г. – д-р психол. наук, проф.
Милёхин А.В. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Пацула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Разов П.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки), 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки), 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки), 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки).

Editorial board

Agapov V.S. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Azoev G.L. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Antonenko I.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Bazylevich T.F. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Bashmakov V.I. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Voronin V.N. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Galazova S.S. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Groshev I.V. – Doctor of Economic Sciences,
Doctor of Psychological Sciences, prof.
Efimova M.R. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Iontseva M.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Kibakin M.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Kleiner G.B. – Doctor of Economic Sciences, prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Krasovskii Yu.D. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Krupnov A.I. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Kryshstanovskaya O.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Kuznetsov N.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Laptev L.G. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Milyohin A.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Mitrofanova E.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Novikov V.G. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Patsula A.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Razov P.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Raichenko A.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Smirnova T.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor of Medical Sciences, prof.
Tikhonova E.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Filippov A.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Fomin P.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Cherepov V.M. – Doctor of Medical Sciences, prof.
Chudnovskii A.D. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Eriashvili N.D. – Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Juridical Sciences, Candidate
of Historical Sciences, prof.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field: 08.00.01 – Economic theory (economic sciences), 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences), 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences), 08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences), 08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences), 08.00.14 – World Economy (Economics), 19.00.01 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences), 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 22.00.05 – Political sociology (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences).

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

Ю.С. Никитина

Редактор перевода

А.В. Меньшиков

**Выпускающий редактор
и компьютерная верстка**

Е.А. Гусева

Технический редактор

О.А. Дегтярёва

Дизайн обложки

Л.Н. Алексеева

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

Подписной индекс в электронном каталоге
ОАО Агентство «Роспечать» – 42517
<http://press.rosr.ru/publications/view/42517/>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.
Подп. в печ. 09.03.2021 г.
Формат 60×90/8
Объем 23,25 печ. л.
Бумага офисная
Печать цифровая
Тираж 1000 экз.
(первый завод 100 экз.)
Заказ № 176

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,
главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А.
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
Сайт: <http://www.vestnik.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

Yu.S. Nikitina

Translation editor

A.V. Menshikov

**Executive editor
and desktop publishing**

E.A. Guseva

Technical editor

O.A. Degtyareva

Cover design

L.N. Alekseeva

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

Subscription index in the electronic catalog
of JSC Agency «Rospechat» – 42517
<http://press.rosr.ru/publications/view/42517/>

LR № 020715 from 02.02.1998
Signed to print 09.03.2021
Format 60×90/8
Size 23,25 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order № 176

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a mandatory review procedure

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazanskii Prospekt, 99, State University
of Management, the main academic building, office 346 and 345A.
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Мунинова Н.Н., Сергиенко Н.С. Государственная поддержка малых и средних предприятий в условиях пандемии: зарубежная и российская практика.....	5
--	---

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Беспамятнова М. Гармонизация управленческих процессов в общественном секторе как актуальная тенденция нового поколения власти.....	13
Замятина Н.А., Збарская А.В. Молодежные инициативы в туризме в эпоху цифровизации и пандемии.....	21
Кожневникова Л.В., Старовойтова И.Е. Трансформационное лидерство в виртуальных командах	30
Коханова В.С. Аппарат нечеткой логики как инструмент оценки эффективности цифровизации компании	36

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Бондаренко И.С. Концепция имитационной модели системы поддержки принятия решений угольного предприятия.....	42
Вайнштейн П.А., Халиб М.Д., Теплякова М.Ю. Особенности организации и анализа учета экосистемных услуг на примере Байкальской природной территории.....	51
Знаменский Д.Ю. Методологические сложности статистического анализа научного потенциала регионов России	60
Остапенко Е.А. Организационно-экономический механизм повышения качества человеческих ресурсов региона.....	64
Положенцева Ю.С., Клецова М.Г. Трансформация развития промышленного комплекса в условиях цифровой экономики	71
Талалова Л.Н. Меры по сохранению эко-баланса территорий и развитию экологического туризма: в поисках паритета	80

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Агеева О.А., Матыцына Ю.Д. Внутренний контроль как инструмент обеспечения экономической безопасности организации на микроуровне.....	86
Воробьева Е.С., Юсубова З.А., Гасанов М. А. Развитие маркетплейсов в условиях цифровой трансформации как результат структурных сдвигов в экономике.....	95
Зотиков Н.З. Обеспечительные меры по п. 10 ст. 101 Налогового кодекса Российской Федерации: практика применения	101
Курапов Д.А., Конусова А.А., Халимон Е.А. Анализ и оценка мер, предпринимаемых на федеральном и региональном уровнях власти, для выхода экономики России из пандемии	109
Сальникова А.В., Кудимова Ю.А. Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы	117
Фролов А.С. Сущность и особенности экологизации экономики	124
Халимон Е.А., Геокчакян А.Г. Управление экономикой с позиций научной и цифровой организаций труда.....	130

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Буневич К.Г., Горбачева Т.А. Механизм валютного регулирования в современных условиях: теоретический аспект	136
Матвеевский С.С. Система оценки эффективности Азиатского банка развития	144

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

N.N. Musinova, N.S. Sergienko Government support for small and medium-sized enterprises in the context of the pandemic: foreign and Russian practice	5
--	---

STRATEGIES AND INNOVATIONS

M. Bepamiatnova Harmonization of management processes in the public sector as an actual trend of the new generation of power	13
N.A. Zamyatina, A.V. Zbarskaya Youth initiatives in tourism in the era of digitalization and pandemic.....	21
L.V. Kozhevnikova, I.E. Starovoytova Transformation leadership in virtual teams.....	30
V.S. Kokhanova Fuzzy logic apparatus as a tool for assessing the effectiveness of digitalization of a company	36

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

I.S. Bondarenko The concept of the simulation model of the decision support system of the coal enterprise	42
P.A. Vainshtein, M.D. Khabib, M.Yu. Teplyakova Features of the organization and analysis of accounting of ecosystem services on the example of the Baikal natural territory	51
D.Yu. Znamenskiy Methodological difficulties of statistical analysis of the scientific potential of Russian regions.....	60
E.A. Ostapenko Organizational and economic mechanism for improving the quality of human resources of the region	64
Y.S. Polozhentseva, M.G. Klevtsova Transformation of the development of the industrial complex in the digital economy.....	71
L.N. Talalova Measures to preserve the eco-balance of the territories and develop ecological tourism: in search of parity	80

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

O.A. Ageeva, Yu.D. Matytsyna Internal control as a tool of support economic security of the organization at the micro level.....	86
E.S. Vorobeva, Z.A. Yusubova, M.A. Gasanov Development of marketplaces in the context of digital transformation as a result of structural shifts in the economy	95
Nilolay Z. Zotikov Interim measures under paragraph 10 of art. 101 of the tax code of the Russian Federation: application practice	101
D.A. Kurapov, A.A. Konusova, E.A. Khalimon Analysis and evaluation of measures taken at the federal and regional levels of government for the exit of the Russian economy from the pandemic	109
A.V. Sal'nikova, Yu.A. Kudimova Counterfeit goods in the marketplace on the example of Wildberries: problem statement.....	117
A.S. Frolov Essence and features of ecologization of economy.....	124
E.A. Khalimon, A.G. Geokchakyan Economic management from the perspective of scientific and digital labor organizations	130

FINANCES AND BANKING

K.G. Bunevich, T. A. Gorbacheva The mechanism of currency regulation in modern conditions: theoretical aspect.....	136
S.S. Matveevskii Asian development bank performance assessment system.....	144

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

Давлетшина Л.А., Карманов М.В., Башина О.Э.

Проблемы статистического исследования детей, попавших
в сложную жизненную ситуацию152

Захаров М.Ю.

Социокультурная традиция и цифровое общество: два стратегических
ориентира китайского форсайта159

Филиппова Т.И., Хачикян Е.И., Пацакула И.И., Иванова И.В.

Волонтерство в регионах России: социально-психологические
особенности, проблемы реализации и пути их решения166

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Алборова А.В., Дреева С.В.

Представления студенческой молодежи о доверии в межэтнических
отношениях175

Ерхова М.В.

Исследование склонности к коммуникативной агрессивности
у авиационных диспетчеров181

CONTENTS

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

L.A. Davletshina, M.V. Karmanov, O.E. Bashina

Problems of statistical research of children in difficult life situations152

M.Yu. Zakharov

Sociocultural tradition and digital society: two strategic landmarks
of the Chinese foresight technology.....159

T.I. Filippova, E.I. Khachikyan, I.I. Patsakula, I.V. Ivanova

Volunteering in Russian regions: socio-psychological features, problems
of realization and its solution166

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

A.V. Alborova, S.V. Dreeva

Students' ideas about trust in interethnic relations.....175

M.V. Erkhova

The study of communicative tendency to aggression from air traffic
controllers181

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.1

JEL E62

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-5-12

Мусинова Нина Николаевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2194-7856

e-mail: 65651951@mail.ru

Сергиенко Наталья Сергеевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9042-8454

e-mail: nssergienko@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ЗАРУБЕЖНАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Модернизация России предполагает качественный рывок в секторе малого и среднего бизнеса, используя новые технологии и развивая инновационную сферу. Создание развитого малого и среднего предпринимательства способно решить множество современных российских проблем, поэтому государство должно развивать малые и средние предприятия и при необходимости осуществлять их поддержку. Вопросы необходимости поддержки малых и средних предприятий встали особенно остро в период пандемии коронавируса и продолжают быть актуальными как за рубежом, так и в России. Исследование отечественного и зарубежного опыта оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства позволило выделить общие и частные формы оказания помощи.

Ключевые слова: предпринимательство, малый бизнес, малые и средние предприятия, малое и среднее предпринимательство, поддержка МСП, государственная поддержка МСП, инструменты поддержки, стимулирование малого бизнеса

Для цитирования: Мусинова Н.Н., Сергиенко Н.С. Государственная поддержка малых и средних предприятий в условиях пандемии: зарубежная и российская практика // Вестник университета. 2021. № 2. С. 5–12.

GOVERNMENT SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC: FOREIGN AND RUSSIAN PRACTICE

Abstract. Modernization of Russia involves a qualitative breakthrough in the sector of small and medium-sized businesses, using new technologies and developing an innovative sphere. The creation of a developed small and medium-sized enterprise can solve many modern Russian problems, so the state should develop small and medium-sized enterprises and, if necessary, support them. The need to support small and medium-sized enterprises has become particularly acute during the coronavirus pandemic and continues to be relevant both abroad and in the Russian Federation. The study of domestic and foreign experience in providing support to small and medium-sized businesses allowed us to highlight general and private forms of assistance.

Keywords: entrepreneurship, small business, small and medium-sized enterprises, small and medium-sized enterprises, support for SME, state support for SME, support tools, small business incentives

For citation: Musinova N.N., Sergienko N.S. (2021) Government support for small and medium-sized enterprises in the context of the pandemic: foreign and Russian practice. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 5–12. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-5-12

Nina N. Musinova

Cand. Sci. (Econ.), Financial University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2194-7856

e-mail: 65651951@mail.ru

Natalia S. Sergienko

Cand. Sci. (Econ.), Financial University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9042-8454

e-mail: nssergienko@mail.ru

© Мусинова Н.Н., Сергиенко Н.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Musinova N.N., Sergienko N.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В последние десятилетия проблемы развития малых и средних предприятий (далее – МСП) вызывают интерес экономистов, научных работников, а также органов государственной власти и местного самоуправления. Создание МСП сопровождается появлением новых рабочих мест, снижением безработицы, увеличением денежной массы в обращении [6; 7; 9]. Неслучайно, одной из целей развития Российской Федерации (далее – РФ) на период до 2030 г. является достойный эффективный труд и успешное предпринимательство. Это обуславливается способностью МСП вносить существенный вклад в развитие как отдельных отраслей, так и экономики в целом.

Литературный обзор

Проблемы развития малого и среднего бизнеса в увязке стратегического управления рассмотрены в работах Е. М. Бухвальда [8]. С. П. Земцов, Ю. В. Царева и И. А. Исаева рассматривают развитие МСП и меры антикризисной поддержки в условиях пандемии [10; 11].

Анализ результатов

Формы поддержки развития МСП отличаются своим разнообразием и вектором воздействия, что обуславливает интерес к изучению опыта различных стран и российской практики, включая деятельность органов власти субъектов РФ и местного самоуправления в сфере поддержки МСП (как в целом, так и в отраслевом разрезе), особенно в период корона-кризиса, когда наблюдается снижение деловой активности и массовое закрытие предприятий, падение потребительского и инвестиционного спроса и рост безработицы.

Проведем сравнительный анализ мер поддержки МСП в некоторых зарубежных странах, демонстрирующих успех развития МСП (табл. 1).

Таблица 1

**Меры государственной поддержки МСП в некоторых зарубежных странах
в условиях первой волны пандемии COVID-19**

Финансирование	Кому предназначена	Наименование меры поддержки
Австралия		
Совокупная стоимость мер поддержки – 99,9 млрд долл. США (7,3 % ВВП)	Некоммерческим и малым предприятиям с оборотом менее 30 млн долл. США	Единовременные гранты 12 тыс. долл. США и гранты на 60 тыс. долл. США для покрытия операционных расходов (не подлежат налогообложению); субсидии в размере всех налогов, выплаченных за своих работников; государственные гарантии в части новых кредитов, используемых для финансирования рабочей силы, но не более 50 %
Великобритания		
Выделено 2 млрд фунтов стерлингов (0,1 % ВВП)	Фирмам, в которых число работников не более 250 чел.	Возмещение расходов МСП по оплате первых 14 дней оплачиваемого отпуска работников по нетрудоспособности
Финансирование в рамках программы Small Business Rate Relief	Организациям с одним помещением и налоговой стоимостью ниже 15 тыс. фунтов стерлингов	Единовременные гранты в объеме 10 тыс. фунтов стерлингов для малых предприятий
330 млрд фунтов стерлингов (14,6 % ВВП)	Компаниям с годовым оборотом не более 45 млн фунтов стерлингов	Государственные гарантии по кредитам в размере не более 5 млн фунтов стерлингов (покрытие до 80 % суммы каждого выданного кредита)

Финансирование	Кому предназначена	Наименование меры поддержки
Германия		
600 млрд евро (14,8 % ВВП)	МСП	Государственные гарантии по кредитам (покрытие 80–90 % суммы каждого выданного кредита)
50 млрд евро (1,2 % ВВП)	Самозанятым и компаниям, с числом работников не более – 5 чел. – 10 чел.	Единовременный трехмесячный грант для покрытия операционных расходов в размере 9 тыс. евро в размере 15 тыс. евро
Италия		
425 млрд евро или 461,4 млрд долл. США (23,2 % ВВП)	МСП	Государственные гарантии по кредитам до 5 млн евро; мораторий на выплаты по погашению кредитов (в том числе ипотечных)
	5 млн работников (в том числе самозанятым)	Ежемесячная субсидия в размере 600 евро

Составлено авторами по материалам источника [14]

Данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о том, что поддержка МСП осуществляется через использование механизма государственных гарантий по кредитам, однако их размеры и условия предоставления разнятся. Заметим, что доли покрытия (государственные гарантии) выданных кредитов в анализируемых странах существенно различаются (от 50 % в Австралии до 90 % в Германии). Механизм кредитования осуществляется через правительственные банки развития (в Германии – Kreditanstalt für Wiederaufbau, в Великобритании – British Business Bank), либо государственную финансовую компанию развития.

Часто используемой мерой является субсидирование занятости. Так, например, в Австралии для организации занятости в МСП предложили субсидирование до 50 % расходов компаний-стажеров в течение 9 месяцев. Отметим, что вышеуказанные меры не ограничивают общих возможностей, касающихся всех компаний в Австралии. Так, в рамках программы JobKeeper Payment (часть третьего пакета) предприятия, на которые в значительной степени повлияла пандемия, смогут получить государственную субсидию для продолжения оплаты труда своих сотрудников. Субсидии закрепили со сроком выплат раз в две недели в размере 913 долл. США для каждого работника за период с 30 марта до 27 сентября 2020 г. В данной программе разрешено участвовать компаниям и благотворительным организациям:

- с оборотом менее 640 млн долл. США, которые потеряли как минимум 30 % своих доходов по сравнению с сопоставимым периодом прошлого года;
- с оборотом в 640 млн долл. США и более, которые потеряли как минимум 50 % своих доходов по сравнению с сопоставимым периодом прошлого года.

Такой порядок разрешен и для зарегистрированных благотворительных организаций, для которых порогом является снижение оборота как минимум на 15 % [14].

Интересен опыт и таких стран, как Новая Зеландия, Бразилия, Китай и Швеция.

В Новой Зеландии для МСП власти ввели продление сроков подачи налоговых деклараций и уплаты всех налогов. Компаниям, чья деятельность была затронута распространением COVID-19, разрешили отсрочить подачу деклараций сроком на 18 месяцев. Кроме того, для поддержки МСП была предложена компенсация убытков (или их части) за счет их налоговых отчислений в предыдущий период. Компании, ожидающие рост убытков, вправе запросить возврат части налоговых отчислений за предыдущий год для увеличения имеющейся ликвидности [17].

В Китае практика имеет региональные различия. Так, с 1 марта 2020 г. малые компании-налогоплательщики в провинции Хубей были освобождены от уплаты НДС, если их ставка налога была установлена на уровне 3 %. В других провинциях ставку на НДС власти снизили до 1 % [14].

В Бразилии для поддержки МСП был продлен срок возврата кредитов для малого и среднего бизнеса на 60 дней. Кроме того, власти предложили дополнительные программы кредитования для МСП агропромышленного сектора [14].

В Швеции поддержка МСП оказывается также посредством расширения программ кредитования. Власти страны предусмотрели дополнительное финансирование через государственную финансовую компанию развития для предоставления кредитов МСП (Almi Företagspartner AB). В рамках дополнительных мер было предложено предоставление правительственных гарантий для новых кредитов. Гарантии покрывают до 70 % суммы кредита и должны выдаваться компаниям, которые до кризиса были в финансово устойчивом состоянии.

В этой стране 1 марта 2020 г. были сокращены все социальные взносы (кроме пенсионного). Весной 2020 г. в рамках мер правительства по поддержке предпринимательского сектора во время продолжающейся пандемии была запущена программа Företagsakuten. Она основана на соглашении между правительственными партиями (Центристской и Либеральной) и призвана облегчить кредитование МСП, пострадавших от пандемии. В свете серьезного финансового воздействия пандемии COVID-19 на многих индивидуальных предпринимателей правительство выделило 3,5 млрд шведских крон для поддержки этих компаний в 2020 г. Для преодоления кризиса в малом инновационном бизнесе правительство Швеции выделило дополнительно 400 млн шведских крон для Almi Invest, тем самым повышая ее инвестиционные возможности. Дополнительное финансирование осуществляется также в целях недопущения потери структурного капитала и нематериальных активов в секторе науки о жизни и др.

Многие индивидуальные предприниматели Швеции серьезно пострадали от продолжающейся пандемии в финансовом отношении, прежде всего, в сфере искусства и культуры, а также в индустрии туризма и гостеприимства. Некоторые из них не смогли воспользоваться такими предоставляемыми мерами, как поддержка краткосрочных увольнений и поддержка переориентации. В связи с этим правительство приняло решение о введении поддержки предпринимателей на основе товарооборота. Эта мера поддержки вступила в силу 9 ноября 2020 г. и основывается на соглашении между правительственными партиями (Центристской и Либеральной). Предоставление такой поддержки может осуществляться в течение трех периодов: март – апрель 2020 г., май – июнь 2020 г. и июль 2020 г. Соответствующий месяц или месяцы в 2019 г. принимаются как базовый период для каждого периода поддержки в 2020 г. Так, чтобы претендовать на поддержку в марте и апреле 2020 г., чистый оборот индивидуального предпринимателя за этот период должен составлять менее 70 % от чистого оборота за отчетный период. Чтобы претендовать на поддержку в мае 2020 г., чистый оборот индивидуального предпринимателя за этот период должен составлять менее 60 % от чистого оборота за отчетный период. Чтобы претендовать на поддержку в июне и июле 2020 г., чистый оборот индивидуального предпринимателя за этот период должен составлять менее 50 % от чистого оборота за отчетный период. Сокращение оборота должно происходить почти исключительно за счет распространения COVID-19. Поддержка может составлять до 75 % от фактической потери оборотных средств. Датой закрытия заявок на поддержку на основе оборота является 31 января 2021 г. В законопроекте «О бюджете на 2021 год» предлагается выделить в этом году дополнительно 1,5 млрд шведских крон [14]. Таким образом, поддержка предоставляется при условии снижения оборотов предпринимательской деятельности.

Поскольку пандемия, начавшись в Китае, прежде получила распространение в странах Европы. В этот период Правительство Российской Федерации понимало, что неизбежно она придет и в нашу страну. В связи с этим решающую роль сыграла необходимая корректировка правовой основы управления как на федеральном, так и на региональном уровнях, а также разработка и принятие специальных мер по преодолению корона-кризиса.

Следует учесть, что в целом нормативная правовая база поддержки МСП в Российской Федерации прошла активную фазу. Основным законодательным актом на федеральном уровне в сфере развития МСП в Российской Федерации стал Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [1]. Он регулирует отношения, возникающие между юридическими лицами, физическими лицами, органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления в сфере развития МСП, определяет понятия субъектов МСП, инфраструктуры поддержки субъектов МСП, виды и формы такой поддержки. Кроме того, была принята Стратегия развития Национальной гарантийной системы поддержки МСП на период до 2020 г., утвержденная приказом Министерства экономического развития РФ от 19 февраля 2015 г.

№ 74 [5]. Часть мероприятий по поддержке МСП получила оценку Счетной палаты РФ в результате анализа реализации этой Стратегии в 2015–2017 гг.

Анализ программных документов показал, что роль МСП, меры по его поддержке обозначены в подпрограмме 2 «Развитие малого и среднего предпринимательства» в рамках госпрограммы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» [3]. Позже государственная политика поддержки МСП была закреплена в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Таким образом, можно говорить о формировании мероприятий [4].

Вместе с тем в целях недопущения массового сокращения численности работников в ведущих отраслях экономики, резкого повышения уровня безработицы в условиях пандемии COVID-19 Правительством РФ осуществлялась поддержка системообразующих отраслей производства: автопрома, авиастроения, судостроения, сельского хозяйства и строительства [2].

Наиболее пострадавшими в этот период стали предприятия, осуществляющие свою деятельность в отраслях пассажирских перевозок (прежде всего, авиационные, железнодорожные) розничной торговли непродовольственными товарами, в сфере культурно-досуговой деятельности (театры, кинотеатры, музеи, фитнес-центры и др.), общественного питания (рестораны, кафе и т. п.).

Немалое число МСП вошли в федеральный перечень организаций наиболее пострадавших в период пандемии.

Значительные средства из федерального и регионального бюджетов выделялись на поддержку как безработных, так и семей с детьми. Предоставлялись льготы и для предпринимателей:

- перенесение на более дальний срок всех платежей, кроме НДС;
- выделение грантов;
- предоставление кредитов под нулевую ставку и под 2 % годовых с возможностью в случае сохранения 90 % списочного состава работников – списания всего кредита, в случае сохранения 80 % работников – списания 50 % кредита;
- перенос периода выплаты за аренду государственного имущества на более поздние сроки.

Для МСП с прицелом на будущее (безотносительно развития пандемии) были сокращены отчисления в социальные фонды с 30 % до 15 %.

В целом на борьбу с пандемией было направлено 4,6 трлн рублей (4,5 % ВВП страны), из которых 1 трлн рублей – на прямую поддержку пострадавших отраслей и 838 млрд рублей – на прямую поддержку граждан.

Принятые решения на федеральном уровне в первую волну пандемии были направлены не столько на косвенную, сколько на прямую поддержку, и предполагали принятие в разы большего количества нормативных документов на уровне регионов, то есть результаты работы верхнего уровня дали импульс ее разворачиванию на местах. Задачей общественных организаций предпринимателей стало обеспечение обратной связи, то есть трансляция на уровень руководства регионов и страны в целом информации о происходящих изменениях, о том, все ли разработанные механизмы адекватно применены и какова степень результативности принятых руководством мер.

В рамках первого пакета федеральных актов предусматривалось оказание помощи наиболее пострадавшим от корона-кризиса МСП: предприятиям гостиничного и туристического бизнеса, сферы торговли, общественного питания, бытовых услуг и другим – тем отраслям, в которых наиболее высока активность МСП.

В рамках второго пакета Правительством РФ было принято постановление, утвердившее правила безвозмездной помощи МСП на выплату заработной платы сотрудникам (в размере одного МРОТ на каждого сотрудника) тех организаций, которые сумели сохранить рабочие места на 90 %. В числе этих мер предусматривались также банковские каникулы для физических лиц в случае падения доходов более чем на 30 %.

Заметим, что многие представители бизнес-сообщества из всех озвученных мер наиболее значимой считали растянутую во времени отсрочку по уплате налогов. В числе перспективных мер поддержки предпринимателями указывались следующие:

- расширение списка организаций, которым при условии соблюдения ряда требований разрешено работать в условиях пандемии;
- создание оперативного центра для оценки состояния бизнеса;
- создание кризисного фонда, деятельность которого направлена на выплату лицам, потерявшим работу, пособий по безработице, а источниками его финансирования могли бы стать средства из резерва пенсионного фонда и средства региональных бюджетов [15].

Работа по восстановлению рынка труда должна опираться на прогнозирование экономической ситуации в тех отраслях, которые до пандемии обеспечивали рост занятости, а в кризисный период оказались под максимальным давлением. Частные инвестиции в эти отрасли будут вливаться медленно. Поскольку единственным защищенным сегментом рынка в условиях пандемии являются организации государственного сектора, то их следует рассматривать как основное звено, на которое в условиях кризиса надо опереться, чтобы смягчить выход из него. Это означает, что потерявшим работу гражданам можно, например, дать возможность выполнять государственные подряды в строительстве, логистике, а также оказывать социальные услуги населению [12].

Что касается условий кредитования бизнеса, то представляется целесообразным введение запрета финансовым учреждениям ухудшать кредитную историю МСП в период пандемии. Меры поддержки, предусмотренные руководством страны для МСП в условиях ограничений из-за коронавируса, призваны помочь преодолеть негативные последствия кризиса, при этом их реализация на местах в значительной мере зависит от эффективной работы региональных организаций поддержки бизнеса. Регионам следует стремиться к созданию такого механизма, который разграничит риски между государством, институтом кредитования и малым бизнесом.

Значение финансово-кредитного стимулирования для МСП сложно переоценить. При этом особого внимания заслуживает венчурное финансирование, так как именно этот вид стимулирования наиболее подходит для инновационного МСП. Ведь любой потенциальный предприниматель, даже имея хорошую идею, должен оценить финансовый риск для себя. И создание благоприятных условий для реализации идей непременно будет способствовать развитию. Особенно стоит уделить внимание венчурному финансированию, так как именно этот тип стимулирования наиболее подходит для инновационного МСП, а развитие именно этого сегмента способствует переходу к постиндустриальному обществу, куда мы так стремимся [16].

Развитию малого бизнеса должно способствовать эффективное использование государственного имущества как на региональном, так и на муниципальном уровне. В этом направлении уже многое сделано и в настоящее время требуется разработать механизм предоставления МСП рассрочки платежей при продаже им недвижимых помещений.

В условиях кризисной, быстро меняющейся ситуации в управлении современной экономикой не обойтись без одного из самых важных элементов – информационного обеспечения. В связи с тем, что нужная информация необходима для развития любого дела и бизнес не является исключением, надо, прежде всего:

- наряду с созданием положительного образа предпринимателя обеспечить его информационную поддержку через средства массовой информации;
- сформировать особые средства массовой информации (информационные и аналитические), которые будут предоставлять информацию о предпринимательстве;
- наладить предоставление аналитической информации как начинающим предпринимателям, так и бизнесменам со стажем о современной правовой среде функционирования МСП;
- чтобы достигнутый опыт не становился конкурентным преимуществом, обеспечить консультирование начинающих предпринимателей по вопросам выбора наиболее перспективных направлений развития бизнеса, о возможных поставщиках ресурсов и рынках сбыта товаров (работ, услуг), о наличии необходимых кадров;
- открывающих впервые малое предприятие целесообразно обеспечить пакетом типовых документов (устава, бизнес-плана и т. д.) и программного обеспечения для целей хозяйственного учета.

Бизнес должен строиться на уже достигнутых знаниях, а не учиться на своих ошибках. Исходя из этого на первый план в его развитии должно выходить требование о наличии квалифицированных кадров с предпринимательской смекалкой. В развитых странах подготовка таких специалистов, как предприниматели, ведется уже давно, и этот накопленный опыт, безусловно, нужно использовать.

Выводы

Деятельность по поддержке малого бизнеса необходимо сориентировать на сокращение вмешательства государственных органов в сферу МСП, что требует совершенствования и уточнения их функций. Государство должно лишь установить и контролировать общие правила работы субъектов МСП через федеральное и региональное законодательство. Одна из первоочередных задач – сориентировать государство на активное сотрудничество с негосударственными фондами, агентствами по стимулированию предприятий МСП

и др. В настоящее время государственная поддержка МСП осуществляется не только органами государственной власти федерального и регионального уровня, но и муниципальными органами. Сочетание действий как государства, так и общественных структур по стимулированию малого предпринимательства подразумевает под собой совместную разработку механизмов стимулирования малого бизнеса и разделения рисков.

Государство должно быть представлено институтом, который будет поддерживать предприятия МСП и станет посредником между государством и сообществом предпринимателей по приоритетным направлениям. Таковым, на наш взгляд, должен стать Фонд поддержки МСП, который будет нести ответственность за надлежащее исполнение программ, принятых на всех уровнях власти, станет гарантом по инвестиционным кредитам, и будет принимать непосредственное участие в развитии инфраструктуры стимулирования малого предпринимательства. Вместе с тем должно быть завершено формирование механизма поддержки МСП на всех уровнях. Собственной инфраструктурой для поддержки малого бизнеса должен обладать и регион, включающий такие элементы, как инвестиционные фонды, лизинговые компании, технопарки [13]. Названные меры призваны способствовать устойчивому развитию малого бизнеса, повышению эффективности его деятельности и обеспечить опережающее развитие этого сектора экономики.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 02.12.2020).
2. Государственные программы Российской Федерации // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb571f395adb69528f7912a329b0fb7c/316_150414 (дата обращения: 02.12.2020).
3. Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/gosudarstvennaya_programma_ekonomicheskoe_razvitie_i_innovacionnaya_ekonomika/ (дата обращения: 02.12.2020).
4. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 02.12.2020).
5. Приказ Минэкономразвития России от 19.02.2015 № 74 (ред. от 31.01.2020) «Об утверждении основных положений Стратегии развития Национальной гарантийной системы поддержки малого и среднего предпринимательства на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137798/ (дата обращения: 02.12.2020).
6. Балынин, И. В. Кредитование юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации в 2010–2014 гг. // Аудит и финансовый анализ. – 2015. – № 6. – С. 197–203.
7. Балынин, И. В. Развитие малого предпринимательства в Российской Федерации в 2011–2013 гг. // Theoretical & Applied Science. – 2015. – № 1 (21). – С. 184–189.
8. Бухвальд, Е. М. Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – № 5. – С. 1319–1336. DOI: 10.18334/ep.10.5.110134.
9. Заболоцкая, В. В., Богданцова, О. В. Динамика развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономика: теория и практика. – 2019. – № 3 (55). – С. 78–86.
10. Земцов, С. П., Царева, Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. – 2020. – № 5. – С. 71–82.
11. Исаева, И. А. Антикризисные меры государственной финансовой поддержки субъектов предпринимательства // Научно-практические исследования. – 2020. – № 5-4 (28). – С. 37–42.
12. Малофеев, С. Н. Современные технологии формирования финансовых ресурсов малого бизнеса // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 5 (118). – С. 695–699.
13. Мусинова, Н. Н., Сираждинов, Р. Ж. Особенности реализации политики государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. // Вестник университета. – 2019. – № 9. – С. 20–25.

14. Сергиенко, Н. С. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в условиях пандемии коронавируса: опыт развитых стран // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 5. – (118). – С. 752-755.
15. Эксперты АСИ оценили меры поддержки бизнеса в регионах во время пандемии // Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asi.ru/news/122219/> (дата обращения: 02.12.2020).
16. Поддержка бизнеса в условиях пандемии: предложения бизнес-сообщества // ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1345144/> (дата обращения: 02.12.2020).
17. COVID-19 updates // Beehive.govt.nz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.beehive.govt.nz/feature/covid-19-updates> (дата обращения: 02.12.2020).

References

1. Federal Law No. 209-FZ, dated on July 24, 2007 “On the Development of Small and Medium-sized Businesses in the Russian Federation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (accessed 02.12.2020). (In Russian).
2. State programs of the Russian Federation, *Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb571f395adb69528f7912a329b0fb7c/316_150414. (accessed 02.12.2020). (In Russian).
3. State program “Economic development and Innovative Economy”, *Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/gosudarstvennaya_programma_ekonomicheskoe_razvitie_i_innovacionnaya_ekonomika/ (accessed 02.12.2020). (In Russian).
4. National project “Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative”, *Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (accessed 02.12.2020). (In Russian).
5. Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 74, dated on February 19, 2015 (as amended, dated on January 31, 2020) “On Approval of the Basic Provisions of the Strategy of Development of the National Guarantee System for Small and Medium Enterprises for the Period up to 2020”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137798/ (accessed 02.12.2020). (In Russian).
6. Balynin I. V. Crediting of legal entities and individual entrepreneurs in the Russian Federation in 2010–2014, *Audit and Financial Analysis*, 2015, no. 6, pp. 197-203. (In Russian).
7. Balynin I. V. Development of small business in the Russian Federation in 2011-2013, *Theoretical & Applied Science*, 2015, no. 1 (21), pp. 184-189. (In Russian).
8. Bukhval'd E. M. Will Russia's small business survive the shock of 2020?, *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, no. 5, pp. 1319-1336. DOI: 10.18334/epp.10.5.110134 (In Russian).
9. Zabolotskaya V. V., Bogdantsova O. V. Dynamics of development of small and medium-sized enterprises in Russia, *Ekonomika: teoriya i praktika*, 2019, no. 3(55), pp. 78-86. (In Russian).
10. Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. Trends in the development of the small and medium-sized enterprises sector in the context of the pandemic and crisis, *Russian Economic developments*, 2020, no. 5, pp. 71-82. (In Russian).
11. Isaeva I. A. Anti-crisis measures of state financial support of business entities, *Nauchno-prakticheskie issledovaniya*, 2020, no. 5-4 (28), pp. 37-42. (In Russian).
12. Malofeev S. N. Modern technologies of formation of financial resources of small business, *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2020, no. 5 (118), pp. 695-699. (In Russian).
13. Musinova N. N., Sirazhdinov R. Zh. Features of the implementation of the policy of state support for small and medium-sized businesses in the Russian Federation, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 9, pp. 20-25. (In Russian).
14. Sergienko N. S. State support for small and medium-sized businesses in the context of the coronavirus pandemic: the experience of developed countries, *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2020, no. 5 (118), pp. 752-755. (In Russian).
15. ASI experts evaluated measures to support business in the regions during the pandemic, *Agency for Strategic Initiatives*. Available at: <https://asi.ru/news/122219/> (accessed 02.12.2020). (In Russian).
16. Business support in the context of a pandemic: proposals of the business community, *GARANT.RU*. Available at: <http://www.garant.ru/news/1345144/> (accessed 02.12.2020). (In Russian).
17. COVID-19 updates, *Beehive.govt.nz*. Available at: <https://www.beehive.govt.nz/feature/covid-19-updates> (accessed 02.12.2020). (In Russian).

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

УДК 352.07

JEL I28

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-13-20

Беспамятнова Марина

аспирант, Российский университет
дружбы народов, г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7872-547X

e-mail: marina.bespamiatnova@gmail.com

ГАРМОНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ВЛАСТИ

Аннотация. Ключевой целью данного исследования является анализ концепции гармонизации функций институтов государственного управления, выявление принципов и характеристик гармоничного управления, применимых в структурах управления общественного сектора, а также перспективы повышения эффективности его деятельности. Исследование носит прикладной характер. В рамках исследования проведен анализ принципов различных моделей управления, а также сравнительный анализ их взаимодействия в формате концепции гармоничного управления. Кроме того, в статье представлены результаты анализа векторов применения концепции гармоничного управления, которые могут быть адаптированы к организациям общественного сектора; поднят вопрос содержания процесса гармонизации и его этапов. В статье сформулированы целевые ориентиры применения концепции гармонизации управления в общественном секторе, предложения и заключения о различных вариациях и особенностях подходов к гармонизации управления. Основой данной работы является анализ иностранной научной литературы, нормативных и аналитических документов, а также их синтез, систематизация, сравнительный анализ, и изучение конкретных случаев. Эмпирическое исследование проведено с помощью метода количественной стандартизации экспертных мнений. Кроме того, использован метод визуализации.

Ключевые слова: гармоничное управление, общественный сектор, гармонизация, управленческие модели, органы общественной власти, публичное администрирование, концепция гармоничного управления, общественные организации, институты государственного управления

Для цитирования: Беспамятнова М. Гармонизация управленческих процессов в общественном секторе как актуальная тенденция нового поколения власти // Вестник университета. 2021. № 2. С. 13–20.

Marina Bepamiatnova

Postgraduate student, RUDN
University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7872-547X

e-mail: marina.bespamiatnova@gmail.com

HARMONIZATION OF MANAGEMENT PROCESSES IN THE PUBLIC SECTOR AS AN ACTUAL TREND OF THE NEW GENERATION OF POWER

Abstract. The key objective of this study is to analyse the concept of harmonization of the functions of public administration institutions and to identify the principles and characteristics of harmonious management applicable in the management structures of the public sector, as well as the prospects for improving the efficiency of its activities. The research is applied in nature. Within the study, the author carries out the analysis of various management models, as well as a comparative analysis of their interaction in the format of the concept of harmonious management. In addition, the article presents the results of the analysis of the vectors of application of the concept of harmonious management, which can be adapted to the organizations of the public sector; raises the issue of the content of the harmonization process and its stages. The article formulates the target guidelines for the application of the management harmonization concept in the public sector, proposals and conclusions on various variations and features of approaches to management harmonization. This paper is based on the analysis of foreign scientific literature, regulatory and analytical documents, as well as their synthesis, systematization, comparative analysis, and the study of specific cases. The author conducts an empirical study using the method of quantitative standardization of expert opinions. In addition, the article uses the visualization method.

Keywords: Harmonious governance, public sector, harmonization, management model, public authorities, public administration, harmonious governance concept, public organizations, institutes of public administration

For citation: Bepamiatnova M. (2021) Harmonization of management processes in the public sector as an actual trend of the new generation of power. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 13–20. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-13-20

© Беспамятнова М., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Bepamiatnova M., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Активные процессы децентрализации правительства на всех уровнях формируют понимание потребности в реформации и видоизменении общественной власти, где целью является повышение эффективности различных управленческих функций. Молодое поколение управленцев, постепенно приходящих к власти, обладает качественно новым видением процессов управления, склонно гибче подходить к государственному администрированию и внедрять новые инструменты ради повышения продуктивности деятельности управленческих институтов. В этой связи новую актуальность обретает концепция гармонизации функций управленческих институтов. В качестве основы для исследования в данной статье взяты механизмы работы литовских местных самоуправлений, а также других европейских институтов региональной и местной власти.

В современном контексте администрирование общественного сектора нуждается в создании условий для повышения экономической независимости регионов как способа повышения эффективности функций институтов местного самоуправления.

Ставя перед собой цель исследовать потенциал повышения эффективности управления, в данной работе автор приводит результаты научных работ литовских и других зарубежных исследователей, фундаментальные работы исследователей мирового уровня, относящиеся к изучению общественной власти, различных вопросов децентрализации, партнерства между общественным и частным секторами, а также стратегического и последовательного управления в целом, являющихся, по сути, основополагающими моментами целенаправленной и эффективной деятельности в публичном секторе, а следовательно, и в государстве.

Общественное управление стремится к реформам, одновременно стараясь сохранить вариативность имеющихся ресурсов, устоявшиеся принципы принятия и рационализации решений, элементы управления, основанные на основополагающих процессах, а также создать прочную основу для новых обоснованных инновационных решений. Происходящие перемены должны быть направлены на современное общественное управление, свойственное эпохе постмодерна, поскольку традиционные концепции, также как и классические нормативные установки, постепенно теряют свою актуальность и применимость по отношению к динамично меняющемуся обществу. Институты общественной власти ставят перед собой цель достижения эффективности и внедрения инноваций в управленческие процессы, поэтому логичной является потребность глубокого анализа концепции устойчивого управления, представленного в теории гармоничного управления [7].

Целью настоящего исследования является определение ключевых принципов гармоничного управления, применяемых в секторе общественного управления для повышения эффективности деятельности всего сектора.

Материалы и методы

Данная статья построена на результатах качественного исследования. Кроме того, применены методы анализа научной литературы и нормативных документов, а также метод синтеза. Метод сравнения был применен для определения ключевых принципов и применяемых в настоящее время моделей управления в общественном секторе. Посредством анализа сходств и различий были выявлены сильные и слабые стороны различных управленческих моделей. Эволюция известных моделей менеджмента в общественном секторе также важна в контексте вышеупомянутых причин. Информация для эмпирического исследования была собрана посредством метода стандартизации экспертных позиций, а также анализа отдельных случаев.

В качестве изучаемого кейса, в данной статье приведен пример местных самоуправлений, представленных институтами общественного сектора. Для того, чтобы данное исследование обладало научной ценностью, были выбраны наиболее актуальные экспертные мнения, определены авторитетные научные источники. К формированию выводов по данной работе были привлечены компетентные лица с особым опытом и экспертными знаниями в области, напрямую связанной с объектом исследования. Особенно важными экспертными характеристиками является должность, академическое звание, годы проведения исследования и практическая работа, связанная с предметом изучения, а также беспристрастность, независимость, способность анализировать проблему без привязки к классическим трендам и шаблонам. Согласно V. Rudzikiene, надежность экспертных заключений зависит от следующих факторов: количество привлеченных экспертов; состав экспертной группы по областям специализации; характеристики экспертов [1]. Выбранные эксперты были разделены

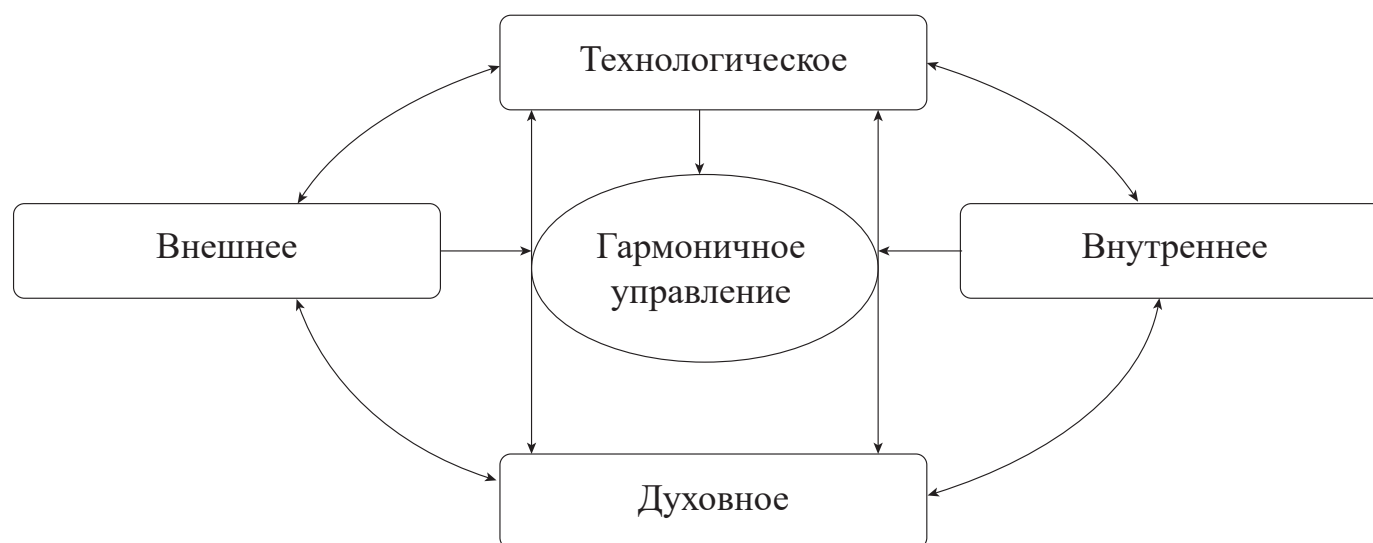
на три целевые группы: исследователи, анализирующие проблематику управленцев в общественном секторе; активные практики, работающие в общественных организациях; а также сотрудники муниципальных институтов. Ключевые слова, использованные в экспертном интервью: гармонизация функций, децентрализация, местные самоуправления, общественные организации и их важность. Пример местных самоуправлений в Литовской Республике исследован в ракурсе институтов общественного сектора (организаций), поэтому упоминаются местные самоуправления, муниципальные управленческие органы, и общественные организации.

Дискуссия и результаты

Благосостояние и имидж государства зависят от способности его общественного сектора адаптироваться к процессам, связанным с переменами в глобальном масштабе, умением строить адекватные планы, быстро и эффективно принимать решения и координировать их реализацию. Тем не менее, внедрение инновационных решений в общественном секторе представляет собой гораздо более сложный процесс, чем в частном секторе. Ссылаясь на позицию V. Giedraityte и A. Raipa, можно утверждать, что инновации влияют не только на привычки общественных служащих и природу их деятельности, но также и на все ключевые общественные процессы [5]. В то же время общество нуждается в эффективности, новых формах деятельности, непрерывно улучшающихся качественных показателях активности общественного сектора и управленцев [10]. Как следствие, особенно высокие требования к деятельности общественного сектора становятся все более сложновыполнимыми в условиях устоявшейся системы управления, поэтому возникает необходимость в постоянном видоизменении организационной работы, что не всегда соответствует нормам и традициям преобладающей системы управления.

Сам процесс управления инновациями является методологической проблемой, актуальность которой обострилась в еще в начале XX в. В контексте глобальных перемен, решения внедрять инновации, создавать инновационное окружение, повышать компетенции участников этих инновационных процессов культура разработки инноваций и их внедрения, междисциплинарная природа инновационных процессов, инновационные методы, формы и процедуры управления всеми ресурсами в рамках общественного сектора становятся неотъемлемыми элементами современного общественного управления [11].

Концепция гармоничного управления характеризуется инновационным подходом к управленческим решениям. В своей книге “He Xie (Harmony) Theory and Strategy” Xi Youming описал концепцию He Xie (harmony), анализируя и сравнивая китайские и западные теории управления [15]. Китайская теория гармоничного управления основана на традиционной китайской культуре (непрерывная взаимосвязь между производственной эффективностью и духовным удовлетворением). Гармоничное управление подразумевает тесную взаимосвязь между четырьмя направлениями идеи гармоничного управления (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Направления идеи гармоничного управления

Духовная гармонизация в данном конкретном случае объясняется как согласованность организационных и индивидуальных целей, а также согласованность всех целей одного индивидуума.

Технологическая гармонизация включает внутренние правила организации, эффективное распоряжение ресурсами и технологические решения и их применение. Безусловно, духовная и технологическая гармонизация связаны между собой. Эффективность всех видов деятельности определяется не только технологическими решениями, но и человеческим фактором. С другой стороны, совершенно иные взаимосвязи прослеживаются в двух других аспектах гармоничного управления – внутренней и внешней гармонизации.

Внутренняя духовная гармонизация подразумевает устойчивую организационную культуру, в рамках которой собственники, управленцы и рядовые рабочие следуют установленным правилам, планомерно выполняя свою работу, цель которой соответствует стратегическим установкам организации.

Внешняя духовная гармонизация означает согласование между уровнями организационной и общественной культур.

Внутренняя технологическая гармонизация олицетворяет согласованность всех технологических решений и методов управления, целью которых является повышение эффективности деятельности всей организации.

Внешняя технологическая гармонизация понимается как способность обмениваться информацией и материальными ресурсами с окружающей средой организации.

Таким образом, ключевые принципы гармоничного управления могут быть сопоставлены с моделями управления, рассмотренными выше, в соответствии с критериями способов интеграции. Подводя итог анализа сильных и слабых сторон принципов управления, можно составить сравнительную таблицу административных моделей (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение принципов управления в социальных моделях

Принципы	Традиционная модель общественного администрирования	Модель New public management	Модель The New Public Governance	Модель гармоничного управления
Ответственность	Политики	Клиенты	Жители и социальные партнеры	Политики и жители (участники системы)
Цель деятельности	Консолидация	Спровоцированные перемены	Социальное доверие	Адаптивное мышление
Ориентация деятельности	Процедуры	Результаты	Потребности	Процесс
Принципы отклонения	Жесткие правила и регулирование	Продуктивность и результаты	Подотчетность, прозрачность и участие	Сочетаемость
Основная характеристика	Объективность	Регулярность	Подотчетность	Последовательность
Метод управления	Иерархия	Равенство рынка	Сеть	Система
Нормативная основа	Административное право	Договоры	Договоренности	Общие цели
Связь между жителями и властью	Подчинение	Разрешение	Делегирование полномочий	Взаимные связи
Критерий успеха	Процесс и результат	Результат	Процесс	Динамичное сочетание

Составлено автором по материалам источников [3; 6; 9]

Обобщая вышесказанное, когда в институтах общественного управления возникают инициативы перемен, теоретические модели должны быть способны адаптироваться под возникшие новые нужды как в практическом, так и в теоретическом измерениях. Разница между New governance model и традиционной

моделью общественного управления имеет большое значение. Разброс вариантов реализации каждой модели достаточно велик, и в связи с глобализацией, развитием внутреннего порядка унитарных государств, процессами расширения и развития наднациональных организаций и международных сетей. Также особый акцент ставится не на иерархичности, а на ретикулярном управленческом стиле, а также расстановкой приоритетов не в строгой форме государственного регулирования, а посредством более мягких управленческих инструментов, включающих в себя саморегулирование и самостоятельное взаимодействие с государственными институтами. В рамках New Governance Model очень много внимания уделено этическим вопросам. Много пространства оставлено для социального контекста и для аспектов индивидуального профессионализма, политической нейтральности, правосудия и избежания столкновения общественных и частных интересов. Гармоничное управление предполагает, что ключевая организационная проблема заключается в процессе взаимодействия между личностными и материальными факторами в конкретных обстоятельствах [13].

Можно утверждать, что в ситуации где существуют гармоничные управленческие взаимоотношения и саморегулирование между обществом и управленцами, эти процессы порождают сами себя, создавая реальное и эффективное развитие демократии, национальной экономики, что также является стимулом к прогрессу на международном рынке [8].

В процессе анализа гармоничного управления как процесса, очень важно определить уровни и этапы, которые могут быть применены для корректного и успешного выделения критериев в организационной и межорганизационной системах. В общественном секторе гармонизация может фокусироваться на функциях, связанных с несколькими организациями. Например, когда речь идет о координировании межструктурного сотрудничества, а также между отдельными секторами – партнерство между государством и частным сектором.

R. Čiegis и R. Grunda систематизировали условия устойчивого развития организации, которые можно найти в научной литературе, в процессе поиска ответа на следующие вопросы: «Что такое устойчивая организация?», «Как может организация стать устойчивой?», «По каким критериям можно определить устойчивость организации?». Данные авторы утверждают, что на каждом этапе организация может следовать собственным нормам и стандартам, которым она следовала и ранее, в процессе формирования концепции собственного устойчивого развития [2]. Тем не менее, сформирован обширный перечень различных определений понятия устойчивой организации, также как и средств, направленных на помощь организациям в процессе выработки собственной устойчивости и качественной оценки достигнутых результатов. Модель трансформации в направлении создания организации с устойчивыми процессами может быть дополнена открытиями M. P. Follet, в рамках которых утверждается, что процесс управления должен включать в себя доверительную координацию и гармонизацию всех доступных ресурсов (человеческих, материальных, ресурсов силовых структур, коммуникационных). Автор данной статьи выделяет четыре принципа координации, способствующих развитию более эффективных процессов внутри организации: 1) для эффективной координации необходимо постоянное и прямое взаимодействие людей между собой; 2) координация процессов особенно важна во время первичной стадии любого начинания; 3) координация должна быть адресной и затрагивать все факторы и фазы любого начинания; 4) координация является продолжительным, непрерывным процессом [4].

В процессе анализа результатов, собранных посредством эмпирического исследования, мнения экспертов сошлись с позициями, представленными в широком спектре научной литературы. В частности, о том, что для полного понимания ситуации необходимо исследовать проблемы как местного самоуправления, так и общественных организаций. Респонденты выявили проблему недостатка взаимного доверия, отсутствие должных коммуникаций между представителями власти и общественными организациями или же расхождение их подходов к информации, полученной от властей национального или общеевропейского уровня. Процесс взаимодействия между властями и общественными организациями также упомянут как особо важный, когда речь идет о привлечении общества к процессу принятия политических решений, что практически всегда необходимо для достижения поставленных целей. Респонденты, в частности, отметили важность институтов общественного сектора, гармонизация деятельности которых принесет наибольший успех и выгоду.

Важно отметить, что абсолютно все ответы респондентов на вопросы: «Стоит ли вовлекать общественные организации в систему общественной власти?», «Существует ли какая-либо деятельность исполнительной местной власти, которую можно более эффективно реализовать через общественные организации?» – были исключительно положительными.

Кроме того, эксперты подтвердили, что децентрализация является неизбежностью, и гораздо лучше, чтобы местные сообщества были вовлечены не только в процесс принятия решений, но также и в другие виды деятельности, более важные для местных жителей и реализации их специфических нужд. А. R. Volmert отмечает, что эффективное самоуправление обеспечивает вовлечение граждан в решение местных задач, создает условия для принятия решений, адаптированных для местных обстоятельств и первостепенных проблем местных жителей [14]. Тем не менее, практики, представляющие организации самоуправления, отмечают, что несмотря на вовлеченность общественности и неправительственных организаций, недостаток ресурсов для расширения пула активности, мониторинга и координации всех видов деятельности – от принятия решений до контроля результатов – не позволяет в полной мере реализовать все виды деятельности. Совместное использование ресурсов могло бы их сэкономить и создать условия для более быстрого выполнения поставленных целей и достижения результатов.

Следовательно, общественная власть должна брать на себя ответственность за распоряжения различными видами ресурсов, принятия рациональных решений, и элементов власти, построенных на общих концепциях. В процессе выполнения данных задач, фокус должен быть сосредоточен на современных и актуальных нормах управления в общественном секторе, а не на принципах традиционного общественного администрирования. Пересмотр традиционных нормативных ориентиров должен быть реализован исходя из потребностей и вновь возникающих препятствий, которые необходимо преодолеть. Новыми задачами общественного управления в XXI в. является потребность в должном, ориентированном на реализацию услуг для граждан, эффективном финансовом управлении, применении успешного опыта бизнес-структур, реализации актуальных социальных услуг для постепенно все более сегментирующегося общества, активном взаимодействии с гражданским сообществом и активной поддержке местной политики [12].

Применение данных принципов в процессе гармонизации деятельности должностных лиц и местного самоуправления создает предпосылки для внедрения модели гармоничного управления в общественном секторе. Гармонизация может быть достигнута посредством стремления к гармонии внутри всей системы, но только при условии, что все подсистемы должным образом выполняют свои функции. В этих условиях можно прийти к гармонии во всей системе, а значит должным образом обеспечить всеобщее благополучие и перспективы для успешного дальнейшего развития.

Выводы

1. Концепция гармоничного управления характеризуется инновационным подходом к решениям, связанным с управлением. Гармоничное управление – это модель менеджмента, основанная на философиях Запада и Востока, и способная успешно преобразовать деятельность общественного сектора, реализуя в то же время цели более эффективного управления и рационального использования ресурсов. Теория гармоничного управления основана на традиционной китайской культуре, где операционная эффективность и духовное удовлетворение тех, кто стремится к достижению результата, находятся в гармонии друг с другом. В контексте управления, гармоничный менеджмент реализует себя посредством следующих трех направлений: духовная гармонизация, технологичная гармонизация, внутренняя и внешняя гармонизация.

2. В общественной власти ответственность за принятые решения и результаты распределяется между управленцами и гражданами, которые воспринимаются как участники процесса принятия политических решений. Целью такой деятельности является смена общественного мышления. Ориентация деятельности по направлению к цели как единый процесс является ключевым индикатором успеха гармонизации. Ключевым принципом данной модели должно быть стремление сочетать и согласовать все процессы, а также ожидаемые результаты, и распространяться эта модель должна на всю систему, объединенную общей стратегией. Отношения между местным сообществом и властями, то есть между основными участниками процессов в общественном секторе, должны быть независимыми. Критерием успеха и ожидаемых от процесса гармонизации управления результатов является состояние системы, в которой нет противоречий между подсистемами.

3. Процесс гармонизации разделен на четыре этапа, где каждый играет важную роль и является необходимым условием для успешной реализации следующего уровня гармонизации: 1) понимание и принятие существующей проблемы и недостаток устойчивости в организации или системе; 2) определение потребностей и возможностей создания устойчивости внутри организации; 3) реализация сформулированных задач

и работа в направлении результатов; 4) непрерывное обновление и актуализация потребностей и ресурсных мощностей организации.

4. Для того, чтобы сохранить эффективность и инновационность управления в общественном секторе, создаются предпосылки для внедрения модели гармоничного управления. Критерии успеха гармонизации могут быть достигнуты посредством всеобщего желания достичь гармонии во всей системе при условии, что каждая подсистема должным образом реализует свои функции. Это непременно поспособствует достижению всеобщей гармонии в системе, и обеспечит благополучие общества и высокий потенциал развития.

Библиографический список

1. Augustinaitis A., Rudzkienė V., Petrauskas R. A., Dagytė I., Martinaitytė E., Leichteris E., Žilionienė I. *Lithuanian e. government guidelines: foresight study: Collective monograph*. – Vilnius: Mykolas Romeris University Publishing Center, 2009. – Pp. 69-72.
2. Čiegis, R., Grunda, R. Company transformation into a cohesive business process // *Management of Organizations: Systematic Research*. – 2007. – Pp. 19-33.
3. Domarkas, V. Nukreipiantis Jungtinių Tautų Organizacijos vaidmuo viešojo administravimo raidos procesuose [Руководящая роль Организации Объединенных Наций в развитии государственного управления] // *Viešoji Politika Ir Administravimas [Публичная политика и управление]*. – 2014. – No. 23. – Pp. 7-15.
4. Follet, M. P., *Dynamic administration*. – 1941. – Pp. 11-15.
5. Giedraitytė, V., Raipa, A. Innovation implementation of interference in modern public management // *Public Policy and Administration*. – 2012. – No. 11 (2). – Pp. 187-197.
6. Guogis, A., Kacevičius, R., Stasiukynas, A. Municipalities and non-governmental organizations in two Lithuanian districts: View from two models // *Facta Universitatis*. – 2010. – No. 9 (1). – Pp. 73-97
7. He, H., Antonio, N., Trigo, V. HeXie management theory and sustainable development // *African Journal of Business Management*. – 2012. – No. 50. – Pp. 12005-12015.
8. Indriūnas, A.V., Makštutis, A. *Public management strategy Lithuania. The fifth constitution*. – Vilnius: Firidas, 2008. – Pp. 24-38.
9. Lin, S. Application of business niche in strategic management: A study, based on oriental idea of harmony // *Modern Economy*. – 2015. – No. 6 (2). – Pp. 217-222; <http://dx.doi.org/10.4236/me.2015.62019>.
10. Raipa, A., Petukienė, E. Customer participation in public services: general services // *Public Policy and Administration*. – 2009. – No. 27. – Pp. 54-62.
11. Raipa, A. Innovative developments in the twenty-first century public management // *Public Policy and Administration*. – 2012. – No. 11 (2). – Pp. 357-359.
12. Smalskys, V., & Skietrys, E. Public Management modernization aspects and problems of implementation // *Public Policy and Administration*. – 2014. – No. 24. – Pp. 60-67.
13. Urmoniene, D. Harmonious management in public sector // *Research for Rural Development*. – 2016. – V. 2. – Pp. 218-225.
14. Volmert, A. Indigenous self-determination and freedom from rule // *The Good Society*. – 2010. – No. 19 (2). – Pp. 53-59.
15. XI, Youming, Xiao, Hongwen, Hong, Tao HeXie management theory and its new development in the principles // *Chinese Journal of Management*. – 2005. – Pp. 23-28.

References

1. Augustinaitis A., Rudzkienė V., Petrauskas R. A., Dagytė I., Martinaitytė E., Leichteris E., Žilionienė I. *Lithuanian e. government guidelines: foresight study. Collective monograph*, Vilnius, Mykolas Romeris University Publishing Center, 2009, pp. 69-72.
2. Čiegis R., Grunda R. Company transformation into a cohesive business process, *Management of Organizations: Systematic Research*, 2007, pp. 19-33.
3. Domarkas V. Nukreipiantis Jungtinių Tautų Organizacijos vaidmuo viešojo administravimo raidos procesuose [Guiding role of the United Nations in the development of Public Administration], *Viešoji politika ir administravimas [Public Policy and Administration]*, 2014, no. 23, pp. 7-15.
4. Follet M.P., *Dynamic administration*, 1941, pp. 11-15.
5. Giedraitytė V., Raipa A. Innovation implementation of interference in modern public management, *Public Policy and Administration*, 2012, no. 11(2), pp. 187-197.
6. Guogis A., Kacevičius R., Stasiukynas A., Municipalities and non-governmental organizations in two Lithuanian districts: View from two models, *Facta Universitatis*, 2010, no. 9 (1), pp. 73-97.

7. He H., Antonio N., Trigo V. HeXie management theory and sustainable development, *African Journal of Business Management*, 2012, no. 50, pp. 12005-12015.
8. Indriūnas A.V., Makštutis A. *Public management strategy Lithuania. The fifth constitution*, Vilnius, Firidas, 2008, pp. 24-38.
9. Lin S. Application of business niche in strategic management: A study, based on oriental idea of harmony, *Modern Economy*, 2015, no. 6 (2), pp. 217-222; <http://dx.doi.org/10.4236/me.2015.62019>.
10. Raipa A., Petukienė E. Customer participation in public services: general services, *Public Policy and Administration*. 2009, no. 27, pp. 54-62.
11. Raipa, A. Innovative developments in the twenty-first century public management, *Public Policy and Administration*, 2012, no. 11 (2), pp. 357-359.
12. Smalskys V., Skietrys E. Public Management modernization aspects and problems of implementation, *Public Policy and Administration*, 2014, no. 24, pp. 60-67.
13. Urmonienė D. Harmonious management in public sector, *Research for Rural Development*, 2016, vol. 2, pp. 218-225.
14. Volmert A. Indigenous self-determination and freedom from rule, *The Good Society*, 2010, no. 19 (2), pp. 53-59.
15. XI Youming, Xiao Hongwen, Hong Tao HeXie management theory and its new development in the principles, *Chinese Journal of Management*, 2005, pp. 23-28.

Замятина Наталья Александровнаканд. филол. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация**ORCID:** 0000-0001-8184-6304**e-mail:** na_zamyatina@guu.ru**Збарская Анна Владимировна**старший преподаватель, ФГБОУ ВО
«Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация**ORCID:** 0000-0001-7380-2977**e-mail:** na_zbarskaya@guu.ru

МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ТУРИЗМЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПАНДЕМИИ

Аннотация. Активные процессы цифровизации экономики с начала 2010-х гг. благодаря бурному развитию мобильного интернета и искусственного интеллекта были ускорены пандемией COVID-19, вызвавшей катастрофические потери в международном туризме в 2020 г. В настоящей статье рассмотрено восприятие туристического региона молодым поколением эпохи смартфонов и социальных сетей и поставлены задачи адаптации туризма в мире VUCA – мире нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности. В числе приоритетных стратегий развития туризма в регионах: внедрение в туризме невидимых технологий управления и создание полноценной онлайн-платформы молодежного досуга, разработка концепций современного использования исторических зданий с сохранением их исторической аутентичности и романтической атмосферы, организация общественных пространств для обмена опытом между поколениями на базе взаимных интересов и поощрение проектов с вовлечением молодых людей с ограниченными возможностями. Назрела потребность в долгосрочном планировании и формировании глобальной системы общечеловеческих ценностей и понимания человеком своего места в «новой реальности». Этот вектор развития приведет к новому уровню человечности в перспективе 5–10 лет.

Ключевые слова: развитие туризма, стратегическое планирование в туризме, молодежные инициативы, пандемия, COVID-19, мир VUCA, цифровизация экономики, гуманизация общества

Для цитирования: Замятина Н.А., Збарская А.В. Молодежные инициативы в туризме в эпоху цифровизации и пандемии // Вестник университета. 2021. № 2. С. 21–29.

YOUTH INITIATIVES IN TOURISM IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND PANDEMIC

Abstract. The rapid digitalization of the economy since the early 2010s thanks to the rapid development of the mobile Internet and artificial intelligence was accelerated by the COVID-19 coronavirus pandemic, which caused catastrophic losses in international tourism in 2020. This article considers the perception of the tourist region by the young generation of the era of smartphones and social networks and sets objectives of adapting tourism in the world of VUCA – a world of instability, uncertainty, complexity and ambiguity. The priority strategies of tourism development in the regions: the introduction of the unseen tourism management technologies and creation of the online platform of youth leisure, development of concepts modern use of historic buildings while preserving their historical authenticity and romantic atmosphere, organization of public spaces for the exchange of experiences between generations on the basis of mutual interest and encouragement of projects engaging young people with disabilities. There is a need for long-term planning and the formation of a global system of universal values and human understanding of their place in the “new reality”. This vector of development will lead to a new level of humanity in the future 5–10 years.

Keywords: tourism development, strategic planning in tourism, youth initiatives, pandemic, COVID-19, VUCA world, digitalization of the economy, humanization of society

For citation: Zamyatina N.A., Zbarskaya A.V. (2021) Youth initiatives in tourism in the era of digitalization and pandemic. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 21–29. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-21-29

Natalya A. ZamyatinaCand. Sci. (Philol.), State University
of Management, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0001-8184-6304**e-mail:** na_zamyatina@guu.ru**Anna V. Zbarskaya**Senior lecturer, State University
of Management, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0001-7380-2977**e-mail:** na_zbarskaya@guu.ru

Введение

Активные процессы цифровизации экономики с начала 2010-х гг., вызванные бурным развитием мобильного интернета и искусственного интеллекта, были ускорены пандемией COVID-19, вызвавшей катастрофические потери в международном въездном туризме в 2020 г. В настоящей статье ставятся задачи адаптации туристической индустрии под потребности молодого поколения эпохи смартфонов и социальных сетей в эпоху нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности.

Анализ источников и результаты

Особенности эпохи 2020-х гг. Для описания турбулентной эпохи времени пандемии COVID-19 социологами был адаптирован военный термин VUCA (от англ. volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность и ambiguity – неоднозначность), впервые использованный американскими военными в 1987 г. для описания особенностей мира после окончания холодной войны [26]. Он связан с социально-экономическими изменениями из-за вынужденной изоляции, перехода к дистанционным видам деятельности, разрыва социальных связей и нарушения привычного образа жизни. В бизнесе, для которого характерны изменчивость и непредсказуемость, введен специальный параметр оценки сотрудников на устойчивость (англ. resilience) [20].

Отношение к нестабильности в странах Востока и Запада. Согласно обширному многолетнему исследованию особенностей национальной культуры разных стран профессора Г. Хофстеда, ощущение неопределенности и нестабильности (англ. uncertainty avoidance index, UAI), которое является одной из главных причин роста агрессии в обществе, по-разному воспринимается в странах Востока и Запада. Восточные культуры (и культура Швеции) оказываются более устойчивыми к изменениям, исключением является высокоразвитая Япония (табл. 1).

Таблица 1

Восприятие нестабильности в странах Востока и Запада

UAI 30-50	UAI 50-75	UAI 75-100
Швеция (29)	Норвегия (50)	Италия (75)
Китай (30)	Нидерланды (53)	Испания (86)
Вьетнам (30)	Швейцария (58)	Япония (92)
Индия (40)	Финляндия (59)	Россия (95)
	Германия (65)	Португалия (99)
	Тайвань (65)	Греция (100)

Источник: [18]

Особенности молодежи 2020-х гг. Очевидны возрастные отличия в восприятии динамики жизни: среди молодого поколения всегда находились люди, отличающиеся повышенной активностью, заинтересованностью в новых технологиях и желанием изменить мир на свой вкус. По личному преподавательскому опыту, около 10–20 % студентов в учебных группах отличаются активной позицией. По статистике, более 50 % молодежи к 2050 г. сосредоточится в Азиатском регионе, около 30 % – в Африке, около 10 % – в развитых странах Европы и Америки, около 7 % – в странах Центральной Америки, а в Австралии число молодых людей достигнет 50 % от населения [21]. Мир неравномерно в географическом плане молодеет, и вопрос понимания особенностей взаимодействия с молодым поколением становится все более актуальным.

Исследование опыта работы с молодежью 15–24 лет в разных странах выявило общие проблемы: отсутствие занятости и нехватку возможностей для самовыражения, повышенную агрессию и тревожность. Восприятие молодыми людьми окружающего мира как враждебного, из-за чего так сильно возрастает тревожность и агрессия, напрямую связано с посредничеством взрослых, транслирующих ценности общества [19; 21]. Две недавние инициативы в этой связи вызывают особый интерес: движение Греты Тунберг (Швеция), нацеленное на ответственное отношение к экологии у подросткового поколения, и введение в учебных заведениях

Индии специального предмета «Гармоничное развитие личности в окружающем мире» [17; 22]. Обе инициативы направлены на активное изменение восприятия окружающего мира и себя в этом мире молодыми людьми, то есть готовят поколение для новой реальности (от англ. new normal).

В проведенных за последние несколько лет исследованиях в рамках «теории поколений» уточнены характеристики молодежи «цифровой эпохи» (табл. 2).

Таблица 2

Особенности поколений 1981–2005 г. р.

Причины	Характеристики
Потребности	
– скорость изменения внешней среды; – внимание к безопасности в обществе; – рыночные отношения в обществе; – навязывание со стороны средства массовой информации моделей поведения	– психология потребительства; – фокус потребностей на «здесь и сейчас»; – безопасность; – карьеризм; – желание быстрого заработка; – завышенная самооценка; – ориентированность на славу и успех; – демонстративность; – подражательство; – ожидание профессионального развития навыков
Ценности	
– скорость изменения внешней среды; – степень толерантности в обществе; – гиперопека; – направленность школьного образования; – отсутствие/наличие соответствующей подготовки	– индивидуализм, личное в приоритете; – самовыражение и самоутверждение, желание выделиться из толпы; – отложенное взросление, инфантилизм; – высокие запросы (желание отдачи от работы и участия в принятии решений); – аполитичность; – в приоритете личность, потом семья; – стремление к минимизации роли государства в жизни общества и личности; – склонность к либеральным ценностям; – отложенное взросление, инфантилизм; – недостаток профессиональной идентичности; – недостаток эрудиции; – неприятие иерархии; – отсутствие боязни власти (начальства), готовность отстаивать свои права; – трудности в адаптации к иерархии и бюрократическим способам принятия решений; – неготовность принять чужое решение, предпочтение собственного опыта «свободы» и ошибок; – отсутствие границ; – отсутствие боязни ошибок; – стремление к свободе и самовыражению; – самостоятельность; – мотивированность на профессиональную идентичность; – размытость гендерных ролей

Причины	Характеристики
Мышление	
– цифровая среда; – сверхпотребление разнообразной информации при отсутствии системного подхода	– «цифровые аборигены»; – погруженность в мир технологий, Интернет, соцсети; – независимость от традиционных средств массовой информации (телевидения, радио, газет); – интерес к технике, технологиям и науке; – ориентированность на «кумиров»; – отсутствие склонности к самостоятельной рефлексии; – непредсказуемость необдуманных действий; – слабое восприятие системной информации; – слабое стратегическое мышление, неспособность прогнозировать; – интерес к текущему моменту, взаимодействию с людьми, местом, проблемой; – отсутствие боязни ошибок; – готовность к изменениям; – гибкость мышления; – смена парадигмы мышления; – клиповое, сегментарное мышление
Эмоциональный интеллект	
– гиперопека; – чрезмерная похвала; – преобладание криминальной тематики в средствах массовой информации; – оценочная система проверки знаний	– эгоцентризм; – нарциссизм; – недостаток эмпатии; – боязнь ошибок; – эмоциональная неустойчивость; – отсутствие самокритичности; – уход от конфликтов и состязательности; – отсутствие желания и способности договариваться с начальством; – опыт столкновения с мнениями других; – вынесение собственного опыта и умозаключений на публичное обсуждение; – тестирование реакций аудитории; – неготовность к конфликтам; – неготовность к состязательности; – готовность к сотрудничеству, созданию союзов-альянсов, коллабораций, работе в группах, обсуждениям, обмену мнениями
Навыки работы с цифровыми технологиями	
– развитие цифровых технологий (мобильный интернет, социальные сети); – доступность цифровой среды	– владение технологиями сетевой коммуникации (умение быстро проводить обсуждения, благодаря мессенджерам и социальным сетям, и быстро принимать коллегиальные решения); – виртуализация общения; – навык поиска информации

Источник: [1]

Приведенные в исследованиях характеристики могут быть уточнены в специализированных исследованиях и являются актуальной информацией в эпоху изменений рынка и кастомизации (от англ. customization), то есть адаптации продуктов и услуг под потребности конкретной аудитории, для составления портрета

потребителя. Государства также делают выводы из проведенных исследований и корректируют демографическую молодежную политику. Например, в России по инициативе президента появилась платформа «Россия – страна возможностей» [15].

Участие молодежи в развитии туристической индустрии. В 2020 г. индустрия туризма в России, ориентированная, в основном, на выездной туризм, потерпела значительный ущерб от изоляционных мер и закрытия границ с целью предотвращения распространения инфекции до начала всеобщей вакцинации от COVID-19. Правительством было принято решение о преобразовании отрасли в стратегическую с новым органом управления – Федеральным агентством по туризму. Одновременно с этим были разработаны меры по обновлению туризма с помощью профессиональных сообществ туроператоров, отельеров и других игроков туристического рынка, а также поставлены новые задачи перед учебными заведениями, занимающимися подготовкой туристических кадров, в том числе привлечение молодежи к решению практических задач регионального туризма и разработке новых проектов. В 2019 г. предложен новый формат для обмена опытом и продвижения молодежи в сфере туризма – всероссийский профессиональный конкурс «Мастера гостеприимства» [12]. Формат конкурса предполагает решение отраслевых задач и демонстрацию профессиональных навыков. Большим достижением конкурса можно считать формат встречи с участниками: после регистрации им предлагается записать видеобращение с приглашением в выбранный регион. У конкурсантов есть выбор, рассказывать о своем регионе или о другом месте – регионе, городе, районе или туристическом объекте. Главное – показать свой профессиональный интерес и навыки. Для университетов, в которых реализуется обучение в формате проектной деятельности, подобные конкурсы предоставляют возможность командам озвучить свое видение туризма, его достижений и проблем, а также заявить о своей активной профессиональной позиции.

Для оценки восприятия молодым поколением проблем регионального туризма для данной статьи были взяты материалы выступлений студентов программы менеджмента в гостиничном и ресторанном бизнесе ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», подготовленные для участия во II Всероссийском профессиональном конкурсе «Мастера гостеприимства» [12]. Примечательно, что конкурсанты из разных регионов, включая Москву, озвучили похожие требования к туризму: прозвучала личная оценка потенциала региона для жизни и туризма, а также критика в связи с недостаточным вниманием к организации молодежного досуга [5; 7; 9; 10; 11]. Умение показать предметный мир через призму личного восприятия является важным навыком для профессионала и свидетельствует о его активной позиции. При этом процент активного участия в публичных научно-исследовательских мероприятиях в студенческой среде (10 %) показателен и соответствует результатам исследования молодого поколения в разных странах: помимо доминирующей пассивности и склонности к развлекательному контенту ученые разных стран отмечают общественно-политическую апатию и затухание агрессии у молодежи с возрастом [2]. Помимо этого, по личным отзывам преподавателей разных вузов, у молодежи нарастает негативная тенденция использовать пассивную агрессию как инструмент манипуляции. Особенно ярко это проявилось во время изоляционных мероприятий во время пандемии.

Второй главной мыслью, озвученной молодыми участниками конкурса, помимо стремления к развлекательному досугу, явилось стремление к эстетизации туристического пространства [4; 6; 7; 8; 9]. Для поколения эпохи общения в социальных сетях – селфи, блогерства и живых трансляций – важно не только внимание к историческим памятникам и их состоянию, но и социально-эстетическая сторона: люди на фоне ухоженных исторических памятников должны выглядеть красиво, что соответствует потребности в гуманизации общества, характерной для эпохи перемен. Исторически это также подтверждается проявлением романтизации жизни во времена бурных изменений в обществе. Сюда относится и увлеченность молодежи традиционными праздниками в духе исторического романтизма – это и фестивали традиционных празднеств, и реконструкции исторических событий. В связи с этим концепция романтизации в туризме требует дополнительной проработки, и «ухоженность» исторических памятников не обязательно подразумевает реставрацию или реконструкцию: руины вызывают гораздо больше эмоций и являются одним из атрибутов романтизма. К примеру, одним из популярных у молодежи общественных пространств Санкт-Петербурга являются облагороженные руины особняка Лопухиных и Нарышкиных (Third place, Литейный пр., 62) [25].

Анализ результатов

Адаптация индустрии туризма для молодежной аудитории.

Если подробнее рассмотреть, с чем придется иметь дело молодому поколению в ближайшие 10 лет, на первый план выходит расширение сферы применения искусственного интеллекта и ускорение цифровых сервисов, а в личную жизнь приходит медийность, что означает вторжение цифровых технологий непосредственно в частную жизнь человека. В связи с этим встает вопрос об однородности молодого поколения в отношении к цифровым технологиям и готовности жертвовать личным пространством, особенно с учетом тенденции использования открытого аккаунта – без прикрытия аватаром и ником – для профессионального личного брендинга в социальных сетях.

Вопросы отношения молодого поколения к этическим вопросам использования искусственного интеллекта и замещению ряда специальностей роботами также относятся к сфере формирования будущих ценностей общества.

Особое внимание разработчиков туристических продуктов для молодежи должно быть обращено на проблему наступления цифровых технологий на сферу человеческого общения: речь уже идет не о переносе общения в социальные сети или дистанционном общении через экран, а о симуляции человеческих эмоций с помощью технологий виртуальной и дополненной реальности. По данным Statista, в самой многонаселенной стране мира уже активно развивается рынок виртуальных свиданий, а настоящим культурным феноменом современности становится не литература или искусство, а киберспорт с просмотром видеотрансляций игр в реальном времени. Тяга к развлекательному контенту оказывает влияние уже на сам образ жизни, когда рутинные действия оживляются с помощью игрового элемента. Например, онлайн-покупки могут повышать адреналин, если использовать инструмент слежения за падением цены и охоты за лучшим предложением, а люксовые виртуальные товары для аватаров компьютерных игр и сети Instagram повышают самооценку у людей, обращающих внимание на статус.

Выводы

Обобщая вышесказанное, можно обозначить задачи адаптации индустрии туризма для аудитории молодого поколения.

1. Внедрение технологических инноваций для невидимого управления в туризме: от поиска информации и планирования досуга до цифрового сопровождения во время путешествия, включая информирование о безопасности, – является актуальным для smart-поколения эпохи цифровизации.

2. «Новая реальность» 2020 г. выявила потребность в долгосрочном планировании, а также формировании глобальной системы ценностей человечества и понимания человеком своего места в нестабильном, неопределенном, сложном и неоднозначном мире VUCA. В этой связи интересный опыт создания туристической достопримечательности нового типа представляет собой проект Дэнни Хиллиса и Стюарта Брэнда – часы «Long Now» с запасом хода на 10 000 лет внутри горы в штате Техас (США). Цель этого проекта – создать новый миф, который изменит мышление и создаст долгосрочное представление о мире [24].

3. Создание новой романтической реальности: необходимы исследования потенциала исторических стилей с целью использования их в туризме в связи с востребованностью романтизации досугового пространства со стороны молодого поколения и разработка концепций использования исторических зданий с сохранением их исторической аутентичности.

4. Организация особых общественных пространств для обмена опытом между поколениями на базе взаимных интересов – киберспорта (англ. e-sports) или традиционных игр. К примеру, в Санкт-Петербурге пользуется популярностью совместное решение головоломок в Арке главного штаба в ночное время. В этой простой идее прекрасно все, начиная от выбора места (одного из самых оживленных), времени суток, когда вокруг звучит музыка и архитектура красиво подсвечена, и заканчивая общением: спонтанно образуется сообщество единомышленников, целью отдыха которых не является пассивное потребление. Такие виды досуга нужно поощрять и создавать больше условий для интеллектуального отдыха.

5. Одним из признаков нового поколения является толерантность, которая, однако, находится в прямой зависимости от уровня культуры. Проблема буллинга является одной из актуальнейших тем для российских исследований в подростковой, молодежной и рабочей среде. Создание инклюзивных площадок и поощрение

проектов с вовлечением молодых людей с ограниченными возможностями – это путь к новому уровню человечности через 5–10 лет. В качестве ориентира могут быть использованы идеи социального проекта «Простые вещи», реализованные в Санкт-Петербурге: предприятие общественного питания «Огурцы» и инклюзивные мастерские «Простые вещи», оба направленные на трудоустройство людей с особенностями развития [13].

6. Назрела необходимость создания полноценной национальной и международной онлайн-платформы молодежного досуга: площадок и календаря проведения мероприятий с встроенной системой покупки билетов, поиском попутчиков и единомышленников, системой лояльности и льгот для особых категорий, а также обозначением социальных инициатив и мер безопасности. Например, проект «Позовите Галю» для защиты женщин от нежелательного внимания объединяет общественные пространства и точки общественного питания, где можно получить необходимую помощь в экстренном случае, и преследует цель сделать города безопаснее [14]. Смена приоритетов новых поколений потребителей и ограниченная мобильность из-за пандемии 2020 г. увеличила долю индивидуальных путешественников, соответственно, растет потребность в цифровых сервисах по поиску информации об услугах и информированию о безопасности и маршруте передвижения: по поиску и бронированию билетов, планированию поездок, информированию об отмене рейсов и режиме работы объектов, а также подборе спутников с аналогичными интересами и запросами [3; 16; 23].

Проблематика молодежной политики и инициатив в туризме – одна из самых актуальных в турбулентное время. В статье акцентированы некоторые задачи по адаптации туристической отрасли под потребности поколения 2000-х гг. в мире нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности (VUCA).

Библиографический список

1. Замятина, Н. А. Международный бизнес и современные образовательные технологии // Общество. Доверие. Риски: Материалы Ежегодного Международного форума, г. Москва, 2 октября 2019 г. / под общ. ред. П.В. Терелянского. – М.: ГУУ, 2019. – С. 21-25.
2. Замятина, Н. А. Международный опыт управления рисками smart-поколения // Общество. Доверие. Риски: Материалы Ежегодного Международного форума, г. Москва, 28 октября 2020 г. / под общ. ред. И.В. Грошева. – М.: ГУУ, 2020. – С. 204-211.
3. Фролова, Е. А. Тенденции и проблемы развития мирового туризма // Вестник университета. – 2019. – № 3. – С. 61-65; <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-3-61-65>.
4. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Гуцул Алена (Белоозерский, МО) [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/PNHTDp1o2ns> (дата обращения: 17.01.2021).
5. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Колонюк Глеб (Челябинская область) [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/z6lXaFf-8QY> (дата обращения: 17.01.2021).
6. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Маргарита Левина (Соликамск, Пермская область) [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/7eMb68dJn5Y> (дата обращения: 17.01.2021).
7. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Маргарита Юшкова (Подольск, МО). [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Af8LSACNXP4> (дата обращения: 17.01.2021).
8. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Поваляев Егор (пос. Архангельское, МО) [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/vL-NDg6E4pE> (дата обращения: 17.01.2021).
9. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Симакин Иван (Москва) [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=OfDbhKa8d_U (дата обращения: 17.01.2021).
10. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Тимофеева Яна (Камышин, Вологодская область) [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/37opv3SSdxU> (дата обращения: 17.01.2021).
11. Конкурс «Мастера гостеприимства 2020-2021» Ястребов Дмитрий (Новокузнецк, Кемеровская область) [Видеозапись] // You Tube. – 14 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/mf6zl0zotfs> (дата обращения: 17.01.2021).
12. Мастера гостеприимства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://welcomesip.ru> (дата обращения 17.01.2021).
13. Простые вещи: инклюзивные мастерские [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prostieveschi.ru> (дата обращения: 17.01.2021).
14. Позовите Галю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://galyahelps.ru> (дата обращения: 17.01.2021).
15. Россия – страна возможностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rsv.ru> (дата обращения: 17.01.2021).

16. Camarena, A. What will happen to the travel industry after Coronavirus: And 6 startups that can help // Plug-and-Play Tech Centre. – March 26, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.plugandplaytechcenter.com/resources/impact-covid-19-travel-hospitality-industry-and-6-startups-can-help/> (дата обращения: 17.01.2021).
17. Climate Emergency EU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://climateemergencyeu.org> (дата обращения: 17.01.2021).
18. Country comparison // Hofstede Insights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/> (дата обращения: 17.01.2021).
19. Lenart, T. E. R. B. Empowering the youth to lead the future: What should we be teaching the youth to help them lead their country to national prosperity? // Academia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/41552253/Academic_Paper_SOCIAL_CHANGE_Empowering_the_Youth_to_Lead_the_Future_What_should_we_be_teaching_the_youth_to_help_them_lead_their_country_to_prosperity (дата обращения: 17.01.2021).
20. Ovens, A. What resilience means, and why it matters // Harvard Business Review. – January 5, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hbr.org/2015/01/what-resilience-means-and-why-it-matters> (дата обращения: 17.01.2021).
21. Schleider, J. L., Krause, E. D., Gillham, J. E. Sequential comorbidity of anxiety and depression in youth: Present Knowledge and Future Directions // Current Psychiatry Reviews. – 2014. – V. 10, no. 1. – Pp. 75-87. DOI: 10.2174/1573400509666131217010652.
22. Siddiqi, N. Building youth for a bright future: A case study of Ramanujan college Part 1 // Academia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/6913160/Building_Youth_for_a_Bright_Future_A_Case_Study_of_Ramanujan_College_Part_I (дата обращения: 17.01.2021).
23. Ten travel startups to watch after Coronavirus // Travel Daily News. – August 14, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://traveldailynews.com/post/ten-travel-startups-to-watch-after-coronavirus> (дата обращения: 17.01.2021).
24. The 10,000 Year Clock // The Long Now Foundation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://longnow.org/clock/> (дата обращения: 17.01.2021).
25. Third Place [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thirdplace.ru> (дата обращения: 17.01.2021).
26. VUCA-world by Waltraud Glaeser [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vuca-world.org> (дата обращения: 17.01.2021).

References

1. Zamyatina N. A. Global business and modern educational technologies, *Society. Trust. Risks: Materials of Annual International Forum, Moscow, October 2, 2019*, under the general editorship by P. V. Tereliansky, Moscow, Publ. House of the State University of Management, 2019, pp. 21-25. (In Russian).
2. Zamyatina N. A. International expertise in managing risks of the smart-generation, *Society. Trust. Risks: Materials of Annual International Forum, Moscow, October 28, 2020*, under the general editorship by I. V. Groshev, Moscow, Publ. House of the State University of Management, 2020, pp. 204-211. (In Russian).
3. Frolova E. A. Trends and problems of development of the world tourism, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 3, pp. 61-65. (In Russian); <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-3-61-65>
4. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Gucul Alena (Beloozersky, Moscow Region), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: <https://youtu.be/PNHTDp1o2ns> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
5. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Kolonyuk Gleb (Chelyabinsk Region), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: <https://youtu.be/z6lXaFf-8QY> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
6. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Levina Margarita (Solikamsk, Perm Region), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: <https://youtu.be/7eMb68dJn5Y> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
7. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Yushkova Margarita (Podolsk, Moscow Region), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Af8LSACNXP4> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
8. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Povalyaev Egor (settlement Arhangelskoe, Moscow Region), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: <https://youtu.be/vL-NDg6E4pE> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
9. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Simakin Ivan (Moscow), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=OfDbhKa8d_U (accessed 17.01.2021). (In Russian).
10. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Timofeeva Yana (Kamyshin, Vologda Region), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: <https://youtu.be/37opv3SSdxU> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
11. Masters of Hospitality Competition 2020–2021, Yastrebov Dmitry (Novokuzneck, Kemerovo Region), [Video recording], *You Tube, January 14, 2021*. Available at: <https://youtu.be/mf6zl0zotfs> (дата обращения 17.01.2021). (In Russian).

12. *Masters of Hospitality*. Available at: <http://welcomecup.ru> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
13. *Prostye veshchi: Inklyuzivnye masterskie*. Available at: <http://prostieveschi.ru> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
14. *Pozovite Galyu*. Available at: <http://galyahelps.ru> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
15. *Rossiya – strana vozmozhnostei*. Available at: <https://rsv.ru> (accessed 17.01.2021). (In Russian).
16. Camarena A. What will happen to the travel industry after Coronavirus: And 6 startups that can help, *Plug-and-Play Tech Centre*, March 26, 2020. Available at: <https://plugandplaytechcenter.com/resources/impact-covid-19-travel-hospitality-industry-and-6-startups-can-help/> (accessed 17.01.2021).
17. *Climate Emergency EU*. Available at: <https://climateemergencyeu.org> (accessed 17.01.2021).
18. Country comparison, *Hofstede Insights*. Available at: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/> (accessed 17.01.2021).
19. Lenart T. E. R. Empowering the youth to lead the future: What should we be teaching the youth to help them lead their country to national prosperity?, *Academia*. Available at: https://www.academia.edu/41552253/Academic_Paper_SOCIAL_CHANGE_Empowering_the_Youth_to_Lead_the_Future_What_should_we_be_teaching_the_youth_to_help_them_lead_their_country_to_prosperity (accessed 17.01.2021).
20. Ovans A. What resilience means, and why it matters, *Harvard Business Review*, January 5, 2015. Available at: <http://hbr.org/2015/what-resilience-means-and-why-it-matters> (accessed 17.01.2021).
21. Schleider J. L., Krause E. D., Gillham J. E. Sequential comorbidity of anxiety and depression in Youth: Present Knowledge and Future Directions, *Current Psychiatry Reviews*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 75-87. DOI: 10.2174/1573400509666131217010652
22. Siddiqi N. Building youth for a bright future: A case study of Ramanujan college, Part 1, *Academia*. Available at: https://www.academia.edu/6913160/Building_Youth_for_a_Bright_Future_A_Case_Study_of_Ramanujan_College_Part_I (accessed 17.01.2021).
23. Ten travel startups to watch after Coronavirus, *Travel Daily News*, August 14, 2020. Available at: <https://traveldailynews.com/post/ten-travel-startups-to-watch-after-coronavirus> (дата обращения 17.01.2021).
24. The 10,000 year clock, *The Long Now Foundation*. Available at: <https://longnow.org/clock/> (accessed 17.01.2021).
25. *Third Place*. Available at: <http://thirdplace.ru> (accessed 17.01.2021).
26. *VUCA World* by Waltraud Glaeser. Available at: <http://vuca-world.org> (accessed 17.01.2021).

УДК 334.7 JEL M13

Кожевникова Лариса Валерьевна
канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6231-6869
e-mail: lakozhevnikova@yandex.ru

Старовойтова Ирина Евгеньевна
канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8527-1840
e-mail: iestar1@mail.ru

Larisa V. Kozhevnikova
Cand. Sci. (Philos.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6231-6869
e-mail: lakozhevnikova@yandex.ru

Irina E. Starovoytova
Cand. Sci. (Philos.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8527-1840
e-mail: iestar1@mail.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-30-35

ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО В ВИРТУАЛЬНЫХ КОМАНДАХ

Аннотация. Статья посвящена новой модели организации производственной деятельности, адекватной вызовам цифровизации, – виртуальным организациям. Показано, что широкое распространение в последнее десятилетие виртуальных организаций, не имеющих четких границ в пространстве и времени, порождает новые проблемы управления. Старые модели управления, основанные на иерархичности, авторитарном подходе и наказании/поощрении, как главных орудиях мотивации, неэффективны в виртуальных командах. На смену традиционному транзакционному лидерству должно прийти лидерство трансформационное, предусматривающее индивидуальный подход, интеллектуальную стимуляцию, идеализированное влияние и вдохновляющую мотивацию. Обозначены социально-психологические трудности распространения трансформационного лидерства. Подчеркнута необходимость формирования лидерских, управленческих и цифровых компетенций для эффективного лидерства в проектных виртуальных командах.

Ключевые слова: цифровая трансформация, виртуальная организация, виртуальная команда, командное лидерство, транзакционное лидерство, трансформационное лидерство, компетенции лидера, мотивация к труду

Для цитирования: Кожевникова Л.В., Старовойтова И.Е. Трансформационное лидерство в виртуальных командах // Вестник университета. 2021. № 2. С. 30–35.

TRANSFORMATION LEADERSHIP IN VIRTUAL TEAMS

Abstract. The article is devoted to a new model for organizing production activities that is adequate to the challenges of digitalization – virtual organizations. The authors show that the widespread adoption of virtual organizations that have no clear boundaries in space and time over the past decade gives rise to new management problems. Old management models based on hierarchy, authoritarian approach, and punishment / reward as the main motivators are not effective in virtual teams. Traditional transactional leadership should be replaced by transformational leadership, which involves an individual approach, intellectual stimulation, idealized influence and inspiring motivation. The authors indicate the social and psychological difficulties of the spread of transformational leadership. The paper emphasizes the need for the formation of leadership, managerial and digital competencies for effective leadership in project virtual teams.

Keywords: digital transformation, virtual organization, virtual team, team leadership, transactional leadership, transformational leadership, leader competencies, motivation to work

For citation: Kozhevnikova L.V., Starovoytova I.E. (2021) Transformation leadership in virtual teams. Vestnik universiteta, no. 2, pp. 30–35. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-30-35

Введение

В условиях глобальной цифровизации и цифровой трансформации активно развивается новый тип организации, полностью зависящей от современных информационных и коммуникационных технологий, – виртуальная организация, не имеющая четко обозначенных границ в пространстве и времени. «Под виртуальной организацией будем понимать временное или постоянное образование экономически независимых и географически разрозненных рыночных агентов, комбинирующих человеческий, физический, финансовый, социальный капиталы и ключевые компетенции, обладающих единой сетевой организационной культурой,

© Кожевникова Л.В., Старовойтова И.Е., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kozhevnikova L.V., Starovoytova I.E., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

действующих в рамках контракта и единого информационного пространства и производящих на их основе конечный продукт или услугу. При этом конечный продукт или услуга могут быть как виртуальными, так и традиционными» [5, с. 38]. Конфигурация виртуальных организаций отличается подвижностью, она включает в себя создаваемые для реализации того или иного проекта команды. В зависимости от конкретных целей и задач состав и структура проектной команды варьируются. Внутри виртуальной проектной команды коммуникации происходят при помощи интернет-технологий. Одной из отличительных черт виртуальных организаций является их полицентричность, участники проектных команд рассредоточены географически, организационно или во времени. Взаимодействие в виртуальных проектных командах осуществляется с помощью передовых цифровых технологий, преодолевающих офисные, региональные и национальные границы, и имеет свои преимущества и недостатки.

К достоинствам виртуальных проектных команд относятся:

- гибкость и адаптивность команды, которые помогают легко перестраивать все процессы в соответствии с изменяющимися условиями реализации проекта. Трансформировать можно состав команды, модели рабочего времени, функции и роли работников в работе над проектом;
- высокий уровень креативности, позволяющий разрабатывать и внедрять новации и инновации. Именно в творческих процессах члены команд из различных культур, не ограниченные рамками конкретных стереотипов, могут положительно влиять друг на друга, создавая инновационные решения;
- высокий уровень компетентности специалистов, поскольку существует возможность приглашать для участия в проекте наиболее опытных и талантливых специалистов, независимо от того, где они проживают или трудятся;
- ускорение и улучшение координации рабочих процессов, вследствие использования информационно-коммуникационных технологий, позволяющих быстрее оперировать информацией;
- безопасность рабочих мест для сотрудников в условиях пандемии и карантинных мер.

К недостаткам виртуальных команд можно отнести:

- проблемы, связанные с использованием информационных технологий: необходимость выбора удобного программного обеспечения, установки его на аппаратные средства каждого члена команды, консультирование, организация дополнительных обучающих тренингов;
- отсутствие живых коммуникаций, увеличивающее риски, связанные с разработкой и реализацией проекта;
- проблемы формирования командного духа и доверия. Чувство единения обеспечивает команде стабильность и устойчивость в условиях разнообразных культурных традиций и разнонаправленных индивидуальных устремлений. Отсутствие личного общения существенно усложняет формирование командного духа и доверия;
- проблема контроля. Виртуальная команда предполагает усиление самоконтроля и самоорганизации. В случае если отдельные члены команд не справляются со сроками работы или не укладываются в технический регламент, под удар ставится реализация проекта в целом;
- трансформация системы управления и лидерства. Традиционное лидерство (авторитарное, единоличное, вертикальное) не подходит для управления виртуальными проектными командами. Это связано с тем, что трудно, а порой и невозможно проконтролировать результат управляющего воздействия, так как в условиях пространственно-временной удаленности управляемых от управляющих затруднена обратная связь.

Особенности процессов, происходящих в виртуальных проектных командах, обуславливают специфику управления ими. Основные функции управления – планирование проекта, определение его целей и задач, поиск и привлечение участников проекта, распределение задач и ресурсов, управление взаимодействием и контроль. В условиях виртуальной команды роль лидера видоизменяется. Методы и приемы единоличного лидерства и авторитарного стиля управления неэффективны. В этой связи необходим анализ феномена командного лидерства в виртуальной проектной команде.

Анализ и основные результаты

Командное лидерство представляет собой групповое явление: лидер является элементом группы, а само лидерство есть не что иное, как система отношений внутри групповой структуры. Феномен лидерства можно отнести к динамическим групповым процессам. Поскольку намерения лидера занять лидирующую позицию

в группе могут не легитимироваться группой, можно констатировать противоречивость процесса командного лидерства. Другой динамический фактор состоит в том, что степень влияния лидера может варьироваться в разных обстоятельствах: иногда лидер становится авторитетом для команды, неким идеалом, образцом деятельности, а иногда (чаще всего именно так и происходит) лидер только профессионально организует решение задачи, что, собственно, и требуется от командного лидера для реализации проекта. Успех руководства командой зависит не только от личностных особенностей лидера, стиля руководства, но и от компетентности и опытности каждого участника команды, степени информированности членов команды о деталях выполняемого проекта, значимости и срочности поставленной лидером задачи. Командный лидер заботится о каждом участнике команды не только как о работнике, но и как о человеке, он выстраивает неформальные личные отношения внутри команды. Такой подход опирается на лучшие личностные качества каждого члена команды и ведет к мобилизации этих качеств, и, помимо этого, к отождествлению целей команды и интересов каждого участника. Возникает чувство единения и ответственности за общее дело. В результате грамотных действий командного лидера возникает синергетический эффект, при котором физические и интеллектуальные усилия одного умножаются на усилия других, и сплоченная команда оказывается в состоянии решать инновационные задачи. Нахождение каждого сотрудника виртуальной команды вне поля зрения традиционного руководителя и социального влияния группы, отсутствие социальной фасилитации и харизматического влияния лидера создают проблемы для мотивации работников, а также для освоения системы ценностей и организационной культуры [2, с. 320].

Лидерство в виртуальных командах является важным ресурсом командной деятельности и должно быть адекватным целям, задачам и специфическим особенностям виртуальной команды. Это процесс социального влияния, опосредованный современными информационными технологиями и направленный на изменения в установках, мыслях, поведении и продуктивности членов виртуальных команд.

В этой связи интересным представляется рассмотрение сущности трансформационного лидерства, которое включает интеллектуальную стимуляцию, индивидуальный подход и мотивирование, превращает лидера в катализатора инноваций, наставника, фасилитатора и командного тренера.

Феномен лидерства в контексте инновационной деятельности изучал Джеймс Мак-Грегор Бернс, предложив концепцию трансформационного стиля лидерства. Содержание понятия «трансформационное лидерство» в трактовке Дж. Бернса включает способности, направленные на поддержку организационных изменений, смелость, веру в способность сотрудников взять на себя ответственность, а также действия, направленные на приобщение к позитивному организационному опыту. Позитивный организационный опыт заключается в возможности работать с лидерами, интегрирующими интересы подчиненных, провоцирующими выход за привычные рамки рутины, демонстрирующими высокий уровень поддержки. Трансформационные лидеры мотивируют сотрудников, ставя перед ними нетривиальные цели, требующие нетривиальных решений, развивают способности находить оригинальное решение нетипичной задачи в нетривиальной ситуации. В основе процесса мотивации трансформационным лидером лежит такое взаимодействие, при котором потребности сотрудников в профессиональной самореализации удовлетворяются в ходе формирования лидером доверительной атмосферы, создания основы для взаимопроникновения личных интересов для организации и достижения организационных целей. Зачастую центральным мотивом эффективной деятельности сотрудников является возможность взаимодействия с неординарным лидером, направляющим их инновационную активность, формирующим видение коллективных целей и мотивирующим на их достижение. Последователи трансформирующих взаимодействие лидеров чувствуют восхищение и относятся к ним с глубоким доверием и уважением, что побуждает их ответственнее и качественнее выполнять свою работу. «Трансакционное лидерство» в противоположность «трансформационному лидерству» основывается на традиционных подходах к управлению через постановку целей, задач и контроль исполнения [3, с. 58].

Для трансакционных лидеров характерна постановка конкретной и измеримой цели деятельности, точное донесение до сотрудников ожидаемых результатов их работы, готовность к обратной связи и конкретизация вознаграждения, которое будет доступно в случае успешного выполнения ими поставленных задач. В рамках трансакционного лидерства именно вознаграждение является основным мотивом, направляющим сотрудников на качественное выполнение работы. Преимущество трансформационного лидерства по отношению к трансакционному, по мнению Дж. Бернса, заключается в имеющихся ограничениях мотивации в условиях

транзакционного лидерства. В частности, исследователь обратил внимание на прямую зависимость эффективности лидерства от состояния внутренней и внешней среды организации. Транзакционное лидерство эффективно в условиях стабильной и предсказуемой внутренней и внешней среды. В условиях нестабильности, необходимости инновационного нарушения равновесия среды мотивация, основанная на транзакционном взаимодействии, ограничивает возможности лидера в том, чтобы убедить сотрудников принять инновационные вызовы [4, с. 73]. Позднее положение Дж. Бернса о средовой ограниченности транзакционного лидерства было развито и органично включено в концепцию трансформационного лидерства Б. Басом и Б. Аволио.

Согласно Б. Бассу, трансформационный лидер стремится повысить сознательность сотрудников, обращаясь к их высшим идеалам и ценностям, причем он сам также следует этим высшим идеалам и ценностям. Он сам может моделировать ценности своих сотрудников, используя харизматические методы. Такой тип руководителя внимателен к потребностям и мотивам своих подчиненных и пытается мотивировать сотрудников ставить коллективные цели выше собственных. Соответственно, трансформационные лидеры должны уметь сформулировать и представить видение организации, и подчиненные должны доверять своему лидеру [1, с. 143].

Трансформационное лидерство включает четыре компонента: идеализированное влияние (харизма), индивидуальный подход, интеллектуальная стимуляция и вдохновляющая мотивация. Под идеализированным влиянием понимается стремление лидера вдохновить подчиненных, сделав так, что работники добровольно и искренне поддержат цели и ценности организации. Индивидуальный подход – это проявление внимания лидера к личности каждого подчиненного не только в утилитарных целях эффективной реализации проекта, но и для личностного и профессионального роста сотрудника. Результатом такого подхода должна стать гармонизация целей организации и интересов и целей каждого сотрудника. При индивидуальном подходе лидеры заботятся о профессиональном развитии работников, занимаются наставничеством и коучингом, что приводит к росту производительности труда членов команды. Интеллектуальная стимуляция нацелена на генерацию новых идей, инновационную активность сотрудников, и, в частности, должна приводить к рождению оригинальных решений. Вдохновляющая мотивация побуждает сотрудников бросать вызов самим себе. При помощи вдохновляющей мотивации лидеры в доступной форме могут донести важность поставленных целей и показать высокий уровень ожиданий, а также укрепить веру в то, что эти цели будут достигнуты.

Трансформационное лидерство предполагает не только высокую квалификацию лидера в предметной области и управлении, цифровую зрелость, но также развитые лидерские компетенции и хорошо подходит для управления виртуальными командами. Важнейшими особенностями этого стиля лидерства являются: ориентация на профессиональное развитие членов команды, на реализацию индивидуальных инноваций, усиление вовлеченности в рабочий процесс, высвобождение интеллектуального потенциала, вдохновляющее на креативные идеи и желание решать нестандартные задачи, что наиболее эффективно для членов виртуальных команд. Работникам интеллектуального труда важно быть не простыми исполнителями, а полноценными партнерами, творцами рабочего процесса. Трансформационное лидерство позволяет быть свободными в выборе структуры и способов решения задач, поощряет независимость и ответственность, капитализирует способности членов команды к инновациям.

Распространение трансформационного лидерства в виртуальных командах сталкивается с трудностями. Одна из них – отсутствие непосредственного эмоционального воздействия. Ведь важный механизм такого лидерства – эмоциональное заражение и возбуждение. В ходе выстраивания индивидуальных отношений с каждым подчиненным лидер проявляет заботу об их личностном и профессиональном развитии. Он прислушивается к потребностям и интересам своих последователей, обеспечивает возможности для получения интересной работы, развивая их мастерство и укрепляя уверенность в себе. При этом последователи отмечают высокий уровень психологической безопасности и эмоциональную привязанность к лидеру [6].

Убедительное выражение положительных эмоций в процессе общения способствует передаче информации о высокой вероятности достижения цели и повышению уверенности последователей в достижении ожидаемых показателей [7; 8; 9; 10]. Но в условиях виртуального общения гипнотизация лидером множества людей проблематична.

Вторая трудность распространения трансформационного лидерства в виртуальных командах связана с тем, что для трансформационного лидерства основным механизмом выступает имитационное научение, а в условиях виртуального общения такое научение невозможно.

В виртуальной команде процесс труда и результаты труда индивидуализированы. Все этапы интеллектуального труда происходят в головах людей и с трудом поддаются контролю со стороны руководителя. В этом состоит третья трудность распространения трансформационного лидерства.

Человеческий капитал виртуальной команды высокообразован, нацелен на демократические отношения с руководством, обладает высокой самодисциплиной, способен к самоменеджменту и самомотивации. Поэтому непрерывный мониторинг трудовой деятельности не является первостепенной задачей лидера. Эффективное лидерство высвобождает и мобилизует знания подчиненных, которые и без мониторинга работают хорошо и ответственно. Исследователями установлено, что ни наказание, ни поощрение не являются эффективными механизмами воздействия на сотрудников. Наказание демотивирует высокообразованных членов виртуальной команды, а поощрение затруднено тем, что лидеру нелегко учесть вклад каждого члена команды в общий продукт. Лидеры мотивируют сотрудников, подчеркивая важность общих целей и корпоративных ценностей. Задача трансформационного лидера – создавать разделяемую последователями картину реальности, опираясь на единую систему ценностей организации, становясь участником групповой динамики. Таким образом, лидерство должно стать горизонтальным, коллегиальным, консультационным, зачастую не явным, а латентным.

Действующие же методы традиционного лидерства архаичны и в виртуальной команде приводят «к торможению потоков информации, препятствуют проявлению сотрудниками способности продуцировать новые идеи, блокируют предпринимательский настрой, сдерживают адаптацию и в итоге негативно сказываются на общей продуктивности компании» [3, с. 50].

Выводы

Чтобы соответствовать вызовам современности, как руководителям, так и членам виртуальных команд необходимо сформировать лидерские, управленческие и цифровые компетенции. Лидерские компетенции предполагают развитое лидерское мировоззрение, навыки формирования виртуальных команд, умение создавать цифровую и гуманистическую организационную культуру, которая будет способствовать высокой мотивации и вовлеченности членов команды в проекты преобразований. Новые управленческие компетенции заключаются в применении передовых технологий управления, позволяющих привлечь, удержать и эффективно использовать высококвалифицированных сотрудников, создав для них благоприятные условия для результативного и инновационного труда. Цифровые компетенции – это умение грамотно выбирать и использовать разнообразные цифровые технологии.

Инициативы наиболее эффективны, если они исходят от рядовых сотрудников, а не навязываются «сверху». Это положение доказало свою действенность в ситуации вынужденного массового перехода к дистанционным формам работы в условиях пандемии коронавируса COVID-19. В ситуации удаленной работы традиционное транзакционное лидерство во многих случаях оказалось нерелевантным, менеджмент не справлялся с новизной и обилием неожиданных проблем. Необычность ситуации привела к необходимости принятия самостоятельных и инициативных решений низовыми звеньями управления. Применение инновационных технологий, вообще сами эти технологии создают множество нестандартных задач, с которыми вынуждены справляться рядовые работники. Производственные процессы, которые прежде выполнялись работниками офлайн, в силу объективных причин стали осуществляться онлайн, причем в некоторых сферах деятельности новые формы организации труда «прижились». Виртуальные проектные команды показали свою высокую эффективность. Поэтому распространение трансформационного стиля лидерства приобретает особую актуальность.

Библиографический список

1. Деминская, В. Э. Связь трансформационного лидерства с позитивными установками российских сотрудников ИТ-компаний // Организационная психология. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 141-165.
2. Журавлев, А. Л., Занковский, А. Н. Личность и виртуальная организация: психологические проблемы и перспективы научных исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 318-323. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-4-318-323.
3. Замулин, А. Л. Лидерство в эпоху знаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2012. – № 3. – С. 48-77.

4. Тихомиров, А. А., Спэнглер, У. Д. Стили лидерства и успешность слияний: трансформационно-транзакционная концепция лидерства // Российский журнал менеджмента. – 2005. – Т. 3, № 2. – С. 71-98.
5. Ткачева, Е. Н. Исследование человеческого капитала как актива виртуальных организаций Южного федерального округа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2011. – № 1. – С. 37-42.
6. Avolio, B. J., Bass, B. M. Transformational leadership, charisma and beyond // *Emerging Leadership Vistas* / J. G. Hunt, B. R. Baliga, H. P. Dachler, & C. A. Schriesheim (Eds.). – Lexington: Lexington Books, 1988. – Pp. 29-50.
7. Damen, F. Affective match in leadership: Leader emotional displays, follower positive affect, and follower Performance // *Journal of Applied Social Psychology*. – 2008. – No. 38. – Pp. 868-902.
8. Diefendorff, J. M., Gabriel, A. S., Leung, G. A. Organizational-level influence on employee emotional displays with customers: Paper presented the SIOP. – Atlanta, GA, 2010. – Pp. 227-267.
9. Van Kleef, G. A. Searing sentiment or cold calculation? The effects of leader emotional displays on team performance depend on follower epistemic motivation // *Academy of Management Journal*. – 2009. – No. 52. – Pp. 562-580.
10. Zhu, W., Avolio, B. J., Walumbra, F. O. Moderating role of follower characteristics with transformational leadership and follower // *Group & Organization Management*. – 2009. – No. 34. – Pp. 590-619.

References

1. Deminskaya V. E. Linking transformational leadership with positive attitudes of Russian employees of IT companies, *Organizational Psychology*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 141-165. (In Russian).
2. Zhuravlev A. L., Zankovskii A. N. Personality and virtual organization: psychological problems and research prospects, *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 318-323. (In Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-4-318-323.
3. Zamulin A. L. Leadership in the knowledge age, *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2012, no. 3, pp. 48-77. (In Russian).
4. Tikhomirov A. A., Spengler U. D. Leadership styles and merger success: the transformational leadership concept, *Russian Management Journal*, 2005, vol. 3, no. 2, pp. 71-98. (In Russian).
5. Tkacheva E. N. Research of human capital as an asset of virtual organizations of the Southern Federal District, *The Bulletin of the Adyge State University. Series 5: Economics*, 2011, no. 1, pp. 37-42. (In Russian).
6. Avolio B. J., Bass B. M. Transformational leadership, charisma and beyond, *Emerging Leadership Vistas*, J. G. Hunt, B. R. Baliga, H. P. Dachler, & C. A. Schriesheim (Eds.), Lexington, Lexington Books, 1988, pp. 29-50.
7. Damen F. Affective match in leadership: Leader emotional displays, follower positive affect, and follower Performance, *Journal of Applied Social Psychology*, 2008, vol. 38, pp. 868-902.
8. Diefendorff J. M., Gabriel A. S., Leung G. A. Organizational-level influence on employee emotional displays with customers, *Paper presented the SIOP*, Atlanta, GA, 2010, pp. 227-267.
9. Van Kleef G. A. Searing sentiment or cold calculation? The effects of leader emotional displays on team performance depend on follower epistemic motivation, *Academy of Management Journal*, 2009, no. 52, pp. 562-580.
10. Zhu W., Avolio B. J., Walumbra F. O. Moderating role of follower characteristics with transformational leadership and follower, *Group & Organization Management*, 2009, no. 34, pp. 590-619.

УДК 338.2 JEL G30

Коханова Виктория Сергеевна
канд. экон. наук, ЧОУ ВО «Южный
Университет (ИУБиП)», г. Ростов-на-
Дону, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7040-9333
e-mail: kohanovavs@yandex.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-36-41

АППАРАТ НЕЧЕТКОЙ ЛОГИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОМПАНИИ

Аннотация. Приведен пример использования аппарата нечеткой логики в вопросах оценки эффективности цифровизации предприятия, указаны показатели, которые могут быть использованы в качестве критериев для построения системы оценки эффективности цифровизации, а также проведен обзор имеющихся разработок. В рамках статьи обозначены направления модификации классических методов оценивания, которые возможны с использованием аппарата нечеткой логики. Обоснован выбор универсального инструмента нечеткой логики в качестве математического аппарата для формирования оценки – системы нечетких логических выводов – стандартных пятиуровневых $[0; 1]$ -классификаторов. Возможность нечеткой классификации свойств, а также квалиметрии на основе агрегирования иерархий факторов позволит оценить уровень эффективности цифровизации предприятия по степени успешности.

Ключевые слова: нечеткая логика, цифровизация, оценка эффективности, ключевые показатели оценки, экосистема, методы интеллектуального анализа, стратегические интересы компании, эффективность цифровизации

Для цитирования: Коханова В.С. Аппарат нечеткой логики как инструмент оценки эффективности цифровизации компании // Вестник университета. 2021. № 2. С. 36–41.

Viktoriya S. Kokhanova
Cand. Sci. (Econ.), Southern University
(IMBL), Rostov-on-Don, Russia
ORCID: 0000-0002-7040-9333
e-mail: kohanovavs@yandex.ru

FUZZY LOGIC APPARATUS AS A TOOL FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF DIGITALIZATION OF A COMPANY

Abstract. In this article, the author gives an example of using the apparatus of fuzzy logic in assessing the effectiveness of digitalization of an enterprise, specifies indicators that can be used as criteria for building a system for assessing the effectiveness of digitalization, as well as provides an overview of existing developments. Within the framework of the article, the study outlines the directions of modification of classical estimation methods that are possible using the apparatus of fuzzy logic. The paper substantiates the choice of a universal fuzzy logic tool as a mathematical apparatus for forming an assessment: a system of fuzzy logical conclusions – standard five-level $[0; 1]$ -classifiers. The possibility of fuzzy classification of properties, as well as qualimetry based on the aggregation of hierarchies of factors, will make it possible to assess the level of efficiency of enterprise digitalization by the degree of success.

Keywords: fuzzy logic, digitalization, performance evaluation, key scores showed, ecosystem, mining methods, strategic interests of the company, efficiency of digitalization

For citation: Kokhanova V.S. (2021) Fuzzy logic apparatus as a tool for assessing the effectiveness of digitalization of a company. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 36–41. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-36-41

Введение

В настоящее время нечеткая логика получила распространение в качестве инструмента анализа. Ее используют при разработке различных методов интеллектуального анализа данных, широко применяемых при исследовании экономических процессов. В качестве примера можно привести активное использование в экономической науке:

- нейронных сетей, основанных на мягких вычислениях, а также их адаптивные варианты;
- обработки баз данных с помощью нечетких запросов;

© Коханова В.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kokhanova V.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

- нечетких транзакций и ассоциативных правил (англ. fuzzy associative rules);
- нечетких когнитивных карт, с помощью которых можно моделировать условия функционирования предприятия.

По сравнению с «чистыми» методами интеллектуального анализа данных, нечетко-множественные модификации имеют более широкие возможности для учета неопределенности внешних условий и экспертных оценок, большую компактность, ясность и простоту использования.

В условиях становления цифровой экономики компаниям все чаще приходится задумываться о выборе технологии или даже о методологии внедрения цифровых технологий в свою деятельность. В этой ситуации на первый план выходит оценка экономической целесообразности этих технологий.

Основные направления цифровой трансформации затрагивают и бизнес-модель предприятия (на современном этапе появляются бизнес-модели, основанные полностью на цифровой технологии): меняется инструментарий для управления данными, на первый план выходит цифровое моделирование и построение прототипов, активно создаются цифровые платформенные решения для различных сфер и областей деятельности, и, конечно же, крупные игроки создают свои экосистемы, переводя их на цифровую платформу.

Анализ литературы показывает, что возможность модификаций аппарата нечеткой логики уже рассматривалась специалистами в ряде экономических исследований, например, в исследовании экономических систем.

В. М. Ячmeneва предлагает оценку уровня экономической устойчивости предприятия на основе нечеткой логики [7]. Для оценки способности предприятия отражать внешние угрозы, поддерживать и обеспечивать свою финансовую устойчивость, выполнять свою текущую деятельность полноценно В. М. Ячmeneва предлагает ввести нечеткое число X из диапазона $[0; 1]$. Чем выше значение X , тем стабильнее предприятие.

Н. А. Карпова разработала методику оценки устойчивости консолидированных групп компаний, основанную на сочетании нечетко-множественного и когнитивного подходов к моделированию [2]. Алгоритмы, разработанные О. А. Недосекиным, рекомендуется автором использовать для оценки риска банкротства компании [4]. В другой статье Н. А. Карповой речь идет о способности управляющей системы поддерживать сложившуюся ситуацию, а значит система управления, построенная на принципах нечеткой логики будет динамичной, поддерживающей все изменения предприятия с учетом их прогнозных значений [1].

Этот вывод подтверждается Е. Ю. Хрустальевым и О. Е. Хрустальевым. В их работе показано, что для понимания функционирования сложных систем наиболее эффективным является использование именно нечетких когнитивных моделей, так как они также позволяют предсказать ход развития системы [6].

В рамках тематики статьи более подробно остановимся на вопросе создания цифровой экосистемы и оценке ее эффективности с точки зрения стратегических корпоративных целей компании.

Методы оценки экономической эффективности цифровизации с использованием инструментов нечеткой логики

Как мы говорили выше, для оценки осуществимости и эффективности цифровизации в вопросах достижения стратегических целей компании можно использовать различные инструменты, в том числе инструменты нечеткой логики.

Согласно основной идее нечеткой логики экономические показатели можно определить не только количественно, но и качественно. Для определения уровня качественных характеристик показателя нам необходимо обозначить некую переменную и ее лингвистический уровень. Параметры лингвистического уровня мы обозначим как принадлежащие подмножеству «очень низкий уровень, низкий уровень, средний уровень, высокий уровень, очень высокий уровень».

Для пентаскалей необходимо построить систему функций принадлежности носителя X соответствующим нечетким подмножествам. Самый простой способ задать это – использовать систему трапециевидных нечетких чисел [3]. Эта идея соответствует использованию системы нечетких логических выводов – стандартных нечетких многоуровневых $[0; 1]$ -классификаторов.

Пентаскаль является оптимальным в большинстве случаев, но при необходимости можно также использовать простейший случай двоичной шкалы с параметрами «высокий – низкий» или «хороший – плохой» [9].

В зависимости от постановки задачи количество терминов может варьироваться: например, в соответствии с установленной классификацией оценки состояния систем можно использовать три, четыре или даже

десять терминов [5; 8]. Как мы можем увидеть в некоторых работах, в случае произвольного количества слагаемых можно использовать не трапециевидные, а сигмовидные функции принадлежности, обладающие достаточной для математической строгости гладкостью и определяемые формулами:

$$\mu_k = \exp\left(-\left(x - \frac{k-1}{4}\right)^{2n} / \sigma^{2n}\right) \quad k = 1, 2, 3, 4, 5. \quad (1)$$

$n \in N$ – натуральное число, характеризующее крутизну графика функции принадлежности. Узлы классификатора соответственно расположены в точках:

$$\frac{k-1}{4} \quad k = 1, 2, 3, 4, 5. \quad (2)$$

Параметр выбирается, исходя из полноты построенной системы функций. В соответствии с нашими условиями необходимо, чтобы в точках пересечения двух соседних графов имело место соотношение:

$$\mu_k\left(\frac{k-1}{4} + \frac{1}{8}\right) = \mu_{k+1}\left(\frac{k-1}{4} + \frac{1}{8}\right) = \frac{1}{2}.$$

Окончательная форма функций принадлежности имеет вид:

$$\mu_k = \exp\left(-\left(x - \frac{k-1}{4}\right)^{2n} 8^{2n} \ln 2\right). \quad (3)$$

Приведенная система (3) характеризуется полнотой, следовательно, она может использоваться для разработки пятиуровневого классификатора. Приведенные формулы можно соединить следующим образом:

$$\mu_k = \exp\left(-\left(x - \frac{k-1}{4}\right)^{2n} 2^{2n} (K-1)^{2n} \ln 2\right) \quad \frac{1}{g_k} = \frac{k-1}{K-1}. \quad (4)$$

Инструменты анализа основных источников данных для оценки эффективности цифровизации с точки зрения стратегических корпоративных интересов компании

Предвидя оценку эффективности цифровизации компании в целом и созданной ею цифровой экосистемы в частности, необходимо обозначить основу для анализа. С одной стороны, необходимо выделить в выборку компании, которые можно обозначить как финансово устойчивые, активно внедряющие цифровые технологии, а с другой – средние, чей опыт можно транслировать на все аналогичные предприятия. То есть вопрос репрезентативности выборки стоит достаточно остро.

В качестве выборки можно использовать данные по компаниям из рейтинга 600 крупнейших компаний России RAEX-600, индекса «Вектор устойчивого развития» Российского союза промышленников и предпринимателей.

Для оценки эффективности цифровой экосистемы нам необходимо определить не только источники информации, но и критерии оценки. Мы предлагаем использовать в качестве критериев ключевые показатели эффективности компании, приведенные на рисунке 1.

В литературе можно встретить различные определения экосистемы, на наш взгляд, под экосистемой стоит понимать единство продуктов/услуг компании, разрабатываемых и реализуемых ею для различных областей и рынков. Но экосистема включает в себя не только непосредственно продукты или услуги компании – естественно, это понятие шире. Признаки экосистемы приведены на рисунке 2. В экосистему включаются бизнес-процессы компании, ее контрагенты и конечные потребители продуктов/услуг. Это единство функционирует исключительно в цифровом формате, что невозможно сделать, не имея полноценной цифровой платформы. Поэтому пионерами в вопросах создания экосистемы являются компании ИТ-сферы.

Создание экосистемы преследует ряд целей, к которым относятся:

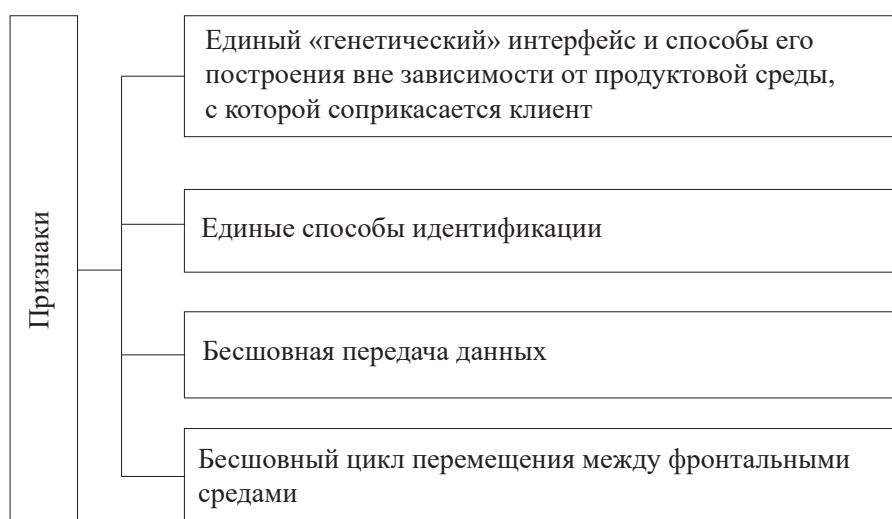
- увеличение рыночной доли компании;
- диверсификация деятельности;
- привлечение большего количества клиентов;

- формирование постоянной лояльной аудитории потребителей;
- удержание позиций на рынке и т. д.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Ключевые показатели эффективности компании

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Признаки экосистемы компании

На Западе впервые о построении экосистем заговорили более 20 лет назад. В России в тот период рынок частного капитала только формировался, а в западных странах уже начался процесс становления таких экосистем, которые предполагали возможность для клиента удовлетворять самые разные потребности за счет единой платформы.

Для того чтобы иметь возможность оценить эффективность цифровой экосистемы, на наш взгляд, необходимо ввести следующие переменные:

d – коэффициент влияния цифровизации на формирование стратегических корпоративных интересов компании;

t – момент времени;

F – некоторый оператор, интегрирующий действие всей совокупности факторов в i -й области интереса при рассмотрении n областей;

W_1 – набор некоторых внешних возмущений;

W_2 – набор некоторых внутренних возмущений;

e – случайный фактор.

$$d(t) = \sum_{i=1}^n F_i(t, W_1, W_2, e). \quad (5)$$

Набор некоторых внешних возмущений (W_1) может включать индикаторы: уровень инвестиций в компанию в целом, долю инвестиций в инновации, рост рыночной стоимости компании.

Набор некоторых внешних возмущений (W_2) может включать индикаторы: динамика продаж, динамика объема производства, динамика производительности труда, коэффициент брака, прирост капитала, рост кредита, (доля заемного капитала), оборачиваемость активов, увеличение прибыльности, оценка финансовой устойчивости, динамика инвестиций в инновации, наличие программы инновационного развития и другие.

Нечеткая логика до сих пор имеет своих противников, но тем не менее стоит наравне с другими системами оценки: классическим эконометрическим моделированием и моделями общего экономического равновесия, имитационного моделирования, моделями баланса.

Универсальный и прикладной характер инструментов нечеткой логики можно обосновать уже имеющим опытом применения указанных инструментов для целей стратегического планирования, для комплексного анализа состояния компании вне зависимости от ее размеров, анализа рисков, кредитоспособности, управления фондовым портфелем, построения системы скоринга и многого другого.

Выводы

Выбор параметра и его обоснование – отдельное, достаточно развитое направление исследований. Соответствующие методы построения количественных оценок экономических систем, в том числе с учетом цифровизации и выделения цифровой экосистемы компании, при их несомненной практической ценности и актуальности имеют ряд недостатков. Это типично для классических экономических моделей и неотразимо в рамках традиционно используемого математического аппарата. В то же время их можно преодолеть с помощью аппарата нечеткой логики, включая системы вывода нечеткой логики.

В настоящее время ведется активная работа по модификации традиционных математических методов, основанных на нечеткой логике, что позволит в обозримом будущем добиться значительных успехов в создании современного математического аппарата, отвечающего задачам цифровой экономики.

Библиографический список

1. Карпова, Н. А. Анализ как инструмент принятия управленческих решений в отношении консолидированных групп компаний // Экономика. Бизнес. Банки. – 2013. – № 2 (3). – С. 118-125.
2. Карпова, Н. А. Применение методов нечеткой логики в оценке и прогнозировании финансовой устойчивости консолидированных групп компаний // Вестник Евразийской науки. – 2015. – № 5 (30). – С. 1-16.
3. Конышева, Л. К., Назаров, Д. М. Основы теории нечетких множеств: учебное пособие. – СПб: Питер, 2011. – 192 с.
4. Недосекин, А. О. Методологические основы моделирования финансовой деятельности с использованием нечетко-множественных описаний: дис ... д-ра экон. наук: 08.00.13 / Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. – Санкт-Петербург, 2003. – 280 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mirkin.ru/_docs/doctor005.pdf. (дата обращения: 10.12.2020).
5. Сахарова, Л. В., Алексейчик, Т. В., Богачев, Т. В., Арапова, Е. А. Оценка состояния атмосферы в регионе с помощью нечеткого моделирования // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2018. – № 3 (63). – С. 152-159.

6. Хрусталеv, Е. Ю., Хрусталеv, О. Е. Когнитивное моделирование развития высокотехнологичной промышленности (на примере ВПК) // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2013. – № 10 (313). – С. 2-10.
7. Ячменева, В. М. Презентация экономической устойчивости предприятия // *Экономика и менеджмент*. – 2007. – № 4-5. – С. 107-112.
8. Arapova, E. A., Lukyanova, G. V., Sakharova, L. V., Akperov, G. I. Fuzzy-logic analysis of the level of comfort and environmental well-being of the urban environment on the example of large cities of Rostov region // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. – 2018. – V. 896. – Pp. 643-650. DOI: 10.1007/978-3-030-04164-9_84.
9. Vovchenko, N. G., Stryukov, M. B., Sakharova, L. V., Domokur, O. V. Fuzzy-logic analysis of the state of the atmosphere in large cities of the industrial region on the example of Rostov region // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. – 2019. – V. 896. – Pp. 709-715. DOI: 10.1007/978-3-030-04164-9_93.

References

1. Karpova N. A. Analysis as a tool for making management decisions in relation to consolidated groups of companies, *Economy. Business. Banks*, 2013, no. 2 (3), pp. 118-125. (In Russian).
2. Karpova N. A. Application of fuzzy logic methods in assessing and forecasting the financial stability of consolidated groups of companies, *The Eurasian Scientific Journal*, 2015, no. 5 (30), pp. 1-16. (In Russian).
3. Konyshcheva L. K., Nazarov D. M. *Fundamentals of the theory of fuzzy sets: textbook*, St. Petersburg, Piter, 2011, 192 p. (In Russian).
4. Nedosekin A. O. Methodological foundations of financial activity modeling using fuzzy multiple descriptions: dis. ... Doc. Sci. (Econ.): 08.00.13, Saint Petersburg University of Economics and Finance, St. Petersburg, 2003, 280 p. Available at: http://www.mirkin.ru/_docs/doctor005.pdf. (accessed 10.12.2020). (In Russian).
5. Sakharova L. V., Alekseichik T. V., Bogachev T. V., Arapova E. A. Assessment of the state of the atmosphere in the region using fuzzy modeling, *Vestnik of Rostov University of Economics*, 2018, no. 3 (63), pp. 152-159. (In Russian).
6. Khrustalev E. Yu., Khrustalev O. E. Cognitive modeling of the development of high-tech industry (on the example of the military-industrial complex), *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2013, no. 10 (313), pp. 2-10. (In Russian).
7. Yachmeneva V. M. Presentation of the company's economic sustainability *Economics and Management*, 2007, no. 4-5, pp. 107-112. (In Russian).
8. Arapova E. A., Lukyanova G. V., Sakharova L. V., Akperov G. I. Fuzzy-logic analysis of the level of comfort and environmental well-being of the urban environment on the example of large cities of Rostov region, *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2018, vol. 896, pp. 643-650. DOI: 10.1007/978-3-030-04164-9_84. (In Russian).
9. Vovchenko N. G., Stryukov M. B., Sakharova L. V., Domokur O. V. Fuzzy-logic analysis of the state of the atmosphere in large cities of the industrial region on the example of Rostov region, *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2019, no. 896, pp. 709-715. DOI: 10.1007/978-3-030-04164-9_93. (In Russian).

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 303.732.4, 622.33, 004.021, 005.12

JEL L64, L71

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-42-50

Бондаренко Инна Сергеевна
канд. техн. наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4160-8413
e-mail: innasbondarenko@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ ИМИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ УГОЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Рассмотрен общий подход и элементы реализации имитационной модели системы поддержки принятия решений как одного из наиболее эффективных способов усовершенствования системы управления горного предприятия. Дано описание технологического процесса и основных функциональных блоков системы управления. Выявлены ключевые звенья и требования для реализации имитационной модели управления производственными процессами и предприятием. Подсистемы модели позволяют рассматривать динамику работы производственного предприятия во всем многообразии направления его деятельности, для различных вариантов технологии и организации производства существующей системы управления, планируемой системы и перспективных управляющих решений. Кроме того, представлена структура и описание реализованной имитационной модели основного производственного процесса опытного угольного разреза. Обозначена роль пользователя-управленца в процессе принятия решений по результатам моделирования. Приведен контрольный пример результатов моделирования.

Ключевые слова: угольная промышленность, управление предприятием, автоматизация, система поддержки принятия решений, имитационная модель, системный анализ, планирование, оптимизация, программное обеспечение

Для цитирования: Бондаренко И.С. Концепция имитационной модели системы поддержки принятия решений угольного предприятия // Вестник университета. 2021. № 2. С. 42–50.

Inna S. Bondarenko
Cand. Sci. (Tech.), National University
of Science and Technology “MISIS”,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4160-8413
e-mail: innasbondarenko@gmail.com

THE CONCEPT OF THE SIMULATION MODEL OF THE DECISION SUPPORT SYSTEM OF THE COAL ENTERPRISE

Abstract. The article considers the General approach and elements of implementation of the simulation model of the decision support system as one of the most effective ways to improve the management system of a mining enterprise. The paper gives the description of the technological process and the main functional blocks of the control system. The author identifies the key links and requirements for the implementation of the simulation model of production process and enterprise management. The subsystems of the model allow us to consider the dynamics of the production enterprise in all the variety of its activities, for different variants of the technology and organization of production of the existing control system, the planned system and promising management solutions. In addition, the article presents the structure and description of the implemented simulation model of the main production process of the experimental coal mine. The paper indicates the role of the user-manager in the decision-making process based on the results of modeling. The author gives a control example of the simulation results.

Keywords: coal industry, enterprise management, automation, decision support system, simulation model, system analysis, planning, optimization, software

For citation: Bondarenko I.S. (2021) The concept of the simulation model of the decision support system of the coal enterprise. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 42–50. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-42-50

© Бондаренко И.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Bondarenko I.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Сегодня главным инструментом формирования управляющего решения, способствующего повышению профессионального уровня пользователя-управленца повсеместно являются различные программные решения на базе автоматизации основных управленческих, технико-экономических и производственных процессов. В такой области, как угольная промышленность, особенно важно своевременно и с высокой степенью ответственности принимать управленческие решения исходя из поиска оптимального решения имеющихся альтернативных вариантов в условиях противоречивых интересов сторон [4]. В таком случае наиболее правильным и эффективным решением будет использование системы поддержки принятия решений (далее – СППР), где в основе инструментария системного анализа производственных процессов и процесса принятия управляющих решений лежат имитационные модели отдельных подсистем.

Важным является тот факт, что СППР может стать действенным инструментом управления в том случае, если она будет обладать свойствами надежности, эффективности и адаптивности. Разработка имитационной модели в рамках структуры СППР, объединяющей базу данных, базу моделей, диалоговую систему, позволяет выполнить эти требования с позиций пользователя-управленца.

Технологический процесс разреза «Победный»

В рамках исследовательской работы гранта Российского научного фонда (проект № 17-11-01353) была разработана имитационная модель для усовершенствования системы управления основным производственным процессом разреза «Победный». Усовершенствование системы управления предполагает интеграцию системы управления на всех стадиях производства. Описание имитационной модели СППР объединяет описание объекта, системы управления и системы экономического анализа.

Объект управления – основной производственный процесс добычи, транспортировки и переработки угля разреза «Победный». Обеспечивается производственный процесс с помощью экскаваторно-автомобильного комплекса (далее – ЭАК) и комплекса обогатительной фабрики (далее – ОФ).

Технологический процесс ЭАК объединяет работу добычных экскаваторов и углевозов, которые перевозят уголь из забоя до приемных устройств технологического комплекса обогатительной фабрики. Организация работы ЭАК предусматривает управление качеством добываемого и транспортируемого угля.

Технологический процесс ОФ по характеру работ разделен на участок углеприема и подготовки, обогащенное отделение, сушку продуктов, пункт погрузки товарных продуктов. На участке углеприема и подготовки важную роль в управлении качеством угля выполняют аккумулирующие бункера, назначение которых – шихтовка рядового угля перед поступлением на ОФ.

Система управления основным производственным процессом ОФ разреза «Победный» предусматривает перспективное, оперативное опробование углей на разрезе; управление добычей угля в режиме стабилизации качества, работой технологического транспорта, разгрузкой углевозов на приемной яме, загрузкой и разгрузкой аккумулирующих бункеров, технологическим процессом обогащения угля на фабрике, отгрузкой товарных продуктов в железнодорожные вагоны и их отправкой.

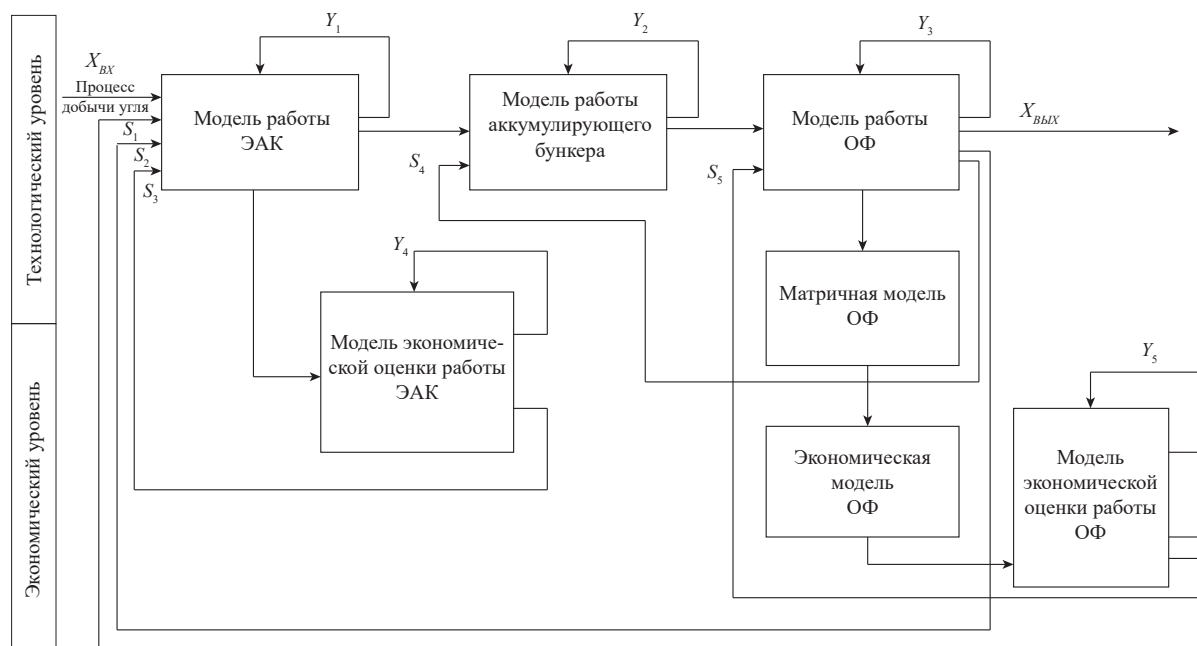
Имитационная модель основного производственного процесса

Система экономического анализа предприятия – традиционная [3]. Товарной продукцией ОФ разреза «Победный» являются угольный концентрат и промпродукт, получаемый в результате обогащения коксующегося угля. Цена как сырья, так и продуктов обогащения зависит от его качества. Показателями качества, определяющими стоимость товара по продукции, являются зольность и влажность, а у экспортируемого угля еще учитывается содержание серы, фосфора и толщина пластического слоя.

Структура реализованной имитационной модели основного производственного процесса показана на рисунке 1. Имитационная модель имеет двухуровневую (по количеству принятых интеграционных процессов) иерархическую структуру. Первый уровень описывает технологию производства, второй – систему его экономического анализа.

Стадии основного производственного процесса – транспортировка, шихтовка, обогащение угля – различны по характеру работ, типу используемого оборудования, влиянию на конечные производственные

и финансовые результаты деятельности предприятия. Поэтому общая имитационная модель на технологическом уровне состоит из локальных моделей работы ЭАК, работы аккумулирующего бункера, работы ОФ, каждая из которых описывает определенный вид работ производственного процесса. Способ описания локальных моделей различен и зависит от характера выполняемых работ [8]. На экономическом уровне общая имитационная модель дополнена локальными имитационными моделями экономической оценки работы технологических комплексов ЭАК и ОФ.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Структура имитационной модели основного производственного процесса разреза «Победный»

Одним из основных требований при разработке имитационной модели СППР, предусматривающим ее включение в базу моделей СППР является требование того, чтобы общая имитационная модель обладала адаптивными свойствами, которые обеспечивали бы развитие модели и расширение области ее применения. В процессе освоения СППР, использования модели как инструмента пользователя для совершенствования системы управления может потребоваться получение из общей модели дополнительных локальных моделей, описывающих более подробно частные явления, изменение структуры локальной модели для работы с ней конкретного пользователя; может возникнуть необходимость укрупнения, агрегирования локальной модели для решения конкретной производственной задачи пользователя. Поэтому структура общей имитационной модели СППР с адаптивными свойствами имеет и второй вид иерархии: статифицированное описание. Этот вид иерархии введен для описания работы ОФ [6].

Работа ОФ – обогащение угля – является, с одной стороны, одним из этапов технологии основного производственного процесса, а с другой стороны, самостоятельным технологическим комплексом. Поэтому назначение локальной модели работы ОФ двояко: оценка качества и количества производимой продукции и описание производственного объекта для оценки производственно-хозяйственной деятельности ОФ. Локальная модель работы ОФ имеет трехуровневую иерархическую статифицированную структуру, с помощью которой устанавливается взаимосвязь между технологическим и экономическим уровнями общей имитационной модели. Уровень агрегирования модели ОФ повышается при переходе от имитационной модели к эконометрической: в имитационной модели описание производственного процесса рассматривает работу агрегатов ОФ; в матричной модели производственный процесс характеризуется уже этапами технологии производства – технологическими операциями, – и вводятся категории экономического анализа; в эконометрической модели используются, в основном, показатели экономического; а производственный процесс характеризуется объемом и качеством исходного и конечного продукта без расшифровки типов технологии производства.

Модель работы ОФ разреза «Победный» объединяет девять локальных имитационных моделей технологических операций процесса обогащения и сушки:

- 1 – подготовительная классификация рядового угля;
- 2 – обогащение угля класса 0,5–3,0 мм в гидроциклоне;
- 3–5 – обезвоживание концентрата, промпродукта, породы;
- 6 – сгущение и обезвоживание шлама, осветление оборотной воды;
- 7 – обогащение во флотомашинах;
- 8 – обезвоживание продуктов флотации и осветление оборотной воды;
- 9 – сушка.

Модель технологической операции имеет блочную структуру. Каждый блок модели описывает работу агрегата ОФ, используемого в данной технологической операции. Агрегаты описываются с позиции их функционального назначения и разделены на две группы: разделительные и накопительные. В модели «разделительный агрегат» объединяет и сложные машины ОФ, такие как гидроциклон, и самые простые, такие как клапан водно-шламовой схемы. Показатели разделительного блока ОФ – параметры, характеризующие процесс разделения агрегатом потоков угля или технической воды. Показатели блока оцениваются по качественно-количественной схеме обогащения.

Система управления основным производственным процессом разреза объединяет локальное управление работой элементов системы $Y_1, Y_2, \dots, Y_5$ и, глобальное управление $S_1, S_2, \dots, S_5$, определяющее системную обратную связь между элементами (см. рис. 1).

Например, локальное управление работой аккумулирующего бункера Y_1 , может обеспечить улучшение качества рядового угля, поступающего на конвейеры главного корпуса ОФ, и тем самым может увеличить вклад этого подготовительного этапа технологии ОФ в общую эффективность производственного процесса. Совершенствуя показанную на рисунке 1 обратную связь S_1 и S_2 между ОФ и ЭАК, можно добиться такого согласования планов их работы, когда обоснованные требования к объему и качеству добываемого угля и ритмичности его поставки не только повысят эффективность работы каждого из технологических комплексов, но и обеспечат дополнительный вклад в эффективность производственно-технологической деятельности ПО.

Все перечисленные составляющие определяют многоуровневый процесс принятия решения по усовершенствованию системы управления основным производством разреза в рамках производственно-хозяйственной деятельности компании. Процесс принятия решений с помощью имитационной модели становится многовариантным. С помощью СППР он может вестись в интерактивном режиме.

Роль пользователя в процессе принятия решений активная, заключительная: он определяет круг задач рассматриваемой проблемы управления из предлагаемого и накапливаемого в базе моделей СППР списка производственно-хозяйственных задач. Выбранные пользователем задания могут быть решены с помощью той или иной локальной имитационной модели, набора моделей, общей имитационной модели.

По результатам моделирования ставится и решается оптимизационная задача выбора наилучшего управляющего решения. В базе моделей СППР может храниться одна или несколько предлагаемых пользователю постановок оптимизационных задач с заранее заданными критериями оптимальности. Разнообразие постановок оптимизационных задач связано, прежде всего, с проблемой многокритериальности [2].

Большинство решаемых на практике задач принятия решения – многокритериальные. Способы решения многокритериальных задач из-за концептуальной проблемы выбора способа, позволяющего снизить неопределенность целей подобных задач (за счет свертки или ранжирования противоречивых критериев либо за счет построения функций полезности или множества компромиссов Парето и т. д.), неоднозначны [1]. Более того, выбор способа решения является прерогативой пользователя. При использовании СППР эта концептуальная проблема разрешается за счет персонификации: пользователь с помощью диалоговой системы, представляющей ему цифровую визуальную информацию о результатах моделирования, помимо используемых в задаче формализованных критериев оптимальности вводит собственные неформализованные критерии и производит собственный выбор наилучшего с его точки зрения варианта управляющего решения.

Если рассматриваемая пользователем (коллективом пользователей) оптимизационная задача достаточно сложна для одноразового окончательного выбора, то сам процесс выбора наилучшего решения может с помощью СППР стать итерационным. Каждая итерация будет состоять из двух фаз: 1) выполнение пользователем

анализа и предварительного отбора удовлетворительных вариантов решения; 2) оптимизация, осуществляемая ЭВМ. Пользователь, просматривая в процессе итерационной процедуры альтернативные варианты, пытается понять особенности производственной задачи осознать необходимость компромисса между значениями, достигаемыми по различным критериям. От итерации к итерации пользователь ищет лучшее решение и одновременно изучает объективные характеристики задачи, взаимное влияние критериев. В результате он получает обоснованный, наилучшим образом сформированный компромисс управляющего решения. Важность таких решений чрезвычайно велика при разработке стратегии развития предприятия [7].

Результаты

Одной из задач экономического анализа производственно-хозяйственной деятельности ОФ является анализ выполнения плана по себестоимости [5]. Для решения задач перспективного анализа и была разработана локальная имитационная модель экономического анализа. Результаты использования этой модели для получения рекомендаций по снижению себестоимости ОФ приведены в таблицах 1 и 2. Пользователь оценивает качество управления работой ОФ с помощью указателя управления – индекса J , который равен отношению фактического показателя работы к плановому:

$$J = \frac{S_{\text{факт}}}{S_{\text{пл}}} . \quad (1)$$

При проведении анализа производственно-хозяйственной деятельности ОФ пользователь с помощью индексов изменения объема (J_Q) и цены сырья ($J_{Ц}$) изучает экономическую политику закупки поступления сырья с разреза на фабрику. С помощью индексов изменения объема и цены концентрата и промпродукта ($J_{Q_1}, J_{Q_2}, J_{Ц_1}, J_{Ц_2}$) он изучает политику получения и реализации продуктов обогащения, а с помощью индекса изменения зольности и влаги в продуктах обогащения ($J_{A_1}, J_{A_2}, J_{W_1}, J_{W_2}$) – экономическую политику управления качеством продуктов обогащения. Индексы удельных затрат элементов себестоимости ($J_i, i = 1, 2, \dots, 12$) позволяют пользователю характеризовать технологию управления ресурсами в процессе производственно-хозяйственной деятельности.

Взаимосвязь показателей технологического управления задается эконометрической моделью. Например, показатель управления стоимостью сырья индекс J_1 , зависит от управления качеством и количеством сырья и первой транспортировки, то есть:

$$J_1 = f(J_A, J_{W_1}, J_{Q_1}, J_{TP}) . \quad (2)$$

Это первое уравнение эконометрической модели. Индекс J_2 определяет изменение затрат на материалы, используемые в основном в процессе обогащения. Это магнетит, дизельные флотации, бутиловый спирт и т. д. Расход этих материалов определяет объем и качество по золе продуктов обогащения. Отсюда можно записать второе уравнение эконометрической модели:

$$J_2 = f(J_{A_1}, J_{A_2}, J_{Q_1}, J_{Q_2}) . \quad (3)$$

Таблица 1

Плановые и фактические показатели экономического и технологического управления

Показатель, ед. изм. (индекс)	План	Фактически	План	Фактически	Отклонение	Значение индекса
Выпуск концентрата, тыс. т (J_{Q_1})	5 735	5 782	42 141	62 644	0	1 008
Выпуск промпродукта, тыс. т (J_{Q_2})	2 957	2 758	22 538	23 719	0	932
Выпуск продуктов обогащения, тыс. т (J_Q)	8 692	8 540	25 590	26 350	0	982
Зольность сырья, 100 % (J_A)	1 550	1 438	1 665	2 286	0	927
Влажность сырья, 100 % (J_W)	252	204	1 725	1 864	0	809
Зольность концентрата, 100 % (J_{A_1})	930	910	185	370	0	978

Окончание табл. 1

Показатель, ед. изм. (индекс)	План	Фактически	План	Фактически	Отклонение	Значение индекса
Влажность концентрата, 100 % (J_{W1})	657	591	206	524	0	899
Зольность промпродукта, 100 % (J_{A2})	2 450	2 340	243	780	0	955
Влажность промпродукта, 100 % (J_{W2})	603	349	245	889	0	578
Транспортные расходы, усл. ед. (J_{TP})	9 648	10 162	110	118	0	1 072
Стоимость сырья, усл. ед. (J_I)	232 076	235 190	2 669	2 753	84	1 031
Материалы, усл. ед. (J_2)	3 389	2 593	38	30	-8	789
Услуги пром. характера, усл. ед. (J_3)	10 814	5 907	124	69	-55	556
Топливо, усл. ед. (J_4)	7 293	5 453	83	63	-20	759
Электроэнергия, усл. ед. (J_5)	13 650	13 104	157	153	-4	974
Зарплата, усл. ед. (J_6)	5 067	5 063	58	59	1	1 017
Отчисления в соцстрах, усл. ед. (J_7)	456	515	5	6	1	1 199
Амортизация, усл. ед. (J_8)	12 199	11 618	140	136	-4	971
Прочие денежные производственные расходы, усл. ед. (J_9)	1 782	1 520	20	17	-3	849
Внепроизводственные расходы, усл. ед. (J_{10})	3 808	3 707	43	43	0	1 000
Услуги капитального ремонта, усл. ед. (J_{11})	2 400	2 465	27	28	1	1 037
Производственно-технические нужды, усл. ед. (J_{12})	5 829	5 338	67	62	-5	925

Составлено автором по материалам исследования

Таблица 2

Экономическое и технологическое управление, минимизирующее себестоимость 2018 г.

1.1 расчетный период (вариант управляющего решения)												
1.2 себестоимость												
1.3 – 1.12 экономическое управление ($J_Q, J_A, J_W, J_{Q1}, J_{A1}, J_{W1}, J_{Q2}, J_{A2}, J_{W2}, J_{TP}$)												
2.1 – 2.12 технологическое управление ($J_1 - J_{12}$)												
3.2 прибыль												
Графа / Строка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	1	3 329	982	927	809	1 008	978	899	932	955	578	1 072
2	1 031	789	556	759	974	1 017	1 199	971	849	1 000	1 037	925
3	0	3 018	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
4	41	3 284	963	962	971	930	970	915	1 030	944	562	1 057
5	1 014	864	620	765	960	968	1 003	953	901	991	911	1 016
6	0	2 875	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7	108	3 283	951	975	037	952	965	100	952	965	574	1 028
8	1 010	862	629	767	959	976	987	1 023	857	1 004	995	1 019
9	0	2 989	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
10	245	3 310	956	949	969	956	975	1 012	959	944	626	998
11	1 016	898	657	842	973	985	1 001	988	889	1 003	1 010	936
12	0	2 704	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
13	280	3 274	950	985	927	949	982	866	955	957	949	996

Графа / Строка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
14	1 006	886	661	811	974	991	1 004	943	908	1 005	988	1 023
15	0	3 236	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
16	434	3 260	974	985	998	960	986	878	1 003	973	483	1 033
17	1 005	880	628	739	659	974	1 002	97	892	995	978	991
18	0	3 320	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
19	442	3 244	944	1 012	964	933	941	908	967	949	613	1 044
20	998	903	632	707	913	976	1 001	1 037	903	989	936	987
21	0	3 461	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
22	468	3 236	943	1 041	990	936	1 002	956	959	934	671	1 012
23	987	867	628	834	997	980	1 001	1 043	891	1 000	1 028	979
24	0	3 206	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
25	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
26	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Составлено автором по материалам исследования

Индекс J_3 связан с услугами промышленного характера, в которые входят: снабжение водой горячей, питьевой, паром; предоставление автотранспорта для вывоза породы, регулирование сточных вод и др. Расходы промышленного характера прежде всего связаны с объемом переработки сырья, то есть:

$$J_3 = f(J_Q). \quad (4)$$

Это третье уравнение эконометрической модели. Аналогичным образом с помощью индексов (J_i , $i = 4, \dots, 12$) устанавливается взаимосвязь между остальными показателями экономического и технологического уровня производственного процесса ОФ.

Пользователь использует эконометрическую модель работы ОФ в задачах экономического анализа как агрегированное описание системы управления производственным объектом в терминах конкретного процесса принятия решений [9]. Пользователь располагает ретроспективной информацией о результатах работы ОФ. В рассматриваемом примере итоги работы фабрики за 2018 г., приведенные в традиционной форме отчетности и дополненные показателями управления, (см. табл. 1, графа «Отклонение»). Пользователь оценивает политику управления работой ОФ и ищет пути снижения себестоимости на следующий период. Критерий пользователя, выбирающего наилучшее управляющее решение: полная себестоимость продуктов обогащения не должна превышать значения себестоимости, полученной в исходном году.

Пользователю с помощью имитационной модели экономической оценки работы ОФ готовятся альтернативные варианты управляющих решений. Процесс подготовки пользователю альтернативных вариантов следующий. Относительно исходного управляющего решения, сформированного фабрикой в 2018 г. (вариант управляющих решений № 1), имитируются 500 вариантов управляющих решений. В процессе решения задачи на ЭВМ имитация исключается из рассмотрения, если: модельное значение одного из показателей управления не удовлетворяет эконометрической модели ОФ; вычисленное качество сырья или продуктов обогащения не удовлетворяет нормативным требованиям; прирост по сравнению с планом удельных затрат элементов производственной себестоимости будет выше заданного уровня. Для всех допустимых имитаций себестоимость, вычисленная по модельной статистике, сравнивается со значением критерия пользователя, вычисленного в программе модели на первой имитации для варианта № 1. Таким образом, после расчетов на ЭВМ из 500 имитаций критерию пользователя удовлетворяют 8 вариантов (см. табл. 2).

Согласно таблице 2, исходный вариант № 1 (см. строки 1–3) характеризуется следующим образом: полная себестоимость продуктов обогащения, полученная в 2018 г., – 33,29 усл. ед./т; поступление сырья было меньше запланированного объема и лучшего качества ($J_Q = 0,982$; $J_A = 0,927$, $J_W = 0,809$); сверхплановые транспортные

расходы при перевозке сырья ($J_{\text{тр}} = 1,072$); сверхплановый выпуск концентрата ($J_{Q1} = 1,008$) и заниженный выпуск промпродукта ($J_{Q2} = 0,932$), качество продуктов обогащения выше запланированного ($J_A = 0,978$, $J_{W1} = 0,899$, $J_{A2} = 0,955$, $J_{W2} = 0,578$); перерасход по статьям себестоимости «Стоимость сырья» ($J_I = 1,031$), «Зарплата», «Отчисления соцстрах» ($J_6 = 1,017$, $J_7 = 1,199$), а «Услуги капремонта» ($J_{II} = 1,037$); экономия по всем остальным статьям себестоимости, особенно по статье «Услуги промышленного характера» ($J_3 = 0,556$).

По рекомендациям таблицы 2 наименьшая себестоимость ОФ может быть получена в варианте № 468 (см. строки 22–24). В этом варианте себестоимость по сравнению с 2018 г. может быть снижена на 0,93 усл. ед. ($\Delta S = 3\,329 - 3\,236$), а прибыль увеличена на 1 880 тыс. усл. ед. ($\Delta\Pi = 32\,060 - 30\,186$). Однако в варианте № 442 снижение себестоимости на 0,85 усл. ед. ($\Delta S = 3\,329 - 3\,244$) позволяет увеличить прибыль на 4 430 тыс. усл. ед. ($\Delta\Pi = 34\,610 - 30\,186$).

Показатели управления варианта № 442 (см. строки 19–21), поступление (закупка) сырья меньше плана, повышенной зольностью и хуже, чем в 2018 г. ($J_Q = 0,944$; $J_A = 1,012$; $J_W = 0,964$); сверхплановые транспортные расходы, но ниже 2018 г. ($J_{\text{тр}} = 1,044$); выпуск продуктов обогащения ниже плана ($J_{Q1} = 0,933$; $J_{Q2} = 0,967$), но повышенного качества как по сравнению с планом, так и с 2018 г. ($J_{A1} = 0,941$; $J_{W1} = 0,908$; $J_{A2} = 0,949$; $J_{W2} = 0,613$); перерасход по статьям «Отчисления в соцстрах» и «Амортизация» ($J_7 = 1,001$; $J_8 = 1,037$); экономия по всем статьям себестоимости ($J_1, J_2, \dots, J_6, J_9, J_{10}, \dots, J_{12} < 1$); дополнительная, по сравнению с 2018 г., экономия по топливу, электроэнергии, зарплате, отчислениям соцстрах ($J_4 = 0,707$; $J_5 = 0,913$; $J_6 = 0,976$; $J_7 = 1,001$), а также по прочим производственным расходам и услугам капремонта ($J_2 = 0,989$; $J_{II} = 0,936$).

Сравнивая варианты управления № 1 и № 442 (см. табл. 2, строки 1–3 и 19–21), пользователь может видеть, что снижение себестоимости ОФ на 0,85 усл. ед. увеличит годовую по сравнению с 2018 г., на 18,67 млн усл. ед.

$$\begin{aligned}\Delta\mathcal{E} &= \mathcal{E}_{442} - \mathcal{E}_1; \quad \mathcal{E}_1 = S^{\text{пл}} - S^{\text{факт}} = 290\,534 - 284\,670 = 5\,864 \text{ усл. ед.}; \\ \mathcal{E}_{442} &= S_1^{\text{пл}} - Q_1^{\text{пл}} J_Q S_{442}^{\text{факт}} = 290\,534 - 8\,692 \times 0,944 \times 32,44 = 24\,534 \text{ усл. ед.};\end{aligned}\tag{5}$$

Сравнение вариантов проведено при неизменных параметрах эконометрической модели ОФ, то есть при неизменной технологии процесса обогащения. Отсюда можно сделать вывод, что полученное в варианте № 442 (см. табл. 2, строки 19 и 21) снижение себестоимости достигается, в основном, за счет улучшения организации работы ОФ, то есть при неизменной работе технологии обогащения. Дальнейшее уточнение модели ОФ, ее разукрупнения и переход к матричной модели работы ОФ позволят выявить дополнительные возможности снижения себестоимости.

Заключение

Имитационная модель основной производственной деятельности разреза «Победный» составлена на языке моделирования GPSS. Вычисления в имитационной модели производятся автоматически с помощью специальных статистических таблиц. Модельная статистика собирается о 105 показателях работы ОФ соответственно качественно-калибровочной схеме обогащения. При использовании модели в действующей СППР возможен перевод модели на язык программирования, удобный для пользователя.

Модель работы ОФ позволяет решать ряд дополнительных задач: управление технологическим процессом переработки угля; планирование развития производства и повышение производительности; развития технологии производства и повышения качества обогащения; развитие организации основного, вспомогательного производства и снижения производственной себестоимости; развитие механизации, автоматизации, организации труда и повышение рентабельности производства.

Разработанная имитационная модель в рамках СППР дает возможность пользователю управлять не только отдельными элементами системы и их развитием, но и интеграцией всей системы. Пользователь-управленец получает возможность изучать для выбранного интеграционного процесса варианты управления как элемента, так и системы в целом; оценивать за счет улучшения качества и снижения издержек синергический эффект. Таким образом, достигается высокоразвитое планирование, когда за счет планомерного регулирования направлений и масштабов производства возможен быстрый переход на новую технологию производства, наиболее эффективную в изменяющихся условиях внешней среды.

Библиографический список

1. Бондаренко, И. С., Куприянов, В. В. Возможности методов самоорганизации при предсказании нештатных ситуаций в горном деле // Вестник университета. – 2019. – № 11. – С. 62-70; <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-11-62-70>.
2. Галиева, Н. В., Паршин, Н. О. Разработка перспективного производственного плана развития по улучшению экономического и финансового состояния предприятия нерудных строительных материалов // Горные науки и технологии. – 2016. – № 3. – С. 45-54; <https://doi.org/10.17073/2500-0632-2016-3-45-52>.
3. Кривоножко, В. Е., Форсунд, Ф. Р., Лычев, А. В. Улучшение эффективного фронта в методологии анализа среды функционирования // Доклады Академии наук. – 2016. – Т. 471, № 4. – С. 398-402.
4. Куприянов, В. В. Компьютерные системы поддержки принятия решений: учебное пособие. – М.: МГГУ, 2010. – 98 с.
5. Курносов, А. М., Кудин, И. Б. Безвариантный метод оптимизации комплексного развития угольного бассейна. – М.: ИГД им. А. А. Скочинского, 1999. – 20 с.
6. Принципы создания системы оптимального планирования производства в угольной промышленности. Модели оптимизации, их методическое и математическое обеспечение. Вып. 22 / А. С. Астахов, Э. И. Гойзман, М. К. Ерохина и др. – М.: ЦНИЭИуголь, 1975. – С. 3-73.
7. Проценко, А. В., Байров, Ж. Б., Федотов, Г. С., Зартенова, Л. Г. Использование экономических показателей в методике среднесрочного планирования горных работ в горно-геологической информационной системе Micromine // Горные науки и технологии. – 2018. – № 2. – С. 60-69; <https://doi.org/10.17073/2500-0632-2018-2-60-67>.
8. Фролов, Д. Л., Фролова, А. Ю., Бондаренко, И. С. Оптимизация процесса выбора электрооборудования при проектировании строительства промышленных объектов // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2018. – № 6. – С. 177-182.
9. Morshedlou, A., Dehghani, H., Hoseinie, H. A data driven decision making approach for long-wall mining production enhancement // Mining Science. – 2019. – V. 26. – Pp. 7–20. <https://doi.org/10.37190/msc192601>.

References

1. Bondarenko I. S., Kupriyanov V. V. Possibilities of self-organization methods in predicting emergency situations in mining, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 11, pp. 62-70; <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-11-62-70>. (In Russian).
2. Galieva N. V., Parshin N. O. Development of effective program of investment projects for improving financial standing of an enterprise for production of nonmetallic building materials, *Mining Science and Technology (Russia)*, 2016, no. 3, pp. 45-54; <https://doi.org/10.17073/2500-0632-2016-3-45-52>. (In Russian).
3. Krivonozhko V. E., Forsund F. R., Lychev A. V. Improvement of the effective front in the methodology of the analysis of the functioning environment, *Doklady Akademii Nauk*, 2016, vol. 471, no. 4, pp. 398-402. (In Russian).
4. Kupriyanov V. V. *Computer systems for decision support: textbook*, Moscow, Moscow State University for the Humanities, 2010, 98 p. (In Russian).
5. Kurnosov A. M., Kudin I. B. *Invariant method of optimization of complex development of the coal basin*, Moscow, IGD im. A. A. Skochinskogo, 1999, 20 p. (In Russian).
6. Protsenko A. V., Bairov Zh. B., Fedotov G. S., Zartenova L. Z. Using economic indicators in medium-term mining planning in Micromine Mining and Geological Information System, *Mining Science and Technology (Russia)*, 2018, no. 2, pp. 60-69; <https://doi.org/10.17073/2500-0632-2018-2-60-67>. (In Russian).
7. *Principles of creating a system of optimal production planning in the coal industry. Optimization models, their methodological and mathematical support*, Issue 22, A. S. Astakhov, E. I. Goizman, M. K. Erokhina [et al.], Moscow, TsNIEIugol', 1975, pp. 3-73. (In Russian).
8. Frolov D. L., Frolova A. Yu., Bondarenko I. S. Optimization of choice of electrical equipment in design industrial facilities, *Mining Informational and Analytical Bulletin*, 2017, no. 6, pp. 177-182. (In Russian).
9. Morshedlu A., Dehghani H., Hosseini H. Data-driven decision-making approach to improve the efficiency of long-range rock mining, *Mining Science*, 2019, vol. 26, pp. 7-20; <https://doi.org/10.37190/msc192601>.

Вайнштейн Полина Андреевна
заместитель начальника отдела Управления статистики сельского хозяйства и окружающей природной среды, Федеральная служба государственной статистики, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3858-991X
e-mail: vainshtein.p@gmail.com

Хабиб Марина Далхатовна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8876-0300
e-mail: marina-khabib@mail.ru;

Теплякова Марина Юрьевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8473-2756
e-mail: teplyakova-marina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И АНАЛИЗА УЧЕТА ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ НА ПРИМЕРЕ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. Целью настоящей работы является обзор существующих основных методологических подходов к экспериментальному экосистемному учету в рамках системы природно-экономического учета, а также их практическое применение в статистическом анализе с учетом существующих информационных ресурсов. Обоснован выбор объекта исследования – Байкальской природной территории. Подготовлен перечень экосистемных услуг, характерных для экосистемы Байкальской природной территории, а также проанализирована динамика и структура некоторых из них в период 2013–2017 гг., проведена оценка вклада экосистемы Байкальской природной территории в общий объем экосистемных услуг отдельных регионов России в натуральном выражении, рассчитана доля антропогенной нагрузки, получаемая экосистемой Байкальской природной территории от субъектов Российской Федерации, сформулированы выводы об актуальности экосистемного учета для Российской Федерации.

Ключевые слова: система природно-экономического учета, СПЭУ, экосистемные счета, экосистемные услуги, экосистемный учет, методология формирования, индикаторы счета, методология оценки, биоразнообразие, Байкальская природная территория, экосистемные выгоды

Для цитирования: Вайнштейн П.А., Хабиб М.Д., Теплякова М.Ю. Особенности организации и анализа учета экосистемных услуг на примере Байкальской природной территории // Вестник университета. 2021. № 2. С. 51–59.

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND ANALYSIS OF ACCOUNTING OF ECOSYSTEM SERVICES ON THE EXAMPLE OF THE BAIKAL NATURAL TERRITORY

Abstract. The purpose of this work is to review the existing basic methodological approaches to experimental ecosystem accounting within the framework of the natural-economic accounting system, as well as their practical application in statistical analysis, taking into account existing information resources. The authors substantiate the choice of the object of research – the Baikal natural territory. The paper prepares a list of ecosystem services typical for the Baikal nature territory ecosystem, analyses the dynamics and structure of some of them in the period 2013 – 2017, assesses the contribution of the Baikal nature territory ecosystem to the total volume of ecosystem services in individual regions of Russia in physical terms, calculates the share of anthropogenic load obtained by the Baikal nature territory ecosystem from the constituent entities of the Russian Federation, formulates conclusions about the relevance of ecosystem accounting for the Russian Federation.

Keywords: system of natural and economic accounting, SEEU, ecosystem accounts, ecosystem services, ecosystem accounting, methodology for the formation, indicators for the account, methodology for assessing, biodiversity, Baikal natural territory, ecosystem benefits

For citation: Vainshtein P.A., Khabib M.D., Teplyakova M.Yu. (2021) Features of the organization and analysis of accounting of ecosystem services on the example of the Baikal natural territory. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 51–59. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-51-59

Polina A. Vainshtein
Deputy chief of Department of Agricultural and Environmental Statistics, Federal State Statistics Service, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3858-991X
e-mail: vainshtein.p@gmail.com

Marina D. Khabib
Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8876-0300
e-mail: marina-khabib@mail.ru

Marina Yu. Teplyakova
Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8473-2756
e-mail: teplyakova-marina@yandex.ru

Введение

Развитие человечества неразрывно связано с экологической средой, состояние которой оказывает непосредственное влияние на все остальные составляющие жизни населения стран мира. В этих условиях особую актуальность приобретают проблемы изучения сохранения экологического равновесия, разработка методических подходов по формированию природно-экономического учета, а так же оценка влияния деятельности человека на состояние окружающей среды [2; 3; 4]. Перечисленные проблемы в последние десятилетия приобрели глобальный характер в силу сложившегося типа экономического развития большинства стран и невозможности сдержать развитие кризисных экологических процессов на планете.

Учитывая масштаб, значимость и приоритетность указанных проблем для всего человечества в 2014 г., Организация Объединенных Наций (далее – ООН) совместно с Европейской комиссией, Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН, Организацией экономического сотрудничества и развития и Всемирным банком в качестве совместной публикации издали Официальное Руководство по проведению экспериментального экосистемного учета. На его основе был разработан международный статистический стандарт природно-экономического учета «Центральная основа системы природно-экономического учета» (далее – ЦО СПЭУ), в состав которого входит также Экспериментальный экосистемный учет СПЭУ [13].

Необходимо также отметить, что в последние годы велась активная работа по совершенствованию названного документа. Предварительной повесткой дня 52 сессии Статистической комиссии ООН запланировано представление Комитетом экспертов по природно-экономическому учету окончательного проекта пересмотренных экосистемных счетов СПЭУ и информации о ходе его разработки [14]. Также планируется рассмотреть вопрос об утверждении экосистемных счетов СПЭУ в качестве статистического стандарта [10]. Сессия состоится в марте 2021 г.

Ключевым мотивом для проведения учета экосистем является признание того факта, что отдельный анализ экосистем и экономики не охватывает исключительно важные отношения между людьми и окружающей природной средой [16]. Фокус стандартных подходов к измерению экономики направлен в основном на экономическую и другую деятельность человека, на активности рынков. В то время как задача экосистемного учета состоит в освещении нерыночной деятельности, связанной с экосистемами и интеграции собранной информации с соответствующими рыночными данными [6]. Концепция экспериментального экосистемного учета СПЭУ предполагает, что признание взаимосвязи между экосистемами и экономической и другой деятельностью человека позволит формировать более обоснованные индивидуальные и общественные решения, касающиеся использования окружающей среды.

Учет экосистем является относительно новой, постоянно развивающейся областью измерения, однако, он основан на выводах из устоявшихся дисциплин, таких как наука об экосистемах, экономика и официальная статистика [5].

Это перспективное направление развития национальной статистики, актуальность которого год от года только увеличивается. В России также проводится определенная исследовательская работа в этой области как в научном сообществе, так и в системе государственной статистики. Например, с 2013 г. Центром охраны дикой природы совместно с Институтом экологического территориального развития им. Лейбница (Германия) ведется проект по разработке методологии оценки экосистемных услуг и биоразнообразия России (ТЕЕВ-Russia) [11].

Теория и методы

Опираясь на существующие в России научные исследования в области экосистемного учета и данные, размещенные в открытых источниках, авторы попробовали составить перечень экосистемных услуг, характерных для Байкальской природной территории (далее – БПТ), учесть их запасы и использование, проследить динамику в изменении их объема.

Выбор территории обусловлен исключительными характеристиками озера Байкал – уникальной экологической системы Российской Федерации и объекта всемирного природного наследия [1]. Байкал – это не только самое глубокое озеро на планете, но и 20 % мировых запасов поверхностных пресных вод или более 90 % запасов России. БПТ имеет достаточно большую площадь – 386 тыс. км² и население более

2 млн человек. Прибрежные территории озера полны многообразием флоры и фауны, значительная часть видов эндемична, что делает особенно важным их сохранение в интересах будущих поколений [9]. Таким образом, сложно переоценить степень значимости исследования БПТ с точки зрения подходов экспериментального учета экосистем.

Основа экосистемного учета – это так называемый пространственный подход. Суть пространственного подхода состоит в условном разделении территории страны на области, содержащие комбинацию биотических (растения, животные и т. д.) и абиотических (климатических, почвенных и т. д.) компонентов и прочих характеристик, которые функционируют вместе [16]. Описываемые области можно назвать экосистемными активами. Они обеспечивают вклад экосистем в экономическую и другую деятельность человека, то есть «производят» экосистемные услуги.

БПТ полностью соответствует приведенным выше характеристикам, ее территория определена в действующем федеральном законе № 94-ФЗ от 1 мая 1999 г. «Об охране озера Байкал», согласно которому, к ней относят озеро Байкал, прилегающую водоохранную зону, водосборную площадь в пределах территории России, прилегающие особо охраняемые природные территории, а также прилегающую к озеру Байкал зону шириной до 200 км на запад и северо-запад от него [1]. БПТ располагается на территории следующих субъектов Российской Федерации: Республика Бурятия (57 % площади БПТ), Иркутская область (29 % площади БПТ) и Забайкальский край (14 % площади БПТ) [9].

Экспериментальный экосистемный учет СПЭУ имеет систему счетов, дающих последовательное и максимально полное представление об экосистемах. Система счетов включает: счет протяженности экосистемы (англ. ecosystem extent account), счет состояния экосистемы (англ. ecosystem condition account), счета экосистемных услуг (англ. ecosystem services accounts), счет денежных активов (англ. monetary asset account) и тематические счета (англ. thematic accounts).

В данной публикации будут рассмотрены отдельные методологические подходы формирования индикаторов счета экосистемных услуг, поскольку они являются одним из центральных объектов в структуре учета экосистем. Это обусловлено тем, что именно экосистемные услуги показывают связь между активами экосистемы, с одной стороны, и выгодами, получаемыми людьми, – с другой. Таким образом, обеспечивается выполнение основополагающего принципа природно-экономического учета, описанного в ЦО СПЭУ: интеграция экологической и экономической информации, позволяющая охарактеризовать взаимосвязь между экосистемами и деятельностью человека [13].

Согласно руководству по проведению экспериментального экосистемного учета, счета экосистемных услуг включают набор счетов, отражающих предложение экосистемных услуг и соответствующих им бенефициаров, классифицируемых по широким категориям национальных счетов или другим группам экономических единиц [16].

Экосистемные услуги определены как вклад экосистем в выгоды, используемые в экономической и другой деятельности человека [16].

В исследовании использованы также подходы, сформулированные Центром охраны дикой природы совместно с Институтом экологического территориального развития им. Лейбница (Германия) в рамках проекта ТЕЕВ-Russia, так как они не только согласованы с методами экспериментального учета экосистем СПЭУ, но и адаптированы к географическим, климатическим, экономическим и социальным особенностям Российской Федерации [11].

При отборе характерных для БПТ экосистемных услуг применялась классификация, предусматривающая выделение основных групп услуг: продуктивные, средообразующие, информационные и рекреационные [8].

В таблице 1 приведен перечень индикаторов в натуральном выражении, отобранных для характеристики запаса и использования экосистемных услуг БПТ.

Сформированные наборы индикаторов дают достаточную грубую оценку услуг экосистемы БПТ, однако все они соответствуют главному определению экосистемной услуги, как некоей функции, приносящей человеку пользу. Это относится также и к индикатору «Численность байкальской нерпы», данный вид запрещен к промышленной добыче, но имеет нематериальную, познавательную и генетическую ценность как своеобразный ресурс уникального вида – эндемика.

Экосистемные услуги БПТ

Категория услуг	Индикаторы	
	запасы	использование
Продукционные	– площадь земель, покрытых лесной растительностью; – площадь земель лесного фонда; – количество предприятий лесозаготовки; – уровень воды в озере Байкал; – площадь сельскохозяйственных угодий	– объем заготовленной древесины; – численность работников организаций лесного хозяйства; – забор воды из природных водных объектов; – посевные площади сельскохозяйственных культур
Информационные	численность байкальской нерпы	-
Рекреационные	– площадь номерного фонда в коллективных средствах размещения; – количество туристических фирм; – число коллективных средств размещения	– среднесписочная численность работников коллективных средств размещения; – численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения

Составлено авторами по материалам исследования

Для анализа отобраны четыре индикатора, характеризующие запасы экосистемных услуг и один индикатор их использования (объем заготовок древесины), кроме того, по двум индикаторам произведена оценка динамики и структуры антропогенного воздействия на БПТ. Экосистемные услуги, относящиеся к группам средообразующих и рекреационных, в работе не рассматривались. Источниками данных по БПТ стали ежегодные Государственные доклады Минприроды России «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране» за 2014–2017 гг. [11]. Выбор индикаторов обусловлен степенью доступности статистической информации. По отдельным показателям была рассчитана доля вклада экосистемы БПТ в общий объем ресурсов субъектов Российской Федерации, на которых она расположена.

Необходимо учитывать, что приведенный в статье анализ дает только общее представление о подходах и возможностях методов экосистемного учета. Авторы не рассматривали экосистемные услуги с точки зрения следующих обязательных характеристик: предоставляемый объем услуги, необходимый объем услуги и используемый объем [7]. В случае проведения полномасштабного исследования с целью принятия управленческих решений, анализ названных выше показателей представляется необходимым, поскольку позволяет оценить степень использования экосистемных услуг, степень обеспеченности экосистемными услугами, а также степень удовлетворения необходимости в них [7].

Основные результаты

Анализ площади земель лесного фонда показал, что площадь соответствующих земель БПТ в 2013–2017 гг. оставалась на одном уровне [9; 12]. Наибольший удельный вес земель лесного фонда БПТ приходится на республику Бурятия – 51 %, наименьший у Забайкальского края – 17 %.

В то же время на протяжении рассматриваемого периода к Байкальской природной территории относится 63 % всей площади земель лесного фонда Республики Бурятия, вклад БПТ в Иркутскую область и Забайкальский край составляет 14 % и 16 % соответственно.

Объем заготовок древесины БПТ в 2013–2017 гг. вырос на 415 тыс. м³ (+11,1 %) [9; 12]. Структура заготовок древесины по субъектам Российской Федерации, входящим в БПТ в рассматриваемом периоде, не претерпела существенных изменений. Наибольший удельный вес приходился на Иркутскую область (62 %). Доля заготовок древесины БПТ на территории Забайкальского края составляла 12–14 %, а на территории республики Бурятия 24–26 %.

Вклад экосистемы БПТ в общий объем ресурсов субъектов Российской Федерации по заготовкам древесины имеет противоположную направленность [7; 9]. Так по Иркутской области вклад БПТ по заготовкам древесины в 2013–2017 гг. составлял 7,4–9,4 % от общего объема заготовок древесины субъекта, по республике

Бурятии вклад экосистемы уменьшился с 42,4 % в 2013 г. до 36,11 %, по Забайкальскому краю наблюдается увеличение вклада БПТ по заготовкам древесины с 22,6 % в 2013 г. до 27 % в 2017 г. (табл. 2).

Таблица 2

Объем заготовок древесины

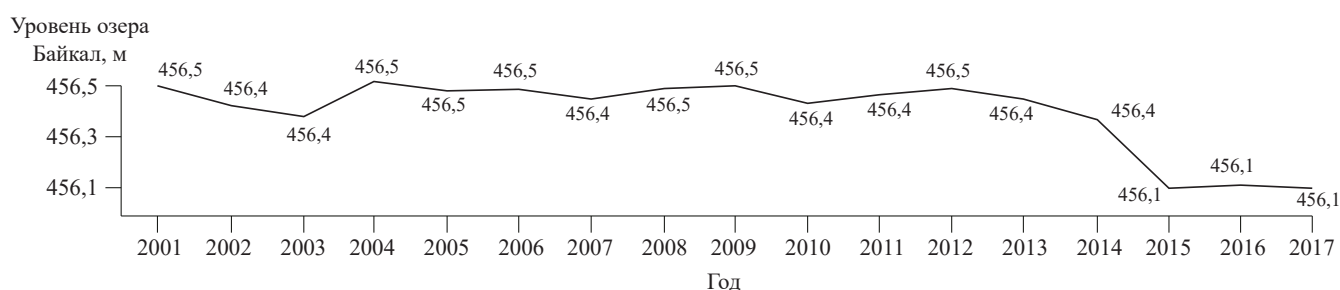
Год	БПТ, тыс. м ³	Иркутская область		Республика Бурятия		Забайкальский край	
		субъект в целом, тыс. м ³	вклад БПТ, %	субъект в целом, тыс. м ³	вклад БПТ, %	субъект в целом, тыс. м ³	вклад БПТ, %
2013	3 739	26 888	8,6	2 103	42,4	2 406	22,6
2014	4 272	29 185	9,4	2 267	43,9	2 207	24,0
2015	4 197	34 172	7,9	2 481	36,7	2 174	26,5
2016	4 139	35 337	8,0	3 086	25,8	2 056	24,9
2017	4 154	34 824	7,4	3 005	36,1	1 836	27,0

Источники: [9; 12]

Площадь сельскохозяйственных угодий экосистемы БПТ за рассматриваемый период уменьшилась на 2,7 тыс. га, что в относительном выражении составляет 0,06 % [9].

Однако на распределение вкладов площади сельскохозяйственных угодий БПТ в субъекты Российской Федерации это не повлияло. Удельный вес вклада сельскохозяйственных угодий БПТ в объеме соответствующих территорий субъектов в течение 2013–2017 гг. оставался неизменным. Для Иркутской области он составлял 42,9 %, по республике Бурятия – 80 %, для Забайкальского края – 9,7 %.

Основной источник водных ресурсов БПТ озеро Байкал в период 2013–2017 гг. изменил свой средний уровень в сторону понижения с 456,4 м до 456,1 м (рис. 1). Начало снижения уровня озера приходится на 2014–2015 гг. Специалисты связывают это явление с тем, что на озере Байкал с 2014 г. и по настоящее время наблюдается экстремально маловодный период [9]. Так как уровень воды озера находится под постоянным контролем и регулируется водами Иркутского водохранилища, его значение не выходит за границы предельно допустимого [9].

Источник: [9]

Рис. 1. Уровень озера Байкал

Байкальская нерпа является уникальным водным млекопитающим, обитающим только в акватории озера Байкал. Ее численность и добыча находятся под постоянным контролем государства. В 2013–2017 гг. наблюдается устойчивый рост популяции байкальской нерпы (см. рис. 2). Если в 2013 г. расчетная численность популяции составляла 108,2 тыс. голов, то в 2017 г. уже 128,1 тыс. голов. То есть в среднем ежегодно рост популяции байкальской нерпы составлял около 5 тыс. голов. Наблюдается и рост добычи байкальской нерпы, но в рамках ее общего допустимого уровня (далее – ОДУ). Промышленная добыча байкальской нерпы запрещена. Ее промысел разрешен лишь с целью поддержания традиционных устоев жизни малых народов БПТ и для исследовательских работ. К 2017 г. по официальным данным уровень ее добычи составлял 2 078 голов, что выше уровня добычи 2013 г. на 18,4 %. При этом объем добычи 2017 г. не превышал ОДУ,

установленный на этот год (3 тыс. голов) [9].

Анализ антропогенного воздействия на экосистему БПТ показал. В границах БПТ в период 2013–2017 гг.

Источник: [9]

Рис. 2. Численность и добыча байкальской нерпы

наблюдался существенный рост выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников с 456,4 тыс. т в 2013 г. до 701,5 тыс. т в 2017 г. Общий прирост составил 245,1 тыс. т (+53,7 %). В то же время по субъектам Российской Федерации, входящим в границы БПТ за аналогичный период наблюдалось снижение выбросов на 1,1 % с 917,5 тыс. т до 907,1 тыс. т соответственно (табл. 3).

При анализе соотношения выбросов в пределах БПТ и общего объема выбросов по субъекту Российской Федерации в период 2013–2017 гг. можно увидеть значительный рост удельного веса выбросов по БПТ. В Иркутской области рост с 54,5 % до 87,9 %, Республике Бурятия с 70,7 % до 93,6 % и в Забайкальском крае с 5,7 % до 11,4 %. Приведенная динамика показателей вызывает определенную тревогу о степени нагрузки воздействия стационарных источников выбросов на экосистему БПТ.

Таблица 3

Выбросы от стационарных источников

Год	БПТ, тыс. т	Иркутская область		Республика Бурятия		Забайкальский край	
		субъект в целом, тыс. т	в пределах БПТ, %	субъект в целом, тыс. т	в пределах БПТ, %	субъект в целом, тыс. т	в пределах БПТ, %
2013	456,4	676,6	54,5	114,1	70,7	127,1	5,7
2014	411,9	637,4	51,4	105,9	73,6	124,5	5,2
2015	457,9	638,9	54,7	108,5	94,8	119,2	4,9
2016	653,7	641,8	86,4	94,3	94,1	121,7	8,5
2017	701,5	659,9	87,9	113,3	93,6	134,2	11,4

Источники: [9; 15]

В то же время образование отходов в границах БПТ в 2013–2017 гг. снизилось со 110 070 тыс. т до 71 066 тыс. т, общее снижение за период составило 35,4 % (39 004 тыс. т) [9]. При этом по субъектам Российской Федерации, территории которых входят в зону БПТ, образование отходов выросло за соответствующий период на 33,2 %. Объяснить характер такой динамики можно мероприятиями, проводимыми на территории

БПТ с целью сокращения образования отходов.

По доле образования отходов в пределах БПТ к объему образования отходов субъекта Российской Федерации наблюдается следующая картина: по Иркутской области эта доля очень мала (менее 1 %), по Республике Бурятия она к 2017 г. составляла 91,9 %, по Забайкальскому краю этот показатель за рассматриваемый период снизился с 49,1 % до 13,7 % [15].

Выводы

Практическое применение основных принципов экспериментального экосистемного учета СПЭУ в анализе экосистемных услуг БПТ и их сопоставление с данными субъектов, на которых она расположена, несмотря на ограниченное количество анализируемых индикаторов, дало достаточно информации для интересных выводов.

Результаты анализа позволяют предположить, что необходимо выделение экосистем помимо привычного территориального деления на субъекты Российской Федерации, так как их вклад в отдельные экосистемные выгоды может быть значительным даже при условии небольшой занимаемой на территории субъекта площади.

Этот вывод подтверждает и анализ степени антропогенной нагрузки на экосистему БПТ, который показал, насколько неравномерно может быть распределена эта нагрузка по регионам России. Так, например, большая часть выбросов от стационарных источников в Республике Бурятия и Иркутской области в 2013–2017 гг. приходится именно на экосистему.

Использованный как основной источник данных по БПТ ежегодно выпускаемый Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации Государственный доклад «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране» представляется хорошей основой для проведения экосистемного учета БПТ в будущем. В докладе соблюден его основной принцип – пространственный подход, представлен анализ всех основных компонентов экосистемы БПТ (водные объекты, недра, земли, леса, фауна, антропогенные объекты и их влияние). Однако, доклад требует определенного совершенствования в соответствии с методологией учета экосистем СПЭУ.

Обладая потенциалом для информирования о воздействии на окружающую среду и компромиссах в использовании экосистем, экспериментальный учет экосистем СПЭУ обеспечивает основу для удовлетворения растущих потребностей в информации в таких областях, как устойчивое развитие, использование ресурсов и землепользование и может стать логичным продолжением развития региональной статистики в России.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об охране озера Байкал» № 94-ФЗ от 01.05.1999 (ред. от 08.12.2020) // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22964/ (дата обращения: 09.01.2021).
2. Вайнштейн, П. А., Хабиб, М. Д., Теплякова, М. Ю. Счета системы природно-экономического учета: методологические аспекты внедрения // Управление социально-экономическими, научно-техническими системами в современной России: проблемы, пути решения: материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, г. Ростов-на-Дону, 15 апреля 2020 г. – Ростов н/Д: Южный университет (ИУБиП), 2020. – С. 159-162.
3. Думнов, А. Д. Развитие системы природно-ресурсного и экономического учета: международные рекомендации и проблемы их прикладного использования // Вопросы статистики. – 2016. – № 11. – С. 3-30.
4. Думнов, А. Д., Васильева, В. Н., Харитонов, А. Е., Дёмин, А. П. Агроэкологическая статистика: проблемы становления и развития // Вопросы статистики. – 2020. – Т. 27, № 3. – С. 5-25; <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-5-25>.
5. Думнов, А.Д., Харитонов, А.Е. К вопросу о международных стандартах и рекомендациях по отражению в национальном счетоводстве природоохранной деятельности // Вопросы статистики. – 2018. – Т. 25, № 1. – С. 49-73.
6. Татарин, А. А. Тезисы к докладу на заседании секции статистики ЦДУ РАН 24.02.2014 «Экологическая статистика и счета окружающей природной среды» // Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/sec/tez_Tatarinov.docx (дата обращения: 09.01.2021).
7. Александрийская, К. А., Бобылев, С. Н., Волцит, О. В. [и др.]. Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 2. Биоразнообразие и экосистемные услуги: принципы учета в России / Составители: Е. Н. Букварёва, Т. В. Свиридова. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://teeb.biodiversity.ru/publications/Ecosystem-Services-Russia_V2_web.pdf (дата обращения: 09.01.2021).
8. Бобылёв, С. Н., Букварёва, Е. Н., Грабовский, В. И. [и др.]. Экосистемные услуги России: Прототип национального

- доклада. Т. 1. Услуги наземных экосистем / Редакторы-составители: Е.Н. Букварёва, Д.Г. Замолодчиков. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teeb.biodiversity.ru/publications/Ecosystem-Services-Russia_V1_web.pdf (дата обращения: 09.01.2021).
9. Государственные доклады Минприроды России о состоянии озера Байкал и мерах по его охране за 2014–2017 гг. // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_ozera_baykal_i_merakh_po_ego_okhrane/?PAGEN_2=1 (дата обращения: 09.01.2021).
10. Доклад Комитета экспертов по эколого-экономическому учету. 52 сессия // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-10-UNCREEA-R.pdf> (дата обращения: 09.01.2021).
11. Официальный сайт Благотворительного фонда «Центр охраны дикой природы» (ЦОДП) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://teeb.biodiversity.ru/ru/> (дата обращения: 09.01.2021).
12. Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 09.01.2021).
13. Официальный сайт Системы природно-экономического учета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seea.un.org/> (дата обращения: 09.01.2021).
14. Предварительная повестка дня и аннотации к 52 сессии Статистической комиссии ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-1-Agenda-R.pdf> (дата обращения: 09.01.2021).
15. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 09.01.2021).
16. System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Experimental Ecosystem Accounting // System of Environmental-Economic Accounting [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/seea_eea_final_en_1.pdf (дата обращения: 09.01.2021).

References

1. Federal law No. 94-FZ, dated on May 1, 1999 (as amended, dated on December 8, 2020) “On the Protection of Lake Baikal”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22964/ (accessed 09.01.2021). (In Russian).
2. Vainshtein P. A., Teplyakova M. Y., Khabib M. D. Natural-economic accounting system accounts: methodological aspects of implementation, *Management of Socio-Economic, Scientific and Technical systems in Modern Russia: Problems, Solutions: Materials of the XXIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, April 15, 2020*, Rostov-on Don, Southern University (IMBL), 2020, pp. 159-162. (In Russian).
3. Dumnov A. D. International recommendations for the system of environmental-economic accounting and challenges related to their implementation in the national statistic, *Voprosy statistiki*, 2016, no. 11, pp. 3-30. (In Russian).
4. Dumnov A. D., Vasil'eva V. N., Kharitonova A. E., Demin A. P. Agroecological statistics: problems of formation and development, *Voprosy statistiki*, 2020, vol. 27, no. 3, pp. 5-25; <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-5-25>. (In Russian).
5. Dumnov A. D., Kharitonova A. E. On the international standards and recommendations for recording environmental activities in the national accounting, *Voprosy statistiki*, 2018, vol. 25, no. 1, pp. 49-73. (In Russian).
6. Tatarinov A. A. Abstracts of the report at the meeting of the statistics section of the Central House of Scientists of the Russian Academy of Sciences on February 24, 2014 “Environmental Statistics and Accounts of the Environment”, *Rosstat*. Available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/sec/tez_Tatarinov.docx (accessed 09.01.2021). (In Russian).
7. Aleksandriiskaya K. A., Bobylev S. N., Voltsit O. V. [et al.] *Ecosystem services in Russia. National report prototype. Volume 2. Biodiversity and ecosystem services: accounting principles in Russia*, Compilers E. N. Bukvareva, T. V. Sviridov. Moscow, Publishing House of the Biodiversity Conservation Center, 2020. Available at: https://teeb.biodiversity.ru/publications/Ecosystem-Services-Russia_V2_web.pdf (accessed 09.01.2021). (In Russian).
8. Bobylev S. N., Bukvareva E. N., Grabovskii V. I. [et al.] *Ecosystem services in Russia. National report prototype. Volume 1. Terrestrial ecosystem services*, Editors-compilers E. N. Bukvareva, D. G. Zamolodchikov, Moscow, Publishing House of the Biodiversity Conservation Center, 2016. Available at: http://teeb.biodiversity.ru/publications/Ecosystem-Services-Russia_V1_web.pdf (accessed 09.01.2021). (In Russian).
9. State reports of the Ministry of Natural Resources of Russia on the state of lake Baikal and measures for its protection for 2014–2017,

- Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation*. Available at: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_ozera_baykal_i_merakh_po_ego_okhrane/?PAGEN_2=1 (accessed 09.01.2021). (In Russian).
10. Report of the Committee of Experts on Environmental-Economic Accounting. Session 52, *United Nations*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-10-UNCREEA-R.pdf> (accessed 09.01.2021). (In Russian).
 11. *Official website of the Charitable Foundation "Biodiversity Conservation Center"*. Available at: <https://teeb.biodiversity.ru/ru/> (accessed 09.01.2021). (In Russian).
 12. *Official website of the Unified Interdepartmental Information and Statistical System*. Available at: <https://www.fedstat.ru/> (accessed 09.01.2021). (In Russian).
 13. *Official website of the System of Environmental-Economic Accounting*. Available at: <https://seea.un.org/> (accessed 09.01.2021). (In Russian).
 14. Provisional Agenda and Annotations for the 52nd Session of the UN Statistical Commission, *UN*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-1-Agenda-R.pdf> (accessed 09.01.2021). (In Russian).
 15. Appendix to the collection "Regions of Russia. Socio-economic indicators", *Rosstat*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (accessed 09.01.2021). (In Russian).
 16. System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Experimental Ecosystem Accounting, *System of Environmental-Economic Accounting*. Available at: https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/seea_eea_final_en_1.pdf (accessed 09.01.2021).

Знаменский Дмитрий Юрьевич

канд. полит. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3492-1567**e-mail:** belyferz@list.ru**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ
СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНОГО
ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ**

Аннотация. Рассмотрена методика анализа научного потенциала регионов. Отмечена значимость комплексного, системного подхода к пониманию самой категории «научный потенциал». Подчеркнута значимость количественных показателей научного потенциала регионов, поддающихся статистическому анализу. Предпринята попытка анализа ключевых статистических показателей развития науки, используемых для оценки научного потенциала регионов. Как правило, перечень подобных показателей исчерпывается численностью функционирующих в регионе научных организаций, объемом их финансирования, а также рядом кадровых показателей. Вместе с тем отмечена узость исключительно ресурсного подхода к оценке научного потенциала и необходимость учета иных его факторов: информационных, социальных, финансовых и др.

Ключевые слова: наука, научный потенциал, научная деятельность, научные кадры, ресурсный подход, статистика науки, системный подход, оценка, регионы

Для цитирования: Знаменский Д.Ю. Методологические сложности статистического анализа научного потенциала регионов России // Вестник университета. 2021. № 2. С. 60–63.

Dmitry Yu. Znamenskiy

Cand. Sci. (Polit.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3492-1567**e-mail:** belyferz@list.ru**METHODOLOGICAL DIFFICULTIES OF STATISTICAL
ANALYSIS OF THE SCIENTIFIC POTENTIAL
OF RUSSIAN REGIONS**

Abstract. The article considers the methodology of the analysis of the scientific potential of the regions. The paper notes the importance of an integrated, systemic approach to understanding of the category of scientific potential. The author emphasizes the importance of quantitative indicators of the scientific potential of the regions, amenable to statistical analysis. The study attempts to analyse the key statistical indicators of the development of science used to assess the scientific potential of the regions. As a rule, the list of such indicators is limited to the number of scientific organizations functioning in the region, the volume of their funding, as well as a number of personnel indicators. At the same time, the author notes the narrowness of the exclusively resource-based approach to the assessment of the scientific potential and the need to take into account its other factors: informational, social, financial, etc.

Keywords: science, scientific potential, scientific activity, scientific personnel, resource-based approach, statistics of science, systemic approach, assessment, regions

For citation: Znamenskiy D.Yu. (2021) Methodological difficulties of statistical analysis of the scientific potential of Russian regions. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 60–63. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-60-63

Введение

Актуальность исследования методов анализа научного потенциала регионов Российской Федерации (далее – РФ) обусловлена, во-первых, непосредственным влиянием данного потенциала на процессы социально-экономического развития страны в целом и отдельных ее регионов в частности и, во-вторых, необходимостью учета показателей научного потенциала при формировании социально-экономической и особенно научно-технической политики РФ. В этой связи особое внимание вызывают статистические показатели развития науки, применяемые для оценки научного потенциала. Целью настоящего исследования является обзор возможных сложностей методического и методологического характера, возникающих при использовании статистического анализа научного потенциала субъектов РФ.

© Знаменский Д.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Znamenskiy D.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Теория и методы

Думается, что начинать рассмотрение заявленной проблематики следует с анализа самой категории «научный потенциал». Ее междисциплинарный характер несомненен: к данной категории апеллируют представители экономической, социологической, исторической и инженерно-технической науки. В ряде публикаций нами уже отмечалось отсутствие среди исследователей единого понимания природы и структуры научного потенциала [2]. Нелишним было бы отметить, что основные дискуссии ведутся вокруг того, какие элементы образуют данную структуру. Одни авторы ограничиваются выделением организационных, кадровых, материально-технических и иногда информационных составляющих, другие же добавляют к означенному перечню финансовые возможности носителя научного потенциала (к примеру, страны, региона, отрасли либо конкретной организации), а также особенности системы управления научно-исследовательской деятельностью.

Что же касается понимания природы научного потенциала, то со времен первых попыток выработки методики его оценки (в рамках форума Организации экономического развития и сотрудничества в г. Фраскати, 1963 г.) в качестве доминирующего выступает так называемый ресурсный подход, согласно которому научный потенциал следует трактовать как источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для осуществления научных исследований [3]. Именно такое понимание научного потенциала определило чисто прикладной, основанный на статистических материалах подход к исследованию данного феномена. В этом же ключе развивались и отечественные исследования, опиравшиеся исключительно на конкретные эмпирические данные: сведения о финансировании научных исследований и разработок, стоимости основных фондов научной деятельности, численности исследователей и т. п.

Наиболее исследованным видом научного потенциала стоит считать научный потенциал территории – страны в целом либо отдельного региона [4; 6]. Его специфика, как представляется, заключается в следующем: 1) он охватывает практически все отрасли национальной (либо, соответственно, региональной) экономики; 2) в него логически включен потенциал всех расположенных на данной территории научных организаций разнообразных организационно-правовых форм и видов; 3) научный потенциал региона естественным образом испытывает на себе влияние географических, климатических, демографических, природно-ресурсных и других регионально-территориальных факторов.

Что касается подхода к анализу научного потенциала регионов России, то в трудах исследователей чаще всего встречаются такие его показатели, как: 1) численность организаций, выполняющих научные исследования; 2) численность научных работников, задействованных в данных организациях, как в абсолютном выражении, так и приведенная к общей численности экономически активного населения региона либо в расчете на одну организацию, занимающуюся научно-исследовательской и опытно-конструкторской работой (далее – НИОКР); 3) доля научных работников, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук; 4) число организаций, занимающихся подготовкой научных кадров высшей квалификации в аспирантуре и докторантуре, а также показатели выпуска этих организаций [1]. Так, Л. Э. Миндели и В. Е. Чистякова выделяют следующие элементы научного потенциала: 1) количество организаций, выполняющие НИОКР; 2) численность персонала и его структура; 3) публикационная активность; 4) объемы затрат на НИОКР; 5) материально-техническое обеспечение НИОКР [5]. Несомненным достоинством данного подхода следует признать относительную простоту поиска необходимой информации (как правило, достаточно данных Росстата либо специализированных статистических ежегодников) и, главное, измеримость показателей и их сопоставимость по времени. Вместе с тем стоит считать закономерным вопрос о достаточности данного набора показателей научного потенциала.

Для ответа на данный вопрос следует еще раз обратиться к трактовке самого понятия «научный потенциал». Опираясь на этимологию слова «потенциал» (от лат. *potens* – мощь, сила, способность), логично заключить, что речь идет о возможности добиваться определенных результатов научной деятельности. То есть налицо не только совокупность имеющихся в распоряжении субъекта определенного уровня ресурсов, но и способность данного субъекта эффективно их использовать в научных целях. В данном случае уместно выделить следующие обобщенные группы факторов, влияющие на научный потенциал (в том случае, если речь идет о территории страны либо региона): 1) состояние системы управления наукой; 2) уровень престижа профессии ученого; 3) состояние материально-технической и финансовой базы науки; 4) уровень академической мобильности;

5) наличие сложившихся научных школ и т. д. Отметим, что статистический подсчет в большей или меньшей степени эффективен только для двух из пяти указанных групп факторов: третьей и четвертой. Таким образом, рассматриваемый ресурсный подход с опорой на чисто статистический анализ научного потенциала, не позволяет оценить существенные аспекты научной деятельности: качество управления имеющимися ресурсами, социально-мотивационные факторы, а также имеющиеся научные заделы.

Основные результаты. Дискуссия

Критически осмысливая уже упоминавшиеся выше наработки М. Р. Ефимовой и Е. А. Долгих, нельзя не обратить внимание на ряд принципиальных сложностей, связанных с использованием выбранного ими набора показателей научного потенциала. Так, показатель «Численность организаций, выполняющих научные исследования» характеризует скорее формальное существование научных организаций, нежели их способность производить значимые научные результаты. Из содержания данного показателя непонятно, учитываются ли в числе данных организаций вузы (для которых научная деятельность носит второстепенный характер) или исключительно научно-исследовательские организации. Кроме того, нелишним было бы проанализировать наукоемкие организации реального сектора экономики (то есть «потребителей» результатов деятельности научно-исследовательских институтов и вузов), а также наличие в регионе территорий с высокой концентрацией научного потенциала (наукоградов, технопарков, особых экономических зон технико-внедренческого типа и т. п.).

Весьма плодотворным представляется использование комплекса показателей, характеризующих кадровую составляющую научного потенциала – особенно такие показатели, как доля научных работников в общей численности экономически активного населения региона, а также показатели острепенности научного персонала исследовательских организаций. Вместе с тем нельзя не отметить, что высокая доля работников, имеющих ученые степени кандидата или доктора наук, скорее всего свидетельствует не столько о высоком научном потенциале региона, сколько о наличии в регионе диссертационных советов (количественные показатели работы которых, к сожалению, не всегда переходят в качественные).

Показатель выпуска научных кадров высшей квалификации представляется целесообразным дополнить показателями текучести молодых кадров в научно-исследовательских организациях региона. Под молодыми учеными при этом следует понимать научно-исследовательский персонал без ученой степени – в возрасте до 30 лет, кандидатов наук – в возрасте до 35 лет, докторов наук – в возрасте до 40 лет. Наконец, помимо оценки количества организаций, осуществляющих подготовку научных кадров в аспирантуре и докторантуре, стоит обратить внимание на наличие в регионе диссертационных советов по профильным для ведущих научных организаций специальностям.

В связи со всем вышеизложенным нельзя не признать справедливой точку зрения А. В. Сычева, отмечавшего ограниченность чисто ресурсного подхода к определению категории «научный потенциал» [7]. Действительно, еще советские исследователи неоднократно указывали на более широкое понимание научного потенциала – как способности научной системы решать стоящие перед ней задачи. Под научной системой при этом обычно понимается вся совокупность научных организаций, инновационных предприятий и вузов, расположенных в исследуемом регионе, вне зависимости от формы собственности.

Что касается структуры научного потенциала, то наряду с его ресурсной составляющей (изучением которой, как правило, ограничивается большинство авторов) представляется необходимым выделить: а) институциональные основы научного потенциала; б) его кадровые основы; в) социальные факторы его развития. Кроме того, следует различать оценку научного потенциала региона и оценку эффективности его реализации (в последнем случае имеет смысл говорить о таких формах реализации научного потенциала, как публикационная и патентная активность, организацию научных мероприятий, развитие научной кооперации, финансовые результаты научно-исследовательской деятельности и др.).

Заключение

Таким образом, оценка научного потенциала как отдельного региона, так и страны в целом, представляет собой сложную междисциплинарную задачу, решение которой только лишь статистическими методами невозможно. Использование исключительно последних существенно сужает само понятие научного потенциала и отнюдь не способствует объективному отражению действительности.

Библиографический список

1. Ефимова, М. Р., Долгих, Е. А. Статистический анализ научного потенциала регионов Российской Федерации // Вестник университета. – 2019. – № 8. – С. 131-138.
2. Знаменский, Д. Ю. К вопросу о методике оценки научного потенциала университетов // Управление. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 12-20.
3. Знаменский, Д. Ю., Сычев, А. В. Научный потенциал негосударственного вуза: системный подход к исследованию // Интернет-журнал «Наукovedение». – 2013. – № 4 (17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/09evn413.pdf> (дата обращения: 28.02.2021).
4. Миндели, Л. Э., Хромов, Г. С. Научно-технический потенциал России: в 2 ч. – М.: ИПРАН РАН, 2011. – Ч. 2. – 2012. – 356 с.
5. Миндели, Л. Э., Чистякова, В. Е. Академический сектор научного потенциала России. – М.: ИПРАН РАН, 2013. – 408 с.
6. Качак, В. В., Масленников, А. М., Ружанский, П. А. Оценка научного потенциала вузов регионов России и эффективность его использования / Моск. гос. инженер.-физ. ин-т (техн. ун-т), Науч.-исслед. лаб. «Науч.-техн. потенциал высш. шк.». – М.: МИФИ, 1998. – 372 с.
7. Сычев, А. В. Системно-динамический подход как методология исследования научного потенциала негосударственного вуза // Вестник университета. – 2014. – № 13. – С. 245-248.

References

1. Efimova M. R., Dolgikh E. A. Statistical analysis of the scientific potential of the regions of the Russian Federation, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 8, pp. 131-138. (In Russian).
2. Znamenskii D. Yu. On the question of the methodology for assessing the scientific potential of universities, *Upravlenie*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 12-20. (In Russian).
3. Znamenskii D. Yu., Sychev A. V. Scientific potential of a non-state university: a systematic approach to research, *Internet-journal "Naukovedenie"*, 2013, no. 4 (17). Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/09evn413.pdf> (accessed 28.02.2021). (In Russian).
4. Mindeli L. E., Khromov G. S. *Scientific and technical potential of Russia: in 2 parts*, Moscow, Institute for the Study of Science of RAS, 2011, Part 2, 2012, 356 p. (In Russian).
5. Mindeli L. E., Chistyakova V. E. *Academic sector of the scientific potential of Russia*, Moscow, Institute for the Study of Science of RAS, 2013, 408 p. (In Russian).
6. Kachak V. V., Maslennikov A. M., Ruzhanskii P. A. *Assessment of the scientific potential of universities in the regions of Russia and the effectiveness of its use*, Moscow Engineering Physics Institute (Technical University), Research Lab "Scientific and Technical Potential of the Higher School", Moscow, MEPhI, 1998, 372 p. (In Russian).
7. Sychev A. V. System-dynamic approach as the methodology of the study of the scientific potential of non-state university, *Vestnik universiteta*, 2014, no. 13, pp. 245-248. (In Russian).

УДК 330.322.1 JEL R58

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-64-70

Остапенко Елена

Анатольевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Ставропольский государствен-
ный аграрный университет»,
г. Ставрополь, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0002-6150-8030

e-mail: helen_07-84@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА

Аннотация. Качество человеческих ресурсов, рассматриваемое как совокупность определенных критериев оценки, динамичных по своей природе, обусловленных базовыми показателями и факторами внутренней и внешней среды социальной и экономической системы региона, нуждается в комплексном управленческом воздействии, направленном на совершенствование системы и ее элементов. Качество человеческих ресурсов в социально-экономических системах, а также инструменты, направленные на формирование качественных параметров, формируют проблему совершенствования организационно-экономического механизма повышения качества человеческих ресурсов в современных условиях, который должен учитывать цели управления, состояние и перспективы развития качественных параметров элементов системы, для обеспечения эффективного функционирования концептуальной модели управления качеством человеческих ресурсов.

Ключевые слова: организационно-экономический механизм, человеческие ресурсы, качество жизни, региональное развитие, региональная экономика, государственные (муниципальные) услуги, стандарт качества жизни, население

Для цитирования: Остапенко Е.А. Организационно-экономический механизм повышения качества человеческих ресурсов региона // Вестник университета. 2021. № 2. С. 64–70.

Elena A. Ostapenko

Cand. Sci. (Econ.), Stavropol
State Agrarian University,
Stavropol, Russia

ORCID: 0000-0002-6150-8030

e-mail: helen_07-84@mail.ru

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR IMPROVING THE QUALITY OF HUMAN RESOURCES OF THE REGION

Abstract. The quality of human resources, considered as a set of certain assessment criteria that are dynamic in nature, due to the basic indicators and factors of the internal and external environment of the social and economic system of the region needs a comprehensive management impact aimed at improving the system and its elements. The quality of human resources in socio-economic systems, as well as tools aimed at the formation of qualitative parameters, form the problem of improving the economic mechanism for improving the quality of human resources in modern conditions, which should take into account the management goals, the state and prospects for the development of quality parameters of the system elements, to ensure the effective functioning of the conceptual model of quality management of human resources.

Keywords: organizational and economic mechanism, human resources, quality of life, regional development, regional economy, state (municipal) services, quality of life standard, population

For citation: Ostapenko E.A. (2021) Organizational and economic mechanism for improving the quality of human resources of the region. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 64–70. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-64-70

Введение

Организационно-экономический механизм повышения качества жизни населения представляет собой совокупность организационных структур управления с взаимосвязанными элементами для достижения целей и решения задач по выполнению нормативов. Действия механизма направлены на обеспечение устойчивого социально-экономического уровня жизни, доступности услуг в регионе и повышение благосостояния населения.

Организационно-экономический механизм повышения качества жизни населения должен быть частью хозяйственного механизма экономики. Механизм повышения качества жизни региона можно условно разделить на две основные части:

– организационный – планирование и управление социально-экономическими процессами развития региона и повышение качества жизни; государственные меры по развитию экономики территории, ее объектов

© Остапенко Е.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Ostapenko E.A., 2021.

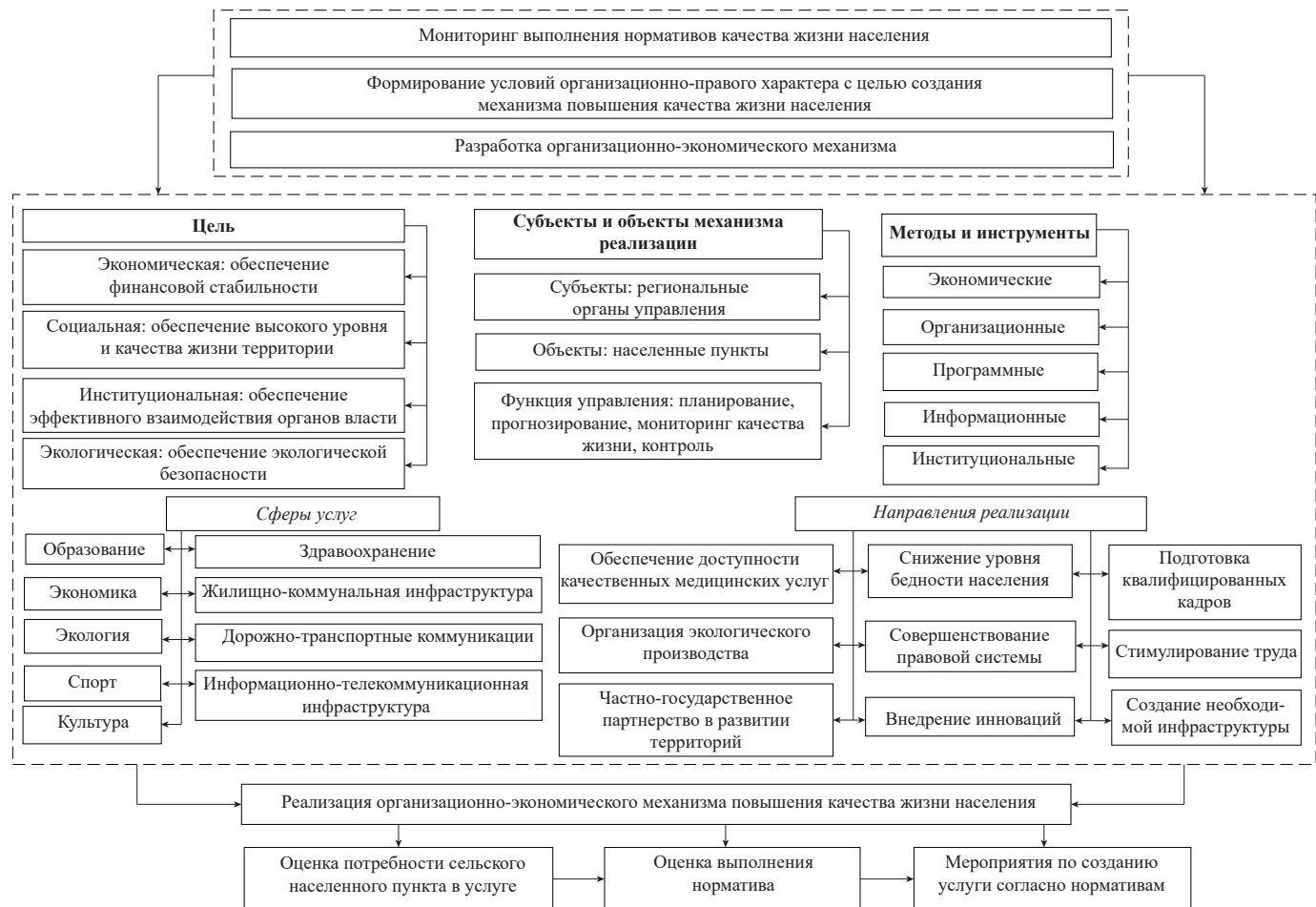
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

и институтов социальной сферы; государственное программное социально-экономическое развитие; открытие и поддержка особых социально-экономических зон ускоренного развития региона; мониторинг социально-экономических процессов и своевременное принятие мероприятий по устранению проблем в регионе;

– экономический – включает регулирование финансово-кредитных, бюджетных и налоговых процессов, формирование цен на ресурсы и продукцию, распределение и использование госсобственности и стимулирование производства.

Функционирование организационно-экономического механизма повышения качества жизни в регионе направлено на выполнение норм по оказанию государственных услуг населению в сферах: образования, здравоохранения, экономики, торговли, спорта, социального обслуживания, личной и общественной безопасности, дорожно-транспортной коммуникации, жилищно-коммунальной инфраструктуры, культуры, экологии (рис. 1) [6].

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Организационно-экономический механизм повышения качества жизни населения

Цель создания организационно-экономического механизма обусловлена потребностями населения региона и основана на факторах, оказывающих влияние на условия жизни территории.

Литературный обзор

Функционирование механизма зависит от внешних и внутренних факторов, действие которых проявляется на всех этапах социально-экономического процесса обеспечения качества жизни населения (см. рис. 2). При этом действие факторов на процессы может быть благоприятным или обратным, сдерживающим повышение качества жизни. К внешним факторам относятся: кризисы, преступность, состояние экономики – это косвенные факторы. Факторы, оказывающие непосредственное влияние или прямые факторы – денежная, кредитная, налоговая системы, нормативно-правовая база, инфляция, уровень человеческого капитала. Внутренние

факторы определяют уровень качества жизни населения, к ним относятся: экономические (конкуренция, потенциал, спрос и предложение на продукцию); социальные (демография, занятость, образование, трудовые ресурсы), а также определяют условия для выполнения нормативов стандарта [4]. Указанные факторы формируют доступность к государственным (муниципальным) услугам.

Для результативного функционирования механизма повышения качества жизни в регионе необходимо использовать: комплексный план повышения качества жизни; нормативы стандарта и их методику оценки; перечень государственных (муниципальных) услуг и мероприятий для повышения качества жизни; алгоритм расчета потребности в финансировании мероприятий.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Факторы, влияющие на формирование механизма повышения качества жизни

Основные направления совершенствования механизма должны быть сконцентрированы на решении комплекса задач как в экономической, так в социальной сфере, только тогда могут быть достигнуты нормативы качества жизни и обеспечен доступ к услугам всех сфер (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Направления совершенствования организационно-экономического механизма повышения качества жизни населения в регионе

Анализ и обсуждение результатов

Для эффективного функционирования организационно-экономического механизма в комплексных планах повышения качества жизни населения региона требуется:

- использовать единые понятия и термины. Зачастую на региональном уровне для программ развития меняются понятия и термины (например, чтобы под программы развития сельских населенных пунктов попадали города). Этого допускать нельзя, так как должно быть целевое финансирование госпрограмм в сфере агропромышленного комплекса и для сельских населенных пунктов. Должны быть определены единые критерии и целевые показатели достижения качества жизни населения в регионах с целью достижения национальных целей и госпрограмм. В некоторых регионах при утверждении распоряжений в части госпрограмм могут встречаться изменения и (или) сужение, сокращение целей и задач. В ряде регионов добавляют показатели, которые не имеют смысловой нагрузки и не оказывают влияние на реализацию государственных мер;
- использовать унифицированную систему мониторинга и контроля выполнения в регионах поставленных задач в области повышения качества жизни населения. В системе статистического наблюдения необходимо использовать единый формат документирования и статистического наблюдения за качеством жизни населения исходя из нормативов стандарта;
- принять федеральные и региональные программы включающие меры по достижению нормативов стандарта качества жизни населения. Целевые показатели программ должны быть нормированы для всех регионов Российской Федерации с учетом их социально-экономических особенностей и природно-климатических зон субъектов Российской Федерации, а условия жизни должны соответствовать стандарту качества жизни [3; 7].

Необходимость единого подхода к реализации мероприятий повышения качества жизни населения, подтверждают и результаты исследований Д. А. Логинова и А. С. Строкова, которые отмечают, что не все цели Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» отражены в программах регионов («Развитие образования», «Развитие здравоохранения», «Развитие транспортной системы», «Развитие физической культуры и спорта», «Охрана окружающей среды» и т. д.), и региональные власти иногда подходят выборочно к реализации и выполнению госпрограмм. Тем самым возникает сильный дисбаланс в социально-экономическом развитии региональных населенных пунктов и соответственно разный уровень жизни в них. В результате этого сложились наиболее сложные условия жизни населения в наиболее дотационных регионах [5].

Организационно-экономический механизм повышения качества жизни населения будет работать эффективно и будут достигнуты нормативы стандарта качества, если в нормативных документах, государственных программах будет применен единый подход и общие требования к достижению стандарта качества жизни, а мероприятия будут направлены на выполнение Указов Президента Российской Федерации В. В. Путина и на достижение целевых показателей в агропромышленном комплексе и сельских территориях, указанных в госпрограммах.

Органам власти надо выполнить предлагаемые рекомендации:

- 1) регионам следует принимать и вносить изменения своевременно (контролировать регламент по времени принятия поправок и изменений в региональное законодательство) в краевые и областные законы в части регулирования процесса повышения качества жизни населения в соответствии с принимаемыми федеральными законодательными актами. Должны указывать плановые показатели по планируемым мероприятиям;
- 2) во всех планируемых мероприятиях и госпрограммах в регионах должно быть продумано статистическое наблюдение и мониторинг их выполнения;
- 3) должны быть приняты комплексные планы повышения качества жизни и предусмотрена их единая унифицированная форма для возможности использования органами власти на всех уровнях. Мероприятия должны быть четко прописаны, их схемы финансирования – прозрачны, например:
 - наименование мероприятия и его нормативы (например, количество школ на 10 тыс. учеников на определенной территории);
 - софинансирование регионов снизить до 5 % и (или) обнулить для дотационных регионов;
 - принять критерии для оценки результативности реализуемых мероприятий в регионе;
 - дополнять и (или) менять критерии в региональных программах, после внесения изменений в Стратегию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. и выхода ее новой редакции;

- финансирование должно быть прозрачным и стабильным и не исчезать, когда программа уже стала реализовываться;

- вносить изменения в законодательство не чаще трех лет. Это позволит стабилизировать социально-экономическую обстановку в регионе и повысит его инновационную и инвестиционную привлекательность.

Деятельность региональных органов власти должна быть основана на основных позициях:

- благоприятные условия для повышения возможностей населения регионов за счет свободы действий и выбора видов деятельности;

- стимулирование роста человеческого потенциала и его качества. Должны быть стимулы на получение образования, профессии для реального сектора экономики, социальную и предпринимательскую активность;

- ориентация на ценности человека и формирование его потребностей. Ограничения или доступность в услугах влияет на качество жизни населения и на стабильность социально-экономических условий в регионах.

Особое значение имеет доступность медицинской помощи, социальной защиты, образования, развитие социальной инфраструктуры в соответствии со стандартами. Соблюдение принципов позволит решить важную социально-экономическую проблему – существенное сокращение разрыва в качестве жизни между сельским и городским населением, увеличение, прежде всего, занятости населения и уровня доходов. Все это будет препятствовать оттоку населения и способствовать привлечению молодых специалистов в село (периферию) и аграрный сектор экономики, в целом позволит стабилизировать численность сельского населения и обеспечит его уровень жизни в соответствии со стандартом. Важным условием принятия мер по доведению качества жизни населения до стандартов является применение комплексного подхода по доведению уровня жизни в сельской местности до нормативного уровня, основанного на устранении ведомственной разобщенности и определении приоритетности сельской местности.

Рекомендуется, чтобы приоритетные цели выбирались сельскими администрациями при участии населения. Это может быть общественное обсуждение, онлайн-голосование и (или) другие современные формы исследования потребностей в услугах сельскому населению и доведение их до уровня стандарта.

Разработка комплекса мероприятий по доведению качества жизни населения в регионе до уровня стандартов основывалась на анализе нормативно-правовой базы, регламентирующей содержание и условия финансирования государственной поддержки в разрезе 12 сфер, характеризующих уровень жизни населения: экономики, охраны окружающей среды, торгового и бытового обслуживания, физической культуры, социального обслуживания, образования, культуры, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, здравоохранения, жилищно-коммунальной инфраструктуры, дорожно-транспортных коммуникаций, личной и общественной безопасности.

За основу была взята Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» от 31 мая 2019 г. № 696, и ее отдельные структурные элементы: ведомственные проекты и ведомственные программы [2].

Были проанализированы 13 национальных проектов (далее – НП), из них выбраны в большей степени влияющие на качество жизни населения: НП «Здравоохранение»; НП «Образование»; НП «Демография»; НП «Культура»; НП «Экология»; НП «Цифровая экономика Российской Федерации».

Каждый национальный проект включает в себя ряд федеральных проектов, направленных на решение конкретных задач. Эти проекты содержат перечень мероприятий, имеющих финансовое обеспечение и направленных на достижение показателей стандарта качества жизни.

Например, НП «Образование» содержит 10 федеральных проектов. Все они были изучены на предмет возможного использования предусмотренных в них мероприятий для повышения качества жизни населения.

Кроме того, ряд мероприятий, направленных на достижение показателей стандарта качества жизни населения и их финансирование регламентируется федеральными законами и подзаконными актами. Так, например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ предусматривает предоставление компенсации педагогическим работникам образовательных организаций в сельской местности расходов на оплату жилых помещений, отопления и освещения [1].

Для показателей стандарта, достижение которых не обеспечено государственной поддержкой, предусмотрены мероприятия, реализуемые на коммерческой основе, за счет грантовой поддержки, средств инвесторов или государственно-частного партнерства.

В основу формирования комплекса мероприятий легли следующие принципы:

- целевая ориентированность мероприятий на обеспечение физического наличия стационарных или мобильных объектов обслуживания, их доступность, качество и удовлетворенность населения услугами;
- учет требований инновационного развития экономики, передового отечественного и зарубежного опыта, распространения современных информационных технологий;
- многоуровневый подход, при котором мероприятия ориентированы на отдельные социальные группы;
- этапность (достижение стандарта качества жизни населения в регионе в краткосрочном, среднесрочном, долгосрочном периоде).

Для каждой группы населенных пунктов должен быть разработан свой комплекс мероприятий. Во взаимосвязи они образуют единую территориальную систему с головными центрами в крупных сельских населенных пунктах или районных центрах и периферийными объектами, приближенными к жителям мелких сел. По отдельным показателям стандарта может быть предусмотрена альтернативность выбора мероприятий.

Например, для достижения показателя стандарта по фактической загруженности учреждений здравоохранения, оказывающих первичную (врачебную или специализированную) медико-санитарную помощь в амбулаторных условиях не более 100 %, предусмотрена вариативность мероприятий дифференцированно в зависимости от численности населенного пункта и исходя из уровня фактической загруженности учреждения; при загруженности более 100 %, но менее 120 % – реконструкция имеющихся учреждений здравоохранения; при загруженности более 120 % для территорий численностью от 1 751 до 10 тыс. человек – открытие отделений общей врачебной практики (семейной медицины) или врачебных амбулаторий; при численности свыше 10 тыс. человек и загруженности более 120 % – открытие филиалов поликлиники, центров (отделений) общей врачебной практики или врачебных амбулаторий.

Заключение

В общем случае выбор мероприятия из предложенных альтернатив реализуется в зависимости от региональных условий (территориальное расположение, развития дорожно-транспортных коммуникаций, демографической ситуации, направления миграции, инвестиционной активности и др.).

Выбор приоритетов и отбор ключевых мероприятий, первоочередная реализация которых обеспечит мультипликативный эффект, должен осуществляться с учетом фактически сложившегося (достигнутого) уровня выполнения показателей стандарта, реалистичности выполнения Программы социально-экономического развития территории (населенного пункта), тенденций ее развития и бюджетной обеспеченности.

При прочих равных условиях первостепенное значение приобретает развитие региональной экономики, дорожно-транспортных коммуникаций, информационных и телекоммуникаций, что обеспечит наибольший социально-экономический эффект, восстановление популяции населения и улучшение его качественного состава на периферии регионов, будет способствовать повышению темпов достижения показателей стандарта качества жизни населения.

Развитие региональной экономики даст импульс развитию сельских территорий, обеспечит занятость и доходы жителей, а значит и налоговые поступления муниципалитетов, расширит их возможности саморазвития и использования форм государственной поддержки, на основе софинансирования.

Строительство дорог, улучшение дорожного покрытия, а также развитие информационных и телекоммуникаций позволит повысить привлекательность сельской местности для постоянного проживания, расширит сферы приложения труда не только в сельской местности, даст возможность использовать тренд на экологически чистое питание и сельский образ жизни для миграционного прироста и повышения качества жизни населения.

Приоритетные направления достижения стандарта качества жизни должны определяться разработкой соответствующих программ на уровне региона и муниципалитетов. Включение стандартов качества жизни населения регионов в систему регулирования социального развития территории, обозначит целевой уровень, а предлагаемый комплекс мероприятий – механизм его достижения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 02.01.2021).

2. Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 31.12.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326085/ (дата обращения: 02.01.2021).
3. Айвазян, С. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. – М.: ЦЭМИ РАН, 2000. – 117 с.
4. Васильев, А. Л. Россия в XXI веке. Качество жизни и стандартизация. – М.: Стандарты и качество, 2003. – 440 с.
5. Логинова, Д. А., Строков, А. С. Институциональные вопросы устойчивого развития сельских территорий России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 2. – С. 115-140.
6. Маннапов, Р. Г. Организационно-экономический механизм управления регионом: формирование, функционирование, развитие: монография. – М.: КНОРУС, 2008. – 352 с.
7. Полушкин, Н. А. Государственное регулирование развития сельских территорий через разработку социальных стандартов жизни и жизнеобеспечения населения // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей победителей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 25 февраля 2017 г. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 162-168.

References

1. Federal Law No. 273-FZ, dated on December 29, 2012 (as amended and supplemented, entered in force, dated on January 8, 2020) “On Education in the Russian Federation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 02.01.2021). (In Russian).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 696, dated on May 31, 2019 (as amended, dated on December 31, 2020) “On Approval of the State Program of the Russian Federation “Integrated Development of Rural Areas” and On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326085/ (accessed 02.01.2021). (In Russian).
3. Aivazyan S. A. *Integral indicators of the quality life of the population: their construction and use in management and interregional comparisons*, Moscow, TsEMI RAN, 2000, 117 p. (In Russian).
4. Vasil'ev A. L. *Russia in the XXI century. Quality of life and standardization*, Moscow, Standarty i kachestvo, 2003, 440 p. (In Russian).
5. Loginova D. A., Strokov A. S. Institutional issues of sustainable development of rural areas of Russia, *Public Administration Issues*, 2019, no. 2, pp. 115-140. (In Russian).
6. Mannapov R. G. *Organizational and economic mechanism of regional management: formation, functioning, development: monograph*, Moscow, KNORUS, 2008, 352 p. (In Russian).
7. Polushkin N. A. State regulation of rural development through development of social standards, *Modern Economy: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of the Winners of the V International Scientific and Practical. Penza, February 25, 2017, responsible editor G. Yu. Gulyaev*, Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2017, pp. 162-168. (In Russian).

УДК 338.012 JEL O14

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-71-79

Положенцева Юлия Сергеевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8296-0878**E-mail:** polojenceva84@mail.ru**Клевцова Мария Геннадьевна**

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0188-2263**E-mail:** klevtsovam@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В современных условиях развития экономики происходит трансформация развития промышленного комплекса с акцентом на цифровые технологии и высокотехнологичное производство. В статье рассмотрены новые принципы реализации экономической политики государства с учетом вызовов четвертой промышленной революции, а также результатов проведенного анализа основных индикаторов развития промышленности в мире и в России в частности, в том числе оценки современного состояния инновационно-технологической активности промышленного сектора экономики России. Особое внимание при этом уделено анализу современных тенденций развития промышленности в странах, обладающих как высоким уровнем высокотехнологичного производства, так и низким. Проанализированы перспективы развития промышленности России для обоснования необходимости стратегий технологического прорыва и технологической модернизации промышленных предприятий.

Ключевые слова: промышленный комплекс, трансформация, развитие, высокотехнологичная промышленность, цифровизация, деловая активность, сетевая готовность бизнеса, устойчивое развитие

Для цитирования: Положенцева Ю.С., Клевцова М.Г. Трансформация развития промышленного комплекса в условиях цифровой экономики // Вестник университета. 2021. № 2. С. 71–79.

TRANSFORMATION OF THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL COMPLEX IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. In the modern conditions of economic development, the development of the industrial complex is being transformed with emphasis on digital technologies and high-tech production. The article considers new principles of the implementation of the state's economic policy taking into account the challenges of the fourth industrial revolution, as well as the results of the analysis of the main indicators of industrial development, both in the world and in Russia in particular, including the assessment of the current state of innovation and technological activity of the industrial sector of the Russian economy. At the same time the authors pay special attention to the analysis of modern trends in the development of industry in countries with both a high level of high-tech production and a low level. The paper analyses the prospects of Russian industry development to justify the need for technological breakthrough strategies and technological modernization of industrial enterprises.

Keywords: industrial complex, transformation, development, high-tech industry, digitalization, business activity, business network readiness, sustainable development

For citation: Polozhentseva Yu.S., Klevtsova M.G. (2021) Transformation of the development of the industrial complex in the digital economy. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 71–79. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-71-79

Yulia S. Polozhentseva

Cand. Sci. (Econ.), Southwest State University, Kursk, Russia

ORCID: 0000-0002-8296-0878**E-mail:** polojenceva84@mail.ru**Maria G. Klevtsova**

Cand. Sci. (Econ.), Southwest State University, Kursk, Russia

ORCID: 0000-0003-0188-2263**E-mail:** klevtsovam@mail.ru

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Acknowledgement. The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation No. NSh-2702.2020.6 "Conceptual foundations of a new paradigm of economic development in the era of technological and social transformation".

© Положенцева Ю.С., Клевцова М.Г., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Polozhentseva Yu.S., Klevtsova M.G., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Текущая пандемия COVID-19 стала стресс-тестом для всех отраслей экономики, не исключение и промышленность. В условиях кризиса успешное функционирование и развитие промышленного комплекса зависит от институтов поддержки и уровня интегральной устойчивости. Трансформация промышленности в условиях цифровизации экономического пространства становится одним из приоритетных направлений развития процессов четвертой промышленной революции. Поскольку именно подобный тип трансформации представляет собой драйвер роста экономики и повышения конкурентоспособности страны в целом не только на микро-, но и на макроуровне, внедрение современных технологий необходимо во всех областях производственной сферы. Без них невозможна ни оптимизация работы, ни выпуск продукции на уровне мировых стандартов, ни обеспечение информационной безопасности. Применение инновационных технологий, создание высокотехнологичного производства в самых разных областях позволят объединить потенциалы стран в развитии цифровой экономики, обеспечат необходимый синергетический эффект и позволят усилить конкурентные позиции на глобальных рынках.

В настоящий момент трансформации промышленного развития развитые страны перешли в состояние, когда технологии промышленного производства масштабируются, причем масштабируется не только внедрение подобных технологий, но также и изменение управленческой системы, которая позволяет компаниям работать в новом режиме массового функционирования этих технологий. При этом чаще всего выделяют три блока технологий: использование сетевой интеграции, позволяющей связать организации в единую систему; использование человеческого капитала через систему обмена данными; использование технологий искусственного интеллекта, включающих цифровизацию и технологии гибкой автоматизации.

Исследованием особенностей трансформации развития промышленного комплекса в условиях цифровизации экономики активно занимаются ученые всего мирового сообщества. В целом анализом экономического роста в промышленности и исследованием изменений, связанных с распространением концепции Индустрия 4.0 занимались С. Castiglione, D. Infante, J. Smirnova, J.-H. Chen, Y. Chen, C. Dowlah, Y. Vertakova, И. К. Шевченко, Е. В. Сибирская, А. В. Бабкин [1; 2; 3; 9; 10; 11; 18]. Проблемы, связанные с дифференциацией уровней пространственной концентрации промышленных отраслей рассмотрены такими экономистами, как J. Z. Acs, A. Varga, M. Thissen, F. van Oort, D. Diodato, A. Ruijs, F. Tregenna, J. Weiss, S. Bodrunov, V. Plotnikov, Y. Vertakova [7; 8; 14; 16; 19]. Некоторые авторы (например, F. Tregenna, E. Westkampter) исследуют не только возможности совершенствования и создания новых отраслей и технологий в промышленности, но и анализируют возможность расширения существующих, в том числе на основе цифровых технологий [17; 20].

Материалы и методы

Методическая база исследования базируется на системном и структурно-функциональном подходах, в рамках которых на основе методов сравнительного, статистического и динамического анализа проведена комплексная оценка основных индикаторов развития промышленного комплекса стран. В качестве источников данных использовалась информация, представленная в международных базах данных.

Результаты и их обсуждение

При исследовании особенностей развития промышленного комплекса в условиях цифровой экономики нами проведен компаративный анализ готовности России и отдельных стран мира к четвертой технологической революции. Данная революция формирует переход к новому технологическому укладу (уровню развития производительных сил), обусловленному, прежде всего, научно-техническим прогрессом. Современные тенденции таковы, что в мире идет формирование уже следующего – шестого технологического уклада, направленного на индивидуализацию производства и потребления, резкое снижение энергоемкости, материалоемкости производства, конструирование материалов и организмов с заранее заданными свойствами и т. п. Однако в большинстве стран не завершен еще предшествующий период.

Для исследования возможностей технологических изменений проведем сравнительный анализ тенденций развития промышленного производства на примере мировых держав по индексу промышленного производства. Исходя из данных, представленных в таблице 1, видно, что у каждой отдельно рассматриваемой

страны показатель индекса промышленного производства имеет неоднозначную тенденцию как роста, так и спада. Положительная динамика промышленного развития стран способствует ее дальнейшему экономическому росту и реализации мероприятий по технологической трансформации производства.

Таблица 1

**Динамика индекса промышленного производства стран мира за период 2015–2020 гг.
(в процентах к предыдущему году)**

Страна	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Россия	96,6	101,1	102,1	102,9	102,3	99,8
США	90,3	98,5	102,2	102,4	103,5	96,4
Китай	111,2	113,1	113,9	115,4	116,1	107,3
Франция	88,7	98,2	101,3	101,9	100,0	95,4
Германия	83,4	100,3	106,1	105,8	103,2	97,4
Италия	83,7	97,7	103,4	103,1	105,7	95,8
Япония	78,2	97,6	103,9	104,7	106,5	96,8
Великобритания	83,1	99,7	108,4	110,8	106,2	95,3
Канада	99,4	100,5	104,5	102,5	99,3	92,1

Составлено авторами по материалам источников [5; 13; 15].

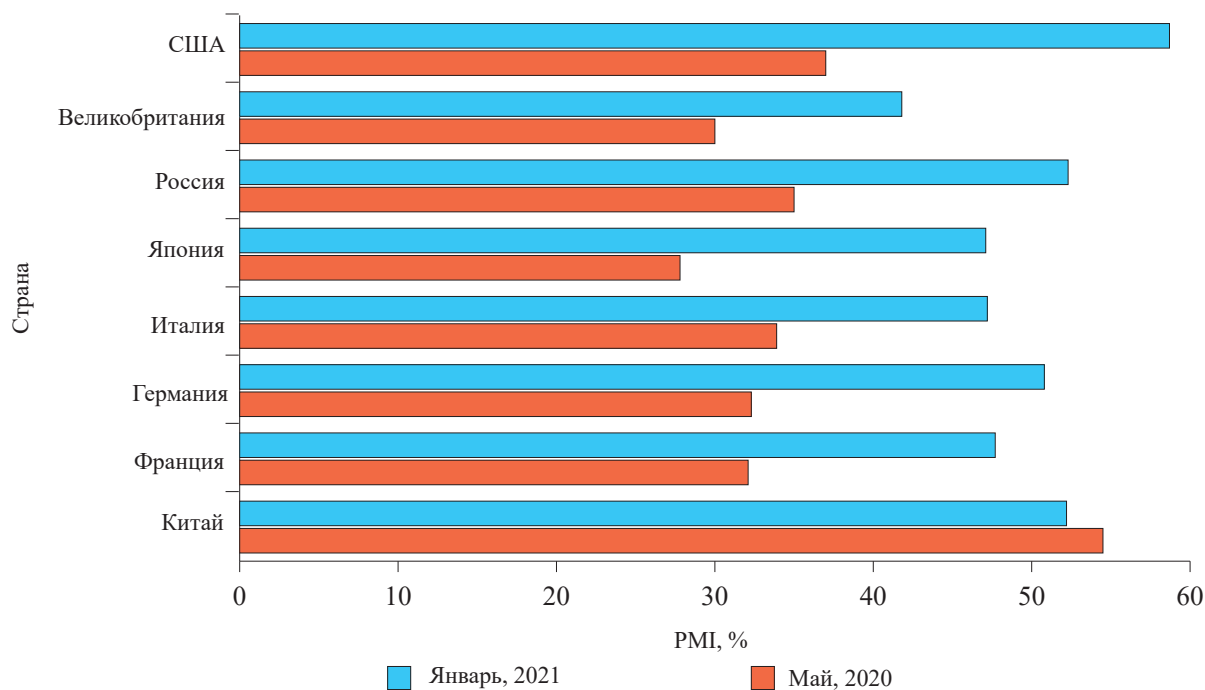
Основываясь на приведенных выше данных, можно сделать вывод, что промышленный потенциал России увеличивался с 2015 г. по 2018 г., затем снизился к 2019 г. на 0,6 %, а в 2020 г. вновь произошло снижение на 2,5 % по сравнению с предыдущим годом. По развитию промышленного комплекса лидирующее место занимает Китай, с постепенно растущим индексом промышленного производства, увеличившимся на 5 % за анализируемый период. США и Великобритания входят в тройку наиболее развитых промышленных держав. Так мировым лидером по объему промышленного производства является Китай, на него приходится 28,4 % мирового промышленного производства.

Одним из признанных технологических мировых лидеров является США, где 60 % производительных сил страны функционируют в пятом технологическом укладе, а 5 % – в шестом. В России только 10 % технологий соответствуют пятому технологическому укладу, да и то в наиболее развитых отраслях (военно-промышленный комплекс и авиакосмическая промышленность), более 50 % – четвертому, и почти треть – третьему. Основным конкурентом США по технологическому лидерству в настоящее время является Китай, который обогнал большинство стран мира по множеству различных социально-экономических показателей. Также к числу стран – технологических лидеров относят: Японию, Германию, Великобританию и Францию.

Деловая активность также является одним из базовых показателей промышленного развития и рассматривает состояние экономики как в производственном секторе, так и сфере услуг. Развитие деловой активности непосредственно зависит от уровня развития экономического, природного и социального потенциала страны. Следовательно, для повышения объективности и точности измерения необходимо проводить анализ деловой активности стран. Данный показатель рассчитывается на основании результатов опросов высшего звена производственных компаний и предприятий, представителей бизнеса, а также менеджеров по закупкам в сфере оказания услуг [6]. Если значение показателя индекса деловой активности (англ. Purchasing Managers' Index, PMI) выше 50 %, то это означает рост деловой активности. Если полученный результат ниже этого уровня, то наблюдается снижение деловой активности рассматриваемого производства.

На рисунке 1 представлены данные показателя деловой активности на май 2020 г. – январь 2021 г. [4]. Из этих данных видно, что на сегодняшний день в основном для всех стран характерна негативная тенденция снижения деловой активности, за исключением Китая. В Китае PMI в мае 2020 г. показывает положительную динамику роста в сравнении с предыдущим периодом. Несмотря на негативную тенденцию низкого показателя деловой активности по странам, что можно объяснить сложившейся нестабильной экономической ситуацией

на фоне продолжающегося воздействия вспышки коронавирусной инфекции в 2019 г. (COVID-19), можно отметить: в сравнении с рассматриваемым показателем за май 2020 г. в январе 2021 г. у большинства стран наблюдается значительный рост индекса деловой активности. Данный факт свидетельствует об улучшении сложившейся экономической ситуации промышленных мощностей.

Источник: [4]

Рис. 1. Показатель деловой активности по странам за май 2020 г. – январь 2021 г.

Отметим, что в условиях цифровой экономики устойчивое развитие информационных технологий приводит к таким позитивным эффектам для крупных промышленных предприятий, как непрерывное совершенствование внутренней институциональной среды, в том числе повышение качества осуществления бизнес-процессов предприятия путем их автоматизации и роботизации; диверсификация корпоративного портфеля посредством освоения новых направлений деятельности в ИТ-секторе; снижение транзакционных издержек за счет ускорения выполнения бизнес-процессов организации; повышение инновационной активности отдельных предприятий. Также наблюдается значительная доля экспорта высоких технологий в общем объеме экспортируемой продукции (табл. 2). Анализ данных таблицы показывает, что лидером среди рассматриваемых стран является Китай, так как на протяжении последних пяти лет экспорт высоких технологий равен 30 % от общего объема экспорта произведенной продукции. Несомненными лидерами также являются Франция, Великобритания и США, эти страны наращивают процент экспорта высоких технологий. В России динамика экспорта высоких технологий наоборот имеет отрицательную тенденцию.

Таблица 2

Экспорт высоких технологий (процент экспорта произведенной продукции)

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	30,4	30,2	30,9	31,4	30,8
Франция	28,4	28,1	26,1	25,9	27,0
Германия	17,9	18,2	15,9	15,8	16,5
Япония	18,1	17,3	17,6	17,3	17,0
Италия	8,3	8,4	7,9	7,5	8,1
США	21,9	23,0	19,7	18,9	19,0

Окончание табл. 2

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Великобритания	22,7	24,0	23,1	22,6	23,5
Россия	16,4	16,3	12,2	11,0	13,0
Канада	15,1	14,4	14,7	15,7	16,5

Источник: [5]

Возможность трансформации развития промышленного комплекса в цифровой экономике отражает также индекс сетевой готовности, который включает такую частную составляющую, как технологии (табл. 3). Отметим, что технология лежит в основе цифровой экономики, данный компонент направлен на оценку уровня развития технологий, что является неперенным условием участия той или иной страны в глобальной экономике. Технология оценивается по трем показателям:

- доступ: фундаментальный уровень информационно-коммуникационных технологий в странах, в том числе по вопросам коммуникационной инфраструктуры и доступности;
- контент: тип цифровой технологии, производимой в странах, и контент/приложения, которые могут быть развернуты локально;
- будущие технологии: степень, в которой страны готовы к будущему цифровой экономики и новых технологических тенденций, таких как искусственный интеллект и интернет вещей (англ. Internet of things; IoT).

Приведенный в таблице 3 рейтинг показывает, что европейские страны и США имеют высокий уровень сетевой готовности, при этом Россия и Китай отстают на 20 пунктов от этих стран. Это говорит о большей их интеграции и открытости к сотрудничеству, готовности к совместным взаимовыгодным проектам, в том числе транснациональным.

Таблица 3

Индекс сетевой готовности за 2020 г.

Страна	Рейтинг	Частные переменные			
		Технологии	Люди	Правительство/Управление	Влияние
Россия	54,23	46,62	46,62	46,62	46,62
США	78,91	82,88	82,88	82,88	82,88
Китай	58,44	49,80	49,80	49,80	49,80
Франция	73,18	69,52	69,52	69,52	69,52
Германия	77,48	79,18	79,18	79,18	79,18
Италия	63,69	58,55	58,55	58,55	58,55
Япония	73,54	65,55	65,55	65,55	65,55
Великобритания	76,27	78,34	78,34	78,34	78,34
Канада	74,92	73,59	73,59	73,59	73,59

Источник: [12]

Наличие и уровень развития технологий в той или иной стране представляют интерес лишь в той мере, в какой ее население и организации имеют доступ, ресурсы и навыки для их эффективного использования. Поэтому этот компонент связан с применением информационно-коммуникационных технологий людьми на трех уровнях: частными лицами, предприятиями и правительством.

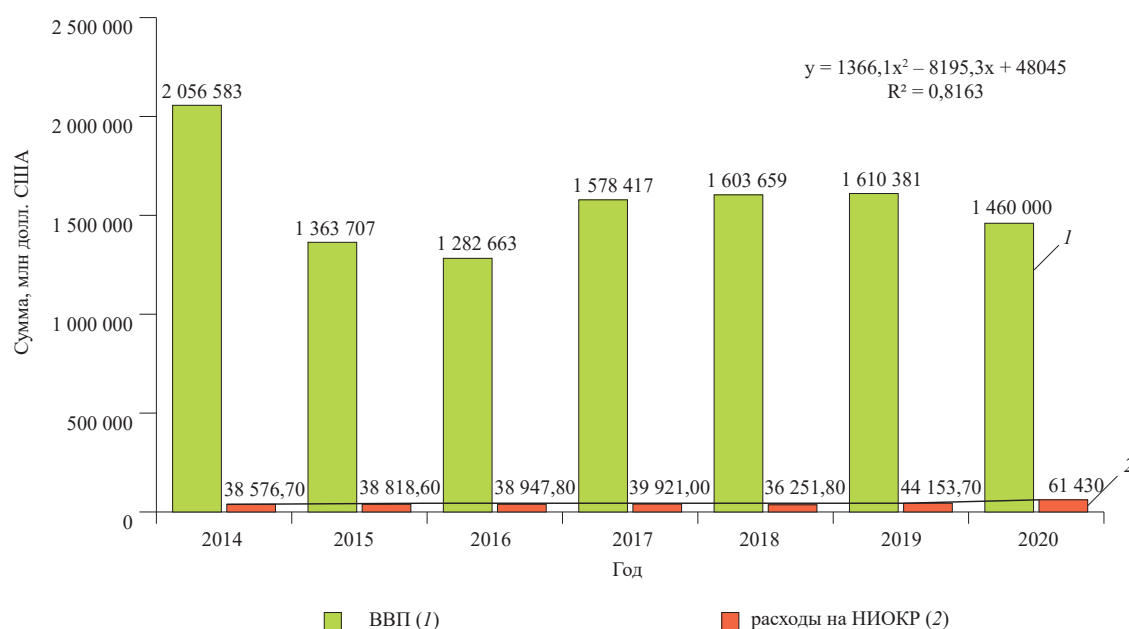
Компонент «управление» также включает отдельные составляющие:

- доверие: уровень безопасности для частных лиц и фирм в контексте цифровой экономики.
- регулирование: степень, в которой правительство содействует участию в цифровой экономике посредством регулирования.

– включение: цифровой разрыв в странах, где управление может решать различных социально-экономических проблем.

В конечном счете, готовность к цифровой экономике является средством улучшения роста и благосостояния общества и экономики, промышленности. Таким образом, этот компонент направлен на оценку экономического, социального и человеческого эффекта от участия в цифровой экономике.

Одной из важных характеристик инновационной активности является состояние и уровень развития внутрифирменной науки, направленной на обеспечение повышения качества, новизны и конкурентоспособности результатов деятельности (рис. 2). Видно, что темпы роста расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в России в 2019 г. и 2020 г. увеличились, их уровень в 2020 г. вырос на 40 % по сравнению с 2019 г. Эта тенденция положительным образом отразилась на инвестиционной привлекательности России в 2020 г.: по сравнению со странами Европы уровень инвестиционной привлекательности России, несмотря на пандемию и нестабильные цены на нефть, не снизился и остался средним.

Источник: [13]

Рис. 2. Динамика валового внутреннего продукта и расходов на НИОКР

Тем не менее, технологический разрыв остается одной из ключевых проблем на глобальном уровне. Особенно актуально исследование технологического разрыва в промышленном комплексе. Способность интегрировать людей и технологии в правильные структуры управления, в том числе в промышленном комплексе, является ключом к успешной трансформации экономики.

Структура экономики промышленного сектора с течением времени постоянно подвергается трансформациям, меняя тем самым свои воспроизводственные мощности и определяя тенденции в развитии как отдельно рассматриваемого региона, так и государства в целом. Именно в связи с постоянными преобразованиями в структуре экономики промышленности необходимо регулярное своевременное проведение анализа и мониторинга, соизмерения реальной структуры с ее будущим функционированием с целью эффективного развития экономического благосостояния Российской Федерации в целом.

Нынешняя сложившаяся тенденция экономической нестабильности и подверженности быстроизменяющимся тенденциям развития промышленного сектора принесли новые потери, а также испытания. Однако данная ситуация также одновременно способствует целому ряду новых возможностей не только для восстановления, но и для перехода к подъему экономики, а также решению проблем, которые накапливались в предыдущее десятилетие нашей страны.

На сегодняшний день приоритетной задачей остается формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности способной обеспечить занятость и повысить уровень жизни населения

страны с целью становления стабильности экономического развития и независимости государства Российской Федерации.

Для обеспечения поставленной задачи, необходимо детальное рассмотрение вопроса экономического развития промышленного сектора каждого отдельно взятого региона. В связи со сложившейся кризисной ситуацией в мире существуют реальные возможности завоевания лидирующих позиций в различных сферах жизни. Промышленный сектор не стал исключением.

В связи с этим возникает необходимость в проведении глубокого исследования промышленности каждой отдельно взятой страны с целью формирования эффективной стратегии социально-экономического развития промышленного сектора, которая в первую очередь должна позволить сравнить подходы к оказанию поддержки промышленности в разных странах и оценить их эффективность.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что для своевременного выявления негативной тенденции развития промышленности, необходимо проведение общего анализа основных показателей промышленного сектора рассматриваемого государства в разрезе других стран. Если говорить о макроэкономических показателях, влияющих на развитие промышленности России, то представляется целесообразным сравнить такие показатели, как валовой внутренний продукт, показатель деловой активности и индекс промышленного производства. Если изучаемые показатели носят положительную тенденцию развития и само производство промышленной продукции представляется перспективным, то сложившаяся тенденция развития способствует экономическому росту и независимости государства.

Развитие промышленного комплекса должно быть ориентировано на формирование стратегий инновационно-технологического развития для обеспечения глобального технологического лидерства, путем разработки новых бизнес-моделей прорывной трансформации промышленного производства, основанных на высокотехнологичных и цифровых технологиях, отвечающих современным траекториям мирового развития.

Таким образом, технология может оказать важное позитивное воздействие на национальную экономику и их способность достигать целей устойчивого развития, за счет эффективных механизмов управления для интеграции технологий с тремя основными группами заинтересованных сторон: частными лицами, предприятиями и правительствами. Этот фактор непосредственно связан с развитием Индустрии 4.0, предполагающей модернизацию производства на основе современных цифровых решений и создания «умного» производства, интегрирующего отдельные объекты в единое целое, что является основным этапом для последующей автоматизации и роботизации производства.

Библиографический список

1. Бабкин, А. В. Интегрированные промышленные структуры как экономический субъект рынка: сущность, принципы, классификация // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 4. – С. 7-23.
2. Сибирская, Е. В. Трансформация экономики в условиях формирования национальной технологической инициативы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2017. – Т. 19, № 3 (40). – С. 21-30.
3. Шевченко, И. К., Развадовская, Ю. В. Анализ структурно-динамической интенсивности развития отраслей промышленного сектора экономики // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 4-2 (23) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-strukturno-dinamicheskoy-intensivnosti-razvitiya-otrasley-promyshlennogo-sektora-ekonomiki> (дата обращения: 05.01.2021).
4. БКС Экспресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bcs-express.ru/> (дата обращения: 05.01.2021).
5. Европейская экономическая комиссия ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://w3.unece.org/PXWeb/en> (дата обращения: 05.01.2021).
6. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2021).
7. Ács, J. Z., Varga, A. Geography, endogenous growth, and innovation // International Regional Science Review. – 2002. – V. 25, no. 1. – Pp. 132-148. DOI: 10.1177/016001702762039484.

8. Bodrunov, S., Plotnikov, V., Vertakova, Y. Technological development as a factor of ensuring the national security // *Vision 2020: Sustainable Economic Development, Innovation Management, and Global Growth: Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference (IBIMA Conference)*. Madrid, Spain, November 8–9, 2017. – Pp. 2666-2674.
9. Castiglione, C., Infante, D., Smirnova, J. Environment and economic growth: is the rule of law the go-between? The case of high-income countries // *Energy, Sustainability and Society*. – 2015. – V. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://energysustainsoc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13705-015-0054-8#citeas> (дата обращения: 05.01.2021); <https://doi.org/10.1186/s13705-015-0054-8>.
10. Chen, J.-H., Chen, Y. New industry creation in less developed countries – the case of the Taiwanese flat panel display industry // *Innovation: Organization and Management*. – 2015. – V. 17, no. 2. – Pp. 250-265; <https://doi.org/10.1080/14479338.2015.1036542>.
11. Dowlah, C. International trade, competitive advantage and developing economies: How less developed countries are capturing global markets. – Taylor&Francis: Routledge, 2015. – 286 p.
12. Network Readiness Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://networkreadinessindex.org/> (дата обращения: 05.01.2021).
13. The World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/> (дата обращения: 05.01.2021).
14. Thissen, M., van Oort, F., Diodato, D., Ruijs, A. Regional competitiveness and smart specialization in Europe. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. – 150 p.
15. Trading Economics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tradingeconomics.com/> (дата обращения: 05.01.2021).
16. Tregenna, F. Characterising deindustrialisation: An analysis of changes in manufacturing employment and output internationally // *Cambridge Journal of Economics*. – 2009. – V. 33, no. 3. – Pp. 433-466. DOI: 10.1093/cje/ben032.
17. Tregenna, F. Deindustrialization and reindustrialization // *Pathways to Industrialization in the Twenty-First Century: New Challenges and Emerging Paradigms* / A. Szirmai, W. Naudé, and L. Alcorta (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2013. – Pp. 76-101. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199667857.003.0003.
18. Vertakova, Y., Polozhentseva, Y., Klevtsova, M. Management of innovative processes in industry: Method of “road maps” // *Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth: Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference*. Seville, November 9–10, 2016 / Kh. S. Soliman (ed.). – International Business Information Management Association, 2016. – Pp. 2168-2178.
19. Weiss, J. Industrialisation and globalisation. Theory and evidence from developing countries. – London: Routledge, 2002. – 222 p.
20. Westkamper, E. Towards the re-industrialization of Europe: A concept for manufacturing for 2030. – Heidelberg: Springer, 2014. – 122 p. DOI: 10.1007/978-3-642-38502-5.

References

1. Babkin A. V. Integrated industrial structures as an economic subject of the market: essence, principles, classification, *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series “Economics”*, 2014, no. 4, pp. 7-23. (In Russian).
2. Sibirskaya E. V. Transformation of the economy in the context of the formation of a national technological initiative, *Journal of Volgograd State University. Series: Economics. Ecology*, 2017, vol. 19, no. 3 (40), pp. 21-30. (In Russian).
3. Shevchenko I. K., Razvadovskaya Yu. V. Analysis of the structural and dynamic intensity of development of industries in the industrial sector of the economy, *Engineering Journal of Don*, 2012, no. 4-2 (23). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-strukturno-dinamicheskoy-intensivnosti-razvitiya-otrasley-promyshlennogo-sektora-ekonomiki> (accessed 05.01.2021). (In Russian).
4. *BCS Express*. Available at: <https://bcs-express.ru/> (accessed 05.01.2021). (In Russian).
5. *United Nations Economic Commission for Europe*. Available at: <https://w3.unece.org/PXWeb/en> (accessed 05.01.2021). (In Russian).
6. *Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: <https://www.economy.gov.ru> (accessed 05.01.2021). (In Russian).
7. Ács J. Z., Varga A. Geography, endogenous growth, and innovation, *International Regional Science Review*, 2002, vol. 25, no. 1, pp. 132-148. DOI: 10.1177/016001702762039484.
8. Bodrunov S., Plotnikov V., Vertakova Yu. Technological development as a factor of ensuring the national security, *Vision 2020: Sustainable Economic Development, Innovation Management, and Global Growth: Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference (IBIMA Conference)*, Madrid, Spain, November 8–9, 2017, pp. 2666-2674.
9. Castiglione C., Infante D., Smirnova J. Environment and economic growth: is the rule of law the go-between? The case of high-income countries, *Energy, Sustainability and Society*, 2015, vol. 5. Available at: <https://energysustainsoc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13705-015-0054-8#citeas> (accessed 05.01.2021); <https://doi.org/10.1186/s13705-015-0054-8>.

10. Chen J.-H., Chen Y. New industry creation in less developed countries – The case of the Taiwanese flat panel display industry, *Innovation: Management, Policy and Practice*, 2015, vol. 17, no. 2, pp. 250-265; <https://doi.org/10.1080/14479338.2015.1036542>.
11. Dowlah C. *International trade, competitive advantage and developing economies: How less developed countries are capturing global markets*, Taylor&Francis: Routledge, 2015, 286 p.
12. *Network Readiness Index*. Available at: <http://networkreadinessindex.org/> (accessed 05.01.2021).
13. *The World Bank Group*. Available at: <https://www.worldbank.org/> (accessed 05.01.2021).
14. Thissen M., van Oort F., Diodato D., Ruijs A. *Regional competitiveness and smart specialization in Europe*, Cheltenham, Edward Elgar, 2013, 150 p.
15. *Trading Economics*. Available at: <https://tradingeconomics.com/> (accessed 05.01.2021).
16. Tregenna F. Characterising deindustrialisation: An analysis of changes in manufacturing employment and output internationally, *Cambridge Journal of Economics*, 2009, no. 3, pp. 433-466. DOI: 10.1093/cje/ben032.
17. Tregenna F. Deindustrialization and reindustrialization, *Pathways to Industrialization in the Twenty-First Century: New Challenges and Emerging Paradigms*, A. Szirmai, W. Naudé, L. Alcorta (eds.), 2013, Oxford, Oxford University Press, pp. 76-101. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199667857.003.0003.
18. Vertakova Y., Polozhentseva Y., Klevtsova M. Management of innovative processes in industry: Method of “road maps”, *Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth: Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference. Seville, November 9–10, 2016*, Kh. S. Soliman (ed.), International Business Information Management Association, 2016, pp. 2168-2178.
19. Weiss J. *Industrialisation and globalisation. Theory and evidence from developing countries*, London, Routledge, 2002, 222 p.
20. Westkamper E. *Towards the re-industrialization of Europe: A concept for manufacturing for 2030*, Heidelberg, Springer, 2014, 122 p. DOI: 10.1007/978-3-642-38502-5.

Талалова Лариса Николаевнад-р пед. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация**ORCID:** 0000-0003-1380-2339**e-mail:** talalova@gmail.com**МЕРЫ ПО СОХРАНЕНИЮ ЭКО-БАЛАНСА
ТЕРРИТОРИЙ И РАЗВИТИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ТУРИЗМА: В ПОИСКАХ ПАРИТЕТА**

Аннотация. Между стратегиями по сохранению эко-баланса территорий и развитию на них экотуризма возникает «сумеречная зона», меры по развитию последнего могут идти вразрез с первыми. На примере Республики Таджикистан на основе данных релевантных рейтингов проанализированы механизмы реализации сбалансированного подхода к проблеме (итог – выход на международный рынок экотуризма, создание инфраструктуры). Рассмотрены причины, мешающие Республике Узбекистан добиваться схожих результатов; тактики изучены на конкретных примерах. Национальные парки с утрачиваемыми в них культурными памятниками за счет хозяйственной деятельности и туризма создают основу социально-экономического развития территории с диверсификацией сельской экономики и обеспечением рабочими местами местного населения, и вместе с тем актуализируют поднятую в статье проблему музеефикации ландшафтов – преобразования природных объектов в объекты музейного показа. Исследование показало, что факт включения нескольких культурных объектов в список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2019 г., принятие конкретных мер по их консервации (дорожная карта – 2020) позволят Республике Узбекистан преобразовать зоны с высоким уровнем ландшафтно-рекреационного потенциала в центры регионального экотуризма, а в отношении культурных памятников это будут минимальные потери.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социально-экономическое развитие, ресурсный потенциал, эколого-туристский потенциал, природные территории, национальный парк, экотуризм, консервация памятников

Для цитирования: Талалова Л.Н. Меры по сохранению эко-баланса территорий и развитию экологического туризма: в поисках паритета // Вестник университета. 2021. № 2. С. 80–85.

**MEASURES TO PRESERVE THE ECO-BALANCE OF THE
TERRITORIES AND DEVELOP ECOLOGICAL TOURISM:
IN SEARCH OF PARITY**

Abstract. Between the strategies for preserving the eco-balance of territories and the development of ecotourism there is a “twilight zone”, measures for the development of the latter may run counter to the former. On the example of the Republic of Tajikistan, based on relevant ratings, the author analyses the mechanisms for implementing a balanced approach to the problem (the result is the entry into the international ecotourism market, the creation of infrastructure). The paper considers the reasons that prevent the Republic of Uzbekistan from achieving similar results, studies tactics on specific examples. National parks are losing cultural monuments due to economic activities and tourism constitute the basis of socio-economic development of the territory with the diversification of the rural economy and provide jobs for the local population, and yet actualize raised in the article the problem of museumification of landscapes – conversion of natural objects in the objects of the Museum display. The study showed that the inclusion of several cultural objects in the UNESCO World Heritage List in 2019, the adoption of specific measures for their conservation (Road Map – 2020) will allow the Republic of Uzbekistan to transform areas with a high level of landscape and recreational potential into centers of regional ecotourism, and with regard to cultural monuments, this will be minimal losses.

Keywords: sustainable development, socio-economic development, resource potential, ecotourism potential, nature territories, national park, ecotourism, monuments conservation

For citation: Talalova L.N. (2021) Measures to preserve the eco-balance of the territories and develop ecological tourism: in search of parity. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 80–85. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-80-85

Larissa N. TalalovaDr. Sci. (Ped.), State University
of Management, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0003-1380-2339**e-mail:** talalova@gmail.com

Введение

К историко-культурным брендам Средней Азии, республик Таджикистан и Узбекистан относится большое количество природных территорий, многие из которых находятся под патронатом Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и ЮНЕСКО (от англ. UNESCO; United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization – рус. «Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры»). Так, например, ООН поддержала четыре конструктивные инициативы Правительства Республики Таджикистан по глобальной проблеме водных ресурсов в мире. Программа ООН рассчитана на 10 лет – с 2018 г. по 2028 г. Запуск одной из них в качестве проекта уже начат в Таджикистане. Общие усилия дадут возможность работать над этим проектом и поддержать творческую инициативу Таджикистана, как по обеспечению населения планеты питьевой водой, так и по другим вопросам, связанным с водным обеспечением. Проект стал возможен исключительно благодаря главному природному достоянию: «93 % территории <...> составляют горные хребты, относящиеся к горным системам Тянь-Шаня, Гиссаро-Алая и Памира» [1, с. 50]. Среди них Гиссар как «... ООПТ (особо охраняемые природные территории. – Прим. ред.) занимает, пожалуй, одно из ведущих мест» [3, с. 214].

Поселок Гиссар, как историко-культурный заповедник и музей, принадлежит Таджикистану (не входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО, но является кандидатом на включение). Гиссар (Гиссарский хребет – территория Южного Таджикистана и Узбекистана) в составе Памирских гор – часть Таджикского национального парка, который с 2013 г. является природным объектом из списка всемирного наследия ЮНЕСКО. Для дальнейшего развития привлекательной территории, популяризации и продвижения туризма создана и действует Памирская экологическая и культурная туристическая ассоциация, а 2019–2021 гг. были объявлены Годом развития села, туризма и народных ремесел. С 2009 г. в Таджикистане под эгидой ООН начаты масштабные работы по развитию экологического туризма в трех ООПТ, в состав которых вошли 3 парка (среди них и Таджикский национальный парк), 4 заповедника, 13 заказников (практически все они – кандидаты на включение в список ЮНЕСКО). Таким образом, Гиссар для Таджикистана – огромный и, по сути, единый туристско-рекреационный кластер, находящийся одновременно под патронатом ЮНЕСКО и ООН.

Анализ результатов рейтингов

Соответственно, закономерно попадание этих горных территорий в топ-100 лучших в мире мест для экотуризма. Анализ данных рейтинга The Sustainable Top 100 Global Destinations показал, что горы Памира четыре года подряд (2014–2017 гг.) назывались одним из наиболее перспективных мест для туристов. При составлении рейтинга учитывались такие параметры: природа, окружающая среда, культура, традиции местного населения [6]. Топ-100 был составлен по результатам открытых конкурсов в соцсетях и на туристических сайтах. Для выбора победителей были приглашены более трех десятков экспертов по туризму со всего мира. Главная цель конкурса – поощрение заинтересованных сторон в развитии социально ответственного туризма в своей стране. Этот влиятельный рейтинг не предусматривает распределение вошедших в него природных объектов по местам. Однако организаторы конкурса и заинтересованные компании готовы оказывать помощь тем регионам, которые вошли в топ-100. Так или иначе, попадание в этот рейтинг для туроператоров той или иной страны показывает, что они выбрали правильный путь развития, и у них есть потенциальная возможность выйти со своим турпродуктом на международный уровень.

Основные результаты

Все эти меры позволили Таджикистану, стране с преимущественно сельскохозяйственным производством:

- войти в международный рынок туризма и в рамках развития эко-туров создать в достаточно сжатые сроки неплохо налаженную инфраструктуру, включая дороги;
- привлечь внимание, в первую очередь, многочисленных зарубежных туристов, российских в том числе, в несколько раз увеличив их численность;
- посредством международных фестивалей и всевозможных других event-активностей (от англ. event – рус. «событие») найти грамотные маркетинговые ходы по сращиванию экологического туризма с гастрономическим, этнографическим, спортивным, приключенческим и событийным, а также с обычным въездным.

Вот лишь пара примеров в качестве подтверждения:

- нахождение своей целевой ниши в более низкой ценовой категории для так называемых эко-френдли (от англ. eco-friendly – рус. «дружественный к экологии», «безопасный для экологии») любителей всевозможных духовных практик, стремящихся в предгорья Памира на «Крышу мира» и на одноименный фестиваль;
- налаживание прямых контактов с афганской стороной, заинтересованной в посещении туристами историко-культурных мест Таджикистана, и совместная разработка механизмов сотрудничества между туристическими агентствами двух стран.

Несколько иначе обстоит дело с организацией экологического туризма в Узбекистане, который, как и Таджикистан, предпринимает усиленные меры по его развитию, но результаты пока не столь впечатляющие. Это отставание обусловлено рядом объективных факторов.

1. Та часть Гиссарского хребта, которая приходится на территорию Узбекистана, не обладает ни статусом ООПТ, ни, тем более, объекта культурного наследия ЮНЕСКО. Не действует в Узбекистане и программа по развитию экологического туризма под патронатом ООН. Участие в действительно глобальном международном проекте по устойчивому развитию только одно – Конвенция о водно-болотных угодьях. Две экосистемы Узбекистана уже включены в нее, еще две подобные экосистемы ожидают включения в договор [5].

2. Численность ООПТ в Узбекистане и площади под ними – мизерны. Согласно официальным данным Госкомитета Республики Узбекистан по охране природы, на 1995 г. общая площадь ООПТ составляла лишь 2 % от площади всей территории страны. Сегодня – 5 % от площади страны, но из них 3,5 % территории приходится на пустынные экосистемы [5].

3. Еще один серьезный фактор – в Узбекистане констатируется серьезное нарушение экосистемы вследствие высыхания Аральского моря и дельты реки Амударья, повлекшее за собой увеличение пустынных площадей, ухудшение вод, заболачивание почв, уменьшение биоразнообразия. Нужны серьезные долгосрочные меры по восстановлению системы, рекультивации земель, восполнению флоры и фауны. Мероприятия такие проводятся, но носят не всегда системный характер, что обуславливается недостаточностью инвестиционных вложений.

4. Усугубляет ситуацию и тот факт, что предпринимаемые меры по развитию экологического туризма иногда не сопягаются с мерами по восстановлению экосистемы.

4.1. Так, в имеющем уникальный ландшафт Угам-Чаткальском парке, созданном в 1990 г. на западе Тянь-Шаня, земли, представляющие потенциал для экологического туризма, не изъяты из хозяйственной деятельности.

4.2. Единственный и старейший (создан в 1926 г., в 1930-х и 1950-х гг. на время прекращал свою деятельность, начал полноценно функционировать лишь в 1976 г.) в стране национальный парк – Зааминский. Его задача – сохранить и восстановить уникальную горную экосистему и рекреационную зону. В парке есть где погулять, эко-туристы могут отправиться в него с ночевкой, для этого на территории создан палаточный городок. Но имеющий большую территорию и расположенный на живописных склонах западной части Туркестанского хребта национальный парк предлагает места отдыха для всех желающих, являясь местом паломничества не только туристов, но и местных жителей, выказывающих, в основном, потребительское отношение к природе.

4.3. Бадай-Тугайский и Зарафшанский заповедники, открытые в 1970-х гг., ориентированы на восстановление популяции фазанов:

- Бадай-Тугай был открыт на территории Азиатской пустыни, неподалеку от берегов реки Амударья (сейчас там пытаются возродить и популяцию краснокнижного оленя, несколько особей туда специально было привезено);
- Зарафшанский – возле Самарканда (уникален и своими тугайными лесами).

В этих двух заповедниках создается экспериментальный фазанарий для изучения и разработки методик по искусственному разведению зарафшанского фазана и по созданию генетического банка этого подвида. Созданы несколько орнитологических заказников и в других местах страны. Они признаны заказниками, имеющими международное значение, поскольку многие виды птиц, по мнению специалистов, находятся под угрозой глобального исчезновения. Сайты же туристических операторов предлагают в основном два вида организованного экологического туризма в Узбекистане – орнитологический и горный.

5. Но еще на одну проблему следует взглянуть внимательнее. Для этого выберем еще три заповедника. На их примере проследим, как:

- предпринимаемые меры по развитию экологического туризма не только не сопрягаются с мерами по сохранению экологической среды, но и идут с ними вразрез;
- этот «разрыв» актуализировал проблему музеефикации ландшафтов (в связи со статичностью тур-объектов) – преобразования природных объектов в объекты музейного показа.

5.1. Первый пример – это Нуратинский государственный горно-орехоплодовый заповедник, действующий с 1976 г. В расположенной на скате хребта Нуратау (Гиссаро-Алайская система) природной территории наибольший интерес для эко-туристов представляют обитатели заповедника (многие из них – редкие и исчезающие виды) и сама природа: хвойные леса, высокогорное озеро Фазильман, маджерумская арча – биота, посаженная 1 500 лет назад. Но не только. Туристам также интересна поездка, объединяющая гастрономический тур (дастархан с блюдами этой местности) и этнографический тур (приобретение сувениров ручной работы, изготавливаемых только здесь; непосредственное участие в прядении, ткачестве и производстве войлочных ковров; посещение старинной водяной мельницы, шелководческой фермы; знакомство с изготовлением традиционных музыкальных инструментов и др.).

С одной стороны, стратегии по развитию экологического туризма в столь привлекательной дестинации, какой являются Нуратинские горы, верны: они стали драйвером социально-экономического развития территории, диверсифицировав сельскую экономику, обеспечив рабочими местами местное население. С другой – они породили ряд серьезных проблем. Заповедник находится в местности, которая сохранила следы древних цивилизаций. Это и знаменитые наскальные рисунки (выбитые на скальной поверхности петроглифы) с изображением горных баранов в урочищах Качак, Саедан, Фаргу. Это и не менее знаменитые руины поселений некогда оседлых народов и кочевых племен. Например, развалины старинного кишлака и древней мечети в Верхнем Хаяте; археологический памятник Крепость Ухум и действующая восстановленная мечеть в одноименном поселке; развалины крепости Маджерум Кала и мечети – одного из древнейших археологических памятников в Нуратинских горах. Эти достопримечательности, несомненно, также привлекают большое количество посетителей, как специалистов – историков, археологов, так и рядовых туристов – для них на территории заповедника с реликтовыми деревьями создается масштабная инфраструктура, в частности многочисленные стилизованные под юрты мини-гостиницы. Строительство инфраструктурных объектов обусловлено тем, что жители вышеназванных поселков, которые размещали туристов у себя, перестали справляться с наплывом гостей.

5.2. Другой заповедник – на острове Арал Пайгамбар, появившийся в 1960 г. как опытная площадка Института зоологии и паразитологии Академии наук УзССР. В 1967 г. он в качестве государственной структуры вошел в состав Термезского лесхоза, а затем стал самостоятельным объектом с четкими границами. В 1986 г. вновь вошел в состав Сурханского государственного заповедника (образован на базе лесхоза) на правах участка. Находится Арал Пайгамбар на юге Узбекистана, в 20 км от города Термез. Там прекрасные ландшафты, тугайные и тростниковые леса, но в связи с постепенным сокращением водных участков часть территории приходит в полное запустение, становясь пустыней. При этом есть в заповеднике, как и в Нуратинском, знаменитая мечеть «Зуль-Кифль» XI–XII вв., мусульманская святыня, гробница пророка, имя которого под разными именами упоминается в Коране и Ветхом Завете, – место активного паломничества, и туроператоры подают это как дополнительный плюс в эко-туре в заповедник.

5.3. Наконец, сам Сурханский государственный заповедник, расположенный там же, в 60 км от Термеза, рядом с городом Шерабад, и занимающийся вопросами сохранения и воспроизводства экосистемы. В нем, на примере пещерной стоянки Селенгур, которая содержит пять культурных горизонтов, мы имеем уникальную возможность проследить развитие цивилизации, начиная с каменного века (Сурханский оазис, период палеолита, мезолита, неолита), именно там, помимо останков древних животных, найдены уникальные археологические артефакты. На месте пещерной стоянки Мачай найдены фрагменты костей древнего человека. Многие находки, начиная с конца 1920-х гг. (каменные резцы, скребла, остроконечные клинки для обработки дерева и шкур), обнаружены на месте Байсунских курганов (в том числе в гроте и пещере Байсунтау – в жилище первобытного человека), многие – родом из Жаркутана, Кампыр-тепа, городища Старый Термез и других мест. Все они, найденные археологическими экспедициями во время раскопок на территории Сурхандарьи, ежегодно пополняют фонды Термезского государственного археологического музея. Но помимо собственно стоянок

древнего человека на этой территории обнаружены и объекты с наскальными рисунками мезолита и неолита [7]. Это древние памятники Зараут-Сая. В связи с приданием особого статуса археологическому памятнику на территории Сурханского (Термезского) заповедника одной из первоочередных задач стало возобновление начатых 20 лет назад активных работ по оценке ресурсного потенциала территории, но проводившихся, скорее, без единой системы. По оценкам специалистов, сам ландшафт Зараут-Сая находится в хорошем состоянии. Но при работах по оценке ресурсного потенциала территорий, эколого-туристского потенциала, в том числе специалистами было выявлено, что рисунки Зараут-Сая могут быть безвозвратно утрачены [2]. В связи с тем, что территория стала считаться зоной с высоким уровнем ландшафтно-рекреационного потенциала, еще в 2003 г. группа энтузиастов под руководством А. Холмирзаева создала общественный центр «Зараутсой», занимающийся изучением и охраной Зараутсайского археологического памятника. В дальнейшем на базе центра с целью продвижения национальной программы регионального экологического туризма появился специальный проект, получивший государственную поддержку. В него включены и работы по консервации рисунков.

Заключение

Приведенные выше конкретные примеры демонстрируют серьезный зазор между экологическими стратегиями, но оговоримся, безусловно, речь все же не идет о том, что предпринимаемые государством меры по организации экологического туризма противоречат самим идеям (и их реализации) сохранения экологического баланса территорий:

- созданы новые ООПТ;
- создан также и новый тип ООПТ – биосферный резерват, за счет чего площадь охраняемых территорий увеличилась на 62 тыс. га;
- работает проект Программы развития сети ООПТ Узбекистана на 2014–2024 гг.;
- в 2008 г. была подана заявка на включение наскальных рисунков Зараут-Сая в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и 8 января 2019 г. они вошли в него [4].

Этот результат также отражен в мероприятиях «дорожной карты» по реализации Национальной концепции развития культуры Узбекистана, как на 2019–2020 гг., так и на ближайшее десятилетие. Анонсированные мероприятия будут способствовать и сохранению уникальных памятников, и территорий, на которых они находятся, а при вдумчивом подходе – и полномасштабному развитию на них экологического туризма.

Библиографический список

1. Куватбек, С. Туристский и рекреационный потенциал республики Таджикистан // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6, № 1 (18). – С. 50-52.
2. Максудов, Ф.А. К новой трактовке наскальных росписей Зараутсая // Археология Узбекистана. – 2016. – № 2 (13). – С. 3-13.
3. Талалова, Л.Н., Шералиев, А.Р. Гиссар как историко-культурный бренд // Культурные и научно-образовательные стратегии по реализации нацпроектов – 2024: материалы I Международной научно-практической конференции, г. Краснодар, 17–18 октября 2019 г. – Краснодар: ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», 2019. – С. 214-219.
4. Хужаназаров, М.М. Памятники наскального искусства Узбекистана и проблемы их менеджмента // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ, г. Алматы, 19–23 сентября 2011 г. / отв. ред. Е.Ж. Жанпеис. – Алматы, 2011. – С. 73-77.
5. Охраняемые природные территории: Национальный доклад Республики Узбекистан о состоянии окружающей среды // Государственный комитет Республики Узбекистан по охране природы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nd.uznature.uz/page/ohranyaemie-prirodnie-territorii> (дата обращения: 06.12.2020).
6. 2016 Sustainable Destinations Top 100 // Green Destinations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greendestinations.org/wp-content/uploads/2017/09/2016-Sustainable-Destinations-Top100.pdf> (дата обращения: 08.12.2020).
7. Talalova, L.N., Sheraliev, A.R. South Tajikistan Hisor valley: from autochthonous cultures and archaeological sites up to the ecotourism // Eco Sapiens – экологическое сознание человека XXI века в науке, образовании и обществе: сборник научных трудов 3-й Международной молодежной научно-практической конференции, г. Москва, 18–20 ноября, 2019 г. В 2 частях. Ч. 1 / отв. ред.: М.М. Редина, Н.Г. Валеева. – М.: РУДН, 2019. – С. 103–107.

References

1. Kuvatbek S. The Republic of Tadjikistan tourist and recreational potential, *Karelian scientific journal*, 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 50-52. (In Russian).
2. Maksudov F. A. On new interpretation of Zarausay rock paintings, *Archaeology of Uzbekistan*, 2016, no. 2 (13), pp. 3-13. (In Russian).
3. Talalova L. N., Sheraliev A. R. Hisor as a historical and cultural brand, *Cultural, Scientific and Educational Strategies for the Implementation of National Projects – 2024: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, October 17–18, 2019*, Krasnodar, “Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury”, 2019, pp. 214-219. (In Russian).
4. Khuzhanazarov M. M. Uzbekistan cave paintings monuments and their management problems, *Collection of Materials of the International Training Seminar on the Historical and Cultural Heritage of the Commonwealth of Independent States countries, Almaty, September 19–23, 2011*, responsible editor E. Zh. Zhanpeis, Almaty, 2011, pp. 73-77. (In Russian).
5. Special Protected Natural Areas: National Report of the Republic of Uzbekistan on the State of Environment, *State Committee of the Republic of Uzbekistan on Ecology and Environment Protection*. Available at: <http://nd.uznature.uz/page/ohranyae-mie-prirodnie-territorii> (accessed 06.12.2020). (In Russian).
6. 2016 Sustainable Destinations Top 100, *Green Destinations*. Available at: <http://greendestinations.org/wp-content/uploads/2017/09/2016-Sustainable-Destinations-Top100.pdf> (accessed 08.12.2020).
7. Talalova L. N., Sheraliev A. R. South Tajikistan Hisor valley: from autochthonous cultures and archaeological sites up to the ecotourism, *Eco Sapience – Ecological Consciousness of the 21st Century Human in Science, Education and Society: Collection of Proceedings of the 3d International Youth Scientific and Practical Conference, Moscow, November 18–20, 2019*: In 2 parts, Part 1, responsible editors: M. M. Redina, N. G. Valeeva, Moscow, RUDN, 2019, pp. 103-107.

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 657.633.5 JEL M49

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-86-94

Агеева Ольга Андреевна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

e-mail: miroya@mail.ru

Матыцына Юлия Дмитриевна

аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

e-mail: julia_19971@mail.ru

ВНУТРЕННИЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НА МИКРОУРОВНЕ

Аннотация. Внутренний контроль является неотъемлемой частью экономической безопасности организации. Цель исследования заключается в определении инструментов внутреннего контроля, позволяющих обеспечить и поддерживать достаточный уровень экономической безопасности предприятия. Предметом выступает система внутреннего контроля, с помощью которой происходит выявление внешних и внутренних угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта на микроуровне. Методология исследования базируется на сборе и обобщении фактов, относящихся к исследуемому предмету, формировании гипотезы о предмете исследования – системе внутреннего контроля – и выработке общего представления о путях преодоления существующих угроз. В результате сделан вывод об эффективности применения системы внутреннего контроля на предприятии с целью обеспечения его экономической безопасности.

Ключевые слова: внутренний контроль, система внутреннего контроля, экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, управление рисками, контрольные процедуры, служба внутреннего контроля, хозяйствующий субъект

Для цитирования: Агеева О.А., Матыцына Ю.Д. Внутренний контроль как инструмент обеспечения экономической безопасности организации на микроуровне // Вестник университета. 2021. № 2. С. 86–94.

Olga A. Ageeva

Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

e-mail: miroya@mail.ru

Yulia D. Matytsyna

Postgraduate student, State University
of Management, Moscow, Russia

e-mail: julia_19971@mail.ru

INTERNAL CONTROL AS A TOOL OF SUPPORT ECONOMIC SECURITY OF THE ORGANIZATION AT THE MICRO LEVEL

Abstract. Internal control is an integral part of an organization's economic security. The purpose of the study is to determine the internal control tools that allow you to ensure and maintain a sufficient level of economic security of the enterprise. The subject is the internal control system, which is used to identify external and internal threats to the economic security of an economic entity at the micro level. The research methodology is based on the collection and generalization of facts related to the subject under study, the formation of a hypothesis about the subject of research – the Internal Control System (ICS) – and the development of a general idea of ways to overcome existing threats. As a result, the authors made a conclusion about the effectiveness of the internal control system in the enterprise in order to ensure its economic security.

Keywords: internal control, internal control system, economic security, threats to economic security, risk management, control procedures, internal control service, business entity

For citation: Ageeva O.A., Matytsyna Yu.D. (2021) Internal control as a tool of support economic security of the organization at the micro level. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 86–94. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-86-94

© Агеева О.А., Матыцына Ю.Д., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Ageeva O.A., Matytsyna Yu.D., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Стабильное функционирование предприятия в современных условиях развития экономики может быть достигнуто, прежде всего, путем обеспечения его экономической безопасности. Важнейшим звеном, позволяющим обеспечить экономическую безопасность на уровне предприятия, является система внутреннего контроля. Внутренний контроль представляет собой не только одну из основных функций управления, но и эффективный инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия путем регулярной проверки и мониторинга реальности, законности и эффективности фактов хозяйственной жизни экономического субъекта. Вышесказанное определяет актуальность темы исследования.

Целью исследования является определение понятийной категории «экономическая безопасность», выявление и оценка позволяющих повысить и поддерживать экономическую безопасность инструментов в системе внутреннего контроля, а также определение направлений совершенствования отдельных элементов внутреннего контроля с целью обеспечения экономической безопасности предприятия.

Единого определения понятия «экономическая безопасность» на сегодняшний день не существует. Не определено анализируемое понятие и в российском законодательстве.

В контексте данной статьи определим понятийную категорию «экономическая безопасность» на микро-уровне, то есть на уровне предприятия. Под экономической безопасностью хозяйствующего субъекта далее будем понимать позволяющее достичь поставленных целей состояние защищенности его имущественного комплекса, бизнес-процессов, экономических интересов и иных ресурсов от внутренних и внешних угроз, возникающих в изменяющихся экономических условиях и при форс-мажорных обстоятельствах. В 2020 г. форс-мажорным обстоятельством для всего мира стала пандемия COVID-19.

Перейдем к анализу важнейшего инструмента, позволяющего обеспечить экономическую безопасность на уровне предприятия, каким является система внутреннего контроля (далее – СВК). Под СВК будем понимать контрольные процедуры, которые применяются в рамках предприятия как средства, позволяющие предотвратить, выявить и исправить ошибки, искажающие учетную информацию, обеспечить реальность и сохранность активов, своевременно сформировать и представить руководству предприятия бухгалтерскую, налоговую и управленческую отчетность, устранить неблагоприятные тенденции динамики экономических показателей, снизить все финансовые и хозяйственные риски и, как результат, повысить обоснованность принимаемых руководством управленческих решений.

Литературный обзор

С вступлением в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее – закон № 402-ФЗ) роль внутреннего контроля на уровне экономического субъекта существенно повысилась, поскольку статья 19 указанного закона возлагает на экономический субъект обязанность по организации и осуществлению внутреннего контроля за фактами его хозяйственной деятельности. То есть функция организации внутреннего контроля превратилась из права, как это определено в предыдущем бухгалтерском законе, в обязанность [2].

В связи с введенной вышеуказанным законом обязанностью ведения внутреннего контроля, руководителю экономического субъекта следует разработать и утвердить положение по внутреннему контролю в соответствии с масштабами деятельности предприятия, особенностями организационной структуры управления, спецификой его деятельности. В частности, внутренний контроль может быть организован как перекрестный, когда один сотрудник бухгалтерской службы контролирует другого, или – дополнительный, когда функции контролера возложены на главного бухгалтера.

В закон № 402-ФЗ также введены дополнения требования в статьи 9 и 10, предусматривающие запрет на принятие к бухгалтерскому учету первичных документов, которыми оформлены не имевшие места хозяйственные операции, включая операции, приводящие к образованию мнимых и притворных объектов в регистрах бухгалтерского учета. Также введен запрет на регистрацию указанных выше хозяйственных операций [2].

Некоторые требования к системе внутреннего контроля содержатся также в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ. В частности, согласно пункту 6 статьи 32 и статьи 47 указанного закона, если в числе собственников предприятия с организационно-правовой

формой общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) более 15 участников, то следует в обязательном порядке избрать на собрании собственников ревизора и ревизионную комиссию. В случае, если собственников (участников) ООО меньше 15 человек, такие предприятия имеют право предусмотреть в уставе должность ревизора и порядок его работы. [1].

Добавим также требование о том, что если экономический субъект не располагает штатом внутренних аудиторов или ревизоров, то за организацию и осуществление внутреннего контроля ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской отчетности отвечает как руководитель, так и главный бухгалтер. Указанное требование позволяет обеспечить более надежную защиту документов внутреннего контроля от подделок и фальсификаций, что повышает экономическую безопасность экономического субъекта.

Понятие «внутренний контроль и его элементы» также упоминается в письме Министерства финансов Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 07-04-15/57289, к которому прилагается информационный документ № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» [3].

Следовательно, внутренний контроль, выступая в качестве инструмента обеспечения экономической безопасности предприятия, позволяет своевременно выявлять и устранять ошибки до того, как они приведут к искажению бухгалтерской отчетности и, как следствие, будут препятствовать достижению целей, стоящих перед экономическим субъектом.

Теория и методы

Внутренний контроль является непрерывным процессом, интегрируемым в систему управления как одна из основных функций для решения задач, направленных на обеспечение экономической безопасности.

Главный объект внутреннего контроля на предприятии – это система принятия решений по управлению корпоративным капиталом [8].

В системе внутреннего контроля выделяют его этапы, методы, процедуры, элементы. В таблице 1 представлено предлагаемое авторами соотношение между отдельными этапами, методами и процедурами внутреннего контроля.

Таблица 1

Соотношение этапов, методов и процедур внутреннего контроля

Этап	Метод	Процедуры
Предварительный	Проверка правильности оформления первичных документов	Правильность отражения записей хозяйственной жизни в регистрах бухгалтерского учета; проверка оформления первичных учетных документов; соответствие оформления первичных документов законодательству Российской Федерации
	Разграничение полномочий и обязанностей персонала	Закрепление за сотрудниками определенного круга обязанностей; проведение периодической ротации персонала; постановка конкретных целей перед работником
Текущий	Сверка данных	Например, сопоставление данных счетов-фактур с контрагентами
	Контроль фактического наличия и состояния объектов	Инвентаризация; ограничение доступа к определенным объектам; обеспечение физической охраны объектов
	Информационная безопасность и компьютерная обработка информации	Предоставление доступа только определенной категории сотрудников к информационным системам, базам данных, справочникам, процедурам восстановления и удаления данных; проверка полноты и правильности заполнения реквизитов документов; автоматическая сверка данных

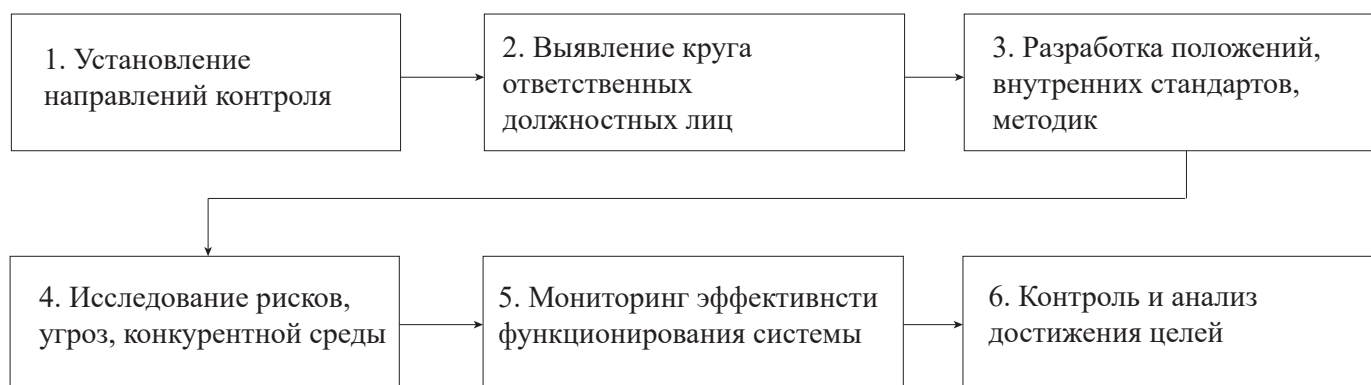
Этап	Метод	Процедуры
Последующий	Санкционирование и надзор правильности выполнения сделок и операций	Проверка авторизации и легитимности совершения сделок; контроль за соблюдением условий и сроков исполнения договоров и контрактов
	Мониторинг	Отслеживание и оценка процессов финансово-хозяйственной деятельности организации

Составлено авторами по материалам исследования

Как правило, внутренний контроль начинается с проверки правомерности и целесообразности финансовых операций, в случае необходимости, исключаются «мнимые» и «притворные» объекты учета. Далее проводятся регламентированные внутренними правилами экономического субъекта контрольные процедуры, результаты которых учитываются при принятии управленческих решений. На заключительном этапе анализируются последствия принятых решений, а также предлагаются меры по совершенствованию финансового состояния и повышению экономической безопасности организации.

СВК в сфере бухгалтерского учета и отчетности определим как основанный на соблюдении требований законодательства процесс, обеспечивающий достоверность бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также позволяющий предотвратить различные ошибки и нарушения в хозяйственной деятельности субъекта.

При построении указанной выше СВК, на наш взгляд, необходимо последовательно пройти основные этапы, приведенные на рисунке 1.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Этапы формирования СВК экономического субъекта

На первом этапе проводится выявление и ранжирование направлений контроля, это – основополагающий шаг при формировании СВК, поскольку проведение контрольных процедур одновременно по всем направлениям потребует больших затрат, которые могут оказаться неоправданными и экономически невыгодным для хозяйствующего субъекта. В большинстве случаев СВК применяется на производстве, в бухгалтерии, отделах сбыта, то есть в таких отделах, которые напрямую влияют на формирование отчетности и на поток денежных и товарных единиц.

На втором и третьем этапах руководитель хозяйствующего субъекта выбирает состав ответственных лиц (или одно лицо), отвечающих за организацию внутреннего контроля. В состав указанных лиц должны входить надежные сотрудники, которые имеют опыт и знания бизнес-процессов. Рабочая группа, отвечающая за внутренний контроль экономического субъекта, занимается разработкой политики внутреннего контроля, создает методики, описывает процедуры, составляет календарный график, который включает в себя планируемые мероприятия, а также определяет направления, по которым будет проводиться внутренний контроль.

Поскольку, как было отмечено выше, закон № 402-ФЗ требует обязательного установления внутреннего контроля в экономическом субъекте, то каждая организация должна иметь утвержденный руководителем

специальный локальный акт, в котором установлено, кем должен осуществляться внутренний контроль (специалистом/отделом) в рамках определенной организации, так как статья 19 закона № 402-ФЗ не содержит данной информации [2]. Плюс в нем должен быть представлен полный перечень проводимых мероприятий по внутреннему контролю фактов хозяйственной жизни.

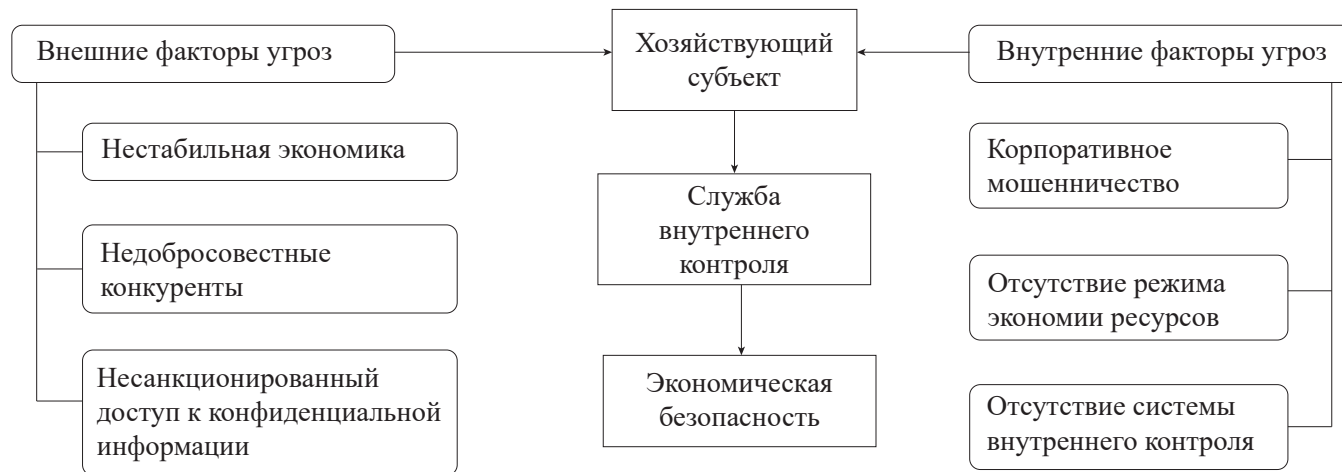
При этом названный выше локальный акт должен коррелировать со спецификой и масштабами деятельности организации и соответствовать особенностям организационной структуры экономического субъекта, а также учитывать нормы законодательства, регулирующего деятельность различных форм собственности. Как было отмечено выше, если в обществе с ограниченной ответственностью численность участников в котором превышает 15 человек, то в нем необходимо создать ревизионную комиссию [1].

Как правило, обеспечением внутреннего контроля в хозяйствующих субъектах занимается служба внутреннего контроля, функционал которой включает в себя предварительную проверку правомерности и обоснованности финансовых операций, текущее исполнение фактов хозяйственной жизни и выявление ошибок, а затем последующий контроль [5].

На четвертом этапе проводится исследование рисков, угроз, конкурентной среды. Основная задача данного этапа состоит в том, чтобы выявить, зафиксировать и исправить ошибки и нарушения до того момента, когда они могут отрицательно повлиять на хозяйственную деятельность экономического субъекта, и в результате не позволят достичь поставленную перед субъектом стратегическую цель [7].

Под угрозами экономической безопасности экономического субъекта понимается совокупность условий и факторов, либо опасных событий, явлений или действий, создающих прямую или косвенную возможность нанесения вреда (ущерба) имущественному комплексу и бизнес-процессам, экономическим интересам предприятия, а также используемым им ресурсам [4].

Состав факторов, влияющих на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта представлен на рисунке 2.

Источник: [9]

Рис. 2. Состав факторов, влияющих на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта

Центральным звеном в предлагаемой авторами схеме выступает служба внутреннего контроля хозяйствующего субъекта, основные функции которой состоят в выявлении негативных внешних и внутренних угроз. Анализируемая служба занимается проверкой правильности формирования информационного массива данных, который позволяет отслеживать и фильтровать информацию, предоставляемую подразделениями предприятия, а также способствует достижению поставленных управленческих целей и задач в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

При исследовании рисков, на наш взгляд, необходимо делать акцент на те, которые могут существенно повлиять на финансовые показатели, либо исказить финансовую отчетность. Идентификации рисков помогает метод экстраполяции информации о прошлых негативных событиях (мошенничестве, утечке корпоративной информации, ошибок и искажений в финансовой отчетности), частоте их повторяемости и сумме причиненного ущерба.

Оценка и ранжирование рисков происходит на основе построения матрицы (карты) рисков внутреннего контроля, так как это является наиболее наглядным способом. Вероятность наступления и размер ущерба имеют пятибалльную шкалу. Далее на пересечении ячеек ставится оценка взаимного влияния факторов (путем умножения значений графы и столбца): чем выше оценка, тем больше вероятность наступления данного события и серьезнее размер потенциального ущерба. Низкий уровень риска находится в пределах среднего размера и средней вероятности наступления, далее расположен средний риск (4–12 баллов), высокий риск начинается с 15 баллов. Пример матрицы рисков представлен в таблице 2.

Таблица 2

Матрица (карта) рисков внутреннего контроля

Размер ущерба	Вероятность наступления				
	Очень низкая (1)	Низкая (2)	Средняя (3)	Высокая (4)	Очень высокая (5)
Незначительный (1)	1	2	3	4	5
Низкий (2)	2	4	6	8	10
Средний (3)	3	6	9	12	15
Высокий (4)	4	8	12	16	20
Критический (5)	5	10	15	20	25

Составлено авторами по материалам исследования

На основе приведенной в таблице 2 карты рисков рассмотрим в качестве примера налоговый фактор риска, который по проведенной нами оценке имеет высокую значимость (4) и высокий размер потенциального ущерба (4), итоговое значение составляет 16, следовательно, он входит в группу высокого риска для экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Далее специалистами службы внутреннего контроля разрабатываются контрольные процедуры, принимаются управленческие решения, а также назначаются исполнители. Главное преимущество анализируемой службы, на наш взгляд, заключается в ее оперативном реагировании и постоянном наблюдении за совершением финансовых операций. При диагностике экономической безопасности служба внутреннего контроля определяет наиболее важные риски и угрозы внутренней и внешней среды организации [10].

Рассмотрим, как осуществляется исследование конкурентной среды. Изучение конкурентов происходит по следующим основным параметрам бизнес-разведки:

- сравнение финансовых показателей хозяйствующего субъекта с показателями конкурентных организаций по определенной отрасли;
- мониторинг ценовой политики конкурентных организаций;
- подготовка ассортимента продукции и разработка ее продвижения на рынок.

Указанные направления анализа конкурентной среды позволяют специалистам СВК выявить направления расширения рынков сбыта, применение системы скидок, устранение недостатков в рекламной политике, а также выявления резервов для повышения эффективности деятельности экономического субъекта в целом.

На пятом этапе проводится мониторинг за текущей деятельностью хозяйствующего субъекта. Мониторинг является основной процедурой внутреннего контроля и предполагает оперативное выявление участков, наиболее подверженных воздействию потенциальных рисков, а также позволяет определить текущий уровень экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Шестой этап является заключительным и представляет собой этап, на котором достигается поставленная перед СВК цель, поскольку данный этап включает анализ положения дел организации, координация ее деятельности и контроль за успешным функционированием всех подразделений хозяйствующего субъекта, вследствие которого происходит своевременное выявление факторов, негативно сказывающихся на финансовых результатах деятельности.

Процедуры СВК в части обеспечения экономической безопасности должны быть нацелены не столько на осуществление бизнес-процессов, сколько на защиту сведений о стратегии и тактике, механизмах их реализации, источниках финансирования, партнерских связях и др.

Интересен опыт исследования, проведенного в конце июня 2020 г. специалистами PricewaterhouseCoopers «Управление функцией внутреннего контроля», целью которого было изучение оценки рисков, контрольной среды, процедур, а также тому, как участники опроса работают в дальнейшем с выявленными недостатками. Респондентами выступили представители российских организаций и филиалов иностранных компаний из множества отраслей с различным количеством сотрудников и объемом выручки [11].

Оценка зрелости СВК определялась согласно методологии COBIT («Задачи управления для информационных и смежных технологий») международной ассоциации ISACA (Information Systems Audit and Control Association). Согласно данной методологии, существует пять уровней зрелости СВК (табл. 3) [11].

Таблица 3

Оценка зрелости уровня СВК респондентами PricewaterhouseCoopers

Уровень СВК	Характеристика	Оценка, %
Начальный	Отсутствие контрольных процедур и их формализации	15
Неформальный	Частичная формализация процессов СВК, выполнение отдельных контрольных процедур	23
Формализованный	Контрольная деятельность стандартизирована	34
Управляемый	Внедрение автоматизации в тестирование контрольных процедуры и мониторинг	26
Совершенствуемый	Полная автоматизация контрольных процедур, а также их регулярная оптимизация в соответствии с мировыми стандартами	2

Источник: [11]

В результате опроса был сделан вывод о том, что наибольшее число респондентов оценили уровень зрелости СВК в организациях как формализованный (34 %) и управляемый (26 %), что говорит о возможности своевременного выявления ошибок и отклонений, а также частичной автоматизации контрольных процедур.

Кроме того, 61 % опрошенных представителей компаний подтвердили, что в их организации разработана матрица рисков и контрольных процедур, из них 48 % ежегодно обновляют их.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что СВК призвана содействовать улучшению финансовых, производственных, кадровых, технико-технологических ресурсов хозяйствующего субъекта. Для успешного функционирования организации инструментарий СВК должен быть тесно связан с системой мотивации, которая основывается на анализе «план/факт», а также стимулирует трудовую деятельность персонала организации и позволяет улучшить экономические показатели предприятия [6].

Основные результаты

Проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время наиболее распространенными угрозами в организации СВК для российских организаций являются:

- увеличение бюрократизации контроля на малых и средних предприятиях;
- сосредоточение внутреннего контроля только на защите активов и игнорирование других объектов контроля;
- конфликт интересов между отделами хозяйствующего субъекта;
- низкий уровень самоконтроля работников;
- отсутствие финансовой возможности для создания службы внутреннего контроля.

Основными причинами, которые привели к данным несовершенствам в работе организации СВК, являются человеческий фактор, ошибки в работе информационных систем, отсутствие мотивации сотрудников и регламентации четкой системы контрольных процедур.

В связи с этим можно предложить следующие меры по поддержанию экономической безопасности организации:

- усиление контроля за сохранностью документации, включая бухгалтерскую (финансовую) отчетность и иную корпоративную информацию;
- сокращение материальных и финансовых потерь, предотвращение мошеннических действий (краж, присвоения, растраты имущества и других);
- четкое разделение функций между центрами ответственности и субъектами контроля;
- регулярное представление отчетов службой внутреннего контроля руководству хозяйствующего субъекта;
- постоянный анализ и сбор информации о конкурентной среде;
- создание системы мотивации и стимулирования сотрудников.

Осуществление на практике предлагаемых нами мероприятий будет способствовать гибкости, мобильности и повышению экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что направленный на совершенствование финансово-хозяйственной деятельности внутренний контроль является ключевым инструментом, позволяющим обеспечить и поддерживать на достаточном уровне экономическую безопасность хозяйствующих субъектов. СВК обеспечивает возможность устранения угроз экономической безопасности, разрабатывает меры, которые позволяют усилить контроль за персоналом предприятия и исполнением их должностных полномочий, регулярно анализировать финансовое состояние организации, производить мониторинг фирм-конкурентов, следить за легитимностью договорной деятельности хозяйствующего субъекта, а также обеспечивает развитие организации в текущий момент и в будущем, что и является основной целью экономической безопасности хозяйствующего субъекта в целом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 21.12.2020).
2. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 21.12.2020).
3. Информация Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (дата обращения: 21.12.2020).
4. Беловицкий, К. Б., Николаев, В. Г. Экономическая безопасность: учебное пособие. – М.: Научный консультант, 2017. – 286 с.
5. Бондарчук, Н. В., Матыцына, Ю. Д. Контроль и анализ финансового состояния как обеспечение экономической безопасности предприятия // Роль бухгалтерского учета, контроля и аудита в обеспечении экономической безопасности России: сборник научных трудов. Выпуск 10 / отв. ред.: Т. А. Сигунова. – М.: Научный консультант, 2019. – С. 21-26.
6. Колесов, Е. С. Внутренний контроль эффективности в системе экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. – 2016. – № 2 (32). – С. 187-192.
7. Крыцина, А. М. Развитие внутреннего контроля как элемента экономической безопасности коммерческого предприятия // Крымский научный вестник. – 2017. – № 2-3 (14-15). – С. 46-56.
8. Рабаданова, Ж. Б. Методы корпоративного финансового контроля // Актуальные вопросы современной экономики. – 2017. – № 4. – С. 153-156.
9. Свиридова, Л. А., Литвинова, О. А., Решетова, В. В. Внутренний контроль как инструмент экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 15 января 2018 г. В 4-х частях. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 198-201.
10. Сенчагов, В. К. [и др.]. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России: монография / под ред. В. К. Сенчагова. – М.: Анкил, 2019. – 137 с.

11. Управление функцией внутреннего контроля: исследование // PwC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/pwc-upravleniye-funktsiye-vnutrennego-kontrolya.pdf> (дата обращения: 21.12.2020).

References

1. Federal Law No. 14-FZ, dated on February 8, 1998 “On Limited Liability Companies”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (accessed 21.12.2020). (In Russian).
2. Federal Law No. 402-FZ, dated on December 6, 2011 “On Accounting”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (accessed 21.12.2020). (In Russian).
3. Information of the Ministry of Finance of Russia No. PZ-11/2013 “Organization and Implementation by an Economic Entity of Internal Control of the Facts of Economic Life, Accounting and Preparation of Accounting (Financial) Statements”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (accessed 21.12.2020). (In Russian).
4. Belovitskii K. B., Nikolaev V. G. *Economic security: textbook*, Moscow, Nauchnyi konsul'tant, 2017, 286 p. (In Russian).
5. Bondarchuk N. V., Matytsyna Yu. D. Control and analysis of the financial condition as ensuring the economic security of the enterprise, *The Role of Accounting, Control and Audit in Ensuring the Economic Security of Russia: Collection of Scientific Papers*, Issue 10, executive editor T. A. Sigunova, Moscow, Nauchnyi konsul'tant, 2019, pp. 21-26. (In Russian).
6. Kolesov E.S. Internal efficiency control in the economic security system, *Innovative Development of Economy Journal*, 2016, no. 2 (32), pp. 187-192. (In Russian).
7. Krytsina A. M. Development of internal control as an element of economic security of a commercial enterprise, *The Crimean Scientific Bulletin*, 2017, no. 2-3 (14-15), pp. 46-56. (In Russian).
8. Rabadanova Zh. B. Corporate financial control methods, *Topical Issues of the Modern Economy*, 2017, no. 4, pp. 153-156. (In Russian).
9. Sviridova L. A., Litvinova O. A., Reshetova V. V. Internal control as a toolkit for the economic security of an economic entity, *Fundamental and Applied Scientific Research: Topical Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of the IX International Scientific and Practical Conference, Penza, January 15, 2018*, In 4 parts, Penza, MTsNS “Nauka i Prosveshchenie”, 2018, pp. 198-201. (In Russian).
10. Senchagov V. K. [et al.] *Innovative transformations as an imperative for sustainable development and economic security of Russia: monograph*, edited by V. K. Senchagov, Moscow, Ankil, 2019, 137 p. (In Russian).
11. Managing internal control functions: study, PwC. Available at: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/pwc-upravleniye-funktsiye-vnutrennego-kontrolya.pdf> (accessed 21.12.2020). (In Russian).

УДК 330.34 JEL G20, G28, O16

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-95-100

Воробьева Екатерина Сергеевна
аспирант, ФГБОУ ВО «Приамурский
государственный университет им. Шо-
лом-Алейхема», г. Биробиджан, Россий-
ская Федерация

e-mail: ekaterina-vorob2015@yandex.ru

Юсубова Зулия Алиевна
аспирант, ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Томский политехни-
ческий университет», г. Томск, Россий-
ская Федерация

e-mail: zuliya.yusubova@bk.ru

Гасанов Маггерам Алиевич
д-р экон. наук, ФГАОУ ВО «Националь-
ный исследовательский Томский поли-
технический университет», г. Томск,
Российская Федерация

e-mail: hursud1@yandex.ru

Ekaterina S. Vorobeva
Postgraduate student, Sholom-Aleichem
Priamursky State University,
Borobidzhan, Russia

e-mail: ekaterina-vorob2015@yandex.ru

Zuliya A. Yusubova
Postgraduate student, National Research
Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia

e-mail: zuliya.yusubova@bk.ru

Maggeram A. Gasanov
Dr. Sci. (Econ.), National Research Tomsk
Polytechnic University, Tomsk, Russia

e-mail: hursud1@yandex.ru

РАЗВИТИЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Глобализация и увеличение волатильности мировых рынков, а также рост конкуренции приводят к потребности бизнес-сообщества создавать новые устойчивые бизнес-модели, которые менее подвержены негативным эффектам от глобализации. Устойчивость бизнес-моделей определяется эффективным использованием ресурсов: природных, материальных, финансовых и интеллектуальных. Результатом трансформации является переход к сетевому взаимодействию и образованию экосистем поставщиков, партнеров, потребителей и конкурентов вокруг бизнес-сферы. Основные выводы представленной работы сводятся к необходимости достижения комплексного развития цифровой экономики, учета взаимосвязей экономических процессов и структурных преобразований. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ связи и принципов структурных сдвигов экономических процессов на фоне цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, экономика, структура, структурный сдвиг, цифровая экосистема, электронная коммерция, маркетплейс, финансовый рынок

Для цитирования: Воробьева Е.С., Юсубова З.А., Гасанов М.А. Развитие маркетплейсов в условиях цифровой трансформации как результат структурных сдвигов в экономике // Вестник университета. 2021. № 2. С. 95–100.

DEVELOPMENT OF MARKETPLACES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION AS A RESULT OF STRUCTURAL SHIFTS IN THE ECONOMY

Abstract. Globalization and increased volatility of global markets, as well as increased competition, lead to the need for the business community to create new sustainable business models that are less susceptible to the negative effects of globalization. The sustainability of business models is determined by the effective use of resources: natural, material, financial and intellectual. The result of the transformation is the transition to network interaction and the formation of ecosystems of suppliers, partners, consumers and competitors around the business sphere. The main conclusions of the research paper are reduced to the need to achieve a comprehensive development of the digital economy, taking into account the interrelationships of economic processes and structural transformations. In this regard, the analysis of the relationship and principles of structural shifts in economic processes against the background of digital transformation becomes particularly relevant.

Keywords: digital transformation, economy, structure, structural shift, digital ecosystem, e-commerce, marketplace, financial market

For citation: Vorobeva E.S., Yusubova Z.A., Gasanov M.A. (2021) Development of marketplaces in the context of digital transformation as a result of structural shifts in the economy. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 95–100. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-95-100

Введение

Цифровая трансформация рассматривается как внедрение цифровых технологий во все сферы бизнеса с целью формирования более устойчивых отношений между субъектами рыночной системы. Она влияет не только на отраслевые структуры и стратегическое позиционирование, но и на все уровни организации бизнеса. Ожидания от цифровой трансформации связаны с радикальными изменениями

© Воробьева Е.С., Юсубова З.А., Гасанов М.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Vorobeva E.S., Yusubova Z.A., Gasanov M.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

в бизнес-процессах и моделях компаний. Эти изменения способствуют ускорению процессов, снижению затрат и повышению качества продукции [1].

Экономический кризис в мировой экономике также оказывает влияние на ускорение перехода к применению цифровых технологий. Цифровая трансформация экономики направлена на совершенствование технологических и управленческих процессов, внедрение современных цифровых технологий.

Трансформация конкурентно-рыночной структуры должна всячески способствовать позитивным структурным сдвигам в технологической и секторально-отраслевой структурах путем содействия развитию научно-инновационной сферы в национальной экономике, коммерциализации и массовому распространению инноваций, межотраслевому перетоку капитала, стимулированию вовлечения трудовых, интеллектуальных, финансовых, производственных ресурсов в становление и развитие высокотехнологичных отраслей, а также созданию долгосрочных основ роста социального благополучия [4].

Таким образом, цифровая экономика и ее достижения в перспективе становятся ключевым источником обеспечения благосостояния субъектов мирового хозяйства [8].

Теоретические положения

Современные реалии подталкивают бизнес-сообщество и правительство страны к осознанию необходимости ускорения цифровой трансформации экономических процессов в формирующемся цифровом пространстве новой мировой экономики.

Один из значимых факторов цифровизации экономических процессов – развитие цифровых технологий, создающих новые возможности для бизнес-сообщества в экономике, а также предлагающих эффективные методы использования этих возможностей. В частности, этому способствует возможность перепрограммируемости электронных устройств в эпоху развития цифровых технологий.

В настоящий момент цифровая трансформация представляет собой фазу обновления и рождения сетевых и деиерархических типов структуры генезиса, и реализация проектов расширения доли информационно-коммуникационных технологий в структуре экономической системы способствует насыщению интенсивности диффузии и реального их освоения в отраслях воспроизводства человеческого капитала, образования, инфраструктурных и институциональных отраслях. В результате сетевого взаимодействия цифрового пространства будет запущен механизм синергетического эффекта, роста технологического мультипликатора, расширения границ производственных возможностей потенциального макроэкономического роста российской экономики. Это позволит наконец-то переломить ситуацию структурного вакуума и плавного перехода сырьевой платформы отечественной экономики к новой модели экономического роста, благодаря формируемым структурно-технологическим источникам в рамках цифровой среды.

Цифровизация технологической платформы производственного процесса – единственный способ сохранения конкурентоспособности и в то же время условие для генерации технологических и структурных элементов форсированного обновления крупного индустриального комплекса и находящихся в тесной интеграции с ним структур экономики.

В структуре технологической корзины предлагаемые типы сервисных продуктов подверглись существенной корреляции в новых условиях, продиктованных интервенцией и сжатием коронавирусного воздействия на потребительском рынке. Появились адаптированные новшества, связывающие человеческие ресурсы и производственные процессы, разные сферы экономики, образования, медицины и социальных секторов. Рост потребительского спроса на дистанционные сервисы в 2020 г., обусловленный пандемией COVID-19, простимулировал развитие новых финансовых платформ и новых форм интеграции экономического потенциала индустриального сектора и финансового рынка. Следовательно, происходит цифровой структурный сдвиг в фундаменте экономики. Создается новая пропорция отраслевого баланса, в тренде оказываются отрасли, максимально продвигающие цифровые стандарты. Конвергентные технологии в цифровой среде создают мощный экономический базис, который способен преодолеть внезапные шоки и экономические циклы, а также различного рода турбулентные волатильности в экономике.

Цифровая экономика представляет собой деятельность, основанную на новых институтах и соответствующих им экономических отношениях, связанную с развитием цифровых технологий, и состоящую из сервисов, предоставляющих онлайн-услуги и электронные платежи, обеспечивающих электронную коммерцию [2].

В структурном развитии одним из трендов цифровой трансформации экономических процессов является расширяющаяся электронная коммерция (англ. e-commerce). В ее структуре наиболее продуктивной бизнес-моделью является маркетплейс, как наиболее социализированный структурный компонент. Маркетплейс представляет собой платформу e-commerce, онлайн-магазин, который предоставляет информацию о продуктах или услугах третьих лиц.

Структура формирования цифровых трендов основывается на платформах цифровой экономики, в которых сосредоточен программно-аппаратный комплекс, функционирующий для ресурсного обеспечения потребностей потребителей и производителей. На цифровых платформах участники находят друг друга, заключают договоры и проводят взаиморасчеты и формируют социализированные сетевые логистические связи и отношения, являющиеся основой для нового структурного генезиса в экономической динамике. Осуществление действий на цифровых платформах ускоряет процессы производства и обмена, а также удешевляет их, исключает лишние посреднические звенья, а также повышает производительность труда и эффективность рынков [2].

Свое развитие электронная коммерция получила в начале 60-х гг. прошлого века с внедрения системы бронирования авиабилетов [5]. Ее дальнейшей трансформации способствовало появление компьютерных сетей, платежных карт, а также развитие сети Интернет.

Электронная коммерция, как экономико-технологическое маркетинговое явление, представляет собой сферу экономики, включающую финансовые и торговые транзакции, осуществляемые с использованием компьютерных сетей, и бизнес-процессы, непосредственно связанные с осуществлением таких транзакций. Маркетинговая среда электронной коммерции формируется в условиях снижения транзакционных издержек на мировом рынке.

Основные результаты

Развитие интернета в целом, увеличение доступности мобильных технологий, а также рост интенсивности использования мобильного интернета способствовали расширению возможностей взаимодействия в режиме «онлайн» между производителями и потребителями различных товаров и услуг за счет скорости, простоты и удобства обслуживания. Развитие цифровых технологий позволяет осуществлять взаимодействие в дистанционном формате, что приводит к созданию цифровых платформ – маркетплейсов [7].

Основная классификация маркетплейсов строится на разделении их по типам взаимоотношений с покупателями.

Тип B2B (от англ. business-to-business) подходит оптовым поставщикам: бизнес покупает у бизнеса. Такая разновидность сотрудничества реализуется на маркетплейсах Alibaba.com, Indiamart, Capterra.

На маркетплейсах типа C2C (от англ. customer-to-customer) сделки проводятся между физическими лицами, когда продавец и покупатель оговаривают условия сделки, которая в результате принесет выгоду обоим: например, Авито, Юла, Bla Bla Car, Couchsurfing.

Самой распространенной моделью применения маркетплейсов является B2C (от англ. business-to-customer), когда юридическое лицо (продавец) предоставляет услуги или продает товар физическому лицу. Примерами такого типа маркетплейсов являются Wildberries, Ozon, Joom, Lamoda, Бери и др.

В свою очередь, в последнее время банковский, страховой, инвестиционный рынки создают собственные маркетплейсы, предоставляющие возможность выбора продукта или услуги согласно заданным параметрам среди общего объема участников рынка (Сбер, Тинькофф банк, Россельхозбанк, Альфа-банк, ВТБ и др.) [7]. Появляется совершенно иная модель связей, отношений и взаимодействий, закладывающая формирование цифровой модели структурного новообразования в системе структурных сдвигов экономики. В этом процессе структурной конвергенции и сетизации все более заметную роль играет обратная связь с потребителями. Материализация потенциала еще не выявленных сегментов потребительского предпочтения, социализированный краудсорсинг – новые особенности структурных сдвигов и будущее альянса: регенерация и диффузия технологий – структурный сдвиг – рынок.

Развитию маркетплейсов способствует использование открытых интерфейсов (Open API), которые являются ключевым элементом для эффективной интеграции финансового рынка в условиях структурных сдвигов в экономике и позволяют обеспечивать передачу и получение информации между различными информационными системами, используя протоколы обмена данными.

Open API обеспечивает удобство и оптимизацию издержек, обусловленных применением цифровых технологий, в процессе обмена информацией между участниками, способствует ускорению выхода продуктов на рынок. Эта технология объединяет несколько счетов клиента в разных кредитных организациях в одно приложение, осуществляет анализ транзакций и предлагает персональные продукты [6].

В финансовой сфере Open API позволяет, например, продвигать банковские продукты на маркетплейсах с возможностью их дистанционного приобретения, а также внедрять персональных финансовых советников, анализирующих привычки клиентов и предлагающих им оптимальные стратегии финансового поведения.

Развитие цифрового инструмента Open API способствует развитию маркетплейсов, позволяющих оптимизировать издержки на жизненный цикл современного инновационного товара, а это, в свою очередь, влияет на производственную базу, происходит интенсивное влияние сферы потребления и производственного процесса, то есть происходит процесс структурных сдвигов, в основе которых лежит развитие информационных технологий и формирование цифровой экосистемы как основы нового роста структуры экономики и коренного изменения экономической жизни общества.

В условиях цифровизации экономических процессов, развития электронной коммерции и активного цифрового взаимодействия между физическими лицами оптимальным решением является создание мгновенных безналичных расчетов [11].

В последние годы, как в развитых, так и в развивающихся странах по всему миру отмечается активное развитие национальных систем быстрых платежей. В России Система быстрых платежей запущена в промышленную эксплуатацию в 2019 г., и ее реализация основана на применении цифрового инструмента Open API.

Система быстрых платежей – цифровой сервис платежной системы Банка России, позволяющий лицам мгновенно (в режиме 24/7) переводить деньги по номеру мобильного телефона себе или другим лицам, вне зависимости от того, в каком банке открыты счета отправителя или получателя средств. Для этого необходимо, чтобы эти банки были подключены к Системе быстрых платежей [10].

Новым этапом в развитии маркетплейсов и e-commerce в целом может стать COVID-19. Пандемия, ограничения, вводимые в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, закрытие границ, – все это продемонстрировало важность, актуальность и перспективность цифровой экономики.

Новым трендом структурно-технологического обновления в условиях цифровой трансформации экономики является рождение новых рынков как важнейшего элемента жизненного цикла, процесса, структуры формирования и функционирования финансовой экосистемы.

Цифровая финансовая экосистема представляет собой многогранную цифровую платформу, все сервисы которой взаимодействуют друг с другом, и которая соответствует критериям информационно-технологической инфраструктуры.

Суть цифровой экосистемы заключается в обеспечении взаимосвязи между ее элементами на основе обмена данными, которая является выгодной для всех участников.

Создание комплексной финансово-цифровой экосистемы, объединяющей различные маркетплейсы, предлагающие одновременно все финансовые и нефинансовые продукты, позволило бы реализовать полный цикл покупки от сравнения и выбора вариантов продукта до оплаты и получения услуги, – это направление дальнейшего развития цифровизации финансового рынка [3].

В целом про финансовые экосистемы можно сказать, что в дальнейшем они могут стать ключевыми каналами коммуникаций с клиентами и продаж. Переход к модели «экосистемы» может осуществляться компаниями различных типов: кредитными организациями, операторами связи, технологическими компаниями. Однако современные реалии подтверждают, что функционирование экосистем – это прерогатива наиболее крупных и мощных игроков рынка. Шанс выйти в цифровое пространство малому и среднему бизнесу может предоставить дальнейшее развитие маркетплейсов.

В 2017 г. Банком России был инициирован проект «Маркетплейс». Целью запуска нового проекта являлось создание законодательной и нормативной базы для дистанционной розничной продажи финансовых продуктов (услуг) по всей стране, без географических ограничений, с регистрацией таких финансовых сделок в специальном реестре – регистраторе финансовых транзакций.

На старте запуска площадки «Финуслуги» первым продуктом, которым могли воспользоваться потребители, стали банковские депозиты. После прохождения регистрации и идентификации пользователь может

в удаленном доступе открывать и пополнять вклады в различных банках, являющихся участниками проекта, распределять полученные проценты и управлять счетами [9].

Платформа предоставляет возможность сравнивать предложения разных коммерческих и финансовых организаций и выбирать наиболее выгодные варианты, не совершая визита в офис банка. Возможность сравнивать и выбирать вклады на цифровой платформе «Финуслуги» предоставляет партнер проекта финансовый сервис «Сравни.ру». Согласно прогнозу «Сравни.ру», запуск маркетплейса и пандемия COVID-19 будут стимулировать переход процесса открытия депозитов из офлайн-формата в онлайн, и к 2025 г. около 20 % депозитов будут открываться в режиме онлайн. К преимуществу финансовой платформы для потребителей можно отнести тот факт, что маркетплейс предоставляет возможность воспользоваться услугами банка, финансовой или страховой организации, офиса которой нет в регионе проживания потребителя.

В 2020 г. услуги маркетплейса доступны только в 28 регионах России. В дальнейшем ожидается, что представители сервиса будут работать в большинстве регионов страны.

Вторым продуктом, доступным к использованию на цифровой площадке «Финуслуги», является услуга приобретения полиса ОСАГО [9].

Преимуществами использования маркетплейса для потребителей являются: доступ к широкому ассортименту финансовых услуг различных финансовых и страховых организаций в режиме 24/7, обеспечение безопасности проводимых сделок и аккумуляция сведений обо всех сделках в одном реестре. Для поставщиков финансовых услуг к преимуществам использования маркетплейса можно отнести возможность привлечения новых клиентов, снижение стоимости привлечения и обслуживания клиентов, а также аутсорсинг сервисов. Цифровым платформам / сайтам-агрегаторам использование маркетплейса предоставляет возможность пополнения клиентской базы и технологического развития.

Выводы

Таким образом, трансформация экономической системы, тенденции развития финансового рынка, вызовы современности дают толчок совершенствованию отечественных информационных технологий, цифровой инфраструктуры, и в то же время создают перспективы для осуществления конкурентоспособной и эффективной деятельности. Динамическое развитие цифровых финансовых сервисов обеспечит повышение конкуренции, а также защиту прав и интересов всех участников финансового рынка, включая потребителей, финансовые организации и финтех-компании. Экономический эффект от использования цифровых технологий на финансовом рынке имеет положительный рост, и несомненно, данная сфера деятельности уже стала неотъемлемой частью жизни современного общества.

Библиографический список

1. Аренков, И. А., Румянцева, В. С. Трансформация бизнеса в условиях цифровой экономики // Третья международная конференция «Управление бизнесом в цифровой экономике»: сборник тезисов выступлений, Санкт-Петербург, 19–20 марта 2020 г. / под общ. ред. И.А. Аренкова, М.К. Ценжарик. – СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2020. – С. 48-51.
2. Василенок, В. Л., Круглова, А. И., Алексашкина, Е. И., Негреева, В. В., Пластунова, С. А. Основные тренды цифровой логистики // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. – 2020. – № 1. – С. 69-78.
3. Клейнх, Г. Б., Рыбачук, М. А., Карпинская, В. А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управление. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 2-15.
4. Коновалова, М. Е. К вопросу структурной трансформации экономики в условиях макроэкономической нестабильности // Экономика и управление инновациями. – 2020. – № 1. – С. 4-19.
5. Кубкина, Ю. С. Электронная коммерция: роль, понятие, направление развития // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 2. – С. 53-55.
6. Марченков, А. А. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции // Научные стремления. – 2019. – № 26. – С. 65-67.
7. Самиев, П. А., Закирова, В. Р., Швандар, Д. В. Экосистемы и маркетплейсы: обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. – 2020. – Т. 12, № 5. – С. 86-98.
8. Смирнов, Е. Н. Цифровая трансформация мировой экономики: торговля, производство, рынки: монография. – М.: Мир науки, 2019. – 506 с.

9. Мазина, М. Мосбиржа запустила «Финуслуги» – это маркетплейс банковских вкладов // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f88019d9a794706586e9627> (дата обращения: 24.12.2020).
10. Обзор мирового опыта использования систем быстрых платежей и предложения по внедрению в России // Банк России. – Декабрь, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/36010/rev_pay.pdf (дата обращения: 24.12.2020).
11. Развитие открытых интерфейсов (Open API) на финансовом рынке: доклад для общественных консультаций // Банк России. – Декабрь, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/50679/Consultation_Paper_171229.pdf (дата обращения: 24.12.2020).

References

1. Arenkov I. A., Rumyantseva V. S. Business transformation in the digital economy, *Third International Conference “Business Management in the Digital Economy”*: collection of abstracts of speeches, St. Petersburg, March 19–20, 2020, Edited by I. A. Arenkov, M. K. Tsenzharik, St. Petersburg, PPC Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2020, pp. 48-51. (In Russian).
2. Vasilenok V. L., Kruglova A. I., Aleksashkina E. I., Negreeva V. V., Plastunova S. A. Key trends in digital logistics, *Scientific Journal NRU ITMO. Series “Economics and Environmental Management”*, 2020, no. 1, pp. 69-78. (In Russian).
3. Kleiner G. B., Rybachuk M. A., Karpinskaya V. A. Ecosystem development in the Russian financial sector, *The Manager*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 2-15. (In Russian).
4. Konovalova M. E. On the issue of structural transformation of the economy in the context of macroeconomic instability, *Economics and Innovation Management*, 2020, no. 1, pp. 4-19. (In Russian).
5. K, ubkina Yu.S. E-Commerce: the role of the concept of the direction of development, *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 53-55. (In Russian).
6. Marchenkov A. A. Marketplaces as the main trend of e-commerce, *Scientific Aspirations*, 2019, no. 26, pp. 65-67. (In Russian).
7. Samiev P. A., Zakirova V. R., Shvandar D. V. Ecosystems and the marketplace: an overview of the financial services market, *Financial Journal*, 2020, vol. 12, no. 5, pp. 86-98. (In Russian).
8. Smirnov E. N. *Digital transformation of the world economy: trade, production, markets: monograph*, Moscow, Mir nauki, 2019, 506 p. (In Russian).
9. Mazina M. Moscow exchange launched the “Phenology” – is a marketplace of Bank deposits, *RBC*. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f88019d9a794706586e9627> (accessed 24.12.2020). (In Russian).
10. Overview of the world experience in using fast payment systems and proposals for implementation in Russia, *Bank of Russia*, December 2017. Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/36010/rev_pay.pdf (accessed 24.12.2020). (In Russian).
11. Development of open interfaces (Open API) in the financial market. Report for public consultation, *Bank of Russia*, December 2017. Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/50679/Consultation_Paper_171229.pdf (accessed 24.12.2020). (In Russian).

Зотиков Николай Зотикович
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Чувашский государственный
университет имени И. Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5631-9123
e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО П. 10 СТ. 101 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Целью проведения налоговых проверок является проверка соблюдения налогоплательщиком норм налогового законодательства. Как правило, в условиях неустойчивости, постоянно меняющегося налогового законодательства налогоплательщики допускают нарушения норм Налогового кодекса Российской Федерации. В связи с этим, как правило, каждая налоговая проверка заканчивается доначислениями налогоплательщику налогов, пеней и штрафных санкций, которые отрицательно сказываются на их финансовом положении. При этом, по данным Федеральной налоговой службы, при резком сокращении количества проводимых выездных налоговых проверок размер доначислений на одну выездную проверку постоянно увеличивается: в 2016 г. – 13,6 млн руб., 2017 г. – 15,7 млн руб., 2018 г. – 22,2 млн руб., 2019 г. – 33,5 млн руб. Налоговый орган, доначисляя налогоплательщику налоги и штрафные санкции, заинтересован в их взыскании. Действующий Налоговый кодекс Российской Федерации предоставляет возможность обеспечения исполнения решения путем принятия обеспечительных мер в соответствии с п. 10 ст. 101 Налогового кодекса Российской Федерации, применение которых на практике вызывает множество вопросов. В статье рассмотрена практика применения обеспечительных мер.

Ключевые слова: обеспечительные меры, налоговые проверки, отчуждение имущества, счет в банке, налоговое законодательство, налогоплательщики, штрафные санкции, налог

Для цитирования: Зотиков Н.З. Обеспечительные меры по п. 10 ст. 101 налогового кодекса Российской Федерации: практика применения // Вестник университета. 2021. № 2. С. 101–108.

Nilolay Z. Zotikov
Cand. Sci. (Econ.), Chuvash State
University named after I. N. Ulyanov,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0001-5631-9123
e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

INTERIM MEASURES UNDER PARAGRAPH 10 OF ART. 101 OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: APPLICATION PRACTICE

Abstract. The purpose of tax audits is to verify that the taxpayer complies with the norms of tax legislation. As a rule, in conditions of instability, constantly changing tax legislation, taxpayers violate the norms of the Tax Code of the Russian Federation. In this regard, as a rule, each tax audit ends with additional charges to the taxpayer of taxes, penalties and penalties, which negatively affect their financial position. At the same time, according to the Federal Tax Service of Russia, with a sharp reduction in the number of ongoing on-site tax audits, the amount of additional charges for one on-site audit increases constantly: in 2016 – 13.6 million rubles, in 2017 – 15.7 million rubles, 2018 – 22.2 million rubles, 2019 – 33.5 million rubles. The tax authority, by charging additional taxes and penalties to the taxpayer, is interested in collecting them. The current Tax Code of the Russian Federation makes it possible to enforce the decision by taking measures in accordance with paragraph 10 of Art. 101 of the Tax Code of the Russian Federation, the application of which in practice raises many issues. The article considers the practice of applying interim measures.

Keywords: interim measures, tax audits, alienation of property, bank account, tax legislation, taxpayers, penalties, tax

For citation: Zotikov N.Z. (2021) Interim measures under paragraph 10 of art. 101 of the tax code of the Russian Federation: application practice. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 101–108. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-101-108

Введение

В соответствии со ст. 31, 32 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) налоговые органы осуществляют контроль за соблюдением налогоплательщиками НК РФ, проводят выездные и камеральные проверки, по результатам которых доначисляют налоги, штрафы и пени [1].

В последнее время наблюдается тенденция к сокращению количества проводимых выездных налоговых проверок (далее – ВНП) при увеличении количества камеральных проверок с одновременным уменьшением доначислений на одну проведенную камеральную проверку. Наиболее эффективными являются ВНП, о чем свидетельствуют следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

Основные итоги проведения ВНП

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. к 2016 г., %
Количество ВНП, ед.	26 043	20 163	14 152	9 334	35,8
Из них выявившие нарушения, ед.	25 796	19 778	13 838	8 977	34,8
Процент результативности	99,0	98,1	97,8	96,2	97,2
Доначислено ВНП, млн руб.	352 069,0	309 974,0	307 568,2	300 900,0	85,5
Доначислено на 1 ВНП, выявившую нарушения, млн руб.	13,6	15,7	22,2	33,5	2,46 раза

Составлено автором по материалам источника [18]

Как следует из данных таблицы 1, в 2019 г. по сравнению с 2016 г. количество ВНП сократилось более чем на 60,0 %, при этом процент результативности незначительно снизился. В связи с резким уменьшением количества ВНП сумма доначислений по итогам налоговых проверок уменьшилась на 14,5 %, между тем в 2,46 раза увеличилась сумма доначислений на одну ВНП, выявившую нарушения.

Показателем эффективности работы налоговых инспекторов наравне с суммой доначислений на одну проведенную проверку является также показатель взыскиваемости доначисленных проверкой сумм.

Исследование

Обеспечительные меры, направленные на обеспечение исполнения решения налогового органа, принятого по итогам налоговых проверок (п. 10 ст. 101 НК РФ). После принятия решения по итогам проведенной налоговой проверки, согласно которым налогоплательщику в случае выявления нарушений доначисляются налоги, штрафы, пени, у налогоплательщика появляется недоимка, которую налоговый орган заинтересован взыскать. В этих целях, если у налогового органа появятся сомнения в том, что налогоплательщик не уплатит соответствующие суммы в бюджет, и взыскание недоимки может быть затруднено, налоговый орган может обеспечить взыскание доначисленных сумм путем:

- 1) наложения запрета отчуждать имущество, включая передачу в залог, не согласовав с налоговым органом;
- 2) если стоимости имущества будет недостаточно для погашения возникшей по итогам проверки недоимки, ограничить расходные операции по счетам на недостающую сумму.

Законодатель для того, чтобы дать возможность налоговому органу взыскать доначисленные проверкой суммы налога, предоставляет ему право ограничить расходные операции по счету по аналогии со ст. 76 НК РФ, который применяется в целях обеспечения исполнения, принимаемого налоговым органом решения о взыскании недоимки в случае неуплаты налога по требованию. При этом пп. 2 п. 10 ст. 101 НК РФ, ссылаясь на ст. 76 НК РФ, не конкретизирует отдельные пункты, подпункты указанной статьи, то есть в полном объеме отождествляет указанные положения.

Решение о принятии обеспечительных мер «должно отвечать установленным налоговым законодательством принципам обоснованности, мотивированности и законности» [20].

«Целью принятия обеспечительных мер является сохранение существующего имущественного состояния проверенного лица для реализации возможности удовлетворения бюджетных интересов за счет его активов, на которые эти меры накладываются» [19]. Таким образом, обеспечительные меры выступают как гарант защиты интересов государства в пополнении бюджета. «Само понятие «способы обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов можно охарактеризовать как правовые средства, целевой направленностью которых является поступление налогов в бюджет» [11].

Приостановление операций по счетам в банке (ст. 76 НК РФ). Данная мера используется в качестве:

- средства для стимулирования налогоплательщика по уплате налога;
- наказания за несвоевременное представление декларации (пп. 1 п. 3), расчета НДФЛ и страховых взносов.

Решение принимается в следующей последовательности:

- вручается налогоплательщику решение о привлечении к ответственности;
- если недоимка по решению после вступления его в силу не будет погашена, направляется требование об уплате;
- до истечения двух месяцев после истечения срока исполнения требования выносится решение о взыскании налога (п. 3 ст. 46 НК РФ);
- приостанавливаются операции по счетам (но не ранее решения о взыскании налог в соответствии с предыдущим пунктом).

Из приведенных положений п. 10 ст. 101, ст. 46, ст. 76 НК РФ наблюдается правовая коллизия: пп. 2 п. 10 ст. 101 НК РФ, ссылающийся на ст. 76 НК РФ, противоречит положениям ст. 76 НК РФ, п. 3 ст. 46 НК РФ.

Рассматривая вопросы приостановления операций по счетам, авторы обращают внимание на особенности блокировки расчетного счета [12]. Данная мера рассматривается как налоговая угроза, способная разрушить налаженный бизнес [8]. «Основной недостаток данного института заключается именно в его недостаточной определенности, что приводит к различному толкованию положений ст. 76 НК РФ налоговыми органами и судами» [14]. «Обеспечение исполнения налоговой обязанности существует в той мере и до того момента, пока существует основное обязательство» [13]. «Решение о принятии обеспечительных мер по взысканию недоимки, возникшей по итогам проверки, не может быть принято ранее даты вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение нарушений законодательства о налогах и сборах» [9].

Из арбитражной практики

Что доначисленные проверкой суммы могут быть не перечислены, и для этого необходимо принять обеспечительные меры, доказать обязан налоговый орган.

1. Практика разрешения налоговых споров, касающихся принятия обеспечительных мер, без принятия которых исполнение решения налогового органа может быть не исполнено или затруднено, исходит из того, что необходимость принятия таких мер налоговый орган обязан доказать (Постановление АС Уральского округа от 29 апреля 2015 г. № Ф09-1425/15, Постановление ФАС Московского округа от 12 ноября 2012 г. № А40-16468/12-91-77). Суды часто делают вывод о том, что налоговые органы принимают обеспечительные меры, не подтверждая необходимость их принятия в установленном порядке (Постановления ФАС Уральского округа от 22 января 2013 г. № Ф09-12984/12, Московского округа от 12 ноября 2012 г. № А40-16468/12-91-77, от 19 апреля 2012 г. № А40-76471/11-91-326).

При обосновании принятия обеспечительных мер суды посчитали достаточным такой довод налогового органа, как в ходе проведения выездной налоговой проверки: «организация избавлялась от своих основных средств путем передачи их физическим лицам, являющимся ее учредителями» [15].

Суды не признают обоснованными такие доводы налогового органа, как:

- реорганизация предприятия;
- значительные, по мнению налоговиков, доначисления по итогам ВНП;
- наличие у организации (ИП) текущей недоимки по налогам или недоимки, образовавшейся по результатам проверки;
- несогласие организации с результатами ВНП;

– превышение суммы доначислений по результатам ВНП над стоимостью имеющихся у организации активов.

В то же время суд подтвердил правомерность принятия налоговым органом обеспечительных мер, так как налогоплательщик реализовал имущество в период проведения налоговой проверки (Постановление ФАС Уральского округа от 22 мая 2012 г. № Ф09-3799/12).

2. Проведенной проверкой установлен факт нарушения налогового законодательства АО «Кулебакский хлебозавод» в связи с делением бизнеса и принятием к вычету НДС, сумма налогов с санкциями составила 12 млн руб. На сумму задолженности налоговым органом приняты обеспечительные меры, которые общество обжаловало.

Суды всех инстанций обществу в удовлетворении иска отказали. Суд федерального округа в качестве оснований для принятия обеспечительных мер согласился с такими доводами налогового органа, как значительный размер доначисленных проверкой сумм налогов, штрафа и пени, увеличение кредиторской задолженности, уменьшение стоимости основных средств.

По мнению экспертов «Адвокатской газеты», отсутствие четкого перечня оснований, при наличии которых налоговый орган может принимать обеспечительные меры, порождает противоречивую судебную практику. Норма НК РФ, в силу которой налоговый орган может обеспечить исполнение решения, которое еще не вступило в силу, некорректна, неконкретна, является произвольной: налоговый орган может принять обеспечительные меры по своему усмотрению, если, по их мнению, есть существенные основания полагать, что непринятие таких мер затруднит исполнение решения по проверке.

Таким образом, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа по АО «Кулебакский хлебозавод» является прямым свидетельством существования системной проблемы оценочного характера, вызванной отсутствием конкретного перечня оснований для принятия обеспечительных мер) [16].

3. Дебиторская задолженность не может быть учтена налоговым органом в качестве имущества при принятии обеспечительных мер (Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20 января 2014 г. по делу № А41-38655/13).

Соблюдение очередности и порядка принятия обеспечительных мер.

1. Налоговый орган, принимая обеспечительные меры, в решениях не указывает, на какое имущество был наложен запрет на отчуждение и на какую сумму, не устанавливает наличие имущества, балансовая стоимость которого могла бы погасить доначисленную сумму. В таких случаях приостановление операций по счетам незаконно (Постановления ФАС Московского округа от 9 декабря 2011 г. № А40-133032/10-114-785, ФАС Дальневосточного округа от 11 июля 2011 г. № А51-17457/2010).

2. Невручение налогоплательщику решения о принятии обеспечительных мер является нарушением положений п. 13 ст. 101 НК РФ (Постановления ФАС Московского округа от 20 мая 2011 г. № А40-85562/10-20-435).

3. Налоговый орган одновременно принял два решения: одним из них наложил запрет на отчуждение имущества, вторым – приостановил операции по счетам. Нарушение очередности принятия обеспечительных мер является основой отмены решения (Постановления ФАС Центрального округа от 22 февраля 2011 г. № А64-4040/2010, ФАС Поволжского округа от 25 октября 2011 г. № А12-23927/2010).

4. В деле, рассмотренном Арбитражным судом Центрального округа (Постановление от 29 августа 2017 г. № А68-6675/2016), ООО «Автоцентр ЧАЗ-Тула» по доначисленным проверкой суммам наложен запрет на отчуждение имущества (10,8 млн руб.), приостановлены операции по счетам (140,7 млн руб.).

Арбитражный суд Тульской области запрет на отчуждение имущества на 10,8 млн руб. оставил в силе, приостановление операций по счетам признал недействительным, данное решение апеллацией оставлено без изменения.

Суды первой и апелляционной инстанций в качестве доказательств правомерности наложения запрета на имущество приняли доводы налогового органа: денег на счету – 89 270 руб., недоимка по НДС – 1 824 022 руб., стоимость имущества – 10,8 млн руб., что составляет лишь 7,16 % от доначисленных проверкой сумм.

Отменяя решение, суды отметили, что не наложен запрет на отчуждение дебиторской задолженности в сумме 683,0 млн руб., которой бы хватило на исполнение решения по проверке в полном объеме.

Суд кассационной инстанции отменил решения нижестоящих судов, ссылаясь на ошибочное толкование ими норм материального права.

Возможность принятия обеспечительных мер до вступления в силу решения по результатам налоговой проверки. Суды не едины во мнении, что «обязательным условием для последующего приостановления операций по счетам в банке является направление требования об уплате налога» [10].

Первая позиция основана на следующем. Приостановление операций по счетам в банке (п. 10 ст. 101 НК РФ) должно осуществляться во взаимосвязи с положениями ст. 76 НК РФ. Доводы в пользу этой позиции: «принятие решения в силу положений ст. 76 НК РФ возможно лишь при неисполнении налогоплательщиком обоснованно выставленного требования об уплате налога, пени и штрафа» [6].

Предусмотренное пп. 2 п. 10 ст. 101 НК РФ приостановление операций по счетам со ссылкой на ст. 76 НК РФ без обеспечения нормативной увязки положений ст. 76 и п. 10 ст. 101 НК РФ породило противоречивую практику.

Так, суд не поддержал доводы налогового органа о том, что «п. 2 ст. 76 НК РФ не подлежит применению в случае приостановления операций по счетам в банке в порядке п. 10 ст. 101 НК РФ, и что принятие обеспечительных мер должно следовать сразу за вынесением решения о привлечении лица к налоговой ответственности» [7].

По мнению суда, в отличие от п. 10 ст. 101 НК РФ, ст. 76 НК РФ принимается после вступления в силу решения налогового органа по проверке, выставления требования и принятия решения в порядке ст. 46 НК РФ (Постановление ФАС Центрального округа от 11 марта 2011 г. № А54-3298/2010С5).

Доказательств совершения обществом умышленных действий по сокрытию имущества в материалы дела не представлено, в связи с чем вышестоящий налоговый орган отменил решение налогового органа о приостановлении операций по счетам [17 с. 2].

Согласно второй позиции обеспечительные меры по п. 10 ст. 101 НК РФ принимаются до вступления в силу решения налогового органа по результатам проверки.

«Обеспечительные меры направлены на оперативную защиту интересов бюджета в целях предотвращения ситуаций, когда вследствие истечения определенного времени может быть затруднено либо невозможно исполнение принятого решения налогового органа по причине отчуждения (вывода) налогоплательщиком своих активов» [5].

«Приостанавливая операции по счетам в качестве обеспечительной меры, налоговики не должны одновременно выставлять требование об уплате налогов (пени, штрафов) и выносить решение об их взыскании, так как решение по результатам проверки еще не вступило в силу» [4].

Вправе ли инспекция принять обеспечительные меры, если ранее суд приостановил действие решения, вынесенного по результатам проверки (п. 10 ст. 101 НК РФ, п. 3 ст. 199 Арбитражного процессуального кодекса (далее АПК) РФ)? П. 3 ст. 199 АПК РФ гласит: «По ходатайству заявителя арбитражный суд может приостановить действие оспариваемого акта, решения» [2]. Вправе ли в таком случае налоговый орган принять обеспечительные меры, ст. 101 НК РФ не раскрывает. Официальной позиции по данному вопросу нет, имеются две точки зрения.

1. Не вправе. В случае, если налогоплательщик, оспаривающий в суде решение налогового органа, заявил в суд о принятии обеспечительных мер в виде запрета на исполнение решения до вынесения судом решения по существу спора, налоговый орган имеет право заявить ходатайство об истребовании судом у заявителя встречного обеспечения (ст. 94 АПК РФ). «В то же время сам налоговый орган в период рассмотрения дела в суде не вправе применять обеспечительные меры, предусмотренные пунктом 10 статьи 101 НК РФ» [3].

2. Вправе. По мнению суда, инспекция может применить обеспечительные меры по п. 10 ст. 101 НК РФ, даже если до этого действие решения, вынесенного по результатам проверки, было приостановлено судом (Постановление ФАС Уральского округа от 25 февраля 2009 г. № Ф09-757/09-СЗ).

Как указал Верховный суд РФ, приостановление судом действия решения инспекции о привлечении налогоплательщика к ответственности не является основанием для прекращения действия принятых налоговым органом в соответствии с пп. 2 п. 10 ст. 101 НК РФ обеспечительных мер в виде приостановления операций по счетам в банке (Определение от 14 апреля 2015 г. № 305-КГ14-5758 по делу № А40-181764/13).

Заключение

Как показало исследование, принимая обеспечительные меры, налоговый орган его обязан обосновать, по каким причинам, если не принять обеспечительные меры, возможность взыскания доначисленных проверкой сумм налога может быть затруднена.

С принятием п. 10 ст. 101 НК РФ судебная практика столкнулась с очередным явлением оценочного характера. В случае недостаточности имущества, на которое возможно наложение запрета на имущество, НК РФ предоставляет право заблокировать счет в банке. Отождествление приостановления операций по счетам, в качестве обеспечительных мер (п. 10 ст. 101 НК РФ), с приостановлением операций по счетам, как одного из способов обеспечения исполнения обязанностей по уплате налогов (ст. 76 НК РФ), породило противоположную арбитражную практику, создало правовую коллизию: положения п. 10 ст. 101 НК РФ противоречат положениям ст. 46, 70, 76 НК РФ.

Фраза, содержащаяся в п. 10 ст. 101 НК РФ, «приостановление операций по счетам в банке в порядке, установленном ст. 76 Кодекса» противоречит всему механизму взыскания налогов, заложенному в ст. 46–47, 70, 76 НК РФ. На практике это ведет к тому, что в случае оспаривания решения налогового органа по итогам проверки, длящегося более года, приостановление операций по счетам, действующее с момента принятия и до отмены судом последней инстанции, разрешившим налоговый спор, из оборота налогоплательщика выводятся огромные финансовые ресурсы, так необходимые предприятию особенно в нынешних условиях, ухудшают их финансовое состояние.

По нашему мнению, данный вопрос является актуальным для всех налогоплательщиков. Необходимо его на законодательном уровне отрегулировать: нельзя лишать налогоплательщика права распоряжаться своими средствами по решению налогового органа, не вступившему в силу.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353812/ (дата обращения: 26.12.2020).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 26.12.2020).
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151174/ (дата обращения: 26.12.2020).
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16551/11 по делу № А41-36076/10 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=281582#07205772059860538> (дата обращения: 26.12.2020).
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 25.12.2012 № 10765/12 по делу № А64-6176/2011 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=326322#05388379498975298> (дата обращения: 26.12.2020).
6. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.11.2008 № А05-4463/2008 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=94522#017828863674160256> (дата обращения: 26.12.2020).
7. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.05.2011 № А53-22042/2010 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=72667#06658721209202529> (дата обращения: 26.12.2020).
8. Зарипов, В. М. Налоговые угрозы стабильности бизнеса и меры по их устранению // Известия Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2011. – № 1 (11). – С. 208–213.
9. Зотиков, Н. З. Направления совершенствования налогового администрирования // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2017. – № 5. – С. 33–42.
10. Львов, Я. А. Применение налоговыми органами обеспечительных мер во внесудебном порядке // Налоговые споры: теория и практика. – 2009. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.audit-it.ru/articles/account/court/a53/188579.html> (дата обращения: 26.12.2020).
11. Орлова, Н. Ю. Новые подходы к контролю за исполнением обязанности по уплате налогов и сборов // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 7 (59). – С. 98–103.
12. Пантюшов, О.В. Приостановление операций по расчетному счету налогоплательщика // Вестник арбитражной практики. – 2015. – № 4 (59). – С. 9–17.

13. Серебрякова, В. С. Проблемы правового регулирования приостановления операций по счетам налогоплательщиков в банках // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 25 апреля 2019 г. / отв. ред.: Г. Ю. Гуляев. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 96-98.
14. Сокол, Р. В. Приостановление операций по счетам в банках как способ обеспечения исполнения налоговой обязанности // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 36 (8). – С. 82-86.
15. Смородина, А. Е. Обеспечительные меры: как налоговики подстраховываются от неуплаты доначисленных сумм // Главная книга: журнал готовых решений для бухгалтера. – 2013. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glavkniga.ru/elver/2013/12/1087obespechitelnie_meri_nalogoviki_podstrakhovivautsja_neuplati_donachis (дата обращения: 26.12.2020).
16. Кузнецова, Т. ВС проверит законность обеспечительных мер ФНС, обоснованных привлечением компании к ответственности // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-proverit-zakonnost-obespechitelnykh-mer-fns-obosnovannykh-privlecheniem-kompanii-k-otvetstvennost/> (дата обращения: 26.12.2020).
17. Макаров, Д. Обеспечительные меры: правомерность применения // Предпринимательство и право: информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=951> (дата обращения: 26.12.2020).
18. Налоговая аналитика // ФНС России: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm> (дата обращения: 26.12.2020).
19. Хочуев, В. В. Применение обеспечительных мер в налоговой сфере // ФНС России: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn07/news/tax_doc_news/4319751/ (дата обращения: 26.12.2020).
20. Шестакова, Е. Обеспечительные меры по результатам налоговой проверки // Налоги и право: повышение юридических знаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawedication.com/blog/2013/12/16/obespechitelnye-mery-po-rezultatam-nalogovoj-proverki/> (дата обращения: 26.12.2020).

References

1. Tax Code of the Russian Federation (part one), dated on July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended, dated on November 23, 2020), *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353812/ (accessed 26.12.2020). (In Russian).
2. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, dated on July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended, dated on December 8, 2020), *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (accessed 26.12.2020). (In Russian).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, dated on July 30, 2013 No. 57 "On Some Issues Arising from the Application by Arbitration Courts of Part One of the Tax Code of the Russian Federation", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151174/ (accessed 26.12.2020). (In Russian).
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, dated on April 24, 2012 No. 16551/11 on case No. A41-36076/10, *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=281582#07205772059860538> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
5. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, dated on December 25, 2012 No. 10765/12 on case No. A64-6176 / 2011, *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=326322#05388379498975298> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
6. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North-West District, dated on November 27, 2008 No. A05-4463/2008, *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=94522#017828863674160256> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
7. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North Caucasian District, dated on May 26, 2011 No. A53-22042/2010, *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=72667#06658721209202529> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
8. Zaripov V. M. Tax threats to business stability and measures to eliminate them, *Proceedings of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2011, no. 1 (11), pp. 208-213. (In Russian).
9. Zotikov N. Z. Directions for improving tax administration, *Bulletin for Professional Accountants*, 2017, no. 5, pp. 33-42. (In Russian).

10. L'vov Ya. A. Extrajudicial application of interim measures by tax authorities, *Nalogovye spory: teoriya i praktika*, 2009, no. 4. Available at: <https://www.audit-it.ru/articles/account/court/a53/188579.html> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
11. Orlova N. Yu. New approaches to control over the fulfillment of the obligation to pay taxes and fees, *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 7 (59), pp. 98-103. (In Russian).
12. Pantyushov O. V. Suspension of operations on the taxpayer's current account, *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2015, no. 4 (59), pp. 9-17. (In Russian).
13. Serebryakova V. S. Problems of legal regulation of suspension of transactions on taxpayers' accounts with banks, *Modern Jurisprudence: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of the XIX International Scientific and Practical Conference, Penza, April 25, 2019*, responsible editor G. Yu. Gulyaev, Penza, Nauka i Prosveshchenie 2019, pp. 96-98. (In Russian).
14. Sokol R. V. Suspension of operations on bank accounts as a way to ensure the fulfillment of tax obligations, *Domestic jurisprudence*, 2016, no. 36 (8), pp. 82-86. (In Russian).
15. Smorodina A. E. Interim measures: how tax authorities are insured against non-payment of additionally charged amounts, *Glavnaya kniga: zhurnal gotovykh reshenii dlya bukhgaltera*, 2013, no. 12. Available at: https://glavkniga.ru/el-ver/2013/12/1087obespechitelnie_meri_nalogoviki_podstrakhovivautsja_neuplati_donachis (accessed 26.12.2020). (In Russian).
16. Kuznetsova T. VS will check the legality of the interim measures of the Federal Tax Service, justified by bringing the company to responsibility, *Advokatskaya gazeta*. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-proverit-zakonnost-obespechitelnykh-mer-fns-obosnovannykh-privlecheniem-kompanii-k-otvetstvennost/> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
17. Makarov D. Interim measures: legality of application, *Predprinimatel'stvo i pravo: informatsionno-analiticheskii portal*. Available at: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=951> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
18. Tax analytics, *Federal Tax Service of Russia: official website*. Available at: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm> (accessed 26.12.2020). (In Russian).
19. Khochuev V. V. Application of interim measures in the tax sphere, *Federal Tax Service of Russia: official website*. Available at: https://www.nalog.ru/rn07/news/tax_doc_news/4319751/ (accessed 26.12.2020). (In Russian).
20. Shestakova E. Interim measures based on the results of a tax audit, *Nalogi i pravo: povyshenie yuridicheskikh znanii*. Available at: <https://lawedication.com/blog/2013/12/16/obespechitelnye-mery-po-rezultatam-nalogovoj-proverki/> (accessed 26.12.2020). (In Russian).

УДК 338.124.4 JEL Z18

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-109-116

Курапов Дмитрий Александрович

студент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0608-4327

e-mail: Kurapov.99@yandex.ru

Конусова Анастасия Андреевна

студент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4857-421X

e-mail: aak03@mail.ru

Халимон Екатерина Андреевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9480-3466

e-mail: guu.konf@yandex.ru

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА МЕР, ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ ВЛАСТИ ДЛЯ ВЫХОДА ЭКОНОМИКИ РОССИИ ИЗ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Эпидемия COVID-19 стала серьезным испытанием для экономик всех стран мира. Последствия борьбы с распространением вируса привели к серьезным осложнениям в экономике России. В данной статье проведен анализ мер, предпринимаемых федеральным и региональными правительствами, направленных на сдерживание уровня распространения пандемии, а также поддержания экономики России и ее субъектов. Представлен зарубежный опыт по принимаемым мерам и сравнительный анализ между странами. Кроме того, исследовано влияние принимаемых государственных решений и их эффективность на основе научных статей, оценок и статистики, опубликованных в средствах массовой информации, прогнозах Министерства экономического развития Российской Федерации, отчетах Федеральной службы государственной статистики.

Ключевые слова: пандемия, кризис, экономика России, антикризисные меры, Правительство России, бизнес, бюджет, ограничения

Для цитирования: Курапов Д.А., Конусова А.А., Халимон Е.А. Анализ и оценка мер, предпринимаемых на федеральном и региональном уровнях власти для выхода экономики России из пандемии // Вестник университета. 2021. № 2. С. 109–116.

ANALYSIS AND EVALUATION OF MEASURES TAKEN AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS OF GOVERNMENT FOR THE EXIT OF THE RUSSIAN ECONOMY FROM THE PANDEMIC

Abstract. The COVID-19 epidemic has become a serious challenge for the economies of all countries of the world. The consequences of the fight against the spread of the virus have led to serious complications in the Russian economy. This article analyses the measures taken by the federal and regional governments aimed at curbing the spread of the pandemic, as well as supporting the economy of Russia and its subjects. The paper presents foreign experience on the measures taken and a comparative analysis between the countries. In addition, the authors study the influence of government decisions and their effectiveness on the basis of scientific articles, estimates and statistics published in the mass media, forecasts of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, reports of the Federal State Statistic Service.

Keywords: pandemic, crisis, Russian economy, anti-crisis measures, the Government of the Russian Federation, business, budget, restrictions

For citation: Kurapov D.A., Konusova A.A., Khalimon E.A. (2021) Analysis and evaluation of measures taken at the federal and regional levels of government for the exit of the Russian economy from the pandemic. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 109–116. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-109-116

Dmitry A. Kurapov

Student, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0608-4327

e-mail: Kurapov.99@yandex.ru

Anastasia A. Konusova

Student, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4857-421X

e-mail: aak03@mail.ru

Ekaterina A. Khalimon

Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9480-3466

e-mail: guu.konf@yandex.ru

Введение

Уже более года мировая экономика переживает последствия пандемии, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2. Для специалистов всех областей было крайне затруднительно спрогнозировать, к чему приведет вспышка инфекции, и как это отразится на экономике, которую за довольно короткий срок постигли сразу несколько кризисов: финансовый, кризис системы здравоохранения, и нефтяной. Негативные последствия варьировались от резкого сокращения валового внутреннего продукта (далее – ВВП) во многих странах до многомерных экологических и социальных проблем во всех слоях общества [5]. Во многих отношениях социально-экономическая деятельность прекратилась: миллионы людей были помещены в карантин; границы были закрыты; образовательные учреждения, торгово-развлекательные центры, спортивные комплексы закрыты; работоспособность автомобильной/авиационной, производственной и туристической отраслей нарушена; торговые ярмарки/спортивные/развлекательные мероприятия отменены, а количество заявлений по безработице достигло миллионов.

Потери и меры, предпринятые для выхода из кризиса

Всего за несколько месяцев кризис COVID-19 привел к крупным организационным изменениям в мировой экономике. Компании во всех секторах ведут бизнес, перейдя на цифровые технологии во взаимоотношениях с клиентами и в планировании цепей поставок товаров, а также в других сферах деятельности. Чтобы оставаться конкурентоспособными в этой сложившейся деловой и экономической среде, требуются нестандартные стратегии и методы. Руководители многих компаний признают цифровые технологии важнейшим компонентом ведения бизнеса, а не просто источником повышения эффективности финансовой деятельности и как предоставление новых возможностей – использование передовых технологий и инноваций.

Вызванная последствиями вируса экономическая рецессия стала еще более серьезным испытанием для России, остро пострадавшей от спада цен на нефть. По итогам года ВВП упал на 3,1 %, а его объем в текущих рыночных ценах составил 106 606,6 млрд руб., о чем свидетельствует первая оценка Росстата [15].

Выход России из пандемийного кризиса стал важнейшей задачей для Правительства России и региональных органов управления, а сложность задачи обусловлена тем, что обрушение экономических показателей вызвано не только экономическими, но и социальными, медицинскими факторами. Нехватка мест для лечения, неподготовленность медицины к пандемии такого уровня, необходимость ограничения режима работы многочисленных организаций, сопротивление со стороны общества вводимым ограничениям – все эти и многие другие факторы предопределили сложность поддержания экономических показателей.

Деловая активность в экономике России серьезно пострадала от кризиса, вызванного пандемией, вследствие предпринимаемых государством мер борьбы с распространением вируса. Снизился показатель ВВП, сократились реальные доходы населения, возрос уровень безработицы, ухудшился инвестиционный климат. Факторами, оказавшими наиболее значимое влияние на экономику страны, стали:

- 1) понижение потребительского спроса на 5 % по сравнению с данными за предыдущий год;
- 2) снижение чистого экспорта на 5,1 %;
- 3) снижение добавленной стоимости товаров и услуг организаций, функционирующих в сферах обслуживания, таких как: предприятия общественного питания, спортивные и культурные учреждения, транспортно-логистические организации и т. п.;
- 4) дефляция на нефтяном рынке и падение уровня добычи нефтегазовых продуктов вследствие как пандемийного кризиса, так и снижения цен на нефть зарубежными организациями согласно условиям сделки ОПЕК+. Индекс-дефлятор зафиксировал падение на 17,9 %. Общая добыча сократилась на 10,3 %;
- 5) возросшие расходы на здравоохранение;
- 6) увеличение спроса на услуги финансовых организаций и, как следствие, увеличение их добавленной стоимости на 7,9 % [16].

В силу ослабления рубля в начале 2020 г. увеличилась инфляция, и выросли потребительские цены: в июле рост инфляции был зафиксирован на уровне 3,4 %, на конец года – 3,8 % [7; 17]. Ожидается, что стабилизация темпов роста инфляции будет достигнута за счет постепенного восстановления потребительского спроса и отложенной индексации регулируемых цен и тарифов в ряде регионов.

Стратегии и политические решения, принятые различными странами для борьбы с COVID-19, варьировались в зависимости от степени тяжести последствий и продолжительности пандемии, в течение которой ресурсы были ограничены. Так, страны, на долю которых приходится 65 % мирового производства и экспорта (например, Китай, США, Корея, Япония, Франция, Италия и Великобритания), наиболее пострадали от COVID-19. Учитывая уровень неподготовленности и недостаточную оснащенность больниц, многие политические акценты были направлены на закупку медицинского оборудования, такого как средства индивидуальной защиты и аппараты искусственной вентиляции легких из-за их глобального дефицита.

В связи с решением Правительства России о введении режима нерабочих дней и ограничения деятельности некоторых видов организаций значительно сократилась экономическая активность. После снятия данного режима деловая активность по оценке Министерства экономического развития Российской Федерации начала восстанавливаться достаточно быстрыми темпами. Для нормализации экономики было предпринято множество мер поддержки доходов населения и снижения издержек бизнеса, направленных на обеспечение возможности сохранения занятости работников. Бюджетные расходы на реализацию программ стимулирования экономики увеличились, были задействованы средства фонда национального благосостояния, проведены действия по переопределению приоритетов расходных статей бюджета [17].

По данным Росстата, российская экономика пострадала от пандемии меньше, чем большинство зарубежных стран. Например, ВВП США в 2019 г. снизился на 3,5 %, ВВП Германии – на 5 %, а ВВП Франции – на 8,3 % [17]. Данные цифры свидетельствуют о том, что государственные меры в России сдерживания оказались более эффективными, чем в ряде других стран. Однако, не исключено, что в результате дальнейшего анализа поступающих данных, показатель ВВП может быть скорректирован.

Исходя из анализа экономических показателей и сравнения с показателями в других странах, можно отметить, что Россия прошла период пандемии лучше, – это результат мер, предпринятых Правительством и Банком России по поручению Президента России [17; 18].

Субъекты России также ввели на своей территории следующие меры поддержки, связанные с освобождением от уплаты или снижением ставки налога на имущество для налогоплательщиков, ведущих деятельность в пострадавших отраслях; льготы или отсрочки по налогу на имущество для арендодателей; освобождение от уплаты транспортного налога и другие меры [1; 2; 3; 6; 10; 11]. Конкретные механизмы льготирования, а также круг получателей льгот варьируются в зависимости от региона [9; 13]. Следует отметить, что льготы по аренде имущества и субсидии являются одними из самых распространенных мер поддержки, менее задействована ставка налога, исчисляемого исходя из кадастровой стоимости.

Очевидно, что краткосрочная политика, направленная на преодоление остроты пандемии, вряд ли будет устойчивой моделью в долгосрочной перспективе.

Стоит отметить, что изменения в поведении потребителей, связанные с социальным дистанцированием, повлекли за собой сильный рост онлайн-покупок, что принесло пользу крупным игрокам, но серьезно повредило малым и средним предприятиям, которые не были готовы к онлайн-услугам и доставке своей продукции. В исследовании, проведенном компанией «Мегаплан» среди 1,4 тысяч респондентов, указано, что больше половины представителей российского малого и среднего бизнеса не воспользовались предложенными властями мерами поддержки [8].

Из отчета Минфина России стало известно, что расходы федерального бюджета по итогам 2020 года составили 22,82 трлн руб. Это на 1 трлн руб. меньше уточненных предельных расходов. Дефицит бюджета оказался лучше, чем ожидалось, а именно 3,8 % ВВП. В тот же момент общие доходы бюджета 2020 г. составили 18,72 трлн руб. – на 7,3 % меньше, чем в 2019 г. Снижение доходов прежде всего связано с нефтегазовыми доходами, которые упали на 33,9 % к предыдущему году. Однако поступления, не относящиеся к нефтегазовым, несмотря на пандемию, выросли на 1,3% даже без учета 1 трлн руб., которые правительство единовременно получило от Банка России в рамках сделки по покупке контрольного пакета акций Сбербанка [12].

В настоящее время существенно корректируются традиционные представления о логике и направленности анализа современных проблем социально-экономического развития [4]. Исполнение национальных проектов за 2020 г. имеет неравномерный характер, что во многом объясняется пандемией COVID-19 [19]. В таблице 1 продемонстрированы все изменения расходов бюджета на реализацию федеральных программ под давлением наступившего кризиса.

Изменения расходов на нацпроекты 2020–2021 гг.

Национальный проект	2020 г., млрд руб.	2021 г., млрд руб.	2020 г., млрд руб. (изм.)	2021 г., млрд руб. (изм.)
Демография	613,7	633,2	552,033 (-10 %)	569,88 (-10 %)
Здравоохранение	312,5	252,8	343,75 (+10 %)	278,08 (+10 %)
Образование	127,9	136,4	115,11 (-10 %)	136,4
Жилье и городская среда	106,5	108,4	95,85 (-10 %)	108,4
Экология	76,7	126,9	69,03 (-10 %)	126,9
Безопасные и качественные автомобильные дороги	104,3	124,8	93,87 (-10 %)	124,8
Производительность труда и поддержка занятости	6,9	6,9	6,21 (-10 %)	6,9
Наука	47	55,1	35,25 (-25 %)	44,08 (-20 %)
Цифровая экономика Российской Федерации	124,2	177,9	93,15 (-25 %)	142,32 (-20 %)
Культура	17,2	20,3	15,48 (-10 %)	20,3
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	49,9	47,5	44,91 (-10 %)	47,5
Международная кооперация и экспорт	74,5	124	55,875 (-25 %)	99,2 (-20 %)
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г.	337,2	404,5	303,48 (-10 %)	404,5
Итого	1 999	2 219	1 824,3	2 109,26

Составлено авторами по материалам исследования

Проанализировав предпринятые властью в связи с замедлением экономической деятельности из-за ограничений, вызванных пандемией COVID-19 меры по борьбе с распространением вируса и поддержании экономики страны, можно с уверенностью сказать, что они оказались достаточно эффективны [14]. Об этом свидетельствуют как сравнительные данные по падению ВВП России и других стран, так и внутренние макроэкономические показатели. Удалось сохранить макроэкономическую стабильность, динамику цен на нефть, сохранить возможность существования множества бизнесов, а также выйти на положительную динамику падения количества заражений. Это результат множества государственных программ и переориентирования бюджета. Многие макроэкономические показатели к 2021 г. оказались выше, чем прогнозные. Курс рубля на текущий момент можно считать практически стабилизировавшимся – рубль все еще недооценен инвесторами вследствие пессимистической настроенности инвесторов и завышенной оценки рисков. Существенные инфляционные риски отсутствуют, динамика потребительского спроса восстанавливается, объемы кредитования бизнеса не упали.

Несмотря на то, что не все организации сумели получить помощь от государства, нельзя говорить о неэффективности принятых решений, поскольку причиной этому послужили отказы в выделении средств банками и продлении арендных каникул арендодателями, а также возросший уровень бюрократии вследствие обработки множества заявок.

Кризис COVID-19 является переломным моментом исторических масштабов, и некоторые важные уроки можно извлечь из уже предпринятых организациями мер. Одна из них заключается в важности обучения сотрудников, как тактически, в процессе внесения конкретных изменений в бизнес (какие технологии выполнять и как), так и организационно (как управлять изменениями в темпе, который намного превосходит предыдущий опыт). Оба типа обучения имеют решающее значение, поскольку темпы изменений вряд ли замедлятся.

Национальные стратегии стран, разрабатываемые в 2021 г., представляют собой дорожные карты, которые помогут им выйти из тяжелого экономического положения. В них излагается план действий всех уровней власти и правительства, и в самом общем виде может быть представлен, как следующие пять направлений развития:

- восстановление и развитие образовательной системы;
- комплексное улучшение инфраструктуры здравоохранения;
- реализация программ по доступности медицинских услуг населению;

- развитие транспортной инфраструктуры;
- восстановление экономического положения страны на мировой арене.

Для реализации национальных стратегий были созданы управления, координационные советы, штабы и комиссии, которые следили за планомерным достижением поставленных целей, занимались мониторингом и оценкой эффективности принятых мер.

Два фактора, которые помогут странам в социально-экономическом восстановлении - это высокий уровень эффективного прозрачного государственного управления, обеспечивающий благоприятные экономические условия для развития, и социальная сплоченность. Особенное внимание правительств должно быть направлено на смягчение налоговой нагрузки, финансирование инициатив по восстановлению экономики, уменьшение уровня безработицы и налаживание международного сотрудничества. Данные меры позволят не допустить высокую инфляцию и экономическую нестабильность.

Согласно анализу, проведенному Институтом экономики и мира в июне 2020 г., по имеющимся опубликованным данным, Китай, Индонезия, Россия, Мексика и Австралия являются странами с наилучшим состоянием экономик до пандемии и предпосылками, способствующими их восстановлению [20]. Однако это не означает, что восстановление будет быстрым или легким, а лишь то, что страны с благоприятными экономическими предпосылками находятся в лучшем положении по сравнению с другими.

Отдельно необходимо проанализировать шаги, предпринятые правительствами на поддержку экономики. Смягчение последствий пандемии истощило бюджетные резервы многих стран, ограничив возможности для маневра. Долгосрочные экономические последствия блокировок также затрудняют прогнозирование восстановления мирового ВВП. Глобальная экономика больше не может позволить себе роскошь полагаться только на монетарные и фискальные рычаги, и приоритет должен быть отдан улучшению долгосрочных перспектив роста. Для стимулирования такого роста и обеспечения устойчивости потребуются структурные реформы, такие как создание устойчивой инфраструктуры. Не меньшее значение будет иметь укрепление цифровой экономики и ускорение перехода к низко углеродной энергетике.

Правительствам также необходимо принять меры по сокращению экономического и цифрового неравенств регионов и наращиванию человеческого капитала посредством образования и профессиональной подготовки. Рынки труда должны стать более эффективными, чтобы больше людей имели возможность участвовать в рабочих процессах и компенсировать личные потери от кризиса.

Продолжение циркуляции вируса среди населения планеты в течение длительного периода времени представляется неизбежным, а последствия пандемии будут еще долго наблюдаться в экономиках различных стран и найдут свое отражение в стратегиях глобального сотрудничества и взаимных интересов, долгосрочного планирования, а также необходимости достижения оптимального баланса между зависимостью от аутсорсинга, импорта и местным производством. Цифровизация во всех сферах общественной жизни ускорится, особенно в тех сферах, которые были вынуждены бороться с падением прибыли путем переноса своей деятельности в онлайн. Может произойти перестройка цепочек создания стоимости из-за того, что страны с сырьевыми ресурсами используют пандемию для своего устойчивого роста и, вероятно, возникнет новый мировой порядок, не сформированный технологическим превосходством сверхдержав [21]. В ближайшее время вырастет потребность в государственной поддержке многих сфер экономики, в частности, в секторах малого и среднего бизнеса.

Проблемы, связанные с происхождением, развитием и последствиями различных локальных или глобальных эпидемий, резко обострились благодаря опыту COVID-19. Вместе они предполагают необходимость серьезного переосмысления не только готовности к пандемии и реагирования на нее, но и формирования научных теорий и накопления практического опыта для предотвращения эпидемий в рамках более широкого изучения политики взаимоотношений государства и граждан в экономических глобальных трансформациях.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ показал необходимость разработки таких подходов к социально-экономическому развитию, которые смогут предвидеть и реагировать на будущие неопределенные потрясения, будь то пандемии, изменение климата, финансовые потрясения или что-то другое. Особое внимание должно быть уделено политико-экономическим порядкам, которые в первую очередь создают риски и уязвимость

всей экономической системы. Постпандемийная трансформация означает принятие неопределенности и готовность к часто неуправляемым разнообразным альтернативам, которые позволяют экономическим, социальным и политическим системам трансформироваться в сторону более справедливых и устойчивых путей развития.

Вынесенные уроки сосредоточены на необходимости принятия фундаментальных, преобразующих изменений, преодоления неопределенности и подготовки к турбулентности в качестве центрального требования развития всех стран. Традиционные принципы менеджмента и государственного управления, выработанные после 1945 г., подчеркивали ориентированный на контроль подход, основанный на модернистском видении прогнозирования и планирования. Подобные модели развития были оспорены сложными последствиями пандемических заболеваний и дисбалансами в экономике и обществе.

Гуманитарный кризис в области здравоохранения, а также экономическое неравенство и нестабильность, которые он выявил, ощущались в Москве, Нью-Йорке, Лондоне так же сильно, как и в Найроби. Вопросы социальной защиты, базового дохода для устойчивого жизнеобеспечения, поддержки экономики, а также всеобщего медицинского обеспечения сегодня ставятся во всем мире.

Изучая опыт мер борьбы с COVID-19 и учитывая опыт прошлых эпидемий, необходимо признавать неудачи в извлечении уроков. Масштаб и глубина кризиса, а также его универсальность, возможно, означают, что на этот раз возникнут прогрессивные преобразования в государственном управлении социально-экономическим развитием стран. Если такие трансформационные изменения не произойдут, то будущие потрясения – а они обязательно произойдут – принесут еще больший хаос.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 (ред. от 16.10.2020) «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349344/ (дата обращения: 02.01.2021).
2. Постановление Правительства РФ от 10.04.2020 № 479 «О внесении изменений в перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350081/ (дата обращения: 02.01.2021).
3. Постановление Правительства РФ от 18.04.2020 № 540 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 434» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350641/ (дата обращения: 02.01.2021).
4. Бирюков, А. П., Брикошина, И. С., Лялин, А. М., Рыжов, И. В., Халимон, Е. А. Инновационная направленность и критерии развития современных экономических знаний // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 6. – С. 814-817.
5. Дмитриева, А. Д. Экономические последствия эпидемии COVID-19 // Молодой ученый. – 2020. – № 24 (314). – С. 174-177.
6. Земцов, С. П., Царева, Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. – 2020. – № 5. – С. 71-82.
7. Халимон, Е. А., Никитин, С. А. Приоритетные национальные проекты как инструмент решения сложных экономических задач // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – № 2. – С. 18-37.
8. Больше половины бизнеса не воспользовалось господдержкой в пандемию // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fdf99da9a79473a08d01560> (дата обращения: 02.01.2021).
9. В ВЭБе оценили влияние антикризисных мер на экономику и доходы россиян // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/27/07/2020/5f1d48d09a794735053c2fb5> (дата обращения: 02.01.2021).
10. Коронакризис – 2020: что будет и что делать? Сценарии развития и меры экономической политики / под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная миссия, 2020. – 45 с.
11. Меры поддержки населения и экономики на фоне эпидемии COVID-2019: по состоянию на 24 сентября 2020 г. // Deloitte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/mery-podderzhki-covid.pdf> (дата обращения: 02.01.2021).
12. Минфин подтвердил, что из бюджета в 2020 году не потратили 1 трлн руб. // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/21/01/2021/600947479a7947f2640c1188> (дата обращения: 02.01.2021).

13. Налоговые льготы и прочие формы государственной поддержки. Региональные меры поддержки в условиях COVID-19 // Deloitte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/tax/articles/covid-19-regions.html> (дата обращения: 02.01.2021).
14. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы // Эксперт РА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/#part4 (дата обращения: 02.01.2021).
15. О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/18.htm (дата обращения: 02.01.2021).
16. Падение экономики России из-за пандемии стало максимальным за 11 лет // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (дата обращения: 02.01.2021).
17. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/9a6d6da5fc3d74fd4fa96c03dbd3e3f2/15092020.pdf> (дата обращения: 02.01.2021).
18. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (дата обращения: 02.01.2021).
19. COVID-19 проредил национальные цели // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/07/27/5f16add29a7947246d35b6c0> (дата обращения: 02.01.2021).
20. COVID-19 and Peace // Vision of Humanity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 02.01.2021).
21. Ibn-Mohammed, T., Mustapha, K.B., Godsell, J., Adamu, Z., Babatunde, K. A., Akintade, D. D., Acquaye, A., Fujii, H., Ndiaye, M.M., Yamoah, F.A., Koh, S. A critical analysis of the impacts of COVID-19 on the global economy and ecosystems and opportunities for circular economy strategies // *Resources, Conservation and Recycling*. – 2021. – V. 164. – Pp. 105-169. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2020.105169>

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 434, dated on April 3, 2020 (as amended, dated on October 16, 2020) “On Approval of the List of Sectors of the Russian Economy Most Affected by the Deterioration of the Situation as a Result of the Spread of a New Coronavirus Infection”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349344/ (accessed 02.01.2021). (In Russian).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 479, dated on April 10, 2020 “On Amendments to the List of Sectors of the Russian Economy, the Worst Affected in the Deteriorating Situation Caused by the Spread of the New Coronavirus Infection”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350081/ (accessed 02.01.2021). (In Russian).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 540, dated on April 18, 2020 “On Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation No. 434, dated on April 3, 2020”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350641/ (accessed 02.01.2021). (In Russian).
4. Biryukov A. P., Brikoshina I. S., Lyalin A. M., Ryzhov I. V., Khalimon E. A. Innovative orientation and criteria for the development of modern economic knowledge, *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2019, no. 6, pp. 814-817. (In Russian).
5. Dmitrieva A. D. Economic consequences of the COVID-19 epidemic, *Molodoi uchenyi*, 2020, no. 24 (314), pp. 174-177. (In Russian).
6. Zemtsov S. P. Tsareva Yu. V. Trends in the development of the small and medium-sized enterprises sector in the context of the pandemic and crisis, *Russian Economic Developments*, 2020, no. 5, pp. 71-82. (In Russian).
7. Khalimon E. A., Nikitin S. A. Priority national projects as a tool for solving complex economic problems, *RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law*, 2020, no. 2, pp. 18-37. (In Russian).
8. More than half of the business did not use state support in the pandemic, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fdf99da9a79473a08d01560> (accessed 02.02.2021). (In Russian).
9. VEB assessed the impact of anti-crisis measures on the economy and incomes of Russians, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/27/07/2020/5f1d48d09a794735053c2fb5> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
10. *Coronacrisis – 2020: what will happen and what will be done? Scenarios of development and measures of economic policy*, edited by K. Rogov, Moscow, Liberal'naya missiya, 2020, 45 p. (In Russian).

11. Measures to support the population and economy against the background of the COVID-2019 epidemic: as of September 24, 2020, *Deloitte*. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/mery-podderzhki-covid.pdf> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
12. The Ministry of Finance confirmed that 1 trillion was not spent from the budget in 2020, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/21/01/2021/600947479a7947f2640c1188> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
13. Tax benefits and other forms of state support. Regional support measures in the context of COVID-19, *Deloitte*. Available at: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/tax/articles/covid-19-regions.html> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
14. National projects: expectations, results, prospects, *Expert RA*. Available at: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/#part4 (accessed 02.01.2021). (In Russian).
15. On the production and use of gross domestic product (GDP) for 2020, *Federal State Statistic Service: official website*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/18.htm (accessed 02.01.2021). (In Russian).
16. The decline of the Russian economy due to the pandemic was the highest in 11 years, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
17. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation, *Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website*. Available at: <https://www.economy.gov.ru/material/file/9a6d6da5fc3d74fd4fa96c03dbd3e3f2/15092020.pdf> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
18. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023, *Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website*. Available at: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
19. COVID-19 has thinned out national targets, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/07/27/5f16add29a7947246d35b6c0> (accessed 02.01.2021). (In Russian).
20. COVID-19 and Peace, *Vision of Humanity*. Available at: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed: 02.01.2021).
21. Ibn-Mohammed T., Mustapha K. B., Godsell J., Adamu Z., Babatunde K. A., Akintade D. D., Acquaye A., Fujii H., Ndiaye M. M., Yamoah F. A., Koh S. A critical analysis of the impacts of COVID-19 on the global economy and ecosystems and opportunities for circular economy strategies. *Resources, Conservation and Recycling*, 2021, vol. 164, pp. 105-169; <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2020.105169>.

Сальникова Анастасия Владимировна

канд. ист. наук, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Владимир, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0029-3125
e-mail: salnikova-av@mail.ru

Кудимова Юлия Андреевна

студент, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Владимир, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2378-8270
e-mail: juliavernner@mail.ru

КОНТРАФАКТ В МАРКЕТПЛЕЙС НА ПРИМЕРЕ «ВАЙЛДБЕРРИЗ»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Проанализировано распространение контрафактной продукции через маркетплейсы в России в условиях стремительного роста e-commerce, а также пандемии COVID-19. По результатам анализа статистических данных отчетов и докладов компаний и организаций, специализирующихся на исследованиях рынка контрафакта в России, сделан вывод о том, что маркетплейсы являются одним из каналов распространения контрафакта. Последствия реализации контрафакта онлайн негативно отражаются на государстве, недополучающем налоговые поступления в бюджет, правообладателях, теряющих прибыль и репутацию, а также на потребителях в виде вреда здоровью и угрозы жизни. Исследование работы одного из популярных маркетплейсов «Вайлдберриз» позволяет говорить об отсутствии заинтересованности маркетплейса как торговой онлайн-площадки в контроле за продавцами (поставщиками) товаров на предмет нарушения прав интеллектуальной собственности. Авторами статьи сделан ряд предложений по совершенствованию мер противодействия появлению и распространению контрафакта через маркетплейсы. Определено, что борьба с контрафактом должна осуществляться в комплексе и только при заинтересованном участии государства, правообладателей, покупателей и маркетплейсов.

Ключевые слова: контрафакт, маркетплейс, Вайлдберриз, онлайн-торговля, онлайн-ритейл, правообладатель, государство, покупатель, интернет, интеллектуальная собственность

Цитирование: Сальникова А.В., Кудимова Ю.А. Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы // Вестник университета. 2021. № 2. С. 117–123.

Anastasiya V. Sal'nikova

Cand. Sci. (History), Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nickolay Grigorievich Stoletovs, Vladimir, Russia
ORCID: 0000-0003-0029-3125
e-mail: salnikova-av@mail.ru

Yulia A. Kudimova

Student, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nickolay Grigorievich Stoletovs, Vladimir, Russia
ORCID: 0000-0002-2378-8270
e-mail: juliavernner@mail.ru

COUNTERFEIT GOODS IN THE MARKETPLACE ON THE EXAMPLE OF WILDBERRIES: PROBLEM STATEMENT

Abstract. The article analyses the distribution of counterfeit products through marketplaces in Russia in the context of the rapid growth of e-commerce, as well as the COVID-19 pandemic. Based on the analysis of statistical data of reports and reports of companies and organizations specializing in research of the counterfeit market in Russia, the paper concludes that marketplaces are one of the channels for the distribution of counterfeit goods. The consequences of selling counterfeit goods online have a negative impact on the state, which does not receive tax revenues to the budget, rights holders who lose their profits and reputation, as well as on consumers in the form of harm to health and threat to life. The study of the work of one of the popular marketplaces Wildberries allows us to speak about the lack of interest of the marketplace as an online trading platform in monitoring sellers (suppliers) of goods for violation of intellectual property rights. The authors of the article made a number of proposals to improve measures to counter the appearance and spread of counterfeit goods through marketplaces. The paper determines that the fight against counterfeiting should be carried out in a complex and only with the interested participation of the state, copyright holders, buyers and marketplaces.

Keywords: counterfeit, marketplace, Wildberries, online commerce, online retail, copyright holder, state, purchaser, Internet, intellectual property

For citation: Sal'nikova A.V., Kudimova Yu.A. (2021). Counterfeit goods in the marketplace on the example of Wildberries: problem statement. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 117–123. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-117-123

Введение

Онлайн-торговля прочно вошла в жизнь современного человека и продолжает развиваться с огромной скоростью. В 2020 г. российские покупатели чаще всего приобретали через сеть «Интернет» (далее – Интернет) одежду и обувь, опередив лидера 2019 г. – мобильные устройства. В пятерку лидеров онлайн-продаж вошли также косметика и парфюмерия, игрушки и товары для хобби [15; 17]. Пандемия коронавирусной

© Сальникова А.В., Кудимова Ю.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Sal'nikova A.V., Kudimova Yu.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

инфекции COVID-19 еще больше расширяет масштабы рынка e-commerce. В Интернете активно приобретаются продукты питания, лекарства, запчасти для автомобилей и иные категории товаров.

Одним из лидеров онлайн-торговли является маркетплейс «Вайлдберриз» (англ. Wildberries), аудитория покупателей которого с января по сентябрь 2020 г. увеличилась примерно на 12 млн и достигла 34 млн зарегистрированных пользователей. За 2020 г. ассортимент товаров на «Вайлдберриз» увеличился на 78 %, число продавцов выросло в 3,5 раза (до 58,5 тыс.) [18].

Несмотря на выгоды онлайн-торговли в современных условиях, значительно возрастает риск приобретения контрафактных товаров. В 2018 г. поддельной электроникой торговали почти 80 % онлайн-площадок [9]. С каждым годом количество контрафакции в онлайн по прогнозам специалистов будет только расти. В 2019 г. оборот контрафактной непродовольственной продукции в России в целом достиг 5,2 трлн руб. или 4,7 % валового внутреннего продукта страны. Наиболее подделываемыми категориями оказались: детские игрушки – 35 %, одежда и обувь – 29 %, мелкая потребительская электроника и аксессуары, включая наушники, зарядки, чехлы – 17,5 %, батарейки – 15 %, бытовая химия – 12,5 % и парфюмерия – 10 %. Именно эти товары активно реализуются через различные маркетплейсы. До 70 % товаров, реализуемых через маркетплейсы, являются контрафактными [14].

Целью данной статьи является исследование контрафакта в маркетплейсах, как одном из каналов его распространения, и разработка мер по противодействию этому явлению в современных условиях. В связи с этим представляется необходимым изучить работу одного из ведущих маркетплейсов – «Вайлдберриз» и проанализировать применяемые меры по борьбе с контрафактом.

Литературный обзор

Стремительное развитие e-commerce в целом вызывает значительный интерес к теме, что обуславливает появление как комплексных работ по электронной торговле, так и узкоспециализированных трудов. Основное внимание приковано к развитию интернет-торговли, анализу ее преимуществ и недостатков, выявлению трендов рынка онлайн-ритейла, его стоп-факторов и структуры, изучению опыта e-commerce в различных странах [3–6]. Проблеме обеспечения таможенными органами защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в рамках электронной торговли посвящена работа С. А. Агамагомедовой и Ю. Е. Котовой [2]. Одной из актуальных остается тема распространения контрафакта онлайн. Ее активно изучают компании, специализирующиеся на защите интеллектуальной собственности и борьбе с контрафактом (например, BrandMonitor), а также Ассоциация компаний интернет-торговли и многие другие.

Теория и методы

В своем исследовании авторы опирались на доклады и отчеты организаций, проводящих исследования контрафактных рынков и содержащих актуальные статистические массивы данных по теме, а также на судебную практику по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности. Анализ имеющихся эмпирических данных в поименованных отчетах и докладах, а также сравнение практики противодействия контрафакту разными маркетплейсами, правительствами иностранных государств стали основными методами данного исследования.

Понятие «маркетплейс» (от англ. market place) означает «рынок в интернет-пространстве». Это электронная торговая площадка, сайт-рынок, на котором свои товары предлагает огромное количество продавцов. Маркетплейс является посредником между продавцом и покупателем, выступает гарантом безопасности и честности торговых сделок. Покупатели, таким образом, имеют возможность хорошего выбора, а продавцы – доступ к широкой аудитории покупателей. Маркетплейс можно сравнить с торговым центром или рынком офлайн. Преимуществом предложения товара через маркетплейс перед продажей в обычном интернет-магазине является отсутствие у продавца необходимости реализовывать доставку товара потребителю, создавать и продвигать сайт интернет-магазина и т. д. Покупатели могут в одном месте совершить покупки самых разных категорий товаров. В отличие от интернет-магазинов, например, «Эльдорадо» (сеть бытовой техники и электроники), маркетплейс представляет собой место, где размещаются продавцы из разных сфер и с разными товарами. Все это, несомненно, делает маркетплейсы более привлекательными и популярными.

Обсуждение результатов

Крупнейшей торговой площадкой в России в 2020 г. с выручкой 85 млрд рублей признан маркетплейс «Вайлдберриз». Основанная в 2004 г. площадка для продажи товаров быстро набрала огромную популярность среди покупателей. Популярность этого маркетплейса среди покупателей объясняется рядом факторов: первенство на рынке, простота использования сервиса, ставка на самое востребованное (одежда), удобство дистрибуции (наличие примерки и прием отказов от покупки), скорость доставки, которая в зависимости от расположения складов маркетплейса осуществляется в среднем за 1–2 дня. Рост популярности «Вайлдберриз» вызывает и приток контрафактной продукции.

Крупными маркетплейсами в России сегодня являются также Ozon, «Яндекс.Маркет» и Lamoda. Они предлагают широкий ассортимент товара разных категорий, среди которых может скрываться контрафактная продукция. В результате контрольной закупки товара компанией BrandMonitor в 50 популярных маркетплейсах России было выявлено, что 70 % товара – контрафакт, который не соответствовал заявленному качеству, либо был реализован с нарушением прав на товарный знак [9]. По данным специального исследования, российский рынок люксового контрафакта составил в 2018 г. 280 млрд руб., что на 30 млрд руб. больше легального рынка люксовых продаж. На онлайн-торговлю контрафактным люксом в России приходится около 84 млрд руб., из которых 25 млрд руб. – продажи через соцсети и маркетплейсы. На торговлю через Интернет приходится и треть общего ущерба компаниям, производящим оригиналы [12].

О присутствии контрафакта на маркетплейсе «Вайлдберриз» свидетельствуют многочисленные судебные разбирательства, где истцами выступают как правообладатели, так и покупатели, а также отзывы покупателей с жалобами на приобретение контрафакта на данном маркетплейсе.

В 2019 г. правообладатель товарного знака «Ждун» в России ООО «Си Ди Лэнд Контакт» подал иск о взыскании 5,2 млн руб. с компании ООО «Вайлдберриз» [19]. Причиной претензии стало то, что на сайте «Вайлдберриз» продается детский набор по изготовлению куклы «Ждун». Дело о нарушении прав на товарный знак «Ждун» было прекращено, так как стороны смогли договориться и прийти к решению об удалении с маркетплейса товара, нарушающего исключительное право на товарный знак «Ждун» и размещение в маркетплейсе оригинального товара производителя [8].

Чтобы стать одним из продавцов маркетплейса «Вайлдберриз», необходимо множество документов, среди которых:

- документы об ИП, ООО, ПАО продавца;
- документы, подтверждающие согласие правообладателей на продажу товаров конкретных торговых марок (соглашения, договора, лицензии и прочее);
- свидетельство на зарегистрированный товарный знак;
- для производителей необходимо иметь паспорта, сертификаты, свидетельства другие документы на продукцию.

Несмотря на объем документов, предоставляемых продавцом для начала работы с торговой площадкой «Вайлдберриз», проблема наличия контрафакта продолжает быть актуальной. Это говорит о том, что маркетплейс не осуществляет должный контроль за продавцами, чьи товары предполагается разместить для продажи.

У продавца бренда Converse, который представлен на торговой онлайн-площадке, в продаже появилась модель кроссовок, не представленная на официальном сайте Converse.com, а также в официальном каталоге товаров сайта. Следует, что под видом известной на рынке фирмы продавец выдает подделку, которая не имеет к оригинальному товару никакого отношения, а маркетплейс «Вайлдберриз» не следит за реализуемым товаром.

Для проверки каждого потенциального продавца необходим огромный штат юристов и патентных поверенных, которые могут проверять регистрацию товарного знака, нанесенного на реализуемый товар, в Роспатенте. Также нужно иметь и оплаченный доступ к многочисленным базам Роспатента [7]. Поэтому маркетплейс либо не сотрудничает с продавцами, чьи товарные знаки еще не зарегистрированы и не внесены в реестр Роспатента (например, так поступает маркетплейс Lamoda), либо включает в договор пункт об ответственности за контрафакт продавца (например, договор «Вайлдберриз» с продавцами, по которому вся ответственность за контрафакт или бракованный товар ложится исключительно на конкретных продавцов). Компания «Вайлдберриз» снимает с себя ответственность за контрафакт, перекладывая ее на продавцов товара, благодаря наличию

в договоре пункта о том, что продавец отвечает, что его товары не нарушают исключительное право на чужие товарные знаки, а в случае нарушения обязуется компенсировать маркетплейсу связанные с этим убытки.

В случае нарушения исключительного права правообладатель может написать жалобу администрации маркетплейса с требованием блокировки нарушителя (как товара, так и самого поставщика). По своему желанию правообладатель далее может подать заявления в ФАС России, полицию, а также обратиться в суд с иском и потребовать конфискации товара, взыскания компенсации в размере от 10 тыс. до 5 млн руб. [1, ст. 1515]. За нарушение отвечает маркетплейс, через который происходит реализация контрафакта. Впоследствии маркетплейс взыскивает понесенные разбирательствами убытки с продавца (поставщика контрафактного товара). Сомнительно, что маркетплейс может быть заинтересован как в тщательных проверках продавцов, так и в снижении размера требуемой компенсации в связи с возможностью компенсировать за счет продавцов свои затраты.

Стало возможным и привлечение к солидарной ответственности маркетплейса и продавца. Если одно нарушение исключительного права совершено действиями нескольких лиц совместно, то такие лица отвечают перед правообладателем солидарно [1, п. 6.1, ст. 1252]. Эта норма введена в законодательство в 2014 г. и позволяет привлекать к ответственности лицо, которое участвовало в нарушении исключительного права лишь косвенно. Однако солидарный должник в таком случае может быть привлечен к ответственности в полном объеме.

Реализация контрафактной продукции влечет негативные последствия как для правообладателей, так и для покупателей. Чтобы не стать обладателем контрафактного или некачественного товара потребителям следует проявлять должную предусмотрительность, например, не покупать брендовые вещи на маркетплейсах, так как настоящие фирменные вещи продаются только в фирменных магазинах или на официальных сайтах. Фирменная вещь также не может стоить дешево. Часто на официальных сайтах брендовых вещей указаны рекомендуемые цены для розничной продажи. Продавцы контрафакта объясняют более низкие цены распродажами, «черными пятницами» и т. д. Ранее компания «Вайлдберриз» в ответ на запросы потребителей о качестве продукции отсылала их на раздел своего сайта, в котором были собраны все сертификаты на продукцию. С 2020 г. компания предоставляет сертификаты на конкретный товар только по личному запросу покупателя. На такой запрос служба поддержки «Вайлдберриз» отвечает следующее: «Номер сертификата Вы можете запросить самостоятельно, задав вопрос в карточке товара представителю бренда. Ответ от представителя будет предоставлен в течение трех дней в разделе личного кабинета «Профиль» – «Обратная связь» – «Вопросы к товару» или в разделе карточки товара «Вопросы». Узнать информацию по номеру сертификата Вы можете на сайте Федеральной службы по аккредитации» [16]. Такой алгоритм действий затрудняет процесс покупки, в результате чего многие покупатели не осуществляют такой проверки. Неумение потребителя разбираться в отличиях контрафакта от оригинала не должно снимать ответственность с маркетплейса.

Основную роль в борьбе с контрафактом, на наш взгляд, должна на себя взять сама торговая онлайн-площадка, на которой реализуется товар.

В целях борьбы с контрафактными товарами в рамках маркетплейса «Вайлдберриз» следует создать единую базу сертификатов соответствия на товар. При размещении товара на торговой площадке необходимо обязать продавца закреплять для каждого вида товара всю необходимую документацию, доступ к которой получить можно напрямую без дополнительных обращений к службе поддержки маркетплейса. Сертификаты соответствия являются основной гарантией качества товара для покупателей. В таком случае уже на этапе допуска продавца на маркетплейс будет собран полный комплект документации, включая зарегистрированный товарный знак продавца.

Следует предусмотреть ответственность маркетплейса за размещение и реализацию контрафактной продукции на своей торговой площадке. По этому пути идут Китай, Индия, США. По закону Китая с 1 января 2019 г. онлайн-ритейлеры обязаны сразу сообщать о выявленных нарушениях и изымать контрафакт или маркетплейс ожидает крупный штраф от 7 200 до 72 000 долл. США, а при наличии угрозы жизни и здоровью покупателей – до 288 000 долл. США. Индийские торговые площадки, согласно только еще рассматриваемому проекту закона, будут нести солидарную ответственность с продавцами контрафакта перед покупателями за размещение и реализацию контрафакта, выплачивая компенсацию покупателям, а не штраф государству. Кроме того, именно торговые площадки должны информировать клиентов о механизме подачи жалоб на контрафакт. Согласно новому закону США, принятому в марте 2020 г., именно ритейлеры несут ответственность за размещение контрафакта,

но только такого, который представляет риск для здоровья и безопасности потребителей, и в качестве наказания за это предусмотрен штраф [11].

Такая ответственность маркетплейса за размещение и продажу контрафакта (а не возможность взыскать компенсацию с продавца) будет стимулировать администрацию торговой площадки к тщательному подбору продавцов.

Необходимым представляется и введение со стороны государства запрета на рекламу контрафакта и привлечение к административной ответственности за это. На ряде youtube-каналов появляются ролики о том, где можно купить контрафакт, как продавать контрафакт, в том числе через маркетплейсы [14]. Блогеры часто через соцсети рекламируют реплики, которые также являются контрафактом.

Следует отметить такое перспективное направление противодействия контрафакту в онлайн-торговле, как использование искусственного интеллекта для поиска продаж контрафактных товаров как государством, так и брендами самостоятельно. Технологии искусственного интеллекта для повышения точности и скорости выявления противоправной информации, в том числе предложений о продаже контрафакта, начал применять Роскомнадзор [13]. Известен и опыт применения нейросетей в борьбе с контрафактом на платформе «Алибаба», а также Amazon [10]. Главными минусами автоматизации поиска продаж контрафакта в Интернете отмечают высокие затраты и большое количество времени на разработку таких поисковых систем.

Заключение

Онлайн-торговля стремительно укрепляет позиции на рынке товаров и услуг и завоевывает большую популярность своим удобством как для покупателей, так и для продавцов. Оборот товаров в маркетплейсах в 2020 г. достиг рекордных показателей, что открыло производителям контрафактной продукции дополнительный канал сбыта. Учитывая увеличивающиеся масштабы торговли контрафактом в России, проблему появления и распространения контрафакта следует решать системно. Проблему нарушения интеллектуальных прав правообладателей в онлайн-торговле возможно разрешить и контролировать при условии заинтересованности и участия в этом не только государства, правообладателей и потребителей, но и самих маркетплейсов, которые пока, очевидно, не вполне в этом заинтересованы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 05.01.2021).
2. Агамагомедова, С. А., Котова, Ю. Е. Проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в сфере интернет-торговли в России // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2014. – № 2 (10). – С. 19–26.
3. Оганесян, Л. Л., Фоменко, Е. В., Трубачев, И. С. Оценка современного состояния интернет-торговли в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 3. – С. 21–23.
4. Плискановская, М. И., Трохинова, П. А. Интернет-магазины как новая экономическая реальность // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 5. – С. 12–18.
5. Сайбель, Н. Ю., Сайбель, Я. В. Развитие интернет-торговли в России: преимущества и недостатки // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 10 (октябрь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/16218.htm> (дата обращения: 03.01.2021).
6. Трофимова, В. В. Развитие интернет-торговли в России и мире // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 2. – С. 42–45.
7. Башук, А. Что нужно знать о товарных знаках, чтобы продавать товары на маркетплейсах и не попасть в суд, на компенсации и штрафы // VC.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/legal/166935-chto-nuzhno-znat-o-tovarnyh-znakah-chtoby-prodatat-tovary-na-marketpleysah-i-ne-popast-v-sud-na-kompensacii-i-shtrafy> (дата обращения: 03.01.2021).
8. Владелец прав на Ждуна подал иск к Wildberries на 5,2 млн рублей // RNS online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rns.online/it-and-media/Vladelets-prav-na-Zhduna-podal-isk-k-Wildberries-na-52-mln-rublei-2019-06-26/> (дата обращения: 03.01.2021).
9. Вопилов, Ю. Контрольная закупка BrandMonitor: 7 из 10 товаров в сети – контрафакт // BrandMonitor.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brandmonitor.ru/materials/kontrolnaya-zakupka-brandmonitor-7-iz-10-tovarov-v-seti-kontrafakt/> (дата обращения: 03.01.2021).

10. Вopilov, Ю. Машинное обучение против контрафакта: как технологии помогают искать подделки // RB.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/fake-or-what/> (дата обращения: 07.01.2021).
11. Контрафакт в e-commerce: победить, нельзя смириться // Zen.Yandex.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/retail.ru/kontrafakt-v-e-commerce-pobedit-nelzia-smiritsia-5f7193796e33974a01ad8581> (дата обращения: 05.01.2021).
12. Костырев, А., Щуренков, Н. Контрафакт – упрямая вещь // Коммерсантъ – 2019. – 8 июля. – № 117/П. – С. 1.
13. К поиску запрещенного контента в интернете подключили искусственный интеллект // Interfax [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/743657> (дата обращения: 06.01.2021).
14. Рассадники контрафакта: московские оптовые рынки и Youtube-блогеры развивают торговлю нелегальными товарами в России. Ее объем превышает 5 трлн руб. // TiarCenter.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tiarcenter.com/counterfeit/> (дата обращения: 06.01.2021).
15. Рынок интернет-торговли в России. Результаты 1 полугодия 2020 г. // Akit.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://akit.ru/wp-content/uploads/2020/10/Аналитика-АКИТ-1Н2020-сжатый.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).
16. Фальшивый люкс. Как не нарваться на подделку, покупая вещи на Lamoda и Wildberries // Life.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://life.ru/p/1338553> (дата обращения: 03.01.2021).
17. Чернышева, В. Эксперты рассказали, что чаще всего покупают россияне в интернете // RG.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/03/eksperty-rasskazali-chto-chashche-vsego-pokupaiut-rossiiane-v-internete.html> (дата обращения: 03.01.2021).
18. Шестоперов, Д. Wildberries нарастил оборот на 94 % в третьем квартале // Kommersant.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4521806?query=wildberries> (дата обращения: 03.01.2021).
19. Экономические споры по гражданским правоотношениям // Kad.Arbitr.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/270d2507-9847-4213-90f6-8945b39aae5f> (дата обращения: 03.01.2021).

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part four) No. 230-FZ, dated on December 18, 2006 (as amended, dated on July 31, 2020), *Legal regerence system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (accessed 05.01.2021). (In Russian).
2. Agamagomedova S. A., Kotova Yu. E. Problems of intellectual property rights protection in the field of Internet commerce in Russia, *Models, Systems, Networks in Economics, Engineering, Nature and Society*, 2014, no. 2 (10), pp. 19-26. (In Russian).
3. Oganessian L. L., Fomenko E. V., Trubachev I. S. Assessment of the current state of Internet commerce in the Russian Federation, *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2019, no. 3, pp. 21-23. (In Russian).
4. Pliskanovskaya M. I., Trokhirova P. A. Internet shops as a new economic reality, *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, 2018, no. 5, pp. 12-18. (In Russian).
5. Saybel' N. Yu., Saybel' Ya. V. Development of Internet commerce in Russia: advantages and disadvantages, *Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*, 2016, no. 10 (October). Available at: <http://e-koncept.ru/2016/16218.htm> (accessed 03.01.2021). (In Russian).
6. Trofimova V. V. Development of Internet commerce in Russia and the world, *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, 2018, no. 2, pp. 42-45. (In Russian).
7. Bashuk A. What you need to know about trademarks in order to sell goods on marketplaces and not get into court, for compensation and fines, *VC.ru*. Available at: <https://vc.ru/legal/166935-chto-nuzhno-znat-o-tovarnyh-znakah-chtoby-prodavay-na-marketpleysah-i-ne-popast-v-sud-na-kompensacii-i-shtrafy> (accessed 03.01.2021). (In Russian).
8. The owner of the rights to Zhduna filed a lawsuit against Wildberries for 5.2 million rubles, *RNS online*. Available at: <https://rns.online/it-and-media/Vladelets-prav-na-ZHduna-podal-isk-k-Wildberries-na-52-mln-rublei-2019-06-26/> (accessed 03.01.2021). (In Russian).
9. Vopilov Yu. Test purchase BrandMonitor: 7 out of 10 goods in the network are counterfeit, *BrandMonitor.ru*. Available at: <https://brandmonitor.ru/materials/kontrolnaya-zakupka-brandmonitor-7-iz-10-tovarov-v-seti-kontrafakt/> (accessed 03.01.2021). (In Russian).
10. Vopilov Yu. Machine learning against counterfeiting: how technologies help to look for forgeries, *RB.ru*. Available at: <https://rb.ru/opinion/fake-or-what/> (accessed 07.01.2021). (In Russian).
11. Counterfeit in e-commerce: to win, you can't accept, *Zen.Yandex.ru*. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/retail.ru/kontrafakt-v-e-commerce-pobedit-nelzia-smiritsia-5f7193796e33974a01ad8581> (accessed 05.01.2021). (In Russian).

12. Kostyrev A., Shchurenkov N. Counterfeit is a stubborn thing, *Kommersant*, 2019, July 7, no. 117/P, p. 1. (In Russian).
13. Artificial intelligence was connected to the search for prohibited content on the Internet, *Interfax*. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/743657> (accessed 06.01.2021). (In Russian).
14. Hotbeds of counterfeit goods: Moscow wholesale markets and Youtube bloggers develop illegal trade in Russia. Its volume exceeds 5 trillion rubles, *TiarCenter.com*. Available at: <https://tiarcenter.com/counterfeit/> (accessed 06.01.2021). (In Russian).
15. Market of Internet commerce in Russia. Results of the 1st half of 2020, *Akit.ru*. Available at: <https://akit.ru/wp-content/uploads/2020/10/Analytics-AKIT-1H2020-compressed.pdf> (accessed 03.01.2021). (In Russian).
16. Fake suite. How not to run into a fake when buying things on Lamoda and Wildberries, *Life.ru*. Available at: <https://life.ru/p/1338553> (date of access: 03.01.2021). (In Russian).
17. Chernysheva V. Experts told what do Russians most often buy on the Internet, *RG.ru*. Available at: <https://rg.ru/2020/12/03/eksperty-rasskazali-chto-chashche-vsego-pokupaiut-rossiiane-v-internete.html> (accessed 03.01.2021). (In Russian).
18. Shestoperov D. Wildberries increased turnover by 94 % in the third quarter, *Kommersant.ru*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4521806?query=wildberries> (accessed 03.01.2021). (In Russian).
19. Economic disputes on civil legal relations, *Kad.Arbitr.ru*. Available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/270d2507-9847-4213-90f6-8945b39aae5f> (accessed 03.01.2021). (In Russian).

УДК 331.5 JEL O13, O44, Q56

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-124-129

Фролов Алексей Сергеевич

аспирант, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4406-6055

e-mail: febe-11@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В XXI в. экономика и экология стали иметь еще более тесную взаимосвязь и непосредственное влияние друг на друга, чем ранее. Экологизация экономики является целенаправленным процессом, ориентированным на преобразование экономической деятельности с помощью уменьшения негативного воздействия человека на окружающую среду. В статье рассмотрены причины возникновения, сущность, основные цели и принципы данного процесса. В результате проведенного исследования выяснено, что началом распространения концепции экологизации экономики принято считать вторую половину XX в., когда со стороны мирового сообщества особое внимание стало уделяться проблемам негативного влияния человека на природу. Кроме того, в работе выделены главные характерные особенности указанного феномена, к которым стоит отнести ориентирование экономической деятельности на рациональное природопользование и переход к ресурсосберегающим отраслям экономики.

Ключевые слова: экологизация экономики, экономический рост, окружающая среда, биосфера, хозяйственная деятельность, процессы производства, природные ресурсы, зеленая экономика

Для цитирования: Фролов А.С. Сущность и особенности экологизации экономики // Вестник университета. 2021. № 2. С. 124–129.

Alexey S. Frolov

Postgraduate student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

ORCID: 0000-0003-4406-6055

e-mail: febe-11@mail.ru

ESSENCE AND FEATURES OF ECOLOGIZATION OF ECONOMY

Abstract. In the 21st century, economics and ecology have become even more closely interconnected and have a direct impact by each other than before. Ecologization of the economy is a focused process aimed at transforming economic activity by reducing the negative human impact on the environment. The article considers the causes, essence, main goals and principles of this process. As a result of the conducted research it was found out that the beginning of the concept of ecologization of economy is considered to be the second half of the XX century, when the world community began to pay special attention to the problems of negative impact of man on nature. In addition, the paper highlights the main characteristic features of this phenomenon, which include the orientation of economic activities towards rational use of natural resources and the transition to resource-saving sectors of the economy.

Keywords: ecologization of economy, economic growth, environment, biosphere, economic activity, production processes, natural resources, green economy

For citation: Frolov A.S. (2021) Essence and features of ecologization of economy. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 124–129. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-124-129

Введение

На сегодняшний день противоречия между экономическим ростом и сохранением природной среды являются крайне актуальной проблемой для всего человечества. Быстрое развитие различных секторов экономики, среди которых можно отметить нефтяную и угольную промышленность, металлургию, сельскохозяйственное производство, оказывает негативное влияние, как на состояние биосферы, так и на жизнедеятельность человека. В современном мире экология и экономика имеют все более тесную связь на различных уровнях (от локального до глобального), а также непосредственно зависят друг от друга.

© Фролов А.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Frolov A.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Необходимо отметить, что вопросы взаимоотношений между человеком и природой рассматривались многими философами и учеными на всех этапах исторического развития [15]. В процессе роста численности населения увеличивались материальные потребности общества, которые должна была удовлетворять экономика. Данный факт способствовал дальнейшему совершенствованию и развитию науки, техники и технологий, что в свою очередь сказалось и на увеличении объемов производства. Кроме того, рост экономики и антропогенное воздействие человека стали причинами загрязнения окружающей среды, истощения полезных ископаемых, выбросов различных вредных веществ в атмосферу.

В XX в. экономический рост еще в большей степени, чем ранее, был обусловлен развитием научно-технического прогресса, обеспечением и поддержанием темпов производства, что предполагало серьезную зависимость от ресурсов природы. Постепенно на первый план в мировом сообществе стали выходить проблемы экологии, так как воздействие на окружающую среду стало многократно превышать возможность восстановления экосистем. В конце двадцатого столетия взаимодействие человека и природы достигло критической отметки: стали интенсивно истощаться возобновляемые ресурсы и активно увеличиваться опасные отходы производства [7]. Общество было поставлено перед выбором: продолжать наращивать темпы производства или прислушаться к окружающей среде и принять срочные меры по сохранению природы.

В результате в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на 2-ой Международной конференции ООН по окружающей среде была принята «Концепция устойчивого экономического развития», ставшая принципиально новым подходом, пришедшим на смену техногенной экономике и в первую очередь учитывающим экологические требования по сохранению природы и улучшению условий человеческой жизнедеятельности [4; 19]. Согласно данной концепции, основополагающими задачами мирового сообщества выступают: снижение темпов роста производства и потребления в странах с развитой экономикой и сохранение количества возобновляемых ресурсов природы. К числу наиболее значительных условий выполнения указанных задач относятся процессы экологизации экономики.

Экологизация экономики представляет собой один из самых масштабных вызовов современности и на текущий момент оказывает заметное влияние на развитие многих стран. Достижение такого уровня экологизации, при котором экономический рост не оказывает серьезного отрицательного воздействия на биосферу и не разрушает фундамент благосостояния будущих поколений, является принципиальной и глобальной целью [3]. Можно сказать, что благодаря этому процессу происходит осмысление значимости природной среды для жизнедеятельности человека, поэтому крайне важно понимать содержание данного феномена. Кроме того, важно отметить, что на основе анализа, проведенного российскими учеными, было выяснено, что в настоящее время разрушение природных сред обитания и истощение природных ресурсов представляет для всего человечества большую опасность, чем различные военные конфликты [12]. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в определении сущности экологизации экономики и выявлении ее основных особенностей.

Анализ и основные результаты

Взаимосвязь экологии и обеспеченности экономики ресурсами природы продолжительное время не принималась во внимание на международном уровне. Указанная зависимость все чаще и масштабнее стала проявляться во второй половине XX в., когда природным системам стал наноситься огромный ущерб, вызванный быстрым увеличением темпов экономического роста. С конца 70-х годов двадцатого столетия в мировой экономике начался процесс создания теоретико-методологических основ «зеленой экономики», которая была направлена на значительное снижение опасного влияния на окружающую среду и на сокращение экологического дефицита [10]. Именно в этот период стала получать распространение концепция экологизации экономики, сущность которой заключалась в увеличении значимости природы в жизни людей [14]. Главным поводом для ее возникновения на глобальном уровне принято считать энергетический кризис 1973–1974 гг. В эти годы на территории Европейского союза активно внедряются принципы экономии ресурсов природы при помощи использования экологических технологий производства и применения экономических методов для стимулирования природоохранной деятельности и рационального потребления энергии [6].

Экологизация экономики является процессом введения экологического фактора в анализ показателей экономического развития, предполагающего разработку методов учета экономических потерь от снижения качества окружающей среды и их минимизацию [2]. Достаточность в значительной степени определяется выработкой

этического отношения к природе, изменением на этой основе экологического сознания общества [17]. Кроме того, рассматриваемый процесс можно оценить с двух позиций: с одной стороны, как некую последовательность действий, которая направлена на предотвращение эколого-экономических разногласий, с другой – как ряд технических, технологических и организационных мероприятий для повышения уровня полезного использования ресурсов природы [8]. Также для более глубокого понимания сущности указанного феномена необходимо обратить внимание на уровень экологизации экономики, под которым понимается интегрированный количественный показатель, определяющий качественное развитие этого процесса [5].

Помимо этого, необходимо отметить, что в результате проведенного анализа можно выделить следующие подходы к определению экологизации экономики:

- экологизация экономики как процесс;
- экологизация экономики как явление (табл. 1).

Таблица 1

Подходы к определению экологизации экономики

Подход	Определение экологизации экономики
Экологизация экономики как процесс (М. С. Егорова, П. А. Глик, Л. М. Булгакова, Р. Н. Плотникова, Т. В. Ускова, Е. Д. Копытова, В. Г. Глушкова, С. В. Макар и др.)	Экологизация экономики – процесс, который направлен на эффективное использование природных ресурсов и на сохранение качеств окружающей среды.
Экологизация экономики как явление (А. А. Дороговцева, Л. В. Чхутиашвили, В. И. Коробко и др.)	Экологизация экономики – равнозначный обмен между человеком и природой, позволяющий совместно функционировать экономической и экологической системам

Составлено автором по материалам исследования

Первостепенными целями этого процесса следует назвать:

- уменьшение техногенной нагрузки, поддержание природного потенциала путем самовосстановления и режима естественных процессов в природе;
- сокращение потерь и комплексность извлечения полезных компонентов;
- использование отходов в качестве вторичного ресурса;
- разработка безотходных технологий, эффективных систем и техники очистки [13].

Помимо этого, важно подчеркнуть, что экологизация экономики выступает как значимый фактор увеличения уровня конкурентоспособности производства и продукции экономических субъектов [18]. Среди главных слагаемых указанного феномена можно выделить следующие:

- принципиальный пересмотр системы инвестиций в пользу ресурсосберегающих отраслей экономики;
- ориентация экономики на экологические ограничения и принцип сбалансированного природопользования;
- переход производства к стратегии качественного роста на основе изменения отраслевой структуры и технологической модернизации производства при усилении экологического контроля качества продуктов;
- значительное усовершенствование системы платности природопользования; переход на современную структуру ценообразования, которая учитывает экологические факторы, ущерб и риски;
- усиление эколого-экономического стимулирования экономических субъектов хозяйственной деятельности, обеспечивающих эффективное использование природного сырья и высокую добавленную стоимость товаров и услуг, получаемых на их основе.

Экологизация экономики ориентирована на снижение природоемкости производства. При этом ей сопутствует перемещение центра экономического анализа с издержек и промежуточных результатов на итоговые показания экономической деятельности (например, ВВП и ВНП), а затем на прогнозы ключевых тенденций развития [7]. Именно данный процесс определяет основные направления формирования и развития инновационной экономики, а также модернизации всех сторон жизни общества [1]. Основными принципами экологизации экономики являются:

- эколого-экономический реализм, исходной предпосылкой которого служит представление о неизбежности ограничения преобразования природы в ходе хозяйственной деятельности;

- учет «стартовых» условий, которые определяют уровень кризиса экологической обстановки (уровень загрязнения, состояние здоровья населения и другое) на территории, где расположен субъект хозяйствования;
- взаимосвязь рыночного и нерыночного регулирования;
- инфраструктурная и институциональная обеспеченность как база экологически ориентированной предпринимательской деятельности;
- превентивность, которая предполагает перенос тяжести в регулировании на начальные этапы научно-производственного цикла;
- альтернативность, предусматривающая разработку нескольких вариантов решения проблем;
- экоинновационность разрабатываемых и реализуемых проектов и программ в зависимости от приоритетов развития, ресурсного обеспечения, экологической емкости территории и ряда других факторов [11].

Нужно подчеркнуть, что в процессе управления экологизацией экономики специалистами выделяется ряд определенных особенностей. Например, чтобы максимально сократить ущерб, который наносится природной среде, в отдельном регионе необходимо производить только один вид продукции [12]. В случае, если общество нуждается в расширенном наборе продукции, то потребуются разработка безотходных технологий и эффективных систем и техник очистки. Данные меры помогут наладить производство полезной продукции из побочных компонентов и отходов различных экономических секторов. Поэтому важно пересмотреть сложившиеся технологические процессы, которые наносят ущерб биосфере. В целом эффективный подход к управлению экологизацией современной экономики должен принимать во внимание указанную специфику и опираться как на административно-контрольные, экономические, так и на социально-политические, психологические, морально-нравственные инструменты управления [16].

Эколого-экономическая деятельность, с одной стороны, направлена на обеспечение роста производства биологического продукта и улучшение уровня жизни населения, а с другой – стихийно развивающееся производство и массовое строительство постоянно нарушают экологический баланс. Для устранения этих противоречий требуются меры по ужесточению контроля, внедрению запретов и норм на реализацию определенных производственных процессов, использование средств экологической защиты и проведение специальных мероприятий по оздоровлению природных систем [16]. Кроме того, стоит сказать, что к главным проблемам управления процессами экологизации экономики относятся:

- отсутствие эффективной структуры управления и обоснованного разграничения полномочий в области природопользования и охраны окружающей среды (в том числе по особо охраняемым территориям);
- отсутствие целевой политики по управлению эколого-экономическими системами;
- несовершенство системы учета и экономической оценки природных ресурсов;
- отсутствие законодательства в области оценки загрязнения воздуха и его влияния на окружающую среду, регламентирующего внедрение экологического аудита на предприятиях;
- низкий процент целенаправленных научных исследований и проектных работ в целях реализации различных направлений экологической политики;
- слабое информационно-аналитическое обеспечение системы управления природопользованием;
- низкий уровень осуществления международного сотрудничества в области охраны и использования природных ресурсов [9].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что экологизацию экономики можно охарактеризовать как сложное и многоаспектное явление, которое затрагивает проблемы экономического, экологического, социального характера, а также выступает одним из важнейших вызовов современности и в настоящее время имеет все большее значение для развития любого государства. Данный процесс представляет собой более разносторонний и системный подход к окружающей человека среде, более глубокое понимание роли природы в жизни людей. Он ориентирован на сохранение природного потенциала окружающей среды, улучшение качества жизни населения и на содействие увеличению темпов экономического роста.

Кроме того, необходимо отметить, что экологизация экономики имеет ряд проблем и противоречий, которые, прежде всего, заключаются в отсутствии эффективного регулирования в области природопользования и необходимости выбора между экономическим и экологическим развитием. В этой связи осуществление

грамотного и рационального управления процессом экологизации экономики является важнейшим критерием устойчивого развития и залогом высоких результатов в сфере производства, а также снижения антропогенной нагрузки на природную среду.

Библиографический список

1. Башорина, О. В., Темкина, И. М. Экологизация экономики России: проблемы и перспективы // Известия Уральского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 94-102.
2. Булгакова, Л. М., Плотникова, Р. Н. Проблемы экологизации экономики и экономизации экологии // Фундаментальные исследования. – 2009. – № 5. – С. 121-122.
3. Вержицкий, Д. Г. Экологический сектор экономики и его роль в процессах экологизации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12. – С. 1096-1100.
4. Голина, С. И., Крюкова, Е. М. Экологизация экономики – важный шаг к повышению качества жизни населения // Сервис в России и за рубежом – 2014. – № 1. – С. 174-181.
5. Гурьева, М. А., Руднева, Л. Н. Система индикативной оценки уровня и степени экологизации экономики региона // Российское предпринимательство. – 2013. – № 1. – С. 134-139.
6. Гурьева, М. А. Экологизация экономики: международный опыт // Армия и общество – 2012. – № 2. – С. 114-120.
7. Егорова, М. С., Глик, П. А. Экологизация экономики и «зелёный рост» // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 11. – С. 77-80.
8. Кладова, Т. А. Применение основных методов экологизации в современном инвестиционно-строительном бизнесе // Молодой ученый. – 2019. – № 17. – С. 66-67.
9. Коробко, В. И. Экологический менеджмент: учебное пособие для бакалавров и магистров вузов. – М.: НОУ ВПО «Институт непрерывного образования», 2015. – 158 с.
10. Лавров, В. Н., Рычков, А. Ю., Башорина, О. В. Экологизация экономики – важное направление становления социального государства // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2013. – № 2. – С. 48-54.
11. Лосев, К. С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI веке: монография. – М.: Космосинформ, 2001. – 400 с.
12. Орифов, А. О., Зокиров, Р. С. Некоторые проблемы экологизации экономики // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2009. – № 1 (37). – С. 65-71.
13. Панова, И. А. Экологизация экономики Украины в условиях глобальных вызовов // Эффективная экономика. – 2019. – № 2. – С. 1-8.
14. Реймерс, Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
15. Ситак, Л. А. Развитие представлений о взаимодействии человека с природой // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 3. – С. 70-76.
16. Ускова, Т. В., Копытова, Е. Д. Вектор экологизации современной экономики России: проблемы и направления их решения // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 37-57.
17. Чередниченко, О. А. Экологизация экономики птицепродуктового подкомплекса: проблемы и перспективы // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 5. – С. 767-771.
18. Чхутиашвили, Л. В. Экологизация российской экономики как важный фактор роста конкурентоспособности производства и продукции // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 4 (20). – С. 124-129.
19. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (принята Конференцией ООН по охране окружающей среды и развитию Рио-Де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г) // Организация Объединенных Наций: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 25.12.2020).

References

1. Bashorina O. V., Temkina I. M. Ecologization of the Russian economy: problems and prospects, *Izvestia. Ural Federal University Journal*, 2011, no. 3, pp. 94-102. (In Russian).
2. Bulgakova L. M., Plotnikova R. N. Problems of ecologization economy and economization ecology, *Fundamental research*, 2009, no. 5, pp. 121-122. (In Russian).
3. Verzhitskii D. G. Ecological sector of economy and its role in ecologization processes, *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2015, no. 12, pp. 1096-1100. (In Russian).

4. Golina S. I., Kryukova E. M. Ecologization of economy is an important step to improve the quality of life of the population, *Services in Russia and abroad*, 2014, no. 1, pp. 174-181. (In Russian).
5. Gur'eva M. A., Rudneva L. N. System of an indicative estimation of a level and degree of ecologicalization of economy of the region, *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2013, no. 1, pp. 134-139. (In Russian).
6. Gur'eva M. A. Ecologization of economy: international experience, *Armiya i obshchestvo*, 2012, no. 2, pp. 114-120. (In Russian).
7. Egorova M.S., Glik P.A. Ecologization of economy and "green growth", *Advances in Current Natural Sciences*, 2014, no. 11, pp. 77-80. (In Russian).
8. Kladova T. A. Application of the basic methods of ecologization in modern investment and construction business, *Molodoi uchenyi*, 2019, no. 17, pp. 66-67. (In Russian).
9. Korobko V. I. *Environmental management: a textbook for bachelors and masters of higher education institutions*, Moscow, NOU VPO "Institut nepreryvnogo obrazovaniya", 2015, 158 p. (In Russian).
10. Lavrov V. N., Rychkov A. Y., Bashorina O.V. Ecologization of economy – an important direction of social state formation, *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2013, no. 2, pp. 48-54. (In Russian).
11. Losev K. S. *Environmental problems and prospects for sustainable development of Russia in the XXI century: monograph*, Moscow, Kosmosinform, 2001, 400 p. (In Russian).
12. Orifov A. O., Zokirov R. S. Some problems of economy ecologization, *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences*, 2009, no. 1, pp. 14-21. (In Russian).
13. Panova I. A. Ecologization of Ukrainian economy under the global challenges, *Efektivna ekonomika*, 2019, no. 2, pp. 1-8. (In Russian).
14. Reimers N. F. *Nature management: a dictionary-reference book*, Moscow, Mysl', 1990, 637 p. (In Russian).
15. Sitak L. A. Development of ideas about human interaction with nature, *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2016, no. 3. pp. 70-76. (In Russian).
16. Uskova T. V., Kopytova E. D. Vector of ecologization of the modern economy of Russia: problems and directions of their solution, *Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 37-57. (In Russian).
17. Cherednichenko O. A. Ecologization of poultry subcomplex economy: problems and prospects, *Fundamental research*, 2015, no. 5, pp. 767-771. (In Russian).
18. Chkhutiashvili L. V. Ecologization of the Russian economy as an important factor in increasing competitiveness of production and products, *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 4, pp. 124-129. (In Russian).
19. Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development (adopted by the United Nations Conference on Environment and Development Rio de Janeiro, 3-14 June 1992), *The United Nations Organization: official website*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (accessed 25.12.2020). (In Russian).

УДК 331.103 JEL O15, J24

Халимон Екатерина Андреевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9480-3466

e-mail: guu.konf@yandex.ru

Геокчалян Артём Геворгович
ассистент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3666-367X

e-mail: geokchakyan@guu.ru

Ekaterina A. Khalimon
Candidate Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9480-3466

e-mail: guu.konf@yandex.ru

Artem G. Geokchakyan
Assistant, State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3666-367X

e-mail: geokchakyan@guu.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-130-135

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ С ПОЗИЦИЙ НАУЧНОЙ И ЦИФРОВОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ ТРУДА

Аннотация. Представлены результаты исследования таких проблем экономики и управления, как научная и цифровая организация труда. Описаны необходимость создания искусственного интеллекта, этапы научной составляющей организации труда и особенности совместного использования естественного и искусственного интеллекта в работе и управлении человеческими ресурсами как на уровне государственного управления, так и в организациях. Особое внимание уделено вопросу развития человеческого капитала как одному из трех стратегически важных направлений, реализуемых Правительством Российской Федерации в рамках национальных проектов, а также приведен сравнительный анализ показателей индекса развития человеческого капитала в различных странах мира.

Ключевые слова: научная организация труда, искусственный интеллект, цифровизация, экономическое развитие, национальные проекты, человеческий капитал, научное управление, эффективность

Для цитирования: Халимон Е.А., Геокчалян А.Г. Управление экономикой с позиций научной и цифровой организаций труда // Вестник университета. 2021. № 2. С. 130–135.

ECONOMIC MANAGEMENT FROM THE PERSPECTIVE OF SCIENTIFIC AND DIGITAL LABOR ORGANIZATIONS

Abstract. The article presents the results of research on such problems of Economics and Management as scientific and digital labor organizations. The paper describes the need to create artificial intelligence, the stages of the scientific component of labor organization, and the features of the joint use of natural and artificial intelligence in the work and management of human resources, both at the level of public administration and in organizations. The authors pay special attention to the issue of human capital development, as one of the three strategically important areas implemented by the Government of the Russian Federation within the framework of national projects, as well as give a comparative analysis of the indicators of the human capital development index in various countries of the world.

Keywords: scientific organization of labor, artificial intelligence, digitalization, economic development, national projects, human capital, scientific management, efficiency

For citation: Khalimon E.A., Geokchakyan A.G. (2021) Economic management from the perspective of scientific and digital labor organizations. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 130–135. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-130-135

Введение

Изучение трудовых процессов, независимо от конкретной экономической формы их проявления, охватывает многие научные направления, где наиболее важными являются проектирование и организация технологических процессов, стандартизация труда, охрана труда и гигиена труда, физиология труда, психология труда, научная организация труда, эргономика и т. д. А. Файоль также подчеркивал волевой момент в постановке и разворачивании производства и занимался вопросом установления поведения верховного администратора [2].

Организация работы на основе достижений современных технологий и передового опыта, опирающаяся на научные разработки, считается успешной тогда, когда она реализуется в реальной производственной

© Халимон Е.А., Геокчалян А.Г., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Khalimon E.A., Geokchakyan A.G., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

сфере и дает ощутимый эффективный экономический результат. Такая правильная организация гармонично сочетает в себе новые технологии, основанные на ранних и современных изобретениях, и благодаря академической науке становится совершенной и востребованной.

Это универсальная способность науки интегрировать знания для дальнейшего развития и формирования новых компетенций и концепций, программ и теорий, а также, что самое главное, изменять и совершенствовать структуру и систему при получении новых знаний в изменяющемся мире.

Литературный обзор

Правильная организация труда, основанная на научных исследованиях и рекомендациях, предполагает, прежде всего, рациональное использование работником своих способностей, возможностей, времени, сил, опыта, знаний и т. д. Для этого изучаются возможности человека как машины, как разумной живой силы, действующей с максимальной эффективностью, научной корректностью и рациональностью. Все эти качества человека после обучения реализуются в технологиях искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Научная потребность в их создании возникла давно и разработка методов их совершенствования занимает основное место во всех функциях, стадиях управленческого процесса во всех странах и организациях.

Сущность организации работы на основе научной составляющей делится на несколько этапов:

- фундаментальное изучение человека как механизма наиболее эффективного использования его интеллектуальных и физических возможностей;
- изучение конкретного направления работ, оборудования и материальных сил, материалов, программ, технологий и т. д.;
- изучение имеющегося потенциала для применения наиболее рациональных, совершенных методов организации труда на основе накопленного опыта, основанных на современных технологиях.

Однако существуют различные научные мнения ученых, систематизированные и изложенные еще в 1961 г. и представленные в отчете «Индекс человеческого капитала 2020», согласно которым теория «научной организации труда» противопоставлена теории «научного менеджмента». Ключевые позиции состоят в следующем: научное управление есть устройство, применяемое для увеличения производства и прибыли, которое почти всецело занимается проблемой производства, игнорируя вообще жизненно важную проблему распределения; это ненаучно и несправедливо в постановке задачи и в установлении ставок заработной платы; она усиливает современную тенденцию к специализации труда; она обрекает рабочего на монотонную рутину и стремится лишить его мысли, инициативы и радости в работе и уничтожить его индивидуальность и изобретательный гений; она уменьшает непрерывность и определенность занятости и ведет к перепроизводству и безработице [5].

Научная организация труда, физического или умственного, необходима для внедрения новых технологий в экономическую и социальную сферы жизни. Она дает возможность развивать производство, услуги и служить на благо человеческого труда. Применять научные методы и внедрять прорывные идеи и практики, превращая исследования и разработки в перспективные технологии.

Следует помнить, что не все можно автоматизировать. Действительно, люди являются носителями инноваций (новых идей, которые приводят их к результатам в сферах социальной, экономической и экологической безопасности) [3]. У ИИ невозможно автоматизировать интуицию, воображение, невозможно дать машине субъективно воспринимать окружающий мир, одушевлять средства производства, процессы на основе программ и модулей, заложенных в его системе. В научной организации трудовых процессов невозможно наделить умную машину способностью учиться, рассуждать, думать, пересказывать, предвидеть и объяснять. Когнитивные и мыслительные процессы имитируются и усиливаются в интеллектуальных системах и гармонично дополняются ИИ, работающим в партнерских человеко-машинных системах и технологиях в совместной трудовой деятельности. Это указывает на то, что гармония искусственного и естественного интеллекта является взаимодополняющим союзом для решения поставленных задач.

На основе современных научных достижений и существующего передового опыта идет постоянный зримый процесс совершенствования организационных форм и методов работы. Организационные модели трудовой деятельности совершенствуются и модернизируются на основе новых научных разработок и исследований. Если руководство организации сосредоточивает свое внимание на ее развитии, пытается

сформировать соответствующую организационную культуру, то оно должно понимать, что для этого необходимо развивать свой персонал [1].

Теория и методы

Сегодня, рассматривая человека как работающую машину, наука все еще находится на начальной стадии изучения его интеллектуальных способностей, психических функций, к которым относятся: намерение, интуиция, воображение, рефлексия и инициатива. На основе новых технологий собираются достижения в информационной сфере, с помощью которых моделируются отдельные функции научной организации творчества человека, моделируется интеллект – механический разум, его мыслительные способности, которые он использует при решении человеческих целей и решении задач на основе приобретенных научных знаний, умений, опыта, приобретенных в процессе деятельности.

Основываясь на огромном опыте человеческой деятельности в ИИ, программисты закладывают способность решать творческие и производственные задачи, мыслить, рассуждать, накапливать знания и опыт, адаптироваться, приспосабливаться к меняющимся ситуациям и условиям.

Рассматривая субъективную сторону выполняемой человеком работы и ту роль, которую он выполняет, можно с уверенностью утверждать, что ИИ необходим для повышения производительности труда, для наиболее эффективного использования материальных и интеллектуальных ресурсов, для сохранения здоровья человека, для использования в тяжелых, опасных производствах, требующих больших затрат физических сил. Она необходима для решения большого количества задач и целей, стоящих перед человечеством, где невозможно достичь прорывных результатов без использования ИИ.

ИИ эффективно решает задачи обработки данных. На сегодняшний день существуют огромные объемы их, требующие интеллектуального изучения обработки, оцифровки для сохранения, использования и, самое главное, получения новых знаний и компетенций по широкому кругу проблем и задач на их основе.

Задача ИИ состоит в том, чтобы имитировать человеческий интеллект с помощью компьютерных программ, чтобы выполнять работу быстрее и лучше, чем люди. Для успешного взаимодействия человека и компьютера создаются смешанные человеко-машинные интерактивные программные системы и модули.

Следует подчеркнуть, что название ИИ не означает готовый интеллект, так как он состоит из множества схем, датчиков, программ, систем, которые несопоставимы, не эквивалентны и далеки от естественного интеллекта, который создал помощника, облегчающего его повседневную жизнь.

При всех проверенных, протестированных и эксплуатационных достижениях ИИ все еще далек от естественного интеллекта: ему не дано возможности обладать способностью воспринимать информацию для последующего анализа, принятия решений, действовать и мыслить нестандартно, рассуждать, учиться, чувствовать, реагировать на изменяющуюся ситуацию и ситуацию в ходе своей программы и т. д.

Работая над технологиями, способными заменить человека в процессе создания материальных ценностей, ученые сталкиваются с вопросом, стоит ли создавать машину с такими совершенными возможностями, качествами и свойствами. Создавая себе двойника, человек решает задачи облегчения своей работы, улучшения качества жизни, отдыха, возможности жить дольше.

Следует помнить, что естественный интеллект развивался на протяжении многих веков и передавался из поколения в поколение, генетически совершенствуясь и приспосабливаясь к окружающему миру. ИИ состоит из программ, модулей, схем, собранных в единую технологию, разработанную человеком.

Заменяя человеческий труд ИИ, решается главная задача – улучшение жизни живого и работающего человека, повышение его благосостояния и улучшение экономической составляющей государства. Человек давно пришел к выводу, что ему нужен ИИ. Он нужен везде: как в науке для анализа экспериментальных данных, так и результатов наблюдений, установления новых законов и новых знаний в научном мире исходя из их основных выводов. Он нужен для выполнения технических задач на производстве, опасных для жизни человека, при изучении космоса, недр земли, морских и океанских глубин. Без него сегодня не будет желаемого прогресса в решении социально-экономических проблем, в медицине, образовании, бизнесе, финансах, авиастроении и других сферах.

Опыт, имеющийся на текущий период экономического и социального развития, показывает, что научная организация труда в оборонно-промышленном комплексе, в области атомной энергетики, авиастроения,

космонавтики, нефтедобычи является прогрессивной и требует внедрения и использования в других отраслях народнохозяйственной деятельности государства. Наука в них тесно связана с производством. Большинство прикладных алгоритмов ИИ основаны на нейронных сетях, векторах, понятиях экстремума, сходимости, теории вероятностей, численных методах, теориях графов, множествах, сложных алгоритмах и т. д. Все это человек создает для того, чтобы совершенствоваться, двигаться вперед в своем развитии.

Анализ результатов

Следует отметить, что в организацию труда во всех сферах цифровизация пришла с применением проектного подхода к разработке рациональных трудовых процессов и созданию интеллектуальных систем и моделей в виде технологий цифровизации труда, начиная с программ проектирования, разработки, оценки и внедрения. Решается главная и основная задача – за счет повышения производительности труда, экономии рабочего времени, вложенного в единицу продукции или услуги, затраченных сил работника и материальных и финансовых вложений добиться желаемого результата.

Полномасштабное, активное развитие цифровизации во всех отраслях экономики напрямую связано с агрессивным внедрением компьютерных технологий, обеспечивающих подготовку и создание базы для внедрения в будущем других, более совершенных операционных моделей – квантовой, лазерной, космической и других. Широкое внедрение цифровых технологий в экономику позволяет обеспечить ее новыми операционными системами, платформами, модулями и т. д. Создаются умные дома, города, отрасли, повсеместно идентифицируются продукты, товары, оборудование, системы, а для определения их местоположения регистрируются информационные данные об их состоянии, сроках ремонта и замены.

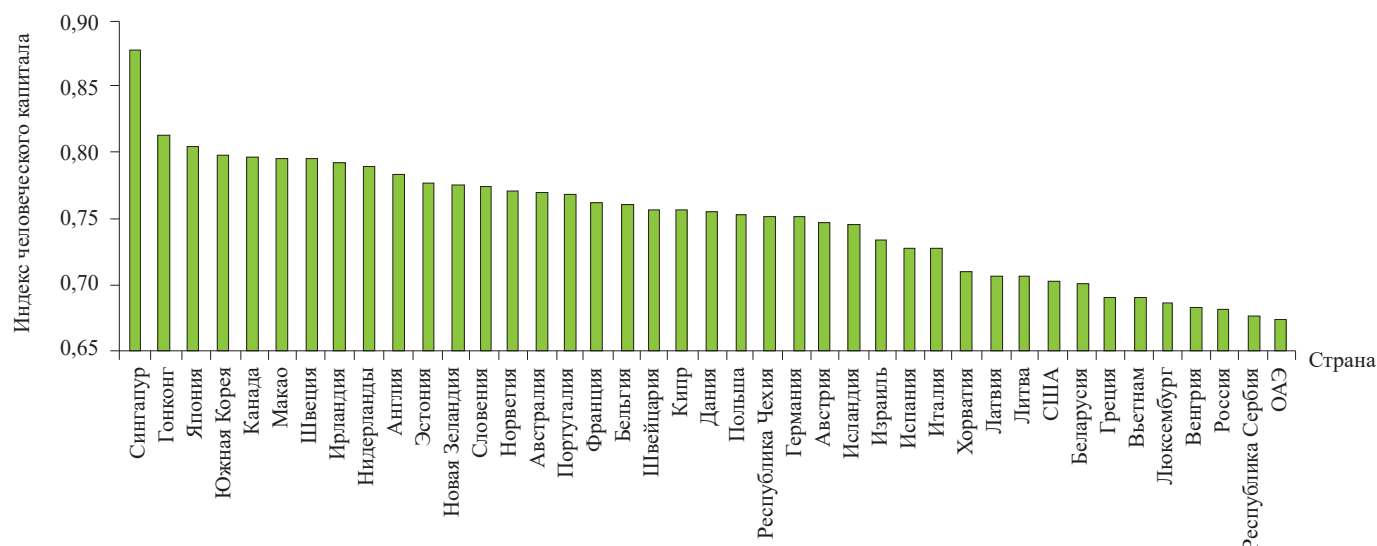
Переходя к следующему этапу экономического развития, необходимо обратить особое научное внимание на дальнейшее совершенствование труда. Для достижения этой трудной цели необходимо интенсифицировать труд как средство решения поставленной задачи. Он не предусматривает увеличения потребления человеком энергии в единицу времени, затрачиваемой на производство того или иного продукта, изделия или услуги, что приводит к ухудшению физического или психологического состояния работника. В интенсификации труда должны быть заложены достижения научной мысли, применены технологии, позволяющие человеку достигать своих целей путем сочетания человеческого интеллекта с ИИ, который решает поставленные задачи быстрее и интенсивнее, не требуя времени на перерывы, отдых, еду, создание безопасных условий труда и т. д.

Реализуемые Правительством России национальные проекты сконцентрированы на решении трех основных задач: развитие человеческого капитала, комфортная среда для жизни и экономический рост [4]. Развитием человеческого капитала занимается и Всемирный банк, реализующий одноименный глобальный проект, призванный «содействовать ускорению осуществления еще более масштабных и эффективных инвестиций в людей в целях укрепления социальной справедливости и обеспечения экономического роста» [6]. Сегодня в условиях пандемии COVID-19 еще более важно понимать, почему странам необходимо инвестировать в формирование человеческого капитала и не допустить утраты с таким трудом завоеванных достижений [6].

Так, в 2020 г. Всемирный банк оценил индекс человеческого капитала в России в 68 %, определив страну на 41 место среди 174 оцениваемых стран мира [6]. Индекс измеряет человеческий капитал, которым ребенок, рожденный сегодня, может обладать к совершеннолетию, на основе анализа пяти индикаторов. В их числе: вероятность выживания до пяти лет, ожидаемая продолжительность обучения детей в школе, оценки по единому экзамену, как показатель качества обучения, выживаемость взрослого населения (доля доживших до 60 лет из числа достигших 15-летнего возраста) и процент детей, не имеющих задержек в развитии.

На первых местах рейтинга находится Сингапур (88 %), Гонконг (81 %) и Япония (80 %), а на последних – Центральнаяафриканская республика (29 %), Чад (30 %) и Южный Судан (31 %) [6]. Россия хоть и находится в верхней четверти рейтинга, однако занимает в ней одно из последних мест (см. рис. 1), что говорит об имеющемся потенциале роста данного показателя.

Результат России соответствует среднему показателю по странам региона Европы и Центральной Азии и является третьим показателем в мире среди стран с аналогичным уровнем доходов.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Рейтинг стран с наивысшими значениями индекса человеческого капитала (0,67–0,88)

В то же время Россия оказалась в десятке стран, где темпы прироста человеческого капитала оказались наивысшими за период с 2010 г., что произошло в основном из-за улучшения показателей здоровья детей и взрослых, а также высоких оценок системы общего среднего образования. Однако в абсолютных цифрах показатели здоровья в России по-прежнему хуже, чем средние по миру.

Заключение

Внедряя передовые технологии, новые методы и формы организации труда, основанные на системе знаний и опыта, мы приходим к выводу, что необходимо помочь природному интеллекту – человеку – создать помощника, способного автоматически, на основе программы, управлять трудоемкими, изматывающими процессами создания материальных благ.

Научная и цифровая организации труда экономят огромные интеллектуальные живые ресурсы, а также материализованный труд. Решается программная составляющая внедрения всего нового – задачи, поставленные в программе или плане, за счет использования новых технологий и получения необходимого результата. Таким образом, достигаются три основные цели: экономическая, психофизиологическая (поддержание высокого уровня работоспособности квалифицированного работника, продление срока его эффективной деятельности) и социальная (содействие повышению интеллектуального и технического уровня, осознанию необходимости и содержания затраченного труда).

Для этих целей был создан ИИ, способный заменить человека и оказавший ему реальную помощь в небезопасных районах с понятным подходом к решению проблем в сложных природных условиях, на производстве, в здравоохранении, в быту и т. д. Он оснащен необходимыми датчиками и программами, работает в режиме онлайн без перерывов и отдыха, не обращая внимания на безвоздушное пространство, отсутствие света на больших глубинах и в других крайне опасных ситуациях.

Использование интеллектуальных технологий радикально меняет роль занятых сотрудников – это оперативное управление технологическими процессами или оборудованием в режиме реального времени. Человеческая деятельность становится мобильной и автономной, протекая в комфортных условиях. Научный подход и использование цифровых технологий ИИ является драйвером роста в тех сферах экономики, где они внедряются и формируют современную концепцию трудовой деятельности, концепцию высокой производительности труда, безопасности, закладывают новые возможности для автоматизации производственной, банковской, финансовой, социальной, информационной и других видов жизнедеятельности, позволяют в полной мере освоить и использовать облачные интернет-технологии, осуществлять цифровое

проектирование и управление, работать из удаленного офиса, в полной мере использовать межканальные коммуникации и другие технологии.

Библиографический список

1. Сычёва, С. М. Взаимосвязь организационной культуры компании и системы внутрифирменного обучения // Вестник университета. – 2015. – № 3. – С. 131-140.
2. Файоль, А. Общее и промышленное управление / пер. с фр. – М.: журн. «Контроллинг», 1992. – 112 с. (Библиотека журнала «Контроллинг». Серия «Классики менеджмента»).
3. Халимон, Е. А., Никитин, С.А. Приоритетные национальные проекты как инструмент решения сложных экономических задач // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – № 2. – С. 18-37.
4. Чернова, В. Ю. Барьеры достижения стратегических целей развития экономики: государственные программы в АПК // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9, № 1А. – С. 222-232.
5. Hoxie, R. F. Why organized labor opposes scientific management // The Quarterly Journal of Economics. – 1916. – V. 31, no. 1. – Pp. 62-85.
6. The Human Capital Index Report 2020 // Группа Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital#data> (дата обращения: 29.12.2020).

References

1. Sycheva S. M. The relationship between the organizational culture of the company and the system of in-house training, *Vestnik universiteta*, 2015, no. 3, pp. 131-140. (In Russian).
2. Fayol A. *General and industrial management*, transl. from French, Moscow, magazine “Controlling”, 1992, 112 p. (The library of the magazine “Controlling”. Series “Classics of management”). (In Russian).
3. Khalimon E. A., Nikitin S. A. Priority national projects as a tool for solving complex economic problems, *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*, 2020, no. 2, pp. 18-37. (In Russian).
4. Chernova V. Yu. Barriers to achieving the strategic goals of economic development: government programs in the agro-industrial complex, *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2019, vol. 9, no. 1A, pp. 222-232. (In Russian).
5. Hoxie R. F. Why organized labor opposes scientific management, *The Quarterly Journal of Economics*, 1916, vol. 31, no. 1, pp. 62-85.
6. The Human Capital Index Report 2020, *The World Bank Group*. Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital#data> (accessed 29.12.2020).

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 339.74

JEL E52, F31, F32

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-136-143

**Буневич Константин
Георгиевич**

канд. экон. наук, ЧОУВО

«Московский университет

имени С. Ю. Витте»,

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6844-0377

e-mail: kbunevich@muiv.ru

Горбачева Татьяна

Александровна

канд. экон. наук, ЧОУВО

«Московский университет

имени С. Ю. Витте»,

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3287-6440

e-mail: t-gorbacheva@bk.ru

МЕХАНИЗМ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Одним из важных факторов улучшения экономической ситуации в Российской Федерации является оптимизация механизма валютного регулирования. Его роль, как главного средства реализации валютной политики, приобретает особое значение в странах, где национальная валюта имеет ограниченную конвертируемость, поскольку не пользуется устойчивым спросом на мировых финансовых рынках. Целью данной статьи является обобщение существующих теоретических подходов к проблеме формирования и регулирования валютного курса на основе исследования эволюции соответствующих теорий и концепций, а также определение сфер их применения и условий действительности. Систематизированы теоретические аспекты формирования и регулирования валютного курса. Выделены инструменты, воздействующие на валютный курс. Исследованы основные подходы к взаимосвязи платежного баланса и валютного курса. Полученные теоретические результаты могут быть использованы при формировании и корректировке валютной политики.

Ключевые слова: платежный баланс, валютный курс, валютные ограничения, конвертируемость, паритет покупательной способности, фиксированный валютный курс, плавающий валютный курс, режим управляемого плавания, закон единой цены, валютная стерилизация

Для цитирования: Буневич К.Г., Горбачева Т.А. Механизм валютного регулирования в современных условиях: теоретический аспект // Вестник университета. 2021. № 2. С. 136–143.

Konstantin G. Bunevich

Cand. Sci. (Econ.), Witte Moscow

University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6844-0377

e-mail: kbunevich@muiv.ru

Tatiana A. Gorbacheva

Cand. Sci. (Econ.), Witte Moscow

University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3287-6440

e-mail: t-gorbacheva@bk.ru

THE MECHANISM OF CURRENCY REGULATION IN MODERN CONDITIONS: THEORETICAL ASPECT

Abstract. One of the important factors for improving the economic situation in the Russian Federation is the optimization of the mechanism of currency regulation. Its role as the main means of implementing monetary policy is of particular importance in countries where the national currency has limited convertibility, since it is not in stable demand in the global financial markets. The purpose of this article is to summarize existing theoretical approaches to the problem of formation and regulation of the exchange rate based on the study of the evolution of relevant theories and concepts, as well as the definition of their scope of application and the conditions of validity. The article systematizes the theoretical aspects of the formation and regulation of the exchange rate. The paper highlights the instruments that affect the exchange rate. The authors study the main approaches to the relationship between the balance of payments and the exchange rate. The obtained theoretical results can be used in the formation and adjustment of monetary policy.

Keywords: balance of payments, exchange rate, currency restrictions, convertibility, purchasing power parity, fixed exchange rate, floating exchange rate, controlled floating mode, the law of one price, currency sterilization

For citation: Bunevich K.G., Gorbacheva T.A. (2021) The mechanism of currency regulation in modern conditions: theoretical aspect. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 136–143. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-136-143

© Буневич К.Г., Горбачева Т.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Bunevich K.G., Gorbacheva T.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Проблема формирования и регулирования валютного курса лежит в основе теории валютных отношений. Данная сфера является одной и наиболее динамичных в экономической жизни. В результате длительного ее изучения как учетными-теоретиками, так и специалистами-практиками сформировалось большое количество подходов и теорий по вопросу установления валютного курса. С развитием мировой экономики на различных этапах происходили и различные изменения в целях и приоритетах валютной политики. В связи с этим в том или ином моменте одни теории валютных отношений выходили на передний план, другие теряли свою актуальности и приоритетность.

Большое внимание проблемам формирования валютных курсов, инструментам влияния на курс обмена и режимы курсообразования уделено в трудах как зарубежных, так и российских ученых. Вместе с тем исследование развития вопросов установления и регулирования валютного курса необходимо для более полного их понимания, а также для определения сфер и условий их применения, когда данные концепции могут быть наиболее эффективными.

Теория и методы

В современной экономической мысли существует большое количество теорий и подходов формирования валютных курсов, в частности теории паритета покупательной способности, концепции капитальных активов, теория внешнеторговой эффективности, концепция валютных ожиданий, теория валютных балансов [3; 4; 10; 11; 13].

В основе теории паритета покупательной способности лежит количественная теория денег. Она базируется на взглядах Д. Юма и Д. Рикардо. Главное положение этих теорий основывается на утверждении, что относительная стоимость денег двух стран определяет валютный курс, при этом первая зависит от уровня цен, а последний – от количества денег в обращении [6; 12].

В дальнейшем к теории паритета покупательной способности добавлялись другие факторы, влияющие на валютный курс, в том числе валютные ограничения, внедряемые государством, динамика кредита, изменение процентных ставок и т. д. Движение капитала и психологические факторы были введены Дж. М. Кейнсом [4]. А. Маршалл добавил эластичность спроса относительно цены [14].

Г. Кассель обобщил разработки Д. Рикардо и разработал теорию абсолютной покупательной способности. В рамках данной теории соотношение уровней цен в странах определяет валютный курс [3]. Действие закона единой цены предусматривает такое соотношение и гласит, что цены на товары в одной стране равны ценам на товары в другой стране [8]. Однако, закон одной цены выполняется только в долгосрочном аспекте, а сбои в его работе приводят к несовпадению номинальных и реальных валютных курсов.

Модификацией теории абсолютного паритета покупательной способности является теория относительного паритета. Последняя полагает, что валютный курс определяется в первую очередь относительными изменениями цен, а абсолютными ценами [15].

Несмотря на то, что расчет валютного курса по этой теории является динамическим аналогом расчета курса по теории абсолютного паритета, эти два направления теории паритета покупательной способности считаются эквивалентными. Согласно концепции внешнеторговой эффективности, валютный курс определяется эффективностью внешнеторговых операций страны [17]. К этой группе теорий относятся концепции маржинальной и средней эффективности.

Согласно концепции маржинальной эффективности, валютный курс представляет собой предельный доход от внешнеторговых операций – экспорта или импорта [7]. Недостатком этой концепции является то, что обменные курсы, рассчитанные на основе предельного дохода от экспорта и импорта, в большинстве случаев будут неодинаковыми, то есть применение концепции возможно только при условии внешнеторгового равновесия.

В концепции капитальных активов валютный курс определяется разрывом в соответствующих процентных ставках. На данной концепции базируется дисконтная валютная политика центральных банков, хотя до сих пор остается открытым вопрос, на каких временных интервалах применения концепции капитальных активов она более эффективна – в краткосрочной или в долгосрочной перспективе [5].

В научной литературе долгое время дискутируется вопрос избрания странами оптимального режима курсообразования. В результате сформировалось две основные теории, которые доказывают необходимость избрания одного из чистых режимов: теория фиксированных паритетов и теория плавающих курсов. Теорию плавающих валютных курсов была разработана в рамках монетаристской школы (М. Фридман, Г. Джонсон, Г. Гирш). Согласно теории, валютный курс должен свободно изменяться под влиянием спроса и предложения на валютном рынке, и государство не должно вмешиваться в эти изменения. М. Фридман выступает против политики привязки курса национальной валюты к иностранной, поскольку в случае использования режима валютного правления или официальной долларизации полностью или частично теряется национальная независимость в сфере денежно-кредитного и валютного регулирования [11].

Сторонники теории фиксированных валютных курсов считают, что колебания цен на мировых рынках недостаточно влияют на внешнюю торговлю в зависимости от курсовых соотношений. В связи с этим регулирование платежного баланса посредством изменения валютного курса являются неэффективными [16]. Одной из разновидностей жесткой фиксации курса является использование на территории нескольких стран одной общей валюты, то есть создание валютного союза. Наличие этого режима курсообразования объясняет теория оптимальных валютных зон, разработанная Р. Манделлом.

Теория оптимальных валютных зон в качестве центральной ставит вопрос, при каких обстоятельствах для определенного количества регионов целесообразно отказаться от монетарного суверенитета в пользу общей валюты. Основным условием создания валютной зоны Р. Манделл считает высокую степень мобильности труда.

Для решения вопроса оптимизации режима валютного курса в рамках теории оптимальных валютных зон Р. Манделл и Р. МакКиннон разработали критерии, которые позволяют выбрать один из чистых режимов: плавающего или фиксированного курса. Согласно этим критериям, фиксированный валютный курс больше подходит для использования в небольших экономиках активно участвуют в международной торговле. Большим странам и небольшим экономикам, в которых часто наблюдаются финансовые шоки, рекомендуется использовать гибкий режим курсообразования. Страны, которые стремились совместить преимущества фиксированных и плавающих курсов, стали применять смешанные режимы курсообразования. Концентрируя элементы плавания и фиксации, смешанные режимы не всегда могут избежать их недостатков, что на практике часто вызывало негативные последствия для экономики.

В результате, в современной теории валютных отношений была сформулирована гипотеза о постепенном отказе стран от промежуточных режимов и предпочтение «чистым» системам курсообразования, в иностранной литературе получившая названия «исчезновение середины» (от англ. *vanishing middle*), «угловые решения» (от англ. *corner solutions*), «закон исключения середины» или теория поляризации [9].

Теория поляризации тесно связана с проблемой «несовместимой тройки». У страны есть цели, в том числе независимость денежно-кредитной политики, стабильность валютного курса и мобильность международного капитала. При этом согласно теории, она может достичь только две цели из трех одновременно [1].

Так, если фиксация курса является жесткой (например, при валютном правлении), монетарная политика автоматически становится подчиненной поддержке валютной привязки. В стране может некоторое время существовать «несовместимая тройка», в частности, если валютный курс является заниженным. Но в долгосрочной перспективе в условиях свободной миграции капитала использование мягкой формы привязки приводит к повышению степени волатильности валютного курса, увеличению масштабов спекулятивных операций и развитию финансового кризиса. Таким образом, большинство из теорий валютных отношений поддерживают идею о необходимости воздействия государства на валютный курс в большей или меньшей степени. Все рассмотренные концепции формирования валютного курса доказали свою действенность на практике. Вместе с тем ни одна из теорий не является универсальной, способной заменить все другие, поскольку все концепции позволяют исследовать процесс формирования валютного курса на различных временных интервалах (краткосрочных или долгосрочных) и в различных условиях функционирования национальной экономики и мирового хозяйства в целом.

Обобщая имеющиеся в научной экономической литературе подходы, предлагаем свой взгляд на возможность распределения совокупности инструментов валютного регулирования по следующим основным классификационным признакам:

- по специфике применения – на рыночные, административные и монетарные инструменты;
- по характеру применения – на основные и дополнительные инструменты;

- по периодичности применения – на инструменты временного и постоянного применения.

При этом к основным инструментам валютного регулирования мы относим рыночные и административные инструменты, действие которых характеризуется прямым воздействием на объекты валютного регулирования.

Так, продажа центральным банком на открытом рынке государственных ценных бумаг устраняет эффект увеличения денежной массы в результате проведенной валютной интервенции по покупке иностранной валюты и продажи национальной. И, наоборот, при продаже иностранной валюты в обмен на национальную, центральный банк осуществляет покупку ценных бумаг на открытом рынке, в результате чего будет сформирован такой же размер денежной массы, что был изъят из обращения в результате интервенции. Таким образом, эффект стерилизации, как элемент валютного регулирования, способствует сохранению стабильности национальной денежной единицы, а также ограничивает денежно-кредитную экспансию, вызванную валютной интервенцией, без создания дополнительных ограничений для банковской системы.

Для проведения валютных интервенций национальные центральные банки, осуществляющие эмиссию, должны обладать большими валютными резервами. Также они возможны при незначительной неуравновешенности платежного баланса, характеризующейся периодическим изменением пассивного сальдо на активное. В другом случае проведение валютных интервенций может привести как к полному истощению валютных резервов, так и расстройству денежного обращения внутри страны.

Следует отметить, что большинство стран мира не используют чисто фиксированный или плавающий валютный курс в их чистом виде, а предпочитают возможности их различного сочетания в форме смешанных режимов валютных курсов. В конце 2016 г. мировая «палитра» валютных курсов выглядела так:

- режимов жесткой привязки (от англ. hard peg) придерживались 25 стран: без использования суверенного платежного средства (от англ. no separate legal tender) – 14 стран, режим валютного бюро (currency board) – 11 стран;
- режимы мягкой привязки (от англ. soft peg) использовали 76 стран: обычная привязка (conventional peg) – 44 страны, режим стабилизации валютного курса (от англ. stabilized arrangement) – 18 стран, в том числе Чешская Республика, ползучая привязка «вязкая» (от англ. crawling peg) – 3 страны, режим с возможностью корректировки курса (от англ. crawl-like arrangement) – 10 стран, привязка с коридором (от англ. pegged exchange rate within horizontal bands) – 1 страна;
- плавающие режимы (от англ. floating) выбрала 71 страна: плавающий режим (от англ. floating) – 40 стран, в том числе Украина; свободное плавание (от англ. free floating) – 31 страна, в том числе США, Канада, Австралия, Япония, Великобритания, Швеция, Норвегия, Польша, Россия, а также 17 стран Европейского экономического и монетарного союза;
- другие режимы валютного курса (от англ. other managed arrangement) использовали 20 стран, в том числе Китай и Беларусь «де-юре» использовали режим управляемого плавания (от англ. managed floating) [2; 18].

Объективными предпосылками для девальвации или ревальвации является завышение или занижение официального валютного курса по сравнению с реальной покупательной способностью национальной валюты вследствие различий в темпах инфляции в разных странах.

Основные положительные и отрицательные последствия девальвации и ревальвации национальной валюты для экономики страны приведены в таблице 1.

Таблица 1

Особенности последствий девальвации и ревальвации национальной валюты

Последствия девальвации	Последствия ревальвации
Положительные	Отрицательные
– способствует повышению ценовой конкурентоспособности экспортируемой продукции; – стимулирует импортозамещение вследствие переориентации потребителей на внутренний товарный рынок из-за подорожания иностранных товаров; – опосредованно стимулирует развитие национального производства и увеличение объемов экспорта	– способствует снижению ценовой конкурентоспособности экспортируемой продукции; – косвенно способствует ограничению экспортного потенциала; – стимулирует сокращение производства продукции, что не выдерживает конкуренции с дешевыми иностранными товарами

Последствия девальвации	Последствия ревальвации
Негативные	Позитивные
– удорожает обслуживание внешнего долга; затрудняет привлечение в страну иностранных инвестиций и кредитов; – способствует инфляции вследствие удорожания продукции критического импорта прежде всего в энергозависимых и сырьезависимых странах; увеличивает стоимость/цену иностранных товаров и услуг; – обесценивает сбережения в национальной валюте; способствует автоматическому переходу страны на новый масштаб цен и уменьшению покупательной способности населения; – способствует паническим настроениям населения, что может привести к изъятию вкладов из банков; увеличивает долларизацию депозитов и уровень наличности вне банков; – способствует возникновению необоснованного спроса на наличную иностранную валюту	– удешевляет обслуживание внешнего долга; – способствует привлечению в страну иностранных капиталов; – увеличивает привлекательность депозитов в национальной валюте; – стимулирует увеличение импорта; – способствует расширению внутреннего товарного рынка вследствие его насыщения импортными товарами; – косвенно способствует снижению темпов инфляции в стране

Составлено авторами по материалам исследования

Конвертируемость валюты – ее способность свободно обмениваться на другие валюты и использоваться в международных расчетах. В зависимости от отсутствия или наличия определенных валютных ограничений, определяют такие виды конвертируемости валют:

- полная конвертируемость – отсутствие каких-либо ограничений валютных операций;
- частичная конвертируемость (конвертируемость по текущим операциям, конвертируемость по операциям с капиталом) – частичные ограничения валютных операций;
- неконвертируемость – запрет валютных операций.

Конвертируемость – относительное свойство валют. В определенной степени она введена практически во всех странах – членах Международного валютного фонда (далее – МВФ). Однако к полной конвертируемости валют всех стран – членов МВФ еще очень далеко.

Страны, которые поступают в МВФ и присоединяются к требованиям статьи VIII Устава МВФ, обязуются отменить все ограничения на международные платежи по текущим операциям. Конвертируемость по операциям с капиталом не является обязательным требованием при поступлении в МВФ. Ограничения операций с капиталом часто используют страны с переходной экономикой, а также те, которые переживают экономические проблемы.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что уровень конвертируемости национальной валюты хотя и зависит от наличия или отсутствия валютных ограничений в стране, но не определяется исключительно только этим фактором, а обусловлен комплексным действием других факторов экономического характера, таких как уровень экономического развития страны – эмитента определенной национальной валюты, уровень развития внутреннего товарного и финансового рынков, доверия к национальной денежной единице и наличии устойчивого спроса на нее на международных валютных рынках, объемов использования национальной валюты во внешнеэкономических расчетах и тому подобное.

Одним из основных инструментов валютного регулирования для стран с переходной экономикой является применение валютных ограничений. Обобщение исследований отечественных и зарубежных ученых свидетельствует, что в методологических подходах к раскрытию понятия «валютные ограничения» не существует существенных разногласий. Валютные ограничения рассматриваются как:

- система государственных мер административного, экономического, организационного характера, направленных на установление порядка проведения операций с валютными ценностями;

- совокупность законодательных или административных норм, применяемых на уровне государства и на межгосударственном уровне и регламентирующих проведение операций с валютой, золотом, другими валютными ценностями;
- законодательно установленные требования по ограничению или запрету осуществления операций с валютными ценностями;
- общая характеристика условий и пределов проведения валютных операций, что связано с необходимостью защиты национальной валюты [4; 14; 15].

Наличие валютных ограничений означает, что страна находится на переходном этапе от полного запрета на использование национальной валюты во внешнеэкономических расчетах (большинство развивающихся стран) к введению полной конвертируемости национальной валюты (развитые страны).

Считаем, что существующие валютные ограничения целесообразно классифицировать по: сфере применения, разновидностям валютных операций, периодичности применения, характеру применения, разновидностям валютных ценностей и направлению их трансграничного движения, видам расчетов. Чаще всего в современных условиях валютные ограничения применяются развивающимися странами в рамках проведения мероприятий по регулированию состояния платежного баланса и решения вопросов погашения внешней задолженности.

Заключение

На основании обобщения имеющихся в научной экономической литературе подходов предлагаем рассматривать механизм валютного регулирования как совокупность взаимосвязанных инструментов, методов и обеспечения, комплексное взаимодействие которых обеспечивает осуществление субъектами валютного регулирования нормативно-регулятивного влияния на его объекты в соответствии с определенными целями, задачами, принципами и функциями. Предложенное нами определение формализует концептуальные основы функционирования валютного регулирования, позволяет глубже проанализировать сдвиги в его структуре, которые происходят по результатам экономических трансформаций под влиянием современных мировых тенденций в финансовой глобализации и интеграции.

Библиографический список

1. Веретенникова, О.Б., Мамин, Д.В. Проблемы построения многофакторной экономико-математической модели динамики валютного курса в современных условиях // *Финансы и кредит*. – 2019. – № 9. – С. 15-25.
2. Елистратова, Д.А. Эконометрическое исследование курса доллара в современных экономических условиях // *Молодой ученый*. – 2016. – № 12 (116). – С. 1235-1237.
3. Кассель, Г. Инфляция и валютный курс. – М.: Эльф пресс, 1995. – 102 с.
4. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Юрайт, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/viewer/the-general-theory-of-employment-interest-money-obshchaya-teoriya-zanyatosti-procenta-i-deneg-454946/#/> (дата обращения: 08.01.2021).
5. Леонтьева, Е.Л. Экономика Японии в условиях мирового кризиса (2008 г. – первый квартал 2009 г.) // *Ежегодник Японии*. – 2009. – № 38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-yaponii-v-usloviyah-mirovogo-krizisa-2008-g-pervyy-kvartal-2009-g> (дата обращения: 08.01.2021).
6. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. / МГУ им. М.В. Ломоносова; гл. редкол.: В. Н. Черковец (гл. ред.) и др. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1: От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической экономии / Л.Б. Алаев, Ф.М. Ацамба, А.А. Вигасин и др.; редкол.: И.П. Фаминский (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1987 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/ric/ardo/2.htm> (дата обращения: 08.01.2021).
7. Смыслов, Д.В. Перспективы реформы международной валютной системы: современные подходы // *Деньги и кредит*. – 2016. – № 10. – С. 20-33.
8. Тимофеев, С.А. Модели динамики валютных пар на основе фундаментальных показателей экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13 / Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. – СПб., 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.spbstu.ru/dl/2/3492.pdf> (дата обращения: 08.01.2021).
9. Фишер, И. Покупательная сила денег // СИРИО Студенческий информационный ресурс индивидуального обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://siriostudent.narod.ru/MSMD.pdf> (дата обращения: 08.01.2021).

10. Frenkel, J., Jonson, H. The monetary approach to the balance of payments. Essential concepts and historical origins // *The Monetary Approach to the Balance of Payments* / Ed. by J. Frenkel and H. Jonson. – London: George Allen and Unwin Ltd., 1976 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/monetaryapproach0000unse> (дата обращения: 08.01.2021).
11. Friedman, M. The demand for money: some theoretical and empirical results [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fordham.edu/download/downloads/id/5608/lothian_friedman_4-09pdf.pdf (дата обращения: 08.01.2021).
12. Hume, D. Of money // Sacramento State [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csus.edu/indiv/c/chalmersk/ECON101SP09/HumeOfMoney.pdf> (дата обращения: 08.01.2021).
13. Kemp, D. A Monetary view of the balance of payments // *Current Issues in Monetary Theory and Policy* / Ed. by T. Havrilesky and J. Boorman. – Arlington Heights: AHM Publishing Corp., 1976 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.stlouisfed.org/files/htdocs/publications/review/75/04/Balance_Apr1975.pdf (дата обращения: 08.01.2021).
14. Marshall, A. Money, credit and commerce. – London: Macmillan & Co., limited, 1929 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/moneycreditcomme00mars/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 08.01.2021).
15. Mundell, Robert A. A theory of optimum currency areas // *American Economic Review*. – 1961. – V. 51, no. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.experimentalforschung.econ.uni-muenchen.de/studium/veranstaltungsarchiv/sq2/mundell_aer1961.pdf (дата обращения: 08.01.2021).
16. Robinson, J. The rate of interest // *Econometrica*. – 1951. – V. 19, no. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.econometricsociety.org/publications/econometrica/1951/04/01/rate-interest> (дата обращения: 08.01.2021).
17. Tobin, J. A proposal for monetary reform // *Eastern Economic Journal*. – 1978. – V. IV, no. 3-4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globalpolicy.org/social-and-economic-policy/global-taxes-1-79/currency-transaction-taxes/45989-a-proposal-for-monetary-reform.html> (дата обращения: 08.01.2021).
18. World Bank Open Data // The World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 08.01.2021).

References

1. Veretennikova O. B., Mamin D. V., Problems of constructing a multi-factor economic and mathematical model of exchange rate dynamics in modern conditions, *Finance and Credit*, 2019, no. 9, pp. 15-25. (In Russian).
2. Elistratova, D. A. Econometric study of the dollar exchange rate in modern economic conditions, *Molodoi uchenyi*, 2016, no. 12 (116), pp. 1235-1237. Available at: <https://moluch.ru/archive/116/31459/> (accessed 08.01.2021). (In Russian).
3. Kassel' G. *Inflation and exchange rate*, Moscow, El'f press, 1995, 102 p. (In Russian).
4. Keynes J. M. *The general theory of employment, interest and money*, Moscow, Yurait, 2020. Available at: https://urait.ru/viewer/the-general-theory-of-employment-interest-money-obshchaya-teoriya-zanyatosti-procenta-i-deneg-454946# (accessed 08.01.2021). (In Russian).
5. Leont'eva E. L. Japan's economy in a global crisis (2008 – first quarter of 2009), *Yearbook Japan*, 2009, no.38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-yaponii-v-usloviyah-mirovogokrizisa> (accessed 08.01.2021). (In Russian).
6. *The world history of economic thought: in 6 volumes*, Lomonosov Moscow State University, head of the editorial board: Cherkovets V. N. (editor-in-chief) [et al.], Moscow, Mysl', 1987, vol.1: From the birth of economic thought to the first theoretical systems of political economy, Alaev L. B., Atsamba F.M., Vigasin A. A., [et al.], editorial board: Faminskii I. P., Moscow, Mysl', 1987. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/ric/ardo/2.htm> (accessed 08.01.2021). (In Russian).
7. Smyslov D. V. Prospects for the reform of the international monetary system: modern approaches, *Russian Journal of Money and Finance*, 2016, no. 10, pp. 20-33. (In Russian).
8. Timofeev S. A. *Models of the dynamics of currency pairs based on the fundamental indicators of the economy*: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 08.00.13, St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2013. Available at: <http://elib.spbstu.ru/dl/2/3492.pdf> (accessed 08.01.2021). (In Russian).
9. Fisher I. The purchasing power of money, *SIRIO Studencheskii informatsionnyi resurs individual'nogo obucheniya*, Available at: <http://siriostudent.narod.ru/MSMD.pdf> (accessed 08.01.2021). (In Russian).
10. Frenkel J., Jonson H. The monetary approach to the balance of payments. Essential concepts and historical origins, *The Monetary Approach to the Balance of Payments*, Ed. by Frenkel J. and Jonson H. – London, George Allen and Unwin Ltd., 1976. Available at: <https://archive.org/details/monetaryapproach0000unse> (accessed 08.01.2021).
11. Friedman M. *The demand for money: some theoretical and empirical results*. Available at: https://www.fordham.edu/download/downloads/id/5608/lothian_friedman_4-09pdf.pdf (accessed 08.01.2021).

12. Hume D. Of money, *Sacramento State*. Available at: <https://www.csus.edu/indiv/c/chalmersk/ECON101SP09/HumeOfMoney.pdf> (accessed 08.01.2021).
13. Kemp D. A monetary view of the balance of payment, *Current Issues in Monetary Theory and Policy*, ed. by Havrilesky T. and Boorman J., Arlington Heights, AHM Publishing Corp., 1976. Available at: https://files.stlouisfed.org/files/htdocs/publications/review/75/04/Balance_Apr1975.pdf (accessed 08.01.2021).
14. Marshall A. *Money, credit and commerce*, London, Macmillan & Co., limited, 1929. Available at: <https://archive.org/details/moneycreditcomme00mars/page/n9/mode/2up> (accessed 08.01.2021).
15. Robert A. Mundell A theory of optimum currency areas, *American Economic Review*, vol. 51, no. 4. Available at: https://www.experimentalforschung.econ.uni-muenchen.de/studium/veranstaltungsarchiv/sq2/mundell_aer1961.pdf (accessed 08.01.2021).
16. Robinson J. The rate of interest, *Econometrica*, vol. 19, no. 2. Available at: <https://www.econometricsociety.org/publications/econometrica/1951/04/01/rate-interest> (accessed 08.01.2021).
17. Tobin J. A proposal for monetary reform, *Eastern Economic Journal*, vol. IV, no. 3-4. Available at: <https://www.globalpolicy.org/social-and-economic-policy/global-taxes-1-79/currency-transaction-taxes/45989-a-proposal-for-monetary-reform.html> (accessed 08.01.2021).
18. World Bank Open Data, *The World Bank Group*. Available at: <https://data.worldbank.org> (accessed 08.01.2021).

УДК 336.71 JEL: G10, G21

**Матвеевский Сергей
Сергеевич**

канд. техн. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8307-910X**e-mail:** ssmatveevskii@fa.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-144-151

**СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ АЗИАТСКОГО
БАНКА РАЗВИТИЯ**

Аннотация. Рассмотрено содержание и особенности системы оценки эффективности Азиатского банка развития. Представлены основные требования к созданию надежных систем оценки деятельности банков развития, основанные на зарубежном опыте. Дано краткое описание деятельности Азиатского банка развития, подчеркнуто значение Независимого департамента оценки Азиатского банка развития. Выполненный автором анализ системы оценки эффективности работы Азиатского банка развития показал, что банк использует как классические финансовые показатели, так и специализированные обобщенные экономические показатели, являющиеся количественно измеримыми. Вся система экономических показателей разделена на четыре уровня, что позволяет отдельно оценивать как развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вклад Азиатского банка развития в данное развитие, так и качество управления в самом Азиатском банке развития; для каждого уровня оценки использовано свое множество показателей (индикаторов). Каскадная система оценки корпоративных результатов Азиатского банка развития обеспечивает вовлеченность всех сотрудников в достижение поставленных целей. Важно, что Азиатский банк развития использует переход от количественных данных к качественным характеристикам, что решает проблему неточности данных: формируются кластеры показателей. Система оценки эффективности Азиатского банка развития не связана с использованием единого критерия эффективности.

Ключевые слова: банк развития, Азиатский банк развития, оценка эффективности, индикаторы, характеристики, финансовые показатели, экономические показатели, каскадная система оценки

Для цитирования: Матвеевский С.С. Система оценки эффективности Азиатского банка развития // Вестник университета. 2021. № 2. С. 144–151

Sergey S. MatveevskiiCand. Sci. (Techn.), Financial
University, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0002-8307-910X**e-mail:** ssmatveevskii@fa.ru**ASIAN DEVELOPMENT BANK PERFORMANCE
ASSESSMENT SYSTEM**

Abstract. The paper considers the content and features of the efficiency assessment system of the Asian Development Bank. The article presents the basic requirements for the creation of reliable systems for assessing the activities of development banks, based on foreign experience. The author gives a brief description of Asian Development Bank's activities, emphasizes the importance of Asian Development Bank's Independent Evaluation Department. The author's analysis of the Asian Development Bank performance assessment system showed that the bank uses both classical financial indicators and specialized generalized economic indicators that are quantitatively measurable. The entire system of economic indicators is divided into 4 levels, which makes it possible to separately assess both the development in the Asian Pacific Region, the contribution of Asian Development Bank to this development, and the quality of management in the Asian Development Bank itself; for each level of assessment the author used its own set of indicators (indicators). Asian Development Bank's corporate performance cascade system ensures that all staff are engaged in achieving set goals. It is important that Asian Development Bank uses the transition from quantitative data to qualitative characteristics, which solves the problem of inaccurate data: clusters of indicators are formed. Asian Development Bank's performance assessment system is not linked to the use of a single performance criterion.

Keywords: development bank, Asian Development Bank, performance assessment, indicators, characteristics, financial indicators, economic indicators, cascade assessment system

For citation: Matveevskii S.S. (2021) Asian development bank performance assessment system. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 144–151. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-144-151

Введение

Проблема оценки деятельности банков развития (далее – БР) весьма актуальна: например, Х. де Луна Мартинес считает, что БР, для достижения хороших результатов, должны иметь эффективную систему мониторинга и оценки; данная система должна обеспечивать отслеживание динамики основных финансовых и экономических показателей, что предоставит БР возможность своевременно вносить изменения в планы и свою деятельность [13]. Отмечается тот факт, что без надлежащей системы оценки БР не смогут понять, какие их приемы и программы действительно эффективны.

Обсуждая оценку работы БР, следует учитывать тот факт, что БР существуют для устранения так называемых провалов рынка, решения конкретных проблем в соответствии с существующими мандатами (как правило, частные банки не обеспечивают полностью необходимое финансирование), поэтому невозможно полностью полагаться на сигналы рынка об успехах или неудачах БР.

Литературный обзор

В обзоре 2017 г. «Национальные банки развития» был обобщен опыт работы большого количества БР, сформулированы рекомендации, являющиеся условием создания надежных систем оценки деятельности БР [13].

1. БР должен иметь четкий мандат.
2. На основании мандата БР, должен выбрать конкретные результаты и значимые показатели. Следует одновременно использовать как финансовые показатели, так и социальные, экономические и экологические результаты (в связи с тем, что они могут способствовать или «вредить» финансовым показателям БР).
3. БР следует тщательно отбирать показатели. Многие БР сталкиваются с высокой стоимостью данных: не следует собирать все возможные данные; важно выяснить, кто еще регулярно собирает данные, которые могут быть использованы БР.
4. БР должен иметь ясную процедуру сбора и анализа данных.
5. БР должны регулярно использовать данные в процессе принятия решений.
6. БР должны учитывать эффект ролевого моделирования: обмен данными и демонстрация того, как БР действовал (используя фактические данные), может приносить пользу БР, в том числе при сотрудничестве с другими финансовыми организациями.

В России также активно исследуются проблемы оценки деятельности институтов развития (далее – ИР). В работе Е. А. Селявиной предлагается использовать ряд критериев и индикаторов, однако, все они основаны на финансовых характеристиках [6]. В работах И. А. Никоновой предлагается использовать несколько классов показателей (как финансовых, так и социально-экономических и экологических) – фактически, более сотни отдельных показателей для комплексной оценки, но на практике, с учетом погрешностей используемых исходных данных, будет сложно получить относительно точные значения отдельных показателей, что приведет к ошибкам в оценке [2; 3]. Р. О. Левашов в своей работе предлагает для активизации инвестиционной деятельности в Ивановской области Российской Федерации создать новый региональный БР, а его эффективность оценивать с помощью совокупности финансово-экономических показателей (предлагается измерять экономический, бюджетный, социальный и экологический эффекты) [1]. Д. А. Савка предлагает использовать метод анализа среды функционирования (англ. data envelopment analysis, DEA) для оценки эффективности БР при реализации проектов государственно-частного партнерства; автор применил данный метод на практике – проанализировал и систематизировал виды и содержание финансовых и нефинансовых услуг БР [5].

В научном докладе «Оценка эффективности деятельности российских и зарубежных институтов развития» проведена оценка эффективности российских ИР, осуществлен сравнительный анализ российских ИР с зарубежными аналогами [4]. В систему основных показателей эффективности российских ИР предлагается включить: прирост ВВП (регионального ВВП), непосредственно связанный с деятельностью (инвестициями) ИР; рост налоговых поступлений в бюджеты всех уровней в абсолютных числах. Авторы считают, что одним из основных показателей эффективности вложения бюджетных средств при работе ИР является рост добавленной стоимости и объем инновационных товаров (работ, услуг), а главными бизнес-процессами ИР (они и подлежат комплексной оценке) должны быть: реализация проектов,

связанных с расширением экспорта, активизацией внешнеторговой деятельности в России, аккумулирование и использование прямых инвестиций для расширения международных экономических связей и поддержки малых и средних предприятий внутри России.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российские специалисты считают возможным использовать для оценки деятельности БР группу финансово-экономических показателей.

Анализ результатов

Особенный интерес представляет опыт Азиатского банка развития (далее – АБР) в области оценки своей деятельности [12]. АБР начал работать 19 декабря 1966 г. и был ориентирован преимущественно на развитие сельскохозяйственных регионов (в то время банк имел 31 члена)

В 2019 г. АБР выделил займы в объеме 21,64 млрд долл. США. Было предоставлено 4,49 млрд долл. США в виде льготной помощи и 17,15 млрд долл. США из обычных источников. Вместе с официальным и коммерческим финансированием и технической помощью общие расходы АБР в 2019 г. составили 33,74 млрд. долл. США. Возврат денежных средств (погашение кредитов) увеличился в 2019 г. на 16,1 % до 16,47 млрд. долл. США. В 2019 г. в связи с выпуском 50 издания серии ключевых показателей для Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР), была запущена новая база данных, что расширило доступ к ее комплексным макроэкономическим и социальным показателям [11].

В 2018 г. объем выданных кредитов и грантов составил 21,58 млрд долл. США, превысив целевой показатель в 19,71 млрд долл. США. Доля финансирования частного сектора в 2018 г. увеличилась за год на 37 % и составила около 3,14 млрд долл. США. Операции АБР в частном секторе позволили привлечь софинансирование в объеме 7,17 млрд долл. США.

Таким образом, с учетом официального и коммерческого софинансирования, технической помощи, общий объем финансирования, инициированный АБР в 2018 г., составил 35,82 млрд долл. США (рост на 13 % по сравнению с 2017 г.).

Погашение выданных кредитов и исполнение иных обязательств в 2018 г. выросли и составили 14,19 млрд долл. США (рост на 24 % по сравнению с 2017 г.).

В течение 2018 г. АБР проводил консультации и разрабатывал новую корпоративную систему оценки результатов деятельности банка, рассчитанную на использование в 2019–2024 гг. Планируется, что в структуре результатов АБР будут использоваться индикаторы, базовые показатели и целевые показатели, направленные на мониторинг деятельности банка в связи с необходимостью достижения целей Стратегии 2030.

В апреле 2018 г. АБР увеличил потолок распределения ресурсов для своих программ RBL (от англ. results based lending) до 10 % от общих ассигнований. RBL, стартовавший в марте 2013 г. как новый механизм финансирования АБР, предполагает кредитование, основанное на результатах, – очередные выплаты денежных средств увязываются с достижением конкретных результатов (в отличие от авансовых выплат, которые осуществляются при традиционном инвестиционном кредитовании) [10].

Независимый департамент оценки (англ. independent evaluation department, IED) АБР помогает совершенствовать деятельность банка, осуществляя оценку эффективности его деятельности. В частности, в 2018 г. IED оценивал взаимодействие банка с государственными предприятиями, проекты в сельском хозяйстве, производительность, проектирование и планирование кредитования. IED оценило поддержку АБР малых и средних предприятий, уделяя особое внимание деловой среде, доступу к финансам, производственно-сбытовым цепочкам и участию женщин в бизнесе. В течение 2018 г. IED, в частности, выполнило проверку реализации стратегии партнерства с такими странами, как Кыргызская Республика, Соломоновы острова и Узбекистан. Результаты проверок были использованы при подготовке и разработке страновых стратегий партнерства и оперативных планов АБР. В 2018г., по заданию Совета директоров АБР, был проведен анализ деятельности IED, определивший возможности совершенствования его деятельности [8].

В годовом отчете АБР за 2018 г., анализ содержания подраздела «Обзор результатов 2018 г.» позволяет заключить, что результаты деятельности АБР оцениваются с помощью:

- важнейших финансовых показателей (в частности объема предоставленных кредитов);

- успешных экономических показателей (финансирование частного сектора – 19,3 % при цели в 20 %; финансирование образования – цель достигнута; финансирование здравоохранения – цель не достигнута; государственно-частное партнерство – 99 ед., цель в 100 ед. почти достигнута; сокращение сроков закупок – на 38 дней); успешность предполагает достижение заданного количественного показателя;
- проблемных экономических показателей (успешность проектов ниже заданного уровня в 80 %; улучшение социального обеспечения – 4,9 % при целевом значении в 6 % и др.);
- ряда конкретных экономических результатов, которые можно измерить количественно (количество обученных студентов, километры построенных дорог, количество домохозяйств с улучшением водоснабжения и др.) [10].

В настоящее время в АБР используются 85 показателей переходной системы оценки результатов на 2017–2020 гг. для оценки развития АТР и деятельности АБР [14]. Показатели используются для четырех уровней и разделяются на два раздела.

Раздел 1 включает в себя уровень 1, который связан с оценкой результатов развития в АТР. Он не оценивает результаты деятельности АБР, но отражает динамику общего развития в регионе в соответствии с показателями, соответствующими Целям в области устойчивого развития [15].

Раздел 2 включает уровни 2, 3 и 4. Он содержит оценки результатов деятельности АБР, связанной с реализацией Стратегии 2020. Дается оценка вклада АБР в развитие с помощью представления результатов операций банка, которые были выполнены в течение предыдущих трех лет (уровень 2); уровень 3 позволяет оценить оперативное управление АБР операциями, а уровень 4 оценивает эффективность управления АБР внутренними ресурсами и процессами.

В отчете 2018 г. используются цветные индикаторы, иллюстрирующие направление изменений уровня 1, а также для оценки эффективности достижения целей уровней 2, 3 и 4. Эффективность показателей, имеющих годовые цели, определяется путем сравнения с минимальными или максимальными пороговыми значениями, установленными для каждого года в течение 2017–2020 гг.

В частности, в 2018 г. в «Обзоре эффективности развития» АБР приводятся следующие данные.

Уровень 1: динамика развития в АТР. Средний годовой темп роста реального валового внутреннего продукта на душу населения в странах – участницах АБР снизился с 5,8 % в 2015 г. до 5,4 % в 2017 г.; детская смертность снизилась с 36 на 1 тыс. рождений в 2014 г. до 31 на 1 тыс. в 2017 г.; около 92 % людей в странах – участницах АБР имели доступ к электроэнергии в 2017 г.; «охват» населения дорогами увеличился на 2,2 км на 10 тыс. человек в 2013–2016 гг.; в 2014–2017 гг. еще 396 млн взрослых граждан в странах – членах АБР открыли счета в финансовых учреждениях (70 %).

Уровень 2: вклад АБР в результаты развития. Уровень успешности суверенных проектов – 74 % – ниже целевого показателя 80 %; показатели несuverенных операций стабильны, но существенно ниже целевых значений: только 56 % подобных операций были оценены как успешные в 2016–2018 гг.; достигнут высокий уровень достижения результатов: завершённые проекты обеспечили достижение 85 % или более запланированных результатов для 20 из 22 показателей АБР.

Уровень 3: качество оперативного управления АБР. Среднее время от одобрения проекта до первого контракта на поставку сократилось до 10,4 месяца в 2018 г.; АБР выделил рекордные 14,18 млрд долл. США, объем прямого софинансирования в 2018 г. составил 13,9 млрд долл. США – 64 % от общего финансирования АБР; доля реализованных проектов, связанных с социальной защитой, поддерживающих необходимое условие инклюзивного экономического роста, снизилась до 4,9 % в 2016–2018 гг. для АБР в целом; финансирование проектов в области образования достигло 7,5% от общего объема финансирования в 2018 г.; финансирование проектов в сфере здравоохранения выросло до 2,4 %; объем финансирования проектов частного сектора увеличился на 37 % – до 3,14 млрд долл. США в 2018 г.

Уровень 4: организационное управление АБР. Доля бюджетных и международных сотрудников достигла целевого значения 56 %; до 59 % увеличилась доля сотрудников региональных отделений, работающих в представительствах АБР; среднегодовое отношение внутренних административных расходов АБР за три года на 1 млн долл. США финансирования остается в рамках целевого диапазона [14].

Для совершенствования системы оценки деятельности АБР в 2018 г. был проведен опрос сотрудников и руководителей банка [12]. Результаты опроса позволили сделать следующие выводы.

1. Индикаторы корпоративных результатов. Большинство руководителей АБР считают, что использование индикаторов позволило АБР улучшить управление результатами. Индикаторы помогли обеспечить последовательное достижение корпоративных целей при проведении операций и планировании. Например, если значение конкретного индикатора ухудшается, выявляются причины и готовятся соответствующие корректирующие действия; АБР периодически пересматривал используемые показатели (индикаторы); например, после того, как было выявлено снижение доли секторов образования и здравоохранения в общем финансировании, в систему индикаторов были добавлены новые показатели, которые имели целевые значения для обоих секторов; к 2011 г. АБР полностью интегрировал структуру корпоративных результатов (англ. corporate results framework, CRF) в цикл корпоративного управления: достигнутые результаты начали непосредственно использоваться при управлении; вовлеченность руководства и сотрудников банка позволила создать надежную методологию мониторинга и укрепить заинтересованность персонала АБР.

2. Отчетность перед участниками, включая акционеров. Акционеры АБР оценивают текущие значения индикаторов уровня 1, они также уделяют внимание уровню 2. Менеджеры АБР в основном концентрируются на индикаторах уровней 3 и 4; они подчеркнули необходимость выделения трех видов показателей: для оценки только результатов деятельности АБР, для оценки результатов развивающихся стран-членов банка и для оценки и того, и другого.

3. Возможность постановки достижимых и важных целей. Руководители АБР считают пять факторов особенно важными для эффективного управления результатами и установления целевых показателей:

- баланс амбиций и реалистичности; например, Стратегия 2020 АБР устанавливает долгосрочный целевой показатель для ежегодного прямого софинансирования – «доллар за доллар», но некоторые менеджеры банка считали такой целевой показатель явно недостижимым и неуместным;

- оценка полезности и пригодности; по мнению некоторых менеджеров банка, не все индикаторы полезны или подходят для достижения поставленных целей; менеджеры предложили исключать цели, когда прогресс (результаты) в основном находится за пределами прямого контроля АБР;

- использование надежных исходных условий и заинтересованности вовлеченных сторон; большинство опрошенных менеджеров банка заявили, что важно привлечь специалистов отрасли, которые с наибольшей вероятностью будут иметь необходимые данные и знания для участия в установлении целевых показателей;

- постоянный контроль за показателями и целевыми значениями; около половины менеджеров банка считают, что используется слишком много показателей, как следствие, мониторинг и отчетность по ним отнимают много времени; некоторые менеджеры считают идеальной ситуацией использование 10–15 индикаторов с целевыми значениями (сейчас – 85), достижение которых менеджерами банка было бы простимулировано;

- по мнению многих менеджеров АБР, слишком большое внимание к количеству в сочетании со слишком малым вниманием к качеству (в отчетах по эффективности) может оказать непреднамеренное негативное влияние на корпоративную культуру АБР; менеджеры считают, что только стремление к достижению целевых показателей эффективности может снизить внимание к качеству взаимодействия АБР с заинтересованными сторонами, планированию операций и реализации проектов.

4. Каскадные целевые показатели корпоративных результатов. Более половины руководителей АБР считают критически важным информировать всех сотрудников АБР о необходимости достижения целевых значений индикаторами; менеджеры банка также отметили важность наличия специальных механизмов для постоянного мониторинга ситуаций (обеспечение раннего выявления проблем с производительностью и принятие корректирующих действий).

В настоящее время АБР использует целевую каскадную систему оценки корпоративных результатов (переходный период 2017–2020 гг.). Данная система предполагает использование результатов годового обзора эффективности развития для формирования (уточнения) общих планов банка, дополнения (корректировки) рабочих программ, внесения уточнений в систему бюджетирования. Как следствие, вносятся изменения в отраслевую и тематическую структуру операций банка, страновые стратегии партнерства, систему проектирования и мониторинга банка. Общие планы детализируются и используются для формирования (уточнения) рабочих планов департаментов, подразделений банка, вплоть до планов работы отдельных сотрудников. Представленные действия носят итерационный характер. В 2018 г. была введена автоматизация

каскадирования целей и задач, что привело к более тесному согласованию между планами работы отделов, подразделений и персонала [9].

Выводы

Анализ системы оценки эффективности работы АБР позволяет сделать выводы о том, что банк использует:

- важнейшие финансовые показатели (объем предоставленных кредитов, объем возвращенных средств, объем софинансирования, привлеченные ресурсы и др.), характеризующие сущность и основные операции АБР как БР;
- специализированные обобщенные экономические показатели (например, объем финансирования частного сектора; успешность проектов; улучшение социального обеспечения; финансирование образования, здравоохранения; сокращение сроков закупок и др.), «успешность» которых увязывается с достижением конкретным показателем некоторого заданного для данного интервала времени значения; если конкретный показатель меньше заданного значения, то соответствующий экономический показатель характеризуется как проблемный;
- конкретные экономические результаты, которые можно измерить количественно (количество обученных студентов, сокращение выбросов парниковых газов, километры построенных дорог, количество домохозяйств с улучшением водоснабжения, количество микрофинансовых ссуд, объем трансграничных перевозок и др.);
- систему экономических показателей, которая разделена на четыре уровня; это позволяет отдельно, количественно и качественно, оценивать как развитие в АТР регионе, вклад АБР в данное развитие, так и качество управления в самом АБР; для каждого уровня оценки используется свое множество показателей (индикаторов); допускается изменение (дополнение) индикаторов, если по итогам работы за некоторый интервал времени выясняется, что система управления банка работает не эффективно;
- каскадную систему оценки корпоративных результатов, предоставляющую возможность детализировать показатели (общие цели) до уровня задач рядовых сотрудников банка, что обеспечивает вовлеченность сотрудников в достижение поставленных целей;
- многоуровневая система оценки деятельности АБР, основанная на совокупности показателей и индикаторов, может быть адаптирована к изменению стратегии АБР (например, «реакция» банка на пандемию коронавируса);
- различные цвета и условные обозначения позволяют быстро визуализировать успехи и проблемы в деятельности АБР.

Принципиально важно, что АБР использует переход от количественных данных к качественным характеристикам (например, успешность реализации проекта), что решает проблему неточности (грубости) данных (фактически формируются кластеры показателей); система оценки эффективности АБР не связана с использованием единого критерия эффективности (как делают, например, рейтинговые агентства).

Безусловно, опыт АБР в создании системы оценки своей эффективности будет полезен и для российских ИР. Это особенно актуально в связи с реорганизацией российских ИР: в конце ноября 2020 г. «Роснано», «Сколково» и еще шесть ИР перешли под управление ВЭБ.РФ [7]. В настоящее время ВЭБ.РФ использует для характеристики своей деятельности только финансовые показатели, в частности по итогам трех кварталов 2020 г. активы ИР составляли 42,7 млрд долл. США, обязательства – 35,2 млрд долл. США, а кредитный портфель был равен 20,1 млрд долл. США. Операционный доход равнялся 146,1 млрд долл. США (на 34,2 % больше, чем в 2019 г.) [8].

Библиографический список

1. Левашов, Р.О. Оценка эффективности деятельности регионального банка развития на примере Ивановской области // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 427-433.
2. Никонова, И.А. Банк развития: оценка эффективности кредитно-инвестиционной деятельности // Труды Института системного анализа Российской академии наук. – 2013. – Т. 63, № 1. – С. 77-84.
3. Никонова, И.А. Оценка социально-экономической эффективности деятельности национального банка развития // Финансы и кредит. – 2013. – № 5 (533). – С. 2-10.

4. Оценка эффективности деятельности российских и зарубежных институтов развития: научный доклад / под ред. И.Н. Рыковой. – М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. – 204 с.
5. Савка, Д.А. Применение метода DEA для оценки эффективности банков развития в сфере ГЧП // Экономика. Бизнес. Банки. – 2019. – № 3. – С. 128-141.
6. Селявина, Е.А. Модель оценки эффективности деятельности банков развития на макроуровне // Экономика. Налоги. Право. – 2015. – № 2. – С. 135-145.
7. О реорганизации институтов развития // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/23/11/2020/5fb8ce659a79471e74bd2245> (дата обращения: 06.12.2020).
8. Презентация для инвесторов. Декабрь 2020 // ВЭБ.РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.вэб.рф/> (дата обращения: 10.12.2020).
9. An External Review of the Independent Evaluation Department of the Asian Development Bank // Asian Development Bank. – October 2018; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/documents/adb-independent-evaluation-department-external-review> (дата обращения: 19.11.2020); <https://dx.doi.org/10.22617/TCS189610-2>.
10. Annual Report 2018 // Asian Development Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/496016/adb-annual-report-2018.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).
11. Annual Report 2019 // Asian Development Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/650011/adb-annual-report-2019.pdf> (дата обращения: 22.12.2020).
12. Asian Development Bank: official website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adb.org/> (дата обращения: 10.12.2020).
13. De Luna-Martínez, J. 2017 Survey of National Development Banks: Global Report // World Bank Group, World Federation of Development Financing Institutions, 2018. – 68 p.
14. Development Effectiveness Review 2018 // Asian Development Bank. – April 2019; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/documents/development-effectiveness-review-2018-report> (дата обращения: 02.12.2020); <https://dx.doi.org/10.22617/TCS190119-2>.
15. The 2030 Agenda for Sustainable Development and the SDGs // European Commission website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/environment/sustainable-development/SDGs/index_en.htm (дата обращения: 02.12.2020).

References

1. Levashov R.O. Evaluation of the effectiveness of the regional development bank on the example of the Ivanovo region, *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 2015, no.3, pp. 427-433. (In Russian).
2. Nikonova I.A. Development bank: assessment of the effectiveness of credit and investment activities, *Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences*, 2013, vol. 63, no.1, pp. 77-84. (In Russian).
3. Nikonova I.A. Assessment of the socio-economic effectiveness of the national development bank, *Finance and Credit*, 2013, no. 5 (533), pp. 2-10. (In Russian).
4. *Evaluation of the effectiveness of Russian and foreign development institutions*, edited by Rykova I.N., Moscow, Financial Research Institute, 2016, 204 p. (In Russian).
5. Savka D.A. Application of the DEA method to assess the effectiveness of development banks in the field of public-private partnerships, *Economy. Business. Banks*, 2019, no. 3, pp. 128-141. (In Russian).
6. Selyavina E.A. Model for assessing the effectiveness of development banks at the macro level, *Economy. Taxes. Law*, 2015, no. 2, pp. 135-145. (In Russian).
7. On the reorganization of development institutions, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/business/23/11/2020/5fb8ce659a79471e74bd2245> (accessed 06.12.2020). (In Russian).
8. Investor presentation. December 2020, *VEB.RF*. Available at: <http://www.veb.rf/> (accessed 10.12.2020). (In Russian).
9. An External Review of the Independent Evaluation Department of the Asian Development Bank, *Asian Development Bank*, October 2018. Available at: <https://www.adb.org/documents/adb-independent-evaluation-department-external-review> (accessed 19.11.2020) <https://dx.doi.org/10.22617/TCS189610-2>.
10. Annual Report 2018, *Asian Development Bank*, Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/496016/adb-annual-report-2018.pdf> (accessed 02.12.2020).
11. Annual Report 2019, *Asian Development Bank*. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/650011/adb-annual-report-2019.pdf> (accessed 22.12.2020).
12. Asian Development Bank: official website. Available at: <http://www.adb.org/> (accessed 10.12.2020).

13. De Luna-Martínez J. 2017 Survey of National Development Banks, Global Report, *World Bank Group, World Federation of Development Financing Institutions*, 2018, 68 p.
14. Development Effectiveness Review 2018, *Asian Development Bank*, April 2019. Available at: <https://www.adb.org/documents/development-effectiveness-review-2018-report> (accessed 02.12.2020). <https://dx.doi.org/10.22617/TCS190119-2>.
15. The 2030 Agenda for Sustainable Development and the SDGs, *European Commission website*. Available at: https://ec.europa.eu/environment/sustainable-development/SDGs/index_en.htm (accessed 02.12.2020).

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 314.3

JEL J13

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-152-158

Давлетшина Лейсан Анваровна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1497-1751

e-mail: LADavletshina@rea.ru

Карманов Михаил Владимирович
д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2643-2146

e-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Башина Ольга Эмильевна
д-р экон. наук, АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1253-4029

e-mail: OBashina@mosgu.ru

ПРОБЛЕМЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕЙ, ПОПАВШИХ В СЛОЖНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Аннотация. Рассмотрены вопросы статистического учета лиц детского возраста, попавших в сложную жизненную ситуацию. Проведено сопоставление понятийного аппарата, раскрывающего общественную категорию «дети», и параметров градации указанных групп населения с точки зрения раскрытия объекта исследования. Обоснована необходимость характеристики предмета исследования – сложной жизненной ситуации, в которую может попасть как взрослый, так и ребенок, при этом особо выделена возрастная группа «подростки». Представлены разновидности и особенности сложных жизненных ситуаций, в которые могут попасть дети и подростки. Перечислены сферы возникновения сложных обстоятельств, в которых формируются и развиваются сложные жизненные ситуации. На основе проведенного анализа предложена и обоснована оригинальная система индикаторов для оценки лиц детского возраста, попавших в сложную жизненную ситуацию.

Ключевые слова: дети, сложная жизненная ситуация, индикаторы, классификация, несовершеннолетние граждане, подростки, статистическое исследование, система показателей, социальная поддержка

Для цитирования: Давлетшина Л.А., Карманов М.В., Башина О.Э. Проблемы статистического исследования детей, попавших в сложную жизненную ситуацию // Вестник университета. 2021. № 2. С. 152–158.

PROBLEMS OF STATISTICAL RESEARCH OF CHILDREN IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Abstract. The article considers the issues of statistical accounting of persons of child age who have fallen into difficult life situation. The paper carries out a comparison of the conceptual apparatus, revealing such a public category as “children” and gradation parameters of specified population groups from the point of view of revealing the object of study. The authors justify the need to characterize the subject of the study – a difficult life situation in which both an adult and a child can get, highlight particularly the age group “teenagers”. The study presents features of difficult life situations in which children and adolescents can get. The article lists the areas of occurrence of complex circumstances in which difficult life situations are formed and developed. Based on the analysis, the authors propose and substantiate an original system of indicators for assessing persons of child age who have fallen into a difficult life situation.

Keywords: children, difficult life situation, indicators, classification, minor citizens, adolescents, statistical study, system of indicators, social support

For citation: Davletshina L.A., Karmanov M.V., Bashina O.E. (2021) Problems of statistical research of children in difficult life situations. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 152–158. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-152-158

Leysan A. Davletshina
Cand. Sci. (Econ.), Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1497-1751

e-mail: LADavletshina@rea.ru

Mikhail V. Karmanov
Dr. Sci. (Econ.), Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2643-2146

e-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Olga E. Bashina
Dr. Sci. (Econ.), Moscow Humanities University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1253-4029

e-mail: OBashina@mosgu.ru

© Давлетшина Л.А., Карманов М.В., Башина О.Э., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Davletshina L.A., Karmanov M.V., Bashina O.E., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Современное общество состоит из многочисленных и самых разнообразных социально-демографических групп населения, к которым относят детей, молодежь, пенсионеров. Различают также группы городских и сельских жителей, группы одиноких людей и т. п. [9]. Среди них традиционно повышенное внимание вызывают дети как особый контингент, предопределяющий перспективы развития любого государства [3].

Значимость детей для общества и государства обусловлена многими причинами и может быть рассмотрена в четырех аспектах:

- биологическом (сохранение популяции);
- политическом (наследники государственных достижений);
- экономическом (воспроизводство и преемственность занятости);
- социальном (наследники семейных достижений) [9].

Однако, жизнь представляет собой не всегда предсказуемую череду обстоятельств и событий, которые приводят людей в те или иные ситуации, часть из которых носят сложный характер и предполагают серьезную консолидацию физических и моральных усилий для преодоления возникающих трудностей.

В этом контексте не являются исключением и дети, которые также попадают в сложные жизненные ситуации, существенно сказывающиеся на их физическом и психологическом здоровье. Совершенно очевидно, что любые сложные жизненные ситуации подрывают потенциал детей, потому что не позволяют им нормально развиваться и фактически требуют напряженных усилий, которые вполне могли бы быть использованы плодотворно (развитие, творчество и т. п.).

Для разработки целевых федеральных и региональных программ, а также прочих мероприятий, ориентированных на минимизацию и устранение потерь, вызванных попаданием детей в сложные жизненные ситуации, необходимо иметь адекватное представление о реальном положении дел. В связи с этим огромный научный и практический интерес вызывает выполнение всесторонней статистической оценки и характеристики детей, попавших в сложную жизненную ситуацию [7].

Вопросы трактовки контингента «дети»

Статистическая оценка практически любой совокупности невозможна без четкой идентификации объекта исследования. Поэтому крайне важно определить единицу наблюдения, то есть какого именно представителя детских поколений следует рассматривать как составную часть контингента лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

На этом этапе встает проблема неоднозначного толкования контингента «дети» с точки зрения строго определенного возрастного интервала. В мировой практике встречается несколько подходов.

1. ООН в своих многочисленных публикациях в качестве контингента детей определяет совокупность лиц, находящихся в возрасте до 15 лет. Это и предопределило то обстоятельство, что в целом ряде отечественных демографических публикаций также используют аналогичную трактовку [10].

2. Если подойти к делу чисто с юридических позиций, то в законодательстве Российской Федерации четко прописано, что: «ребенок – лицо до достижения им возраста 18-ти лет (совершеннолетия)» [1].

3. Известный демограф А. Г. Волков разъяснял имеющиеся разночтения следующим образом: «дети ... люди, не достигшие зрелости ... возрастная категория, верхняя граница которой различается в зависимости от цели исследования» [11, с. 123].

В теоретическом аспекте подобные расхождения и разъяснения вполне допустимы. Однако с позиций статистики они мгновенно порождают достаточно серьезную проблему сопоставимости данных, так как понятие детей может носить неоднозначный и различающийся характер, который не всегда удастся обосновать целями исследования. Ведь при проведении статистического учета необходимо, чтобы единица наблюдения всегда была одной и той же.

Вопросы классификации сложных жизненных ситуаций

Наряду с проблемой четкой идентификации возрастных границ детского контингента в процессе статистического исследования возникает проблема самого определения сложной жизненной ситуации, которая

носит слишком общий и размытый характер. Если воспользоваться законодательством Российской Федерации, то можно найти следующее определение – «сложная жизненная ситуация – это ситуация, напрямую нарушающая жизнедеятельность человека, которую он не способен самостоятельно преодолеть» [2]. Причем в соответствующей статье федерального закона перечисляются следующие конкретные варианты или разновидности сложной жизненной ситуации: болезнь; инвалидность; сиротство; безработица; необеспеченность и нищета; отсутствие определенного места жительства; жестокое обращение; конфликты; одиночество и др.

С нашей точки зрения, все они в подавляющем большинстве и в значительной мере органично накладываются на контингент лиц детского возраста, которые способны испытывать перечисленные трудности, вызванные спецификой достаточно сложных жизненных обстоятельств. Однако при этом за кадром остается один крайне важный момент, что мы имеем дело с несовершеннолетними людьми, которые не обладают правами и возможностями взрослых граждан, необходимым житейским опытом, а поэтому явно переживают более сильные потрясения.

Казалось бы, что более сильные жизненные потрясения дают и более серьезный опыт, но не стоит забывать, что в рассматриваемом случае речь идет о детях, многие из которых ни физически, ни морально еще не созрели для того, чтобы успешно разрешать сложные жизненные ситуации и выходить из них с минимальными потерями.

Рассматривая сложность любой жизненной ситуации для лиц детского возраста, также стоит обращать самое пристальное внимание на проблему дифференциации рассматриваемого контингента. Она сводится к тому, что «в трудной жизненной ситуации может оказаться как взрослый, так и ребенок, ... подростковый возраст наиболее подвержен риску попадания в трудную жизненную ситуацию, ... в это время ребенок развивается как личность, у него формируется характер, свои нормы, примеры для подражания» [8, с. 135]. Таким образом, существуют явно выраженные попытки выделения в составе детей более узких сегментов, которые находятся в группе повышенного риска.

Применительно к подросткам рассматривают собственные варианты трудных жизненных ситуаций, которые вполне могут быть распространены на всех лиц детского возраста. К ним относят:

- детей, оставшихся без попечения родителей;
- детей-инвалидов;
- детей, потерпевших стихийные бедствия;
- детей, подвергшихся насилию;
- детей, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях;
- детей, живущих в малоимущих семьях;
- детей-жертв вооруженных и межнациональных конфликтов;
- детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев;
- детей, оказавшихся в экстремальных условиях;
- детей, имеющих недостатки в психическом либо физическом развитии;
- детей с отклонениями в поведении;
- детей, жизнеспособность которых нарушена вследствие сложившихся обстоятельств;
- детей, потерпевших экологические и техногенные катастрофы;
- детей, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях.

Если представленную классификацию сопоставить с градациями сложной жизненной ситуации, содержащимися в рассмотренном выше федеральном законе, то станет очевидно, что применительно к детям, как наиболее уязвимым во всех отношениях поколениям (в физическом и моральном, экономическом и социальном планах и т. п.) перечень сложных жизненных обстоятельств значительно шире.

По определению, дети в большей степени подвержены попаданию в сложную жизненную ситуацию, что с позиций статистического учета порождает еще одну специфическую проблему. Она вытекает из самого списка вариантов сложной жизненной ситуации, в которую попадают лица детского возраста. Прежде всего, даже в достаточно расширенном списке возможных жизненных преград представлены не все из них. Например, сложная детская ситуация детей может быть связана с психологическим дискомфортом как в семье, так и за ее пределами, да и вообще с чем угодно. Причем не стоит забывать, что варианты сложной жизненной ситуации применительно к детям не являются застывшей конструкцией.

Практика убедительно доказывает, что жизнь регулярно и систематически воспроизводит новые опасности, которые раньше не рассматривались (скажем, группы «смерти» в сети «Интернет» и т. п.). По этой причине перед статистикой возникает необходимость обеспечения не только полноты учета, но и его сопоставимости. Дополнительно следует обратить внимание и на то обстоятельство, что отдельные варианты сложной жизненной ситуации для детей могут пересекаться и накладываться друг на друга, образуя некоторые сложные «конгломераты» жизненных обстоятельств, которые создают даже не сложные, а невыносимые условия существования (болезнь и нищета, отсутствие родителей и насилие и т. п.).

Решение проблемы подобного рода затруднено даже с учетом укрупнения градаций сложной жизненной ситуации, то есть с переходом к сферам возникновения сложных обстоятельств. Обычно выделяют шесть укрупненных областей или сфер, в которых формируются и развиваются сложные жизненные ситуации:

- материально-бытовая сфера;
- профессиональная сфера;
- межличностная сфера;
- внутриличностная сфера;
- общественная (макро-) сфера;
- сфера ситуаций, несущих угрозу для жизни.

Подобный подход, возможно, и устраняет часть вопросов, но не позволяет принципиально исправить ситуации применительно к лицам детского возраста. Это объясняется двумя основными причинами. Первая из них вытекает из понимания того, что далеко не все сферы, присущие взрослому населению автоматически распространяются и на детей. Профессиональная сфера для лиц детского возраста может трактоваться и рассматриваться исключительно в контексте обучения (учеба – традиционная и основная сфера занятости подрастающих поколений). Однако существует еще и дошкольный возраст, в котором значительная часть детей не обучается, а значит не подвержена подобным вариантам попадания в сложную жизненную ситуацию. Вторая причина предопределяется собственно спецификой лиц детского возраста как несовершеннолетних членов общества. Именно в силу своей юридической несамостоятельности и зависимости от родителей, родственников и других членов общества дети не могут в полной мере чувствовать себя полноправными и полноценными участниками всех без исключения сфер современной жизнедеятельности, а поэтому и возникающие там сложные ситуации часто по отношению к ним имеют опосредованный или косвенный характер, что заставляет серьезно задуматься о принципах построения статистического учета.

Среди различных проблем статистической характеристики детей, попавших в сложную жизненную ситуацию, необходимо особо выделить ряд проблем, связанных с отбором индикаторов, используемых для достижения поставленной цели. В этой области существует множество различных предложений, среди которых доминируют два подхода:

- ориентированные на выделение ключевых компонент;
- ориентированные на выделение ключевых параметров.

В рамках первого направления может быть использована пятизвенная конструкция:

- люди, связанные с событием (сложная жизненная ситуация);
- деятельность, осуществляемая в сложной жизненной ситуации;
- временные рамки сложной жизненной ситуации;
- пространственные рамки сложной жизненной ситуации;
- переживание сложной жизненной ситуации [5].

В рамках второго направления чаще всего привлекаются такие параметры, как:

- интенсивность;
- продолжительность;
- неподконтрольность и др. [4].

Все перечисленные выше компоненты и параметры при всей своей важности и практической значимости обладают двумя основными недостатками. С одной стороны, не все из них могут быть оцифрованы и представлены в образе конкретных статистических индикаторов. С другой стороны, в данном случае упор или акцент делается собственно на характеристиках сложной жизненной ситуации, а не на параметрах контингента лиц, оказавшихся в сложных жизненных условиях.

С нашей точки зрения, подобный перекося по отношению к лицам детского возраста не приемлем в полной мере, так как для активной профилактики и успешной борьбы с потерями, вызванными попаданием детей в сложную жизненную ситуацию, крайне важны сведения о размерах и других параметрах рассматриваемого общественного явления. Поэтому приходится говорить о проблеме построения системы показателей для контингента лиц детского возраста, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Система показателей для лиц детского возраста, попавших в сложную жизненную ситуацию

С теоретической точки зрения система показателей лиц детского возраста, попавших в сложную жизненную ситуацию, может включать несколько ключевых и принципиально важных блоков (направлений), среди которых, по нашему мнению, обязательно должны присутствовать показатели:

- размера детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации;
- структуры детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации;
- динамики параметров детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации;
- ущерба для детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации;
- общественной поддержки детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации.

Остановимся более подробно на возможном наполнении каждого из выделенных выше направлений.

Показатели размера детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации, по определению носят исходный и базисный характер. Они выступают в качестве первой ступеньки, от которой можно оттолкнуться, чтобы построить любую систему показателей, характеризующих жизненные обстоятельства детей. При этом достаточно очевидно, что размеры любой совокупности, в том числе и детей, попавших в сложные жизненные условия, можно оценивать в абсолютном и относительном измерениях. Абсолютные масштабы рассматриваемого общественного явления отражают численность детей, оказавшихся в полосе сложных жизненных обстоятельств, которая еще служит основанием для вычисления многих других показателей и, в первую очередь, для определения удельного веса детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Этот индикатор дополняет абсолютную величину и разрешает строить суждения об относительных размерах исследуемой совокупности, то есть отвечать на вопрос не сколько, а какая часть лиц детского возраста испытывает серьезные жизненные затруднения. Его актуальность определяется тем, что сама численность лиц детского возраста, попавших в сложную жизненную ситуацию, ничего не говорит о распространенности изучаемого явления и с большим трудом может быть использована в сравнительном статистическом анализе. Кроме того, относительные размеры контингента лиц детского возраста, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, могут характеризоваться числом таких детей в расчете на тысячу жителей страны в целом или определенной административно-территориальной единицы.

Показатели структуры лиц детского возраста, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, являются очень важным дополнением уже рассмотренного направления, так как предоставляют возможность разобратся с составом изучаемой совокупности. Структуру детей, попавших в сложные жизненные обстоятельства, целесообразно рассматривать в разрезе таких традиционных социально-демографических признаков, как пол, возраст, семейное положение, национальность, место жительства, социальная группа, образование, источник средств существования и другие, которые в комплексе позволят выявить структурные особенности столь специфической и неблагополучной совокупности. При этом дополнительно могут быть привлечены разнообразные коэффициенты структурных сдвигов (линейный, квадратический, интегральный и т. д.), чтобы можно было установить и оценить направление и характер наблюдающихся структурных изменений.

Показатели динамики параметров детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации, объективно требуются для того, чтобы имелась возможность рассматривать параметры исследуемого объекта не только в статике, но и в динамике. Иными словами, отвечать на вопросы о том, как быстро меняются абсолютные и относительные масштабы, а также структура детей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Без них система показателей явно будет носить незавершенный характер, особенно в контексте практического использования традиционных статистических показателей динамики: абсолютного прироста, темпа роста, темпа прироста и др.

Показатели ущерба для детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации, по определению носят самый проблематичный характер. Это обстоятельство предопределяется рядом объективных факторов. Прежде всего, отчетливо требуется понимать, что сложные жизненные ситуации всегда предполагают определенные потери: физические, моральные, финансовые и т. д. Однако при этом далеко не все они подлежат количественному измерению. Совершенно неясно, как можно оценить моральные, нравственные и тому подобное страдания ребенка, оказавшегося в той или иной обстановке. При этом любой ущерб всегда носит индивидуальный характер, который тесно переплетается со способностью личности противостоять сложным обстоятельствам и выходить из сложных ситуаций. Особенно это касается детей, которые не всегда могут осознать, а тем более озвучить или объяснить те потери, которые имели место в действительности. Например, затруднительно охарактеризовать потери ребенка, оставшегося без попечения родителей или ребенка, подвергающегося оскорблениям со стороны сверстников. Поэтому нередко встречающиеся на практике индикаторы ущерба лиц детского возраста, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, носят экспертный и субъективный характер.

Показатели общественной поддержки детского контингента, оказавшегося в сложной жизненной ситуации, по праву завершают рассматриваемую конструкцию индикаторов, так как ориентированы на получение представления о социальной защите детей. Относительно показателей данной группы необходимо иметь в виду, что они отражают заботу общества о детях, попавших в трудную жизненную ситуацию, а также формируют предпосылки для снижения уровня многих показателей, относящихся к предыдущей группе, то есть к ущербу. Среди них могут располагаться индикаторы числа мероприятий и целевых программ, направленных на поддержку детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, финансовые расходы на мероприятия подобного рода (как из государственного бюджета, так и в качестве поддержки со стороны частных фирм, компаний и отдельных лиц). Не лишним показателем может оказаться и собственно сама численность лиц детского возраста, попавших в сложную жизненную ситуацию, охваченных социальной поддержкой, а также удельный вес таких детей в общей численности рассматриваемого контингента.

Отдельно требуется сказать и о проблеме разработки и апробации интегральных индикаторов контингента лиц детского возраста, попавших в сложную жизненную ситуацию. Их смысл заключается в том, чтобы на основе всех рассмотренных выше показателей, отражающих различные стороны объекта исследования, рассчитывать один сводный показатель, который бы одним числом мог характеризовать совокупность детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Таких индикаторов пока не существует, и когда они могут быть созданы, трудно предположить.

Заключение

Таким образом, статистическое исследование детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, действительно сопряжено с решением целого ряда серьезных проблем теоретического и практического характера, без успешного решения которых вряд ли удастся получить всестороннее, детальное и адекватное представление о столь неблагоприятном общественном явлении, тормозящем раскрытие и полное использование потенциала подрастающих поколений.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Ресурс доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 12.12.2020).
2. Федеральный закон РФ № 195 от 10.12.1995 «Об основах социального обслуживания населения в РФ». [Электронный ресурс]. – Ресурс доступа: <https://www.podatinet.net/201001073658/zakonodatelstvo/zakony/zakon-ob-osnovah-socialnogo-obslujvaniya-naseleniya-v-rf-ot-10a12a1995-ga-195afz.html> (дата обращения: 12.12.2020).
3. Аркелова, М. П. Опыт охраны материнства и детства // Социологические исследования. – 1997. – № 7. – С. 62-65.
4. Битюцкая, Е. В. Когнитивное оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2007. – 209 с.
5. Бычков, Д., Феоктистова, О. Социальная интеграция семей, находящихся в трудной жизненной ситуации: Организация оказания социальных услуг с участием ближайшего окружения семьи. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2009. – 60 с.

6. Духновский, С. В. Психологическое сопровождение подростков в критических ситуациях: Учебное пособие. – Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2003. – 124 с.
7. Зайнуллина, З. О системе статистических показателей, характеризующих положение детей в Российской Федерации // Вопросы статистики. – 1997. – № 11. – С. 12-16.
8. Лакреева, А. В., Хомутова, М. В. Трудная жизненная ситуация как фактор социально-психологической дезадаптации подростка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 24. – С. 135-140.
9. Методологические вопросы экономико-статистического анализа социально-демографических групп населения: коллективная монография. – М.: МЭСИ, 2010. – 342 с.
10. Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2005. – № 93 (Сентябрь). – С. 72.
11. Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 607 с.

References

1. Federal Law “On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation” dated on July 24, 1998 No. 124-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (accessed 12.12.2020). (In Russian).
2. Federal Law of the Russian Federation “On the Basics of Social Services for the Population in the Russian Federation” No. 195, dated on December 10, 1995. Available at: <https://www.podatinet.net/201001073658/zakonodatelstvo/zakony/zakon-ob-osnovah-socialnogo-obslujivaniya-naseleniya-v-rf-ot-10a12a1995-ga-195afz.html> (accessed 12.12.2020). (In Russian).
3. Arkelova M. P. Experience in the protection of motherhood and childhood, *Sociological Studies*, 1997, no. 7, pp. 62-65. (In Russian).
4. Bityutskaya E. V. Cognitive assessment and coping strategies in difficult life situations, *Dis. ... cand. psychol. sciences: 19.00.01*. Moscow, 2007, 209 p. (In Russian).
5. Bychkov D., Feoktistova O. *Social integration of families, being in difficult vital situations: The organization of rendering social services with participation of the immediate environment of family*, Moscow, Institute of Urban Economics Foundation, 2009, 60 p. (In Russian).
6. Dukhnovskii S. V. *Psychological support for adolescents in critical situations: Training manual*, Kurgan, Publishing House of Kurgan State University, 2003, 124 p. (In Russian).
7. Zainullina Z. On the system of statistical indicators characterizing the situation of children in the Russian Federation, *Voprosy statistiki*, 1997, no. 11, pp. 12-16. (In Russian).
8. Lakreeva A. V., Khomutova M. V. Difficult life situation as a factor in the socio-psychological maladaptation of a teenager, *Scientific and methodological electronic journal “Koncept”*, 2016, vol. 24, pp. 135-140. (In Russian).
9. *Methodological issues of economic and statistical analysis of socio-demographic population groups: collective monograph*, Moscow, MESI, 2010, 342 p. (In Russian).
10. *Population and society: Newsletter of the Center for Human Demography and Ecology of the Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 2005, no. 93 (September), pp. 72. (In Russian).
11. *Demographic encyclopedic dictionary*, Moscow, Soviet Encyclopedia, 1985, 607 p. (In Russian).

Захаров Михаил Юрьевич
 д-р филос. наук, ФГБОУ ВО
 «Государственный университет
 управления», г. Москва, Россий-
 ская Федерация
ORCID: 0000-0002-8796-6283
e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: ДВА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРА КИТАЙСКОГО ФОРСАЙТА

Аннотация. Проанализированы особенности формирования и стратегические ориентиры китайского форсайта, потенциальные возможности, границы использования с целью построения желаемого цифрового будущего и определения конкретных шагов по его эффективному достижению. С этой целью рассмотрены архетипические следы предсказательной деятельности старого Китая, их взаимосвязь с современной прогностической практикой как составной частью проектирования предполагаемого цифрового образа будущего. Определены теоретико-методологические основы современного китайского форсайтинга, исходные базовые методологические принципы и технология перспективного поэтапного использования комплексного форсайта, включая метод сценарного проектирования. Особое внимание в статье уделено осмыслению форсайт-проектов современного Китая, возможности их реализации на национальной почве и влиянию результатов форсайтинга на китайскую модель развития и управления изменениями на переходном этапе к цифровому обществу.

Ключевые слова: Китай, культурная традиция, изменения, будущее, форсайт, сценарирование, управление, прогностическое знание, информационные технологии, цифровое общество

Для цитирования: Захаров М.Ю. Социокультурная традиция и цифровое общество: два стратегических ориентира китайского форсайта // Вестник университета. 2021. № 2. С. 159–165.

Mikhail Yu. Zakharov
 Dr. Sci (Philos.), State University
 of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8796-6283
e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

SOCIOCULTURAL TRADITION AND DIGITAL SOCIETY: TWO STRATEGIC LANDMARKS OF THE CHINESE FORESIGHT TECHNOLOGY

Abstract. The article analyses the features of the formation and strategic guidelines of the Chinese foresight technology, its potential opportunities, the limits of its use in order to build the desired digital future and determine specific steps to achieve it effectively. To this end, the author considers the archetypal traces of the predictive activity of Ancient China, their interaction with modern predictive practice as an integral part of the design of the alleged digital image of the future. The paper determines theoretical and methodological foundations of modern Chinese foresight technology, initial basic methodological principles and technology of prospective step-by-step application of comprehensive foresight, including the method of scenario design. The article pays special attention to the understanding of modern China foresight projects, possibility of their implementation on the national basis and impact of foresight results on the Chinese model of development and change management at the transition stage to digital society.

Keywords: China, cultural tradition, changes, future, foresight, scenario design, management, prognostic knowledge, information technologies, digital society

For citation: Zakharov M.Yu. (2021) Sociocultural tradition and digital society: two strategic landmarks of the Chinese foresight technology. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 159–165. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-159-165

Введение

Прогнозы и модели будущего – характерная черта любого исторического времени. Уже в старом Китае люди постоянно пытались приподнять завесу повседневности и заглянуть в будущее, разрабатывали для этого различные техники, по крупицам аккумулировали прогностический опыт. Все это позволило им прийти к пониманию главного – человеческий разум способен, пусть и опосредованно, заглянуть в будущее. Но возможно ли управлять этим будущим, определенным образом конструировать его исходя из особенностей текущего понимания окружающего мира? На этот и многие другие вопросы мы находим положительный ответ в духовной культуре Китая, и было бы правомерным сегодня критически воспользоваться этим опытом.

© Захаров М.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Zakharov M.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Постановка проблемы

Давая ответ на вопрос о китайском видении будущего, технологии его познания и управления, следует определить две основополагающие позиции обозначенной проблемы. Первая выделяет неразрывную связь будущего с далеким прошлым, так называемым золотым веком «высокой древности», который стал своеобразным идеалом китайской гармонии, стабильности, перехода от хаоса к процветанию и показал образец поиска идеального правителя, жившего в соответствии с Небом [1]. Вторая важнейшая позиция связана с особенностями модели развития и управления современным китайским обществом. В совокупности выделенные позиции определили специфику формирования китайской национальной прогностики и, в частности, технологии форсайта, отвечающей самым высоким международным стандартам. Понять природу китайского форсайтинга, выявить стратегические ориентиры его формирования, проанализировать ведущие национальные форсайт-проекты значит уже сегодня осмыслить динамику и перспективы развития Китая как потенциального лидера будущего цифрового мира.

Материалы и методология исследования

Архетипические следы старого Китая проявляются в следующих теоретических положениях.

1. Будущее общества невозможно точно предсказать и индивидуально реализовать, каков бы не был высок потенциал реализующего. Оно может быть сформировано в общественном публичном пространстве, так как мысль о нем – это всегда привлекательный путь, некое ожидание и надежда, которым все пользуются.

2. Точный образ будущего известен Небу, тайные помыслы которого доступны лишь правителю, который имеет волю, способен взвешивать и рассчитывать, может обладать сокровенным, опережающим знанием, не подлежащим выразимости, но обладающим чудесным свойством выстраивания людей лицом к открытому будущему.

3. Нужно постоянно наращивать практику познавательной деятельности, что поможет узнать окружающий мир, все «десять тысяч вещей», проникнуть в законы общественного развития. Это требование универсально, даже «секрет успеха в боевых действиях – в духовном проникновении в законы войны» [7, с. 134].

4. Особенно внимательно нужно относиться к переменам, так как в любых изменениях скрывается первичный импульс действия. Для понимания будущего нужно доверять обстоятельствам, дарованным Небом, а не прилагать усилия для их разрушения.

5. В основе национального мировоззрения должен лежать китаецентризм, в соответствии с которым интересы Китая первичны по отношению ко всему окружающему миру, у него особое место и миссия в мировом развитии.

Зная китайскую ментальность не сложно предположить, что прошлое так или иначе окажет влияние на модель развития и управления современным китайским обществом. По мнению российского исследователя Л. И. Кондрашовой, ее «можно систематизировать в виде следующей формулы: «просвещенная авторитарная власть + высокий экономический потенциал + современная техника + качественное образование = китайский социализм» [3, с. 332]. Следовательно, будущее Китая так или иначе связано с гармоничным обществом, рынком и вертикалью власти.

Здесь возникает закономерный вопрос о возможных изменениях заявленных позиций в будущем. Для рационального ответа Китаю понадобилось построить эффективную национальную прогностику, опирающуюся на традицию предсказания и наработанную международную практику. Особое внимание было обращено на широко используемую в зарубежных странах технологию форсайта, в частности американский, японский и европейский опыт. Изначальная установка гласила: традиционный опыт предсказания старого Китая должен найти свое почетное место в китайской прогностике, а исходной моделью для государственного форсайта Китая (англ. China's Report of Technology Foresight, 2004–2005) может стать японский форсайт, который вырос из классического американского.

Как известно, само слово «форсайт» произошло от английского foresight – предвидение, благоразумие, дальновидность, предусмотрительность, взгляд в будущее, которое стали впервые применять в сфере технологии, затем расширили на сферу бизнеса, общественно-политическую сферу и в целом на все сферы жизни общества. Исток этого процесса следует искать во второй половине XX в., когда в мире стали активно

использовать технологическое прогнозирование, и тогда же было разработано большинство принципов изучения тенденций современного развития. Методологическую основу прогностики составляли такие методы экспертного анализа, как «Делфи», анализ взаимного влияния факторов и другие методы, подходы, приемы исследования будущего. В 70-х гг. XX в. технологическое прогнозирование наряду с США стали использовать в Японии, взяв за основу тот же метод «Делфи», а в Европе использовали расширенный вариант, основанный на инерционном развитии. Начиная с 90-х гг. не только возрастает активность использования термина «форсайт» и самой доработанной технологии, но и происходит процесс выхода форсайта за рамки науки и технологий, начинается его повсеместное использование для анализа перспективных рынков, прогнозирование социальных процессов, а также формирование инфраструктуры национальных инновационных систем.

К этому процессу присоединяется и Россия. Показательным примером здесь является российский проект «Форсайт-флот» [8]. В августе 2013 г. пассажиры двух теплоходов (более 500 бизнесменов, чиновников, преподавателей, творческих работников и в целом нестандартно мыслящих людей) в течение восьми дней принимали участие в разработке четырех форсайт-проектов: «Российское образование 2030», «Превентивная медицина», «Публичные пространства и городское искусство», «Форсайт компетенций 2030».

Параллельно с этим мировая прогностика сталкивается с проблемой малой эффективности общенаучных прогностических методов: количественные модели, экстраполяция существующих тенденций и другие, которые, как выяснилось в процессе использования, имели ограниченный потенциал применения. Потребовались дополнительные методологические усилия в данном направлении, и конкурентная борьба сместилась в пространство новых идей и цифровых технологий, где выигрывает тот, кто может предложить продукты будущего, сформулировать реальные, амбициозные перспективы развития и благополучия национального цифрового общества.

К сожалению, приходится констатировать, что мировое научное сообщество до сегодняшнего дня не выработало единого понимания терминов «форсайт», «форсайтинг», «форсайт-проект», «форсайт-подход», «форсайт-прием», «форсайт-прогнозирование». Понятие «форсайт» находится в статусе «понятия с размытыми краями», которое в свое время описал австрийский философ и логик Л. Витгенштейн. Каждый, кто использует его, пытается наполнить содержание личностными смыслами, дать свою интерпретацию этому понятию. Если попытаться систематизировать имеющиеся определения, то можно выделить главное: форсайт – это совокупная попытка воздействия на будущее, коллективный систематизированный процесс познания действительности с целью построения образа желаемого будущего и определения конкретных шагов по его эффективному достижению. Грамотный форсайтинг – залог лидерского положения страны в будущем, получения национальных преимуществ уже на стадии формирования глобальной социально-экономической ситуации. Как отмечает большинство исследователей, у форсайтинга большой прогностический потенциал и перспективы дальнейшего совершенствования.

Рассмотрим теоретико-методологические основы современного китайского форсайтинга, его исходные базовые методологические принципы.

1. Будущее нельзя предсказать достоверно даже с помощью вненаучного познания. Любые попытки лженаучного, паранаучного, эзотерического и других видов знания заглянуть в будущее решают лишь одну задачу – угадать будущее, получить вероятностное, недостоверное, непроверяемое знание. Здесь исходят из того, что будущее проистекает из прошлого естественным путем, и последний ведет общество к гармоничному будущему. Возможно, эта традиционная китайская мысль лишь социальная утопия, слабо реализуемая и поддающаяся опредмечиванию в реальной жизни общества, но в нее верит общественное сознание, она полезна и эффективна для будущего Китая.

2. Будущее можно в ограниченных пределах прогнозировать с помощью современной научной методологии, которая безусловно выходит за рамки традиционной академической сферы, где основной упор сделан на компетенции консультантов. Одной из важнейших функций современной науки является прогностическая функция, которая имеет различные варианты реализации:

- прогнозирование на базе гипотетико-дедуктивной методологии (в основе лежит теория и те законы, которые получены, логически выведены из нее);
- прогнозирование на основе индукции (вывод за пределы ограниченной области исследования определенных индуктивных обобщений);

- прогнозирование, основанное на моделировании возможных процессов (изучение будущего состояния объекта посредством анализа аналоговой или ментальной модели; наиболее перспективным сегодня считается метод стратегического имитационного моделирования, связанный с проведением ролевой имитационной игры);
- прогнозирование как сценарирование.

Действительно, постнеклассическая наука исходит из того, что будущее вариативно и многосценарно, поэтому прогнозирование в форме сценарирования сегодня представляется достаточно перспективным направлением, но к нему предъявляются существенные методологические требования. Прежде всего, сценарии должны быть основаны на выявлении и анализе тенденций современного развития, выборе оптимальных из них, рационализации субъективного фактора и учета имеющейся ресурсной базы, что приводит к формированию правдоподобного образа будущего, который должен быть направлен не на группу объектов, а на один конкретный объект. Сценарное будущее должно предполагать использование современного научного инструментария с целью не только формирования должного сценария, но и изучения альтернативных вариантов, возможных последствий их использования, нахождения аналогов в прошлом и отслеживания развития сценария в будущем. Выбранный сценарий должен удовлетворять требованиям всех участников форсайт-проекта, что для современного Китая является достаточно проблематичным, так как если в европейских странах участвуют сотни высококвалифицированных экспертов, а в японском национальном форсайте – тысячи, то китайский государственный форсайт объединяет десятки тысяч экспертных мнений. С учетом этого в Китае реализуется государственная стратегия «привлечения умов» из-за рубежа. Государственное управление КНР по делам иностранных экспертов курирует национальную Программу привлечения иностранных экспертов (иногда ее называют «1 000 талантов»). На сегодняшний день построено и эффективно функционирует более 126 наукоградов, в которых наряду с китайскими учеными трудятся выдающиеся зарубежные специалисты, включая лауреатов Нобелевской премии [2]. Налицо позитивная динамика постепенного смещения центра инновационной активности в Китай.

Именно сценарное прогнозирование социально-экономического развития является наиболее перспективной прогностической моделью проектирования будущего. Опыт прогнозирования показывает, что форсайт в форме сценарирования совмещает в себе большое количество различных подходов, но наиболее интенсивно используются лишь 10–15 базовых методов прогнозирования, что требует определенного синтеза наиболее эффективных инструментов и методик. Достаточно хорошо разработанная методика «комплексного форсайта» или «полноценного форсайта» признана сегодня во всем мире как наиболее перспективный вариант при возможном использовании прочих. Формируемое подобным форсайтом будущее покрывает не только общество в целом, но и его различные сферы, конкретные события, процессы, явления и даже конкретные случаи, как, например, мониторинг технологий и окружающей среды. Сама прогностическая работа здесь может быть организована на международном, национальном и региональном уровнях с горизонтом эффективного прогнозирования 10–12 лет. Потенциал такой технологии долгосрочного прогнозирования еще полностью не изучен, есть достаточные основания говорить и о более широких горизонтах. Но при этом нужно учитывать, что технология форсайта не безгранична, и правильно было бы говорить о ее ограниченном потенциале и видимых пределах использования.

Анализ и обсуждение результатов

Китай пошел по пути поэтапного использования комплексного форсайта и в 2006 г. сформулировал национальную инициативу «Развивающиеся стратегические отрасли». Здесь потребовалось формирование будущего образа приоритетных технологий, особой чертой которого должна стать информо-энергетическая эффективность. Инициатива была сфокусирована на принципиальное технологическое обновление стратегически важных отраслей, в первую очередь связанных с возобновляемыми источниками энергии и альтернативными видами топлива, а также четкое отслеживание иностранных инвестиций, создание совместных предприятий при условии расширения доступа к иностранным интеллектуальным ресурсам.

В 2015 г. стартовала десятилетняя национальная программа «Сделано в Китае – 2025» [5]. Правительством КНР предложен форсайт-проект, целью которого является омоложение и укрепление высокотехнологичных производителей страны, что по мысли разработчиков приведет к цифровому обществу, формированию своего особого китайского потребителя, смене негативного производственного имиджа страны и,

наконец, занятию твердой позиции мирового лидера в высокотехнологичных отраслях. Главными задачами программы являются: достижение полной технологической независимости китайских производителей; создание на базе Китая глобального генератора NBIC-технологий в ключевых секторах экономики, начиная от производства авиационно-космического оборудования и заканчивая сельскохозяйственным. В соответствии с общей установкой формируются локальные отраслевые образы будущего.

1. Аэрокосмический образ: самолетостроение, спутниковые связь, навигация, наблюдение за поверхностью земли. Масштабное финансирование развития сети авиалиний и центров обслуживания авиатехники, строительство и модернизация аэропортов будет способствовать резкому увеличению китайской доли авиационных услуг на мировом рынке.

2. Транспортный образ: транспортостроение и обслуживающая его инфраструктура. Акцент сделан на строительстве высокотехнологичных судов, которые будут эксплуатироваться в различных точках земного шара, решать геополитические задачи в Южно-Китайском море и Арктике. Большую нишу в данном строительстве будет занимать робототехника, как составная часть ледоколов, беспилотных кораблей ледового класса. Китай представил и первый образец судов подобного класса с традиционным названием «Сюэлон-2» (Снежный дракон-2). Национальное автомобилестроение, создание поездов на магнитной подвеске, способных перемещаться со скоростью более 400 км/ч, строительство для этого сети высокоскоростных автомобильных дорог, железнодорожных магистралей, а также разработка и создание принципиально новых материалов должны полностью изменить транспортный облик страны.

3. Энергетический образ: альтернативная энергетика, система энергосбережения (снижение на 18 % углеродоемкости, на 15 % энергоемкости, установление максимального потребления энергии, увеличение доли неископаемого топлива в потреблении энергии).

4. Медицинский образ: расширение спектра медицинских услуг, формирование привлекательного облика китайской медицины, производство медицинского оборудования и его экспорт, разработка новых лекарств, значительно превосходящих другие аналоги, получение международных патентов.

В целом к 2025 г. будут сформированы и реализованы на практике десять образов ключевых отраслей экономики, что в свою очередь приведет к увеличению доли локализации производства до 70 %, созданию 40 национальных и 48 провинциальных инновационных центров, показательных зон государственного уровня в городах и городских кластерах в восточных, центральных и западных районах страны, привлечению туда (налоговые льготы, выделение земельных участков, пустующей недвижимости) инновационных зарубежных технологий и оборудования, а также талантливых выпускников учебных заведений (зарплата, субсидии, жилье). Уже сегодня дополнительно созданы два китайских фонда: Национальный инвестиционный фонд для передовой обрабатывающей промышленности (получил порядка 2,9 млрд долл. США) и Национальный интегральный фонд (получил порядка 20,1 млрд. долл. США); до конца 2025 г. планируется инвестировать в программу в целом до 300 млрд долл. США. Промежуточный аудит реализации программы показывает, что уже сегодня производительность труда выросла на 38 %, эксплуатационные расходы снизились на 21 %, энергозатраты сократились на 9,5 %.

Подобная деятельность Китая не может не вызывать противодействия со стороны индустриально развитых стран, ведь при таких темпах он вытеснит зарубежных конкурентов с большинства перспективных рынков и в полной мере реализует замысел экономического завоевания мира, что в полной мере противоречит основным правилам Всемирной торговой организации. Поэтому развитые страны наряду с политическим и экономическим противодействием пытаются самостоятельно критически осмыслить возможное будущее Китая. Организован и проводится форсайт-проект «Китай-2025: научный и инновационный ландшафт», задачей которого является определение приоритетных для Китая научно-технических областей, анализ современных тенденций их развития. В ходе форсайтинга составлены четыре вероятных сценария инновационного развития Китая до 2025 г., названные в китайской традиции «Инь и Ян», «Голубой жасмин», «Подземелье и драконы», «Бездыханная королева» [4].

Китайский опыт применения форсайта показывает, что у последнего есть значительные внутренние резервы, использование которых еще лишь предстоит осознать. Сегодня речь идет о двух его составляющих – процессе форсайтинга и результатах форсайтинга. Как правило, основное усилие форсайтинга направляется на результат, а самому процессу отводится роль лишь инструмента согласования позиций

лиц, участвующих в принятии решений. Но ситуация изменилась, и подобные результаты найдены и в самом процессе форсайтинга. Они связаны с созданием коммуникативной информационной сети, призванной обеспечивать эффективное взаимодействие участников (совместное использование ресурсной базы, стратегических ориентиров и текущих прогнозов) для стабилизации их отношений и соответствующего решения стоящих задач. На практике это проявляется не только в организации одинакового допуска к ресурсам, обеспечения информационной безопасности, но и в создании условий для интенсивных взаимных обсуждений с участием очерченного круга экспертов, всех лиц, заинтересованных в данном проекте (включая даже опросы определенных категорий населения, для понимания их группового мнения). Круглый стол всех участников позволяет выработать некое общее видение по сценариям развития и решить процессуальные задачи: выявить потребности и интересы, ожидания форсайтинга; развить неформальные связи между участниками; создать единое и целостное поле понимания, нивелировать различия экспертных мнений; аккумулировать знания, касающиеся облика будущего, стратегии развития, используемых методов, приемов, подходов; разделить общую сферу ответственности.

Процессуальным итогом работы реального или виртуального круглого стола может стать сам стол как постоянно действующий инструмент долгосрочного планирования и прогнозирования, что, по мнению ряда экспертов, приведет к расширению прогнозируемого горизонта до 25–30 лет. Общим итогом работы стола могут стать различные по форме официальные документы: международные и национальные исследовательские программы, обеспечивающие приближение выбранных стратегических ориентиров; сценарии инновационного развития; программы промежуточных действий; базы приоритетов в различных сферах жизни общества; методологические особенности прогнозирования и национальной культуры предвидения в целом. Практическим итогом может также стать и расширение технологического горизонта, появление качественно новых технологий, приносящих наибольшие экономические и социальные эффекты исходя из желаемого будущего, создающих основу для перспективного развития, и наконец, определяющих комплекс опережающих и текущих практических действий. Это, в свою очередь, позволит увидеть возможные технологические скачки, в перспективе оказывающие значительное влияние на социум в период формирования цифрового общества.

Наиболее перспективные результаты китайского форсайтинга сегодня лежат в плоскости информационных технологий: большие базы данных, облачные вычисления, искусственный интеллект, 5G – мобильная связь пятого поколения, умные объекты различной природы, кибербезопасность. Памятуя об этом, Китай в 2017 г. провозгласил развитие искусственного интеллекта национальной стратегией, основным драйвером экономики. Китайское правительство стало активно привлекать частные компании и научно-исследовательские лаборатории для реализации фундаментальных проектов, связанных с разработкой технологий искусственного интеллекта будущих поколений. Потребовалось формирование так называемой национальной команды, на которую возложен кардинальный технологический прорыв в этой сфере. В свою очередь Министерство промышленности и информатизации КНР выделило 17 приоритетных областей для развития искусственного интеллекта и привлекло пять компаний (Baidu, Tencent Holdings, Alibaba Group Holding, iFlyTek, SenseTime) к разработке «открытой инновационной платформы» в различных областях. Планируемый результат форсайта – в 2030 г. Китай должен не только создать промышленность искусственного интеллекта, обогнать ближайших соперников США и Японию, но и стать признанным международным лидером в сфере искусственного интеллекта. Возрастающее технологическое противостояние, неопределенность, непредсказуемые проблемы, как, например, эпидемия коронавируса 2020 г., значительно препятствуют реализации данного форсайт-проекта [6].

Заключение

Несмотря на все сложности, китайское общество поставило перед собой задачу уже сегодня выделить четкие стратегические ориентиры для комплексного национального форсайтинга и последующего управления своим цифровым будущим, так как неуправляемое существование государства в мировом изменяющемся потоке не позволяет рассчитывать на значительное социально-экономическое развитие, рост валового внутреннего продукта и соответствующее повышение жизненного уровня граждан. Китай определил свой уникальный путь в цифровое будущее на четкой социокультурной основе, а не просто стал копировать чужой, пусть даже очень продуктивный национальный опыт. Но амбициозные горизонты форсайт-проектов Китая, и это

хорошо понятно всем исследователям, могут быть реализованы лишь на традиционной китайской почве, в условиях национальной ментальности и жестких действий партийно-административного аппарата. Однако исторический опыт свидетельствует, что для Китая достижение поставленных запредельных целей развития вполне реально, и к середине XXI в. он имеет все шансы стать лидером цифрового мира. Согласившись с этим, международная прогностика должна двигаться в сторону понимания потенциала форсайта как технологии долгосрочного прогнозирования, возможных пределов ее эффективного использования в рамках национальных и международных программ.

Библиографический список

1. Идеал управления в традиционной культуре России и Китая: монография / Государственный университет управления; Институт управления персоналом, социальных и бизнес-коммуникаций ГУУ, кафедра философии; под науч. ред. проф. М. Ю. Захарова и доц. Р. В. Ленкова. – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. – 354 с.
2. Боровская, Н. Е. [и др.]. Интернационализация российских вузов: китайский вектор: монография / Российский совет по междунар. делам (РСМД); гл. ред. И. С. Иванов. – М.: Спецкнига, 2013. – 72 с.
3. Кондрашова, Л. И. Китай: к новой модели общественного развития: монография. – М.: ИД «ФОРУМ», 2017. – 336 с.
4. Кристофилопулос, Э., Манцианакис, С. Китай-2025: научный и инновационный ландшафт // Форсайт. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 716.
5. Перская, В. В., Ревенко, Н. С. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 19-25.
6. Решетникова, М. С., Лукина, Ю. Д. Политика Китая в борьбе за мировое лидерство в области искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 1929-1942.
7. Тайный канон Китая: монография / сост. В. В. Малавин. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 304 с.
8. Форсайт-флот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rvc.ru/nti/forsayt-flot/Foresight_Flot.pdf (дата обращения: 04.01.2021).

References

1. *The ideal of management in the traditional cultures of Russia and China: monograph*, State University of Management; Institute of HR Management, Social and Business Communications, SUM, Department of Philosophy; sci. eds: prof. M. Y. Zakharov and assoc. prof. R. V. Lenkov, Moscow, SUM Publ. House, 2019, 354 p. (In Russian).
2. Borevskaya N. E. [et al.]. *Internationalization of Russian Universities: Chinese vector: monograph*, Russian International Affairs Council (RIAC); editor-in-chief I. S. Ivanov, Moscow, Spetskniga, 2013, 72 p. (In Russian).
3. Kondrashova L. I. *China: towards a new model of social development: monograph*, Moscow, FORUM Publ. House, 2017, 336 p. (In Russian).
4. Christophilopoulos E. Manziakis S. China-2025: scientific and innovative landscape, *Foresight*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 7-16. (In Russian).
5. Perskaya V. V., Revenko N. S. Made in China 2025: The Chinese experience of ensuring the tasks of national development, *Asia and Africa today*, 2020, no. 7, pp. 19-25. (In Russian).
6. Reshetnikova M. S., Lukina Y. D. Chinese policy in the struggle for global leadership in the field of artificial intelligence, *Russian Journal of Innovation Economics*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 1929-1942. (In Russian).
7. *The secret Canon of China: monograph*; compiled by V. V. Malyavin, Moscow, RIPOL classic, 2017, 304 p. (In Russian).
8. *Foresight-fleet*. Available at: https://www.rvc.ru/nti/forsayt-flot/Foresight_Flot.pdf/ (accessed 04.01.2021). (In Russian).

УДК 316.4

Филиппова Татьяна Ивановна

канд. геогр. наук, ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт развития образования», г. Калуга, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5264-800X

e-mail: ksc_tatyanas_82@mail.ru

Хачикян Елена Ивановна

д-р пед. наук, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8647-5896

e-mail: helenab64@bk.ru

Пацакула Ирина Ивановна

канд. психол. наук, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5969-8509

e-mail: Kaluga-iruna@yandex.ru

Иванова Ирина Викторовна

канд. психол. наук, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2166-4247

e-mail: ivanovaDIV@yandex.ru

Tatyana I. Filippova

Cand. Sci. (Geogr.), Kaluga State Institution for Development Educational Processes, Kaluga, Russia

ORCID: 0000-0001-5264-800X

e-mail: ksc_tatyanas_82@mail.ru

Elena I. Khachikyan

Dr. Sci. (Ped.), Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

ORCID: 0000-0002-8647-5896

e-mail: helenab64@bk.ru

Irina I. Patsakula

Cand. Sci. (Psychol.), Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

ORCID: 0000-0002-5969-8509

e-mail: Kaluga-iruna@yandex.ru

Irina V. Ivanona

Cand. Sci. (Psychol.), Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

ORCID: 0000-0003-2166-4247

e-mail: ivanovaDIV@yandex.ru

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31726.

Благодарим Екатерину Александровну Мачехину, руководителя Ресурсного координационного центра добровольческих инициатив Калужской области, за помощь в проведении социологического интернет-опроса волонтеров и подготовку практических рекомендаций по повышению эффективности волонтерской деятельности.

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research as part of a research project No. 20-011-31726.

We would like to thank Ekaterina Alexandrovna Machekhina, Head of the Resource Coordination Center for Volunteer Initiatives in the Kaluga Region, for her help in conducting a sociological Internet survey of volunteers and preparing practical recommendations for improving the effectiveness of volunteer activities.

© Филиппова Т.И., Хачикян Е.И., Пацакула И.И., Иванова И.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Filippova T.I., Khachikyan E.I., Patsakula I.I., Ivanona I.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-166-174

ВОЛОНТЕРСТВО В РЕГИОНАХ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Волонтерство, как относительно новая для нашей страны, но востребованная в обществе форма проявления социальной активности, требует комплексного изучения. Основной целью настоящего исследования является оценка социально-психологических особенностей волонтерской деятельности и проблем ее реализации в регионах России, в том числе в условиях повышенной социальной напряженности, вызванной пандемией коронавируса. В статье представлены результаты проведенного авторами межрегионального социологического интернет-опроса волонтеров (на примере регионов Центрального федерального округа Российской Федерации). Их анализ позволил получить новые оценочно-аналитические сведения об изучаемом явлении; расширить представления о современных тенденциях развития волонтерства, в том числе в сложившейся ситуации социальной напряженности; определить вектор решения имеющихся в этой сфере проблем. По итогам исследования предложены практические рекомендации по повышению эффективности волонтерской деятельности в регионах, которые могут быть интегрированы в процессы принятия политических и организационно-методических решений.

Ключевые слова: волонтерство, волонтер, доброволец, социальная активность, мотивация волонтеров, социально-психологические аспекты, социологический опрос, практические рекомендации

Для цитирования: Филиппова Т.И., Хачикян Е.И., Пацакула И.И., Иванова И.В. Волонтерство в регионах России: социально-психологические особенности, проблемы реализации и пути их решения // Вестник университета. 2021. № 2. С. 166–174.

VOLUNTEERING IN RUSSIAN REGIONS: SOCIO-PSYCHOLOGICAL FEATURES, PROBLEMS OF REALIZATION AND ITS SOLUTION

Abstract. Volunteering, as a relatively new form of manifesting social activity, but in demand in society, requires a comprehensive study. The main purpose of this research is assessment of socio-psychological features of volunteer activities and the problems of its implementation in the regions of Russia, including in conditions of increased social tension caused by the coronavirus pandemic. The article presents the results of the interregional sociological Internet survey of volunteers conducted by the authors (on the example of the regions of the Central Federal District of the Russian Federation). Their analysis made it possible to obtain new evaluation and analytical information about the phenomenon being studied, to expand ideas about modern trends in the development of volunteering, including in the current situation of social tension; determine the vector of solving the existing problems in this area. Based on the results of the study, the authors propose practical recommendations to increase the effectiveness of volunteer activities in the regions, which can be integrated into the processes of making political and organizational and methodological decisions.

Keywords: volunteering, volunteer, volunteer, social activity, motivation of volunteers, social and psychological aspects, sociological poll, practical recommendations

For citation: Filippova T.I., Khachikyan E.I., Patsakula I.I., Ivanona I.V. (2021) Volunteering in Russian regions: socio-psychological features, problems of realization and its solution. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 166–174. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-166-174

Введение

По мере нарастания популярности волонтерской деятельности в различных социально-экономических сферах на пути формирования гражданского общества, принятия ее в качестве значимого института социальной активности и поддержки волонтерства со стороны государства растет исследовательский интерес к изучению феномена волонтерства, его структуры, особенностей, закономерностей развития, влияния на разные сферы жизни и деятельности общества, управления волонтерством на разных уровнях.

Авторам близка трактовка волонтерства, предложенная М. В. Певной, согласно которой «волонтерство – функционирующая в широком контексте социальных, экономических, политических отношений общественная система взаимодействующих добровольческих структур, продуцирующая волонтерские практики, воспроизводящая легитимные нормы, традиции и образцы поведения разных подобщностей добровольцев, а также правила их деятельности на основе общечеловеческих ценностей» [9, с. 12].

В России волонтерство вышло на новый уровень в 2018 г., когда были внесены изменения в Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)», закрепившие понятие «волонтер (доброволец)», определили права и обязанности волонтеров и организаторов волонтерской деятельности, механизмы их сотрудничества с органами власти всех уровней [1]. В том же году была утверждена «Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» [2]. Для волонтеров России и всех заинтересованных сторон волонтерской деятельности был создан единый информационный интернет-ресурс «Добровольцы России» (сейчас ресурс доступен по адресу: DOBRO.RU). Под эгидой Ассоциации волонтерских центров было начато формирование региональных ресурсных центров как ключевых звеньев в цепочке создания инфраструктуры добровольчества в регионах России. При этом 2018 г. официально стал Годом добровольца (волонтера). Началась активная популяризация волонтерской деятельности в обществе.

В настоящее время в сложившейся ситуации, вызванной пандемией коронавируса, роль волонтерской деятельности в обществе, несомненно, возросла. По данным опросов ВЦИОМ, проведенных в марте–апреле 2020 г., информированность о волонтерах, оказывающих безвозмездную помощь находящимся на карантине, в том числе одиноким людям, среди наших сограждан высокая – 89 %; о своей готовности оказать волонтерскую помощь людям, находящимся на карантине, в том числе одиноким людям, заявили более половины россиян – 61 %. По мнению 75 % россиян, окружающие люди готовы с разной частотой помогать друг другу в условиях распространения коронавирусной инфекции в России. Только 11 % придерживается противоположного мнения. Для сравнения: по итогам опроса ВЦИОМ в декабре 2019 г. об участии в программах помощи на условиях безвозмездной поддержки, волонтерства задумывалось 44 % россиян, в это же время 55 % вообще не думали об этом [12]. Заслуги волонтеров в борьбе с коронавирусом отметил даже президент Владимир Путин. По его словам, «волонтеры и добровольцы стали одной из главных сил в борьбе с эпидемией» [11]. Вместе с тем возросла актуальность проведения исследований по оценке разных аспектов волонтерской деятельности, поскольку сложившиеся новые условия повышенной социальной напряженности могут как простимулировать развитие волонтерства в регионах, так и обнажить имеющиеся/возникшие проблемы нормативно-правового, организационно-ресурсного, управленческого характера.

Основной целью настоящего исследования является оценка социально-психологических особенностей волонтерской деятельности, в том числе в условиях повышенной социальной напряженности, вызванной пандемией коронавируса, проблем и перспектив развития волонтерской деятельности в регионах России (на примере регионов Центрального федерального округа (далее – ЦФО)).

К ключевым задачам исследования относятся:

- проведение межрегионального социологического интернет-опроса волонтеров, включая руководителей региональных ресурсных центров добровольчества (на примере регионов ЦФО);
- количественный и качественный анализ результатов соцопроса (на основе совокупности мотивационных, деятельностных, проблемных и других групп вопросов);
- разработка практических рекомендаций по повышению эффективности волонтерской деятельности в регионах (по итогам соцопроса).

В структуру настоящей статьи включены характеристика методологии проведенного исследования, подробное описание анализа результатов, полученных в ходе социологического интернет-опроса волонтеров, практические рекомендации по повышению эффективности волонтерской деятельности в регионах и основные выводы.

Анализ результатов исследования

Оценка социально-психологических особенностей, проблем и перспектив волонтерской деятельности в ходе настоящего исследования проводилась методом социологического интернет-опроса. Социологический опрос был проведен в 2020 г. для волонтеров из регионов ЦФО. Объем выборки составил 3 000 респондентов.

Анкета-опросник включала следующие типы вопросов с элементом развертки: общие; деятельностные – направленные на определение уровня включенности в волонтерскую деятельность (сфера волонтерской деятельности, форма участия); мотивационные – направленные на определение личных мотивов волонтеров, побуждающих их к осуществлению волонтерской деятельности; оценочные – направленные на выявление уровня оценки эффективности волонтерской деятельности (в том числе по снижению социальной напряженности и повышению социально-экономического благополучия в регионах) самими волонтерами; проблемные – позволяющие собрать информацию о проблемах в области волонтерской деятельности и сформулировать предложения по повышению эффективности волонтерской деятельности в регионах России.

Рассмотрим основные результаты исследования.

Поскольку экспертные оценки указывают на то, что волонтеров в стране в несколько раз больше, чем фиксирует официальная статистика, а численность российских волонтеров оперативно и достоверно оценить сложно, так как многие волонтеры занимаются данной деятельностью неофициально и нигде не регистрируются, и сохраняется проблема самоидентификации волонтеров, деятельностный блок нашего опроса был начат с вопроса «Как часто Вы занимаетесь волонтерской деятельностью?» (априори считается, что в опросе участвуют только волонтеры) [6, с. 779; 10]. Наибольшее количество волонтеров ЦФО (44,08 % опрошенных) отмечает, что принимает участие в волонтерской деятельности периодически, когда есть свободное время (речь идет об участии в волонтерских акциях, мероприятиях несколько раз в год); регулярно на постоянной основе в составе волонтерских организаций добровольчеством заняты 39,88 % волонтеров; разово, когда просят (не более 1 раза в год) волонтерской деятельностью занимаются 16,04 % опрошенных.

Спектр работ, которые выполняют волонтеры, разнообразен (табл. 1). Наибольшее количество респондентов заняты организацией помощи в рамках крупных, масштабных мероприятий, таких как фестивали, форумы, праздники, в том числе в организации обеспечения безопасности, – 61,46 % опрошенных. Помощь в организации мероприятий и донорских акций оказывают 44,64 % респондента; помощь в сохранении природы – 44,05 % добровольцев; помощью в организации патриотических акций, поисковых работ, исторических реконструкций, помощью ветеранам и ветеранским организациям – 40,18 % добровольцев; помощь нуждающимся людям, в том числе больным (работа в лечебно-профилактических учреждениях) – 39,73 % всех опрошенных. А вот в таких видах деятельности, как помощь в чрезвычайных ситуациях, поиск и спасение потерявшихся и пропавших людей занят незначительный процент опрошенных – всего 5,06 % и 4,91 % волонтеров соответственно.

Таблица 1

Виды осуществляемой волонтерской деятельности в регионах ЦФО

Вид волонтерской деятельности	Количество ответивших респондентов, %
Помощь на крупных, масштабных мероприятиях: фестивалях, форумах, праздниках, в том числе в организации обеспечения безопасности	61,46
Помощь в организации мероприятий и донорских акций	44,64
Помощь в сохранении природы	44,05
Помощь нуждающимся людям (разные категории), в том числе больным (работа в лечебно-профилактических учреждениях)	39,73

Окончание табл. 1

Вид волонтерской деятельности	Количество ответивших респондентов, %
Помощь в организации патриотических акций, поисковых работ, исторических реконструкций, помощь ветеранам и ветеранским организациям	40,18
Помощь в проведении экскурсий, реставрации памятников истории и культуры	15,48
Использование дистанционных технологий, создание сайтов, контентов, их ведение и продвижение в СМИ и социальных сетях; создание баз данных	14,73
Помощь в чрезвычайных ситуациях	5,06
Поиск и спасение потерявшихся и пропавших людей	4,91

Составлено авторами по материалам исследования

Можно предположить, что такое распределение связано с существованием основного вида деятельности у респондентов и тем, что участие в указанных видах помощи способно переключить их внимание на социальную активность и стремление быть полезными другим людям, обществу. По мнению А. Г. Килиной и К. А. Кондарианцевой, крупные события всегда являются «мощным импульсом к развитию волонтерского движения» [7, с. 16]. Незначительная активность опрошенных волонтеров в других социальных проектах, возможно, связана с тем, что перечисленные виды помощи требуют специализированной, пролонгированной во времени подготовки, вовлеченности в деятельность (в частности, быстрая реакция на произошедшее событие) и обладания определенными профессиональными навыками в сфере помощи (поиск и спасение потерявшихся и пропавших людей, помощь в чрезвычайных ситуациях, проведение экскурсий, реставрация памятников истории и культуры, создание сайтов, контентов, их ведение и продвижение в СМИ и социальных сетях, создание баз данных).

Опираясь на исследования С. Г. Климовой, выделившей различные виды добровольческой (волонтерской) деятельности, такие как: взаимопомощь, филантропия, участие в кампаниях в защиту социальной справедливости и участие в самоуправлении, можно наблюдать перевес добровольческой деятельности в сторону филантропии и взаимопомощи. Большая часть опрошенных способна проявлять солидарность, основанную на идентичности, чувстве «мы» с другими участниками добровольческой деятельности [8]. Согласно Ч. Кули, это солидарность, основанная на «первичной связи». Происходит социальный процесс приобщения индивидуальных ментальных процессов к «большому сознанию», то есть социализация индивидуального сознания, осуществляется процесс формирования социальной природы и идеалов индивида. В психологическом плане результатом этой связи является определенное слияние индивидов в общее целое, а самость индивида оказывается общей жизнью и целью группы.

Ответы волонтеров на вопросы мотивационного блока приведены в таблице 2. Из всех опрошенных 79,79 % респондентов, включенных в добровольческую среду и деятельность, в качестве мотивирующего фактора добровольческой деятельности указали бескорыстную помощь нуждающимся различным слоям населения; для 60,03 % опрошенных их социальная активность рассматривается ими как способ получения новых знаний и опыта, приобретения полезных связей; для 47,31 % респондентов волонтерская деятельность – это способ самовыражения и проявления социальной активности, а для 29,79 % – способ решения социальных проблем.

Таблица 2

Мотивация волонтерской деятельности в регионах ЦФО

Вид мотивации волонтерской деятельности	Количество ответивших респондентов, %
Бескорыстная помощь нуждающимся в этом различным слоям населения	79,79
Способ получения новых знаний и опыта, приобретения полезных связей	60,03
Способ самовыражения и проявления социальной активности	47,31
Способ решения социальных проблем	29,79

Составлено авторами по материалам исследования

Распределение ответов опрошенных и выраженность мотивов свидетельствует о том, что альтруизм не только присутствует в структуре мотивации добровольческой деятельности, но и выступает в качестве ведущего мотива добровольческой деятельности среди тех, кто занимается волонтерством. Безвозмездная деятельность по отношению к другим членам общества может опираться только на внутренние установки и ценностные ориентации человека.

Наличие в структуре мотивов, таких как: приобретение полезных связей, способ решения социальных проблем, свидетельствует о том, что для многих участников волонтерского движения добровольческая деятельность рассматривается как деятельность, ориентированная на собственные, в том числе возможные индивидуальные карьерные интересы. Можно предположить, что для молодежи, самой вовлеченной в волонтерскую деятельность части населения, на первый план выступает личностное и профессиональное саморазвитие, и добровольчество играет роль социального лифта. Даже этот факт мы можем рассматривать в контексте социально одобряемого поведения, но возникает вопрос, насколько преобладание в структуре мотивации мотивов именно этой направленности может называться добровольчеством. М. С. Горбулева отмечает, что мотивация волонтеров многогранна, имеет уровневую структуру и индивидуальные особенности [4].

Ключевым вопросом оценочного блока стал вопрос «Как Вы считаете, как в Вашем регионе осуществляется волонтерская деятельность?», и были предложены следующие варианты ответов:

- эффективно осуществляется, поддерживается властью и населением и является механизмом по снижению социальной напряженности и повышению социально-экономического благополучия в регионе;
 - реализуется на среднем уровне и полностью не удовлетворяет запросы общества;
 - реализуется недостаточно эффективно / имеет ряд сложностей и требует тщательной корректировки.
- Распределение ответов респондентов на данный вопрос приведено на рисунке 1.

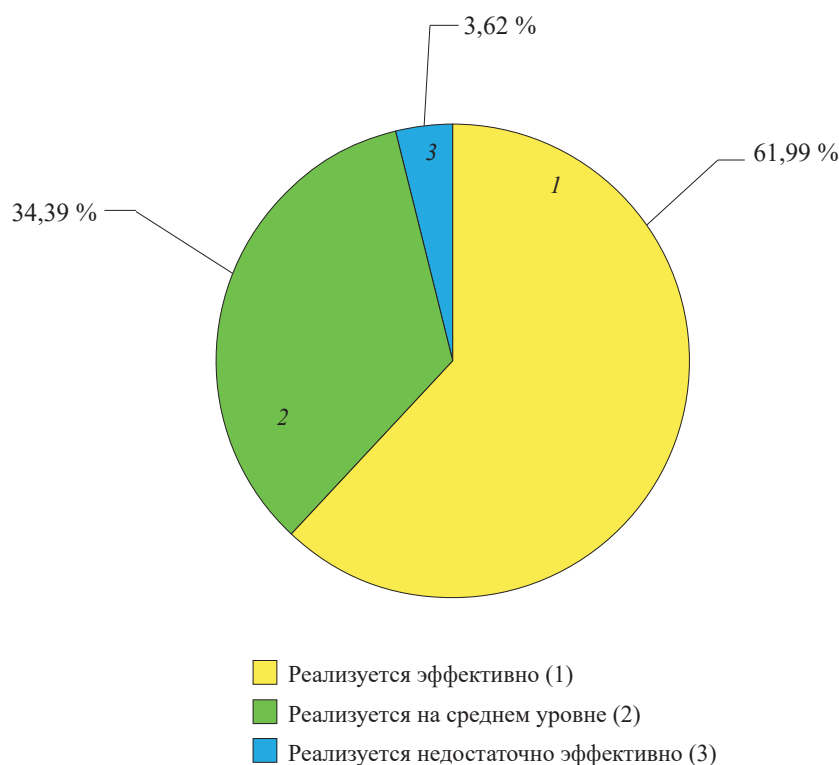

Рис. 1. Оценка эффективности реализации волонтерской деятельности в регионах ЦФО

Важно, что в большинстве регионов ЦФО добровольческое движение не только находит поддержку среди населения и властей, но и фактически выступает в качестве формирующей силы по поиску, подготовке активного молодого поколения россиян, способного любить свою страну, желающего жить в этой стране, быть ей полезным, развивать ее и заботиться о будущем. А это не что иное, как формирование социально-культурной идентификации молодежи. Происходящие в настоящее время сложные и противоречивые процессы трансформации

общества привели к появлению противоречия между объективно существующими вызовами, требованиями той новой социальной реальности, которая вырисовывается в настоящее время, и недостаточными степенями социальной ответственности и культурной зрелости личности как субъекта существующей жизнедеятельности, неадекватной этой реальности. В этом смысле волонтерское движение можно рассматривать как мощный ресурс в разрешении этого противоречия с точки зрения формирования людей социально-зрелых, ответственных, способных изменять социальную реальность в соответствии с гуманистическими смыслами, целями и ценностями [3; 5]. Это отчасти помогает решить вопрос о сохранении и дальнейшем развитии человеческого начала и человечности в самом человеке, что можно рассматривать как главную ценность человеческой жизни.

Полученные в блоке проблемных вопросов ответы о неэффективности волонтерской деятельности, ее сложности и невозможности удовлетворить запросы общества свидетельствуют о том, что все-таки существуют определенные проблемы в ее организации. По мнению самих добровольцев, это слабый интерес и низкая мотивация к волонтерской деятельности со стороны населения (так считают 60,36 % опрошенных); недостаточная поддержка со стороны органов власти (этот ответ представлен среди 44,18 % респондентов); неразвитая инфраструктура волонтерских организаций (считают 24,96 % опрошенных) и ряд других проблем (табл. 3).

Таблица 3

Ключевые проблемы в организации волонтерской деятельности в регионах ЦФО

Проблемы в организации волонтерской деятельности	Количество ответивших респондентов, %
Слабый интерес и низкая мотивация к волонтерской деятельности со стороны населения	60,36
Недостаточная поддержка со стороны органов власти	44,18
Неразвитая инфраструктура волонтерских организаций	24,96
Недостаточная доступность информации о волонтерской деятельности	20,88
Проблемы организационно-технического характера в проведении волонтерских мероприятий	23,75
Несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей волонтерскую деятельность	16,34
Недостаточная работа по обучению волонтеров	15,73

Составлено авторами по материалам исследования

Новая реальность, в которую оказалось вовлечено все мировое сообщество, тоже вносит свои коррективы в представления и жизнь людей. На вопрос «Как, по Вашему мнению, пандемия коронавируса, повлияла на волонтерскую деятельность в Вашем регионе?» были предложены следующие варианты ответов:

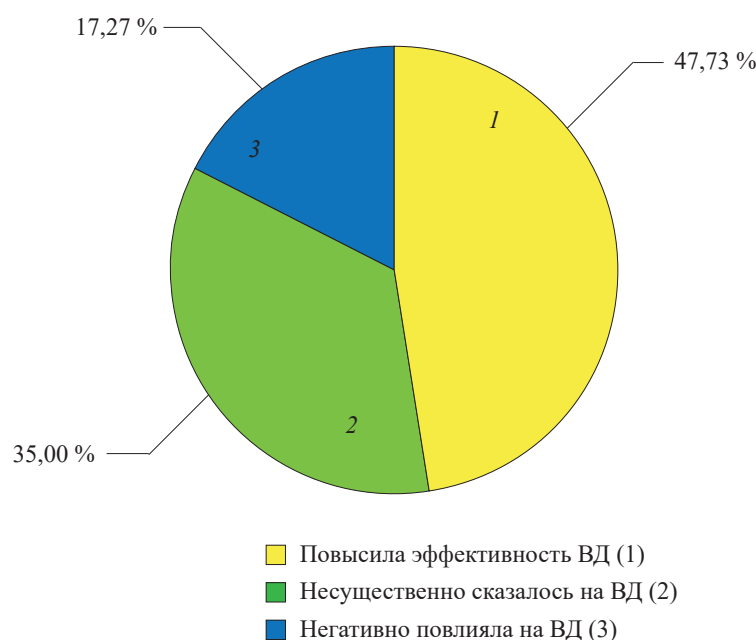
- обеспечила приток волонтеров и повысила эффективность волонтерской деятельности;
- несущественно сказалась на качестве волонтерской деятельности;
- негативно повлияла на качество волонтерской деятельности, обнаружив имеющиеся и новые проблемы в этой сфере.

Распределение ответов волонтеров на данный вопрос приведено на рисунке 2.

Учитывая выделенные волонтерами проблемы в организации волонтерской деятельности в регионах ЦФО, предложены следующие практические рекомендации, направленные на повышение ее эффективности.

1. Более активная точечная работа по привлечению потенциальных участников волонтерской деятельности; формирование и утверждение региональных механизмов нематериального стимулирования разных групп волонтеров (школьников, студентов, сотрудников организаций (в том числе участников корпоративной волонтерской деятельности), серебряных волонтеров).

2. Закрепление нормативно-правовыми актами Концепций развития волонтерской деятельности, полномочий органов власти по регулированию волонтерской деятельности и места волонтеров во взаимодействии с органами власти по основным вопросам волонтерской деятельности в каждом регионе Российской Федерации.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Оценка влияния пандемии коронавируса на эффективность волонтерской деятельности в регионах ЦФО

3. Расширение и создание общественных пространств для взаимодействия добровольцев, руководителей добровольческих объединений, социально ориентированных некоммерческих организаций, органов власти.

4. Реальное привлечение участников волонтерской деятельности к обсуждению и принятию основных стратегических решений по планированию и развитию волонтерской деятельности, проведению мониторингов эффективности волонтерской деятельности во всех регионах Российской Федерации.

5. Региональная диагностическая работа с волонтерами по изучению мотивации, упор на построение индивидуальной траектории саморазвития волонтера.

6. Организация централизованной системы обучения и повышения квалификации волонтеров с опорой на образовательный стандарт подготовки волонтера. Уровневая реализация образовательных программ для участников волонтерской деятельности. Внедрение программы «Обучение служению» с учетом специфики образовательных учреждений регионов.

7. Системные региональные исследования потребностей и барьеров в осуществлении волонтерской деятельности, специфики идентичности волонтеров; отношения населения к волонтерству, готовности к осуществлению волонтерской деятельности, осведомленности о состоянии волонтерского движения.

8. Систематизация накопленного опыта в рамках волонтерской деятельности, активное вовлечение в обмен лучшими волонтерскими практиками всех регионов Российской Федерации, организация конференций волонтеров с целью обмена опытом.

9. Повышение доступа к информации о волонтерской деятельности в интернет-пространстве на региональном уровне.

Заключение

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что в целом в регионах ЦФО деятельность волонтеров направлена на решение проблем современного российского общества, волонтеры признают ценность выполняемой работы, мотивированы на бескорыстную помощь нуждающимся слоям населения и получение новых знаний, опыта, приобретение полезных связей. Однако имеются проблемы в организации волонтерской деятельности, с которыми приходилось сталкиваться волонтерам в регионах ЦФО, в частности слабый интерес и низкая мотивация к волонтерской деятельности со стороны населения и недостаточная поддержка волонтерской деятельности со стороны органов власти. По мнению волонтеров, пандемия

коронавируса обеспечила приток волонтеров и повысила эффективность волонтерской деятельности, но в то же время обострила имеющиеся проблемы. Предложенные практические рекомендации нацелены на повышение эффективности волонтерской деятельности в регионах и могут быть интегрированы в процессы принятия политических и организационно-методических решений.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289772/ (дата обращения: 13.01.2021).
2. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (дата обращения: 13.01.2021).
3. Андреев, Э.М. Социально-культурная идентификация: методологические проблемы исследования и реализации // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 2. – С. 94-98.
4. Горбулёва, М.С. Добровольчество: генезис и мотивы // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5 (158). – С. 140-146.
5. Губина, Н.В., Долотказина, Э.Р. Волонтерство как форма социальной активности населения // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – № 20. – С. 344-348.
6. Забелина, О.В., Мирзабалаева, Ф.И., Вега, А.Ю. Волонтерство как новая форма занятости // Экономика труда. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 775-786.
7. Килина, А.Г., Кондаранцева, К.А. Путеводитель по миру волонтерства. – М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. – 112 с.
8. Климова, С.Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социс. – 2013. – № 6. – С. 32-41.
9. Певная, М.В. Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08 / ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского». – Нижний Новгород, 2016. – 42 с.
10. Волонтерство как ресурс развития современного общества в России // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – 2019 – № 2 (17). – С. 6-9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://grans.hse.ru/data/2020/03/25/1567350647/Bulleten%2017_web.pdf (дата обращения: 13.01.2021).
11. Встреча с волонтерами и финалистами конкурса «Доброволец России – 2020» // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64551> (дата обращения: 13.01.2021).
12. ВЦИОМ: более 60 % россиян готовы стать волонтерами в условиях пандемии // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8228283> (дата обращения: 13.01.2021).

References

1. Federal Law No. 15-FZ, dated on February 5, 2018 “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Volunteering”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289772/ (accessed 13.01.2021). (In Russian).
2. Order of the Government of the Russian Federation No. 2950-r, dated on December 27, 2018 “On the Approval of the Concept of the Development of Volunteering (Volunteering) in the Russian Federation until 2025”, *Legal reference system “Consultant-Plus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804 (accessed 13.01.2021). (In Russian).
3. Andreev E. M. Socio-cultural identification: methodological problems of research and implementation, *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 94-98. (In Russian).
4. Gorbuleva M.S. Volunteerism: genesis and motives, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2015, no. 5 (158), pp. 140-146. (In Russian).
5. Gubina N. V., Dolotkazina E. R. Volunteering as a form of social activity of the population, *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2014, no. 20, pp. 344-348. (In Russian).
6. Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I., Vega A. Yu. Volunteering as a new form of employment, *Russian Journal of Labor Economics*, 2019, vol. 6, no 2, pp. 775-786. (In Russian).

7. Kilina A. G., Kondarantseva K. A. *Guide to the world of volunteering*, Moscow, Moscow State Budgetary Institution “Mosvolonter”, 2018, 112 p. (In Russian).
8. Klimova S. G. Ideas and practices of solidarity in the volunteer movement, *Sociological Studies*, 2013, no. 6, pp. 32-41. (In Russian).
9. Pevnaya M. V. *Volunteering as a social phenomenon: managerial approach*: autoref. dis. ... Dr. Sci. (Soc.): 22.00.08, N. Novgorod, 2016, 42 p. (In Russian).
10. Volunteering as a resource for the development of modern society in Russia, *Informatsionno-analiticheskii bulletin` o razvitii grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora v RF*, 2019, no 2(17), pp. 6-9. Available at: https://grans.hse.ru/data/2020/03/25/1567350647/Bulleten%2017_web.pdf (accessed 13.01.2021). (In Russian).
11. Meeting with volunteers and finalists of the contest “Volunteer of Russia – 2020”, *Official website of the President of the Russian Federation*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64551> (accessed 13.01.2021). (In Russian).
12. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM): more than 60% of Russians are ready to become volunteers in pandemic conditions, *TASS*. Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/8228283> (accessed 13.01.2021). (In Russian).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

УДК 316.6

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-175-180

Алборова Алена Валериевна
аспирант, ГБОУ ВО «Северо-Осетинский
государственный педагогический инсти-
тут», г. Владикавказ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2251-9930
e-mail: alborova-alena2012@yandex.ru

Дреева Светлана Владимировна
канд. психол. наук, ГБОУ ВО «Северо-
Осетинский государственный педагогиче-
ский институт», г. Владикавказ, Россий-
ская Федерация
ORCID: 0000-0002-7892-8429
e-mail: c.dreeva@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ДОВЕРИИ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Рассмотрены подходы к пониманию феномена доверия в отношениях. Отмечено, что различные авторы рассматривают доверие как основной принцип формирования конструктивных отношений в современном обществе. Приведены данные исследования представлений студенческой молодежи Республики Северная Осетия – Алания (осетин и русских, в возрасте от 15 до 22 лет) о доверии в межэтнических отношениях. Согласно результатам исследования, студенты – представители осетинской национальности чаще всего доверие в межэтнических отношениях определяют как «принятие «чужих» национальных ценностей, обычаев и культуры». Студенты – представители русской национальности понимают доверие в межэтнических отношениях как «уверенность в помощи и поддержке в сложной ситуации со стороны представителя другого этноса». Обе группы опрошенных студентов считают важным в доверительных межэтнических отношениях готовность к сотрудничеству представителей разных этнических групп.

Ключевые слова: доверие, психология доверия, доверие в отношениях, доверие к себе, доверие к другим, межэтнические отношения, принятие других, студенческая молодежь

Для цитирования: Алборова А.В., Дреева С.В. Представления студенческой молодежи о доверии в межэтнических отношениях // Вестник университета. 2021. № 2. С. 175–180.

Alena V. Alborova
Postgraduate Student, North Ossetian State
Pedagogical Institute, Vladikavkaz, Russia
ORCID: 0000-0003-2251-9930
e-mail: alborova-alena2012@yandex.ru

Svetlana V. Dreeva
Cand. Sci. (Psychol.), North Ossetian State
Pedagogical Institute, Vladikavkaz, Russia
ORCID: 0000-0002-7892-8429
e-mail: c.dreeva@mail.ru

STUDENTS' IDEAS ABOUT TRUST IN INTERETHNIC RELATIONS

Abstract. The article reviews approaches to understanding the phenomenon of trust in relationships. It is noted that various authors consider trust as the main principle of forming constructive relations in modern society. The paper gives data on the research of the ideas of students of the Republic of North Ossetia – Alania (Ossetians and Russians, aged 15 to 22 years) about trust in interethnic relations. According to the results of the study, students who are representatives of Ossetian nationality most often define trust in interethnic relations as “Acceptance of “foreign” national values, customs and culture”. Russian students understand trust in interethnic relations as “Confidence in assistance and support in a difficult situation from a representative of another ethnic group”. Both groups of students surveyed believe that the willingness of representatives of different ethnic groups to cooperate is important in trusting inter-ethnic relations.

Keywords: trust, psychology of trust, trust in relationships, self-confidence, trust in others, interethnic relations, acceptance of others, student youth

For citation: Alborova A.V., Dreeva S.V. (2021) Students' ideas about trust in interethnic relations. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 175–180. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-175-180

© Алборова А.В., Дреева С.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Alborova A.V., Dreeva S.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Межэтнические отношения являются важной сферой взаимодействия для любого государства, а для нашей многонациональной страны, и региона в частности, данная проблема является особенно актуальной. Межэтнические конфликты, терроризм, массовые миграции, приводят к конфликтам различных групп населения. В этом аспекте вопрос межэтнических отношений и достижения доверия в них приобретает особую значимость.

Одним из важнейших периодов в формировании доверия в отношениях является студенческий возраст, так как этот возрастной период значимый этап в становлении мировоззрения личности в целом.

С позиции психологии доверие – это явление, которое одновременно проявляется в доверии к себе (интраперсональных) и доверии к другим (интерперсональных) отношениях. Доверие – это механизм, интегрирующий внешнее (ориентация на окружающий мир и его влияние) и внутреннее (субъектность личности, ее ценности) поведение личности. Доверие к себе – это рефлексивный феномен личности, являющийся проявлением ее субъектности и позволяющий занять определенную ценностную позицию личности по отношению к самому себе, исходя из которой выбирается ее жизненный путь. Доверие к другим – это условие взаимодействия человека с другими людьми; субъективное отношение личности к другому человеку, способствующее установлению с ним взаимоотношений [1].

Литературный обзор

Согласно С. Д. Гуриевой и М. М. Борисовой, «доверие – это важное условие познания окружающего и внутреннего мира» [2, с. 22]. В организации продуктивного взаимодействия, результативной работы, в формальных отношениях, доверие играет функцию объединения, управления поведением, предугадывания оппонента. А в неформальных отношениях доверие является неотъемлемой частью для развития и достижения большей близости во взаимоотношениях.

Л. Г. Почебут отмечает, что понятие «доверие» достаточно сложное и изучать его необходимо через связь с различными психологическими функциями и явлениями, что требует комплексного подхода и понимания [6].

Доверие в отношениях Т. П. Скрипкина рассматривает как «доверие и недоверие, которые имеют функцию защиты субъекта от угрожающей информации, действий, так как участвуют в процессе формирования представлений о «мы» и «они» [7, с. 70].

А. Ю. Алексеева определяет межличностное доверие как «доверие конкретному индивиду». Также Э. Ульман-Маргалит пишет, что доверие формируется только в отношении кого-то [5].

Дж. Роттер утверждал, что степень выраженности межличностного доверия как личностной характеристики значима для предугадывания поведения. Им также отмечалось, что общество может нормально выполнять свои функции, только если люди имеют минимальную степень доверия друг к другу [8].

Однако необходимо отметить, что феномен доверия в межэтнических отношениях остается на сегодняшний день малоизученным, несмотря на очевидную актуальность. Понятие «межэтнические отношения» рассматривается как совокупность осознаваемых, эмоционально окрашенных представлений и оценок, объектами которых выступают этнокультурные группы и представители этих групп [4]. Понятие доверия в межэтнических отношениях включает в себя несколько факторов: исторические, политические, социально-культурные, социально-психологические и ситуативные.

В отечественной этнопсихологии доверие в межэтнических отношениях исследовали такие ученые, как С. Д. Гуриева, А. Д. Карнышев, Н. М. Лебедева, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, А. Н. Татарко.

А. Н. Татарко, изучая феномен социального капитала личности, отмечал, что его необходимо понимать как систему доверительных отношений личности, которые возникают в процессе социализации и интеграции личности, а доверие к социальным институтам составляет позитивность гражданской идентичности. Также он говорит о том, что в поликультурном обществе в процессе глобализации большую роль в интеграции личности играет доверие к представителям другой национальности [4].

Н. М. Лебедева и А. Н. Татарко акцентируют внимание на том, что многочисленные народы, проживающие на территории России, имеют значительные этнокультурные различия и, как следствие, проблема формирования доверительных межэтнических отношений имеет особую значимость для нашей страны [4].

Теория и методы

В своем исследовании мы придерживаемся подхода к пониманию доверия Т. П. Скрипкиной, которая говорит о том, что доверие проявляется в двух позициях личности: личностной и социальной, и, согласно этому положению, доверие рассматривается как социально-психологическое явление [7].

В целом, анализируя работы по проблеме доверия в отношениях, можно отметить, что продолжающаяся трансформация современного российского общества, а также политические и социально-экономические события сказываются на доверии разных его слоев и групп. При этом имеется недостаточно исследований, направленных на изучение социально-психологических характеристик людей, проявляющих различный уровень доверия/недоверия в отношениях [3].

В исследовании применялась модифицированная методика Сакса Леви незаконченные предложения, с открытыми вопросами. Вопросы, которые мы использовали в своем исследовании: «Доверие – это ...», «Доверие в межэтнических отношениях – это ...». Респондентам была дана следующая инструкция: «Перед Вами список незаконченных предложений. Вам предлагается завершить каждое одним или несколькими словами, вложив в ответ близкое Вам содержание. Заполняйте по возможности быстро, не раздумывая, первым ответом, который приходит в голову».

Анализ результатов

Нами было проведено исследование представлений студенческой молодежи о доверии в межэтнических отношениях, в ходе которого мы выявляли, как молодежь понимает понятие «доверие», и что понимает под доверием в межэтнических отношениях.

Выборку исследования составили студенты двух образовательных учреждений среднего профессионального образования Республики Северная Осетия – Алания, в количестве 145 человек, в возрасте от 15 до 22 лет, из которых 53,79 % – представители осетинской национальности и 46,21 % – представители русской национальности. Характеристика выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика выборки исследования

Национальность	Пол		Всего
	юноши	девушки	
Осетины	32	46	78
Русские	25	42	67
Итого	57	88	145

Составлена авторами по материалам исследования

В исследовании применялась анкета с открытыми вопросами. На открытый вопрос «Что Вы понимаете под термином «доверие»?» опрашиваемыми было дано 24 различных варианта ответов, из которых чаще всего встречались следующие:

- возможность быть самим собой / вести себя открыто в отношениях;
- честность в отношениях;
- уверенность в человеке;
- достаточная и обоснованная степень веры в отношениях;
- то, что определяется поступками;
- добросовестность в отношениях;
- отсутствие мыслей о предательстве;
- вера в слова и поступки;
- возможность делиться сокровенным.

Далее опрашиваемые отвечали на открытый вопрос о доверии в межэтнических отношениях. Результаты подсчитывались от числа ответов в процентном соотношении. Общее количество ответов респондентов

считалось за 100 %. При выявлении представлений о доверии в межэтнических отношениях студентами были даны варианты ответов, представленные в таблице 2.

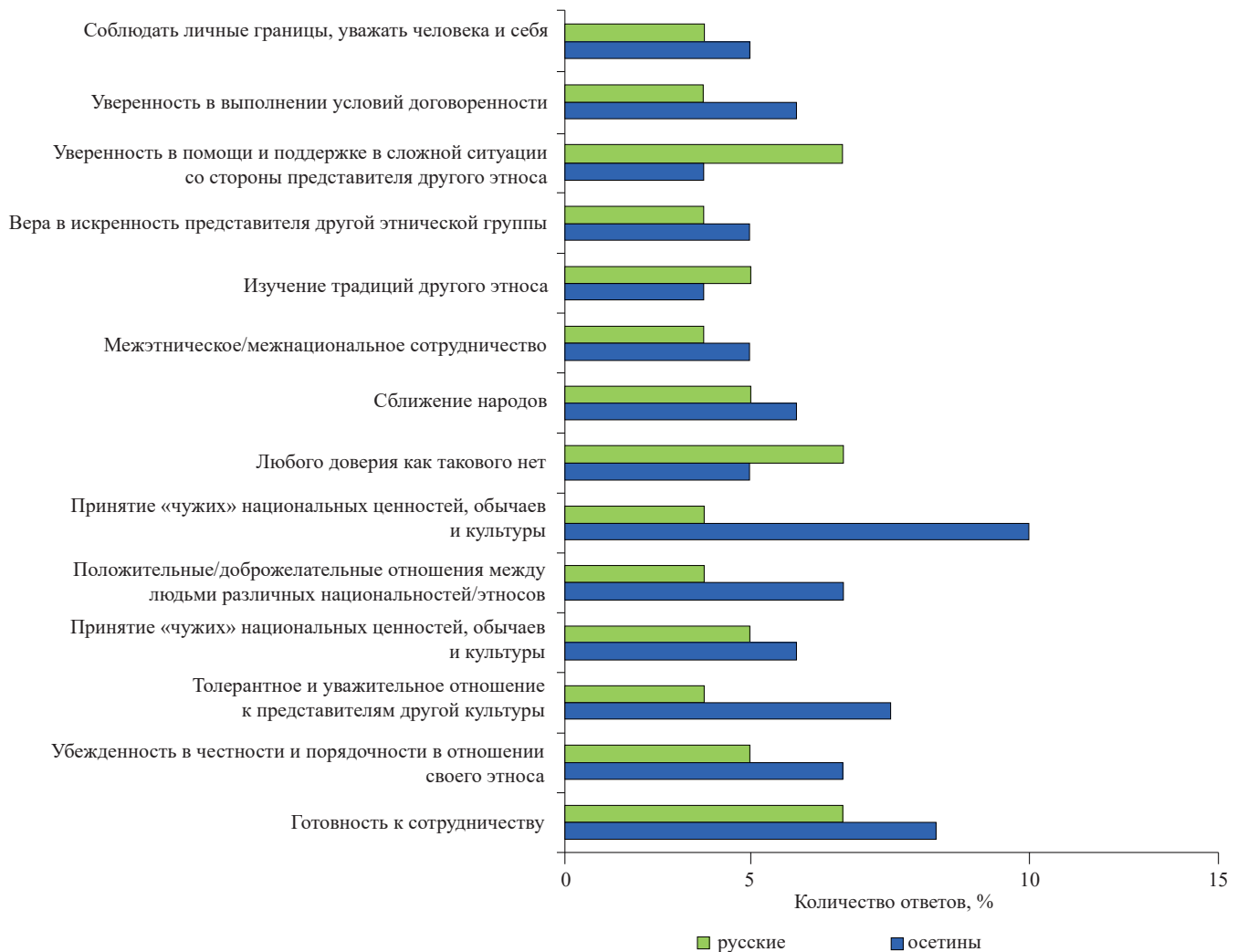
Таблица 2

«Доверие в межэтнических отношениях – это...»

Варианты ответов	Процент от общего числа ответов
Готовность к сотрудничеству	9,52
Убежденность в честности и порядочности в отношении своего этноса	7,62
Положительные/доброжелательные отношения между людьми различных национальностей/этносов	6,67
Толерантное и уважительное отношение к представителям другой культуры	6,67
Принятие «чужих» национальных ценностей, обычаев и культуры	6,67
Доверия как такового нет	6,67
Сближение народов	5,71
Соблюдать личные границы, уважать человека и себя	4,76
Межэтническое/межнациональное сотрудничество	4,76
Изучение традиций другого этноса	4,76
Вера в искренность представителя другой этнической группы	4,76
Уверенность в помощи и поддержке в сложной ситуации со стороны представителя другого этноса	4,76
Уверенность в выполнении условий договоренности	4,76
Стремление принимать различия, связанные с особым происхождением отдельно взятой национальности	3,81
Укрепление взаимоотношений между представителями различных этнических групп	3,81
Поддержка представителей другой национальности	3,81
Уважение интересов другой нации	3,81
Уважение к вероисповеданию	3,81
Хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей	3,81
Способность вести честный диалог с представителями других национальностей	3,81
Отсутствие социального и религиозного конфликта	3,81
Крепкие дружеские межэтнические взаимоотношения	3,81
Попытка различных этнических групп наладить контакт в достижении общей цели	2,86
Это когда национальность вообще не имеет значения	2,86
Взаимопомощь/поддержка в трудную минуту, в сложной ситуации	2,86
Убежденность в искренности и добросовестности вне зависимости от национального аспекта	2,86
Стремление к самореализации через политические и экономические взаимодействия с различными этническими группами	2,86
В общении не имеет значение какой национальности твой друг	2,86
Надежные дружеские межэтнические взаимоотношения	2,86
Не делить по национальному признаку на какие-либо группы	2,86
В межэтнических отношениях не может быть доверия, так как разная вера, люди по натуре разные, возможна сильная дискриминация по поводу внешности, цвету кожи и пр.	2,86
Приход к единому мнению/компромиссу в религиозных вопросах (и даже в бизнесе)	2,86
Компромисс во всех сферах жизнедеятельности	2,86

Варианты ответов	Процент от общего числа ответов
Быть уверенным, спокойным, без враждебных ярлыков, толерантным в общении	2,86
Это когда нации, населяющие нашу планету, относятся с уважением ко всем нациям и расам	1,90
Способность пойти на риск во имя другого этноса	1,90
Формирование между представителями различных национальностей общих интересов	1,90
Доверие одной нации к другой – это уважение и достижение общих целей	1,90
Доверие – это процесс, формирующийся на основе определенных норм и правил, благодаря чему образуются длительные и стабильные взаимоотношения	1,90
Понимание того, что мир людей не оставит тебя в полном одиночестве в затруднительной ситуации	1,90

Составлено авторами по материалам исследования

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Распределение наиболее частых ответов на вопрос «Доверие в межэтнических отношениях – это ...»

На рисунке 1 представлены наиболее часто встречающиеся ответы в группах студентов осетин и русских (в процентном соотношении от общего числа ответов в выборках осетин и русских).

Заключение

Проведенное исследование показало, что среди осетинской молодежи придерживаются мнения, что доверительные межэтнические отношения это, в первую очередь, принятие «чужих» национальных ценностей, обычаев и культуры, а респонденты русской национальности считают, что доверие в межэтнических отношениях – это уверенность в помощи и поддержке в сложной ситуации со стороны представителя другого этноса. Обе группы опрашиваемых студентов акцентировали внимание на том, что готовность к сотрудничеству в межэтнических отношениях играет немаловажную роль.

Исследования доверительных отношений и факторов, влияющих на них, на наш взгляд, является важным направлением в обеспечении стабильности межэтнических отношений поликультурного региона, поэтому в перспективе мы планируем исследовать психологические факторы доверия в межэтнических отношениях.

Библиографический список

1. Вачков, И. В., Вачкова, С. Н. Доверие к себе и к другим у старших подростков // Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции / под ред. Л.М. Митиной. – М.: Перо, 2017. – С. 92-95.
2. Гуриева, С. Д., Борисова, М. М. Социальные представления о доверии современной молодежи: кросскультурный анализ // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 12 (68). – С. 138-150.
3. Ефремкина, И. Н. Исследования особенностей социально-психологических характеристик у лиц юношеского возраста с различным уровнем доверия в межличностных отношениях // Вестник университета. – 2019. – № 6. – С. 191-197.
4. Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 31-45.
5. Леонова, И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – № 2. – С. 34-41.
6. Почебут, Л. Г., Чикер, В. А. Психология доверия в организациях // Психологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 65-76.
7. Скрипкина, Т. П. Доверие и толерантность. Существуют ли границы? // Межкультурный диалог. Исследования и практика. – 2008. – № 4. – С. 64-73.
8. Фрейдджер, Р., Фейдимен, Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. – 6-е изд., дополненное и расширенное. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 706 с.

References

1. Vachkov I. V., Vachkova S. N. Trust in themselves and others in older adolescents, *Personal and professional development of children, youth, and adults: problems and solutions: Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference*, Edited by L.M. Mitina, Moscow, Pero, 2017, pp. 92-95. (In Russian).
2. Gurieva S. D., Borisova M.M. Social representations of trust of modern youth: cross-cultural analysis, *Modern Studies of Social Issues*, 2016, no. 12 (68), pp. 138-150. (In Russian).
3. Efremkina I. N. Research of features of socio-psychological characteristics in young people with different levels of trust in interpersonal relationships, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 6, pp. 191-197. (In Russian).
4. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Socio-psychological factors of ethnic tolerance and strategies of intergroup interaction in multi-cultural regions of Russia, *Psikhologicheskii zhurnal*, 2003, vol. 24, no. 5, pp. 31-45. (In Russian).
5. Leonova I. Yu. Trust: concept, types and functions, *Bulletin of Udmurt University*, 2015, no. 2, pp. 34-41. (In Russian).
6. Pochebut L. G., Chiker V. A. Psychology of trust in organizations, *Psikhologicheskii zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 65-76. (In Russian).
7. Skripkina T. P. Trust and tolerance. Are there boundaries?, *Intercultural Dialogue. Research and Practice*, Moscow, 2008, no. 3, pp. 64-73. (In Russian).
8. Freijer R., Feydimen D. *Personality. Theories, exercises, experiments*, 6th ed., expanded and expanded, St. Petersburg, Praitm-Evroznak, 2006, 706 p. (In Russian).

УДК 159.9. 072.433

DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-181-186

Ерхова Марина Викторовна
канд. пед. наук, ФГБОУ ВО «Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева», г. Ульяновск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1283-3088
e-mail: m.v.erhova@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СКЛОННОСТИ К КОММУНИКАТИВНОЙ АГРЕССИВНОСТИ У АВИАЦИОННЫХ ДИСПЕТЧЕРОВ

Аннотация. Представлены результаты исследования различных форм коммуникативной агрессивности курсантов-авиадиспетчеров и действующих авиадиспетчеров по опроснику В. В. Бойко. Обоснована актуальность изучения коммуникативной агрессивности как профессиональной деструкции специалиста по управлению воздушным движением. Выявлены наиболее характерные формы коммуникативной агрессивности авиадиспетчеров и последствия их проявления в профессиональной деятельности. Дан сравнительный анализ выраженности основных форм коммуникативной агрессивности у обеих групп респондентов. Выявлена тенденция к расширению форм коммуникативной агрессивности действующих авиадиспетчеров по сравнению с курсантами, получающими соответствующее образование. Обозначены формы профилактики этой личностной особенности в условиях получения курсантами высшего профессионального образования.

Ключевые слова: коммуникативная агрессивность, формы коммуникативной агрессивности, авиационные диспетчеры, профессиональное образование, человек-оператор, профессиональные деструкции, профессиональная коммуникация, профессиональный стресс

Для цитирования: Ерхова М.В. Исследование склонности к коммуникативной агрессивности у авиационных диспетчеров // Вестник университета. 2021. № 2. С. 181–186.

Marina V. Erkhova
Candidate Sci. (Ped.), Ulyanovsk Civil Aviation Institute, Ulyanovsk, Russia
ORCID: 0000-0003-1283-3088
e-mail: m.v.erhova@mail.ru

THE STUDY OF COMMUNICATIVE TENDENCY TO AGGRESSION FROM AIR TRAFFIC CONTROLLERS

Abstract. The paper presents the results of the study of various forms of communicative aggressiveness of cadets - air traffic controllers and active air traffic controllers according to the questionnaire of V. V. Boyko. The article substantiates the relevance of studying communicative aggressiveness as a professional destruction of an air traffic control specialist. The author reveals the most characteristic forms of communicative aggressiveness of air traffic controllers and the consequences of their manifestation in professional activity. The study gives a comparative analysis of the severity of the main forms of communicative aggressiveness in both groups of respondents. The paper reveals a tendency to expand the forms of communicative aggressiveness of active air traffic controllers in comparison with cadets receiving appropriate education. The article indicates the forms of prevention of this personality trait in the conditions of obtaining higher professional education by cadets.

Keywords: communicative aggressiveness, forms of communicative aggressiveness, aviation dispatchers, professional education, human operator, professional destructions, professional communication, professional stress

For citation: Erkhova M.V. (2021) The study of communicative tendency to aggression from air traffic controllers. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 181–186. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-181-186

Введение

Профессию авиационного диспетчера можно отнести сразу к двум профессиональным системам (по классификации Е. А. Климова): «Человек – Техника» и «Человек – Человек» [3]. Как оператор сложных технических систем, авиадиспетчер должен иметь инженерное мышление, способность перерабатывать большое количество различной типа информации, прогнозировать изменения состояния технических систем (прежде всего, воздушного судна) и т. п. Основной формой управления воздушным движением диспетчер осуществляет через

© Ерхова М.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Erkhova M.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

профессиональную коммуникацию с пилотами и диспетчерами, что позволяет отнести эту профессию к помогающей (система «Человек – Человек»). Профессиональное общение авиадиспетчеров имеет свои особенности: жесткую регламентацию в отношении стандартной фразеологии радиообмена, правил обмена информацией, рабочего поведения в стандартной и нестандартной ситуации, цены ошибки, эмоциональной напряженности, сопутствующей коммуникации, высокой вероятности ошибочных действий, влекущих за собой катастрофические последствия, ведение радиообмена на неродном (английском) языке [5].

В деятельности авиадиспетчера встречаются нестандартные стрессовые ситуации, требующие быстрого принятия решений в условиях дефицита времени на основе эмоционально напряженной коммуникации с пилотом, осуществляющим управление воздушным судном (далее – ВС). Подобные ситуации могут сопровождаться эмоциональной неустойчивостью с элементами агрессивности, что может повлечь за собой ошибочные действия, недопонимания, цена которых – человеческие жизни. Коммуникативную агрессивность можно отнести к важнейшим профессиональным деструкциям авиадиспетчеров. В связи с этим исследование склонности к различным формам коммуникативной агрессивности в условиях получения авиадиспетчерами профессионального образования и выраженности этих свойств у действующих авиадиспетчеров можно считать актуальной проблемой в области человеческого фактора, требующей отдельного изучения и дальнейшего предупреждения.

Слово «агрессия» (англ. aggression) происходит от латинского слова *adgradi* (где *ad* – на, *gradus* – шаг) и означает «двигаться на», «наступать». Под агрессивностью чаще понимают относительно устойчивое свойство личности, выражающееся в готовности к агрессии, а также в склонности воспринимать и интерпретировать поведение другого как враждебное [2].

Агрессивные действия могут выступать в качестве: средства достижения значимой цели, способа эмоциональной разрядки, удовлетворения актуальной потребности. Агрессия часто является одним из способов решения проблем, возникающих в сложных ситуациях. Коммуникативная агрессивность – это агрессивность личности, проявляющаяся во время актов коммуникации.

Методика исследования

Цель представленного исследования – изучение степени выраженности различных форм агрессивного поведения у курсантов 2 курса, обучающихся по направлению «Организация использования воздушного пространства» ФГБОУ ВО «Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева» (далее – УИ ГА) (87 человек) и у действующих авиадиспетчеров, получающих дополнительное образование в УИ ГА (19 человек). Исследование проводилось в феврале – марте 2020 г.

В качестве диагностического инструментария, измеряющего уровень коммуникативной агрессивности респондентов мы использовали опросник В. В. Бойко «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» [1]. Данная методика предназначена для оценки предрасположенности личности к проявлению агрессии в различных ситуациях. Данная методика интересна тем, что она измеряет 11 параметров явных и скрытых форм агрессивного поведения человека. Каждый параметр оценивается автономно от 0 до 5 баллов. Суммарное значение параметров позволяет определить индекс агрессивности человека. Методика включает в себя следующие измерительные шкалы.

1. Спонтанность агрессии – это неспровоцированная, самопроизвольная форма агрессии, обычно проявляющаяся под влиянием внутренних импульсов и не являющаяся прямой реакцией на коммуникативное воздействие.
2. Неспособность тормозить агрессию – это отсутствие контроля над агрессивными эмоциями.
3. Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты – это тенденция к разрядке агрессии на людей.
4. Анонимная (пассивная) агрессия – это подавление недовольства или гнева менее агрессивными проявлениями.
5. Провоцирование агрессии у окружающих – это сознательное или неосознанное поведение человека, направленное на инициирование агрессии у партнера.
6. Склонность к отраженной агрессии – проявление ответной агрессии.
7. Аутоагрессия – это направленность агрессии на себя.

8. Ритуализация агрессии – это искусственная демонстрация агрессии как некого ритуала для устрашения собеседника.
9. Перенятие агрессии толпы – это эмоциональное «заражение» агрессией толпы.
10. Удовольствие от агрессии – это ощущение удовлетворенности от агрессивных действий.
11. Расплата за агрессию – это осознание человеком негативных последствий своих агрессивных действий.

Анализ результатов

Рассмотрим далее результаты диагностики каждой категории респондентов, учитывая, что максимальное значение по каждой шкале составляет 5 баллов. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты диагностики авиадиспетчеров по методике В. В. Бойко

Формы агрессии	Курсанты	Действующие диспетчеры
Спонтанность агрессии	1,3	1,2
Неспособность тормозить агрессию	0,9	1,16
Неумение переключать агрессию на деятельность	3	3,5
Анонимная агрессия	0,7	0,8
Провоцирование агрессии окружающих	0,7	1,2
Склонность к отраженной агрессии	2,3	2,3
Аутоагрессия	1,9	1,5
Ритуализация агрессии	0,8	0,8
Перенятие агрессии толпы	0,7	1
Удовольствие от агрессии	0,9	0,6
Расплата за агрессию	1,7	1,8
Интегральная шкала	14,9	16

Составлено автором по материалам исследования

Анализ результатов диагностики курсантов показал, что наиболее выраженной формой агрессивного поведения для них являются неспособность переключать агрессию на неодушевленные предметы и деятельность, а также склонность к отраженной агрессии. Безусловно, данные значения не высокие с точки зрения приближения к максимальному значению, но выше, чем другие формы агрессии.

Следует отметить, что проявление данных форм агрессии (даже в незначительной форме) могут резко усилиться в ситуации профессионального стресса и повлечь за собой серию неправильных действий по управлению движением ВС из диспетчерского пункта. Неспособность управлять своими негативными эмоциями, в том числе и агрессией, может отрицательно сказаться на безопасности полета ВС.

Если рассмотреть персональные значения выраженности различных форм агрессивного поведения, то процент курсантов, имеющих один и более высоких показателей (4–5 баллов), представлен в таблице 2 и процент курсантов, имеющих высокие показатели по каждому типу агрессии, – в таблице 3.

Таблица 2

Количество респондентов, имеющих высокие показатели форм агрессивности

Количество высоких показателей агрессии	Курсанты, %	Диспетчеры, %
8	-	5
5	1	-
4	9	-
3	3	-

Окончание табл. 2

Количество высоких показателей агрессии	Курсанты, %	Диспетчеры, %
2	8	16
1	31	47

Составлено автором по материалам исследования

Таблица 3

**Количество респондентов, имеющих высокие показатели форм агрессивности
по шкалам методики В. В. Бойко**

Шкала	Курсанты, %	Диспетчеры, %
Спонтанность агрессии	10	11
Неспособность тормозить агрессию	0	0
Неумение переключать агрессию на деятельность	22	42
Анонимная агрессия	1	5
Провоцирование агрессии у окружающих	14	5
Склонность к отраженной агрессии	16	10
Аутоагрессия	12,6	16
Ритуализация агрессии	3	5
Перенятие агрессии толпы	0	0
Удовольствие от агрессии	6	5
Расплата за агрессию	6	21

Составлено автором по материалам исследования

Из таблицы видно, что курсанты обладают очень важным свойством эмоциональной саморегуляции – способности тормозить агрессию (100 % респондентов) и не использовать пассивные формы агрессивного поведения (анонимная агрессия) – 99 % курсантов. Следует сказать, что 22 % курсантов имеют высокие показатели по критерию неумения переключать агрессию на неодушевленные предметы и деятельность, и 16 % – по склонности к отраженной агрессии.

Таким образом, наиболее проблемными сферами коммуникативной агрессивности будущих авиадиспетчеров являются использование агрессивных реакций на агрессивность инициатора (отраженная агрессия) и перенос агрессивных импульсов на людей. Однако, эти значения не являются критичными, и интегральный индекс агрессивности курсантов составил 14,9 баллов, что ниже среднего по норме.

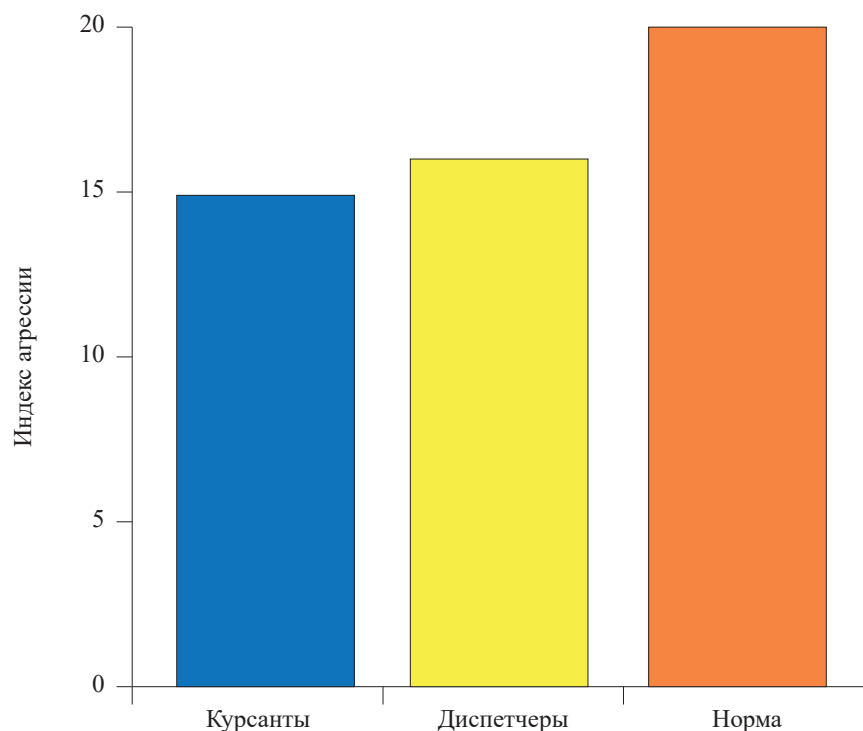
Рассмотрим далее особенности проявлений агрессии у действующих авиадиспетчеров. Из таблицы 1 видно, что наиболее выраженной формой агрессии у данной категории респондентов является неумение переключать агрессию на неодушевленные предметы и склонность к отраженной агрессии. Та же тенденция обнаружилась и у курсантов.

Рассматривая персональные значения, можно отметить, что практически половина респондентов имеет хотя бы одну ярко выраженную форму агрессивного поведения. Больше всего испытуемых (42 %) имеют высокие показатели по критерию неумения переключать агрессию на неодушевленные предметы. При этом 16 % действующих диспетчеров осознают последствия своего агрессивного поведения (табл. 3).

Сравнительный анализ выраженности форм агрессивного поведения у курсантов и действующих диспетчеров позволил выявить сходство значений не только по всем показателям опросника, но и по преобладанию некоторых показателей (форм отраженной агрессии и неумению переключать агрессию). Данная тенденция позволяет выделить возможные профессиональные риски в рабочем поведении авиадиспетчеров и разработать профилактические образовательные курсы в условиях высшего и дополнительного профессионального образования. Значимость таких курсов можно считать очень актуальной и в связи с обнаруженной тенденцией действующих диспетчеров к увеличению количества проявлений агрессии (5 % диспетчеров имеют 8

из 11 высоковыраженных форм агрессии). В качестве современных курсов, направленных на развитие конструктивного копинг-поведения, можно предложить тренинги эмоциональной саморегуляции, развития эмоционального и совладающего интеллекта, факультативы по обучению навыков деловой коммуникации, развития личностной толерантности и т. п. [4; 6].

Если рассматривать среднегрупповой индекс агрессивности у обеих групп испытуемых (рис. 1), то он ниже среднего значения (по норме опросника).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Индексы агрессии авиационных диспетчеров

Выводы

Таким образом, исследование коммуникативной агрессивности авиадиспетчеров позволило определить зоны риска в профессиональной коммуникации респондентов и предложить профилактические формы работы, снижающие развитие этого процесса. Следует отметить, что проблема профилактики коммуникативной агрессивности будущих авиационных специалистов непосредственно связана с развитием их стрессоустойчивости, психофизиологической выносливости, профилактики раннего профессионального выгорания. На наш взгляд, в качестве превентивных мер могут быть организованы дополнительные учебные занятия для курсантов, обучающихся по направлению «Эксплуатация воздушных судов и организация воздушного движения» в форме практикумов (факультативов) по деловой коммуникации, основам эмоциональной саморегуляции, по развитию конструктивных копинг-стратегий. Эффективной организационной мерой, позволяющей обеспечить профилактику раннего профессионального «выгорания» и коммуникативной агрессивности, развития стрессоустойчивости и жизнестойкости курсантов может стать введение должности психолога-консультанта, в круг обязанностей которого входило бы наряду с консультационной деятельностью – проведение тренингов (ассертивного поведения, совладающего поведения и т. п.), разработку профилактических программ в рамках обозначенных направлений, профилактику и разрешение конфликтных ситуаций. При этом очень важно, чтобы этот специалист не был задействован в профессиональном отборе курсантов для обеспечения приватности психологического сопровождения.

Библиографический список

1. Батаршев, А. В. Психодиагностика в управлении: практическое руководство. – М.: Дело, 2005. – 494 с.
2. Бэрон, Р., Ричардсон, Д. Агрессия: учебное пособие. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
3. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие. – М.: Академия, 2010. – 304 с.
4. Либина, А. В. Совладающий интеллект: практическое пособие. – М.: Юрайт, 2019. – 318 с.
5. Стрелков, Ю. К. Психологическое содержание операторского труда. – М.: Российское психологическое сообщество, 1999. – 196 с.
6. Щербинина, Ю. В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией. – М.: Неолит, 2016. – 177 с.

References

1. Batarshhev A. V. *Psychodiagnostics in management: practical guidance*, Moscow, Delo, 2005, pp. 482-485. (In Russian).
2. Baron R., Richardson D. *Aggression: tutorial*, St. Petersburg, Piter, 2001, 352 p. (In Russian).
3. Klimov E. A. *Psychology of professional self-determination: tutorial*, Moscow, Akademiya, 2010, 304 p. (In Russian).
4. Libina A. V. *Coping intelligence: practical guide*, Moscow, Yurait, 2019, 318 p. (In Russian).
5. Strelkov Yu. K. *Psychological content of operator labor*, Moscow, Rossiiskoe psikhologicheskoe soobshchestvo, 1999, 196 p. (In Russian).
6. Shcherbinina Yu. V. *Speech protection. Learning to manage aggression*, Moscow, Neolit, 2016, 177 p.